Библіотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ.

I

П. Овидій Назонъ

ПРЕВРАЩЕНІЯ

перевелъ

В. Алексѣевъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. П. Печаткина, Литейная, 36.
1885.

Библіотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ.

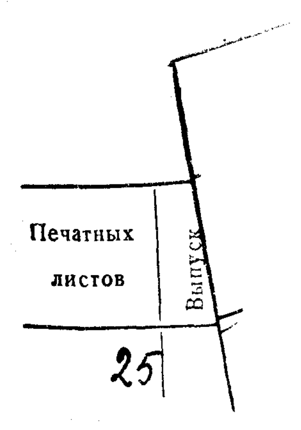
I

П. Овидій Назонъ

ПРЕВРАЩЕНІЯ

ПЕРЕВЕЛЪ

В. Алексѣевъ.

...ГЪ.
... Литейная, 36.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 марта 1885 г.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, д. № 39.

Александру Ильичу

ГУЛЯЕВУ

ВЪ ЗНАКЪ ГЛУБОЧАЙШЕЙ БЛАГОДАРНОСТИ

посвящаетъ свой трудъ

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемый трудъ составляетъ только часть предпринятаго нами изданія греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. Оно будетъ состоять изъ Геродіана, Геродота, Демосѳена, Теофраста, Эзопа, Непота, Овидія и Цицерона. Первый выпускъ, переводъ „Превращеній“ Овидія,—прозаическій, потому что для стихотворнаго требуются отъ переводчика условія, удовлетворить которымъ онъ не всегда въ состояніи.

Мы далеки отъ мысли, чтобы нашъ трудъ могъ удовлетворить строгимъ требованіямъ критики съ филологической своей стороны: хорошій переводъ древнихъ классиковъ появляется не вдругъ, — онъ долженъ быть плодомъ долгихъ, усидчивыхъ, соединенныхъ съ любовію занятій. Переводчику предстоитъ трудная работа: ему нужно передать смыслъ и оттѣнокъ каждаго выраженія, силу и значеніе каждаго слова. Ему нельзя ослабить силы генія, ему необходимо сохранить *стиль* эту, такъ сказать, душу автора, словомъ ему надо не перевести, а *переложить* его. Вотъ, по нашему мнѣнію, качества образцоваго перевода. Для подобной работы мало быть переводчикомъ, для нея нуженъ творецъ. На это завидное имя мы не имѣемъ ни малѣйшей претензіи. Появле-

ніе такого перевода у насъ тѣмъ затруднительнѣе, что въ дѣлѣ классическаго языкознанія въ Россіи сдѣлано еще очень мало, — въ русской литературѣ не существуетъ даже, за немногими жалкими исключеніями, спеціальныхъ словарей къ древнимъ классикамъ.

Въ заключеніе остается просить читателей отнестись снисходительнѣе къ нашему первому опыту, тѣмъ болѣе, что мы выступаемъ на поприще совершенно для насъ новое. «La critique est aisée, mais l'art est difficile», — «осуждать легче, чѣмъ дѣлать что-либо самому», говоритъ пословица. Мы сознаемся, что въ нашемъ трудѣ есть недостатки и промахи, замѣтные даже при самомъ бѣгломъ чтеніи его, поэтому замѣчанія безпристрастныхъ и компетентныхъ судей мы примемъ съ благодарностью, такъ какъ въ данномъ случаѣ нами не руководили никакія корыстныя или другія цѣли, а единственно желаніе принести посильную лепту дѣлу русскаго классическаго образованія.

Переводчикъ.

С.-Петербургъ
1 Октября 1881 г.

Публій Овидій Назонъ.

Nomen erit indelebile nostrum.
Ovidius.

Публій Овидій Назонъ родился въ Сульмо [1]), городѣ Лацiя, въ странѣ Пелигновъ, 20-го марта 711 года отъ основанія Рима, въ 43-мъ году до Р. Х. и происходилъ изъ древняго рода, принадлежавшаго къ сословію всадниковъ. Овидій родился въ самое смутное время для Римскаго государства, во время междоусобной войны, послѣдовавшей за смертью Цезаря, но эпоха переворотовъ не оставила на поэтѣ никакого слѣда— онъ всецѣло принадлежитъ тому «золотому» вѣку учености и поэзіи, которымъ завершилась кровавая страница Римской исторіи.

Время, въ которое жилъ Овидій, было временемъ всеобщаго разврата. Язычество было потрясено въ своихъ основахъ, во всѣ слои общества и въ высшіе [2]), и въ низшіе, даже въ жреческій классъ, какъ зараза, проникъ самый безотрадный индеферентизмъ въ дѣлахъ вѣры; нравственность пала, перепутались понятія о правахъ божескихъ и человѣческихъ, интересы

[1]) Нынѣ Сульмона, въ Абруццо, на ЮВ. отъ Рима. [2]) Самъ Августъ принадлежалъ къ школѣ эклектиковъ, отвергавшей ученіе древней религіи, но не создавшей взамѣнъ ничего новаго.

государства уступили мѣсто интересамъ отдѣльныхъ личностей; равноправность женщинъ дала волю дотолѣ сдерживаемымъ страстямъ и установила новыя отношенія между обоими полами; праздная и пустая молодежь жадно ловила новыя мнѣнія, навязываемыя ей партіей вольноотпущенниковъ [3]) и ставила безнравственность послѣднихъ выше первыхъ добродѣтелей. Не было ничего, въ чемъ могли-бы найти себѣ опору благородство и святость...

Императорскій деспотизмъ, смѣнившій республиканскую свободу, по самому строю своему не давалъ развитому и образованному Римлянину принимать участія въ дѣлахъ государства, и вотъ даровитые умы обращаются на поприще литературы; внѣшняя жизнь, государственная, была для нихъ закрыта—они обратились къ внутренней, въ область поэзіи. Овидій считается однимъ изъ лучшихъ римскихъ элегиковъ; его произведенія представляютъ намъ самую яркую картину времени, утопавшаго въ роскоши и широкимъ путемъ приближавшагося къ гибели.

Отъ рожденія не нуждавшійся въ матеріальныхъ средствахъ, Овидій былъ отправленъ, по обычаю провинціаловъ того времени, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Люціемъ въ Римъ для занятія государственнымъ правомъ и риторикой. Въ Римѣ онъ учился краснорѣчію у знаменитаго Люція Гриппа, Аврелія Фуска и М. Порція Латрона. Но уроки риторовъ не принесли пользы Публію: его призваніемъ, какъ говоритъ онъ, была поэзія [4]). Суровый отецъ узналъ о страсти сына и совѣтовалъ ему

---

[3]) Вольноотпущенники (libertini) были большею частію Греки, учителя дѣтей римской знати, люди, въ большинствѣ случаевъ, безнравственные.

[4]) Frater ad eloquium viridi tendebat ab aevo,
Fortia verbosi natus ad arma fori.
At mihi jam puero caelestia sacra placebant,
Inque suum furtim musa trahebat opus.

Trist. IV, 10, 17—20.

бросить «пустое» занятіе—такъ называлъ онъ поэзію. Но со. вѣты отца шли въ разрѣзъ съ дѣйствительностію. Вотъ что говоритъ объ Овидіи извѣстный ораторъ М. А. Сенека (отецъ учителя Нерона), встрѣтившійся съ нимъ въ Римѣ: «Memini me videre Nasonem declamare apud rhetorem Aurelium Fuscum, cujus auditor fuit: oratio ejus jam tum nihil aliud poterat vider i quam solutum carmen» [5]).

Прослушавъ курсъ наукъ въ Римѣ, семнадцатилѣтній Овидій для окончанія своего образованія отправился путешествовать. Вмѣстѣ съ поэтомъ Макромъ онъ посѣтилъ Сицилію, Аѳины,—гдѣ вѣроятно основательно изучилъ литературу древней Эллады,—остальную Грецію и Малую Азію. Нѣкоторые біографы Овидія говорятъ, будто онъ служилъ нѣсколько времени въ Малой Азіи, подъ начальствомъ Варрона, но это едва ли достовѣрно,—самъ поэтъ хвалится въ своихъ произведеніяхъ полнѣйшимъ невѣжествомъ въ военномъ дѣлѣ. Почти три года провелъ Овидій въ путешествіи и на двадцатомъ году вернулся въ Римъ. Старшаго своего брата Люція онъ не засталъ уже въ живыхъ,—тотъ умеръ во время его отсутствія.

Не смотря на свое отвращеніе къ законовѣдѣнію, Овидій сдѣлался адвокатомъ и успѣшно защищалъ не одно дѣло. Вскорѣ, по желанію отца, поэтъ поступилъ на государственную службу,—въ triumviri capitales [6]); потомъ мы видимъ его въ судейскихъ должностяхъ,—въ centumviri и decemviri stlitibus judicandis [7]). Но государственная служба не соотвѣтство-

(Братъ мой былъ предназначенъ для труднаго искусства говорить рѣчи на шумномъ форумѣ и съ раннихъ лѣтъ упражнялся въ краснорѣчіи; меня-же еще въ дѣтствѣ привлекала поэзія, и муза украдкою тянула меня на служеніе ей).

5) «*Помню я*, какъ Назонъ говорилъ рѣчь у ритора Аврелія Фуска, котораго онъ былъ слушателемъ: уже тогда она была ничто иное, какъ *неотдѣланные стихи*». 6) Лица, *имѣвшія надзоръ* за тюрьмами, *исполненіемъ* приговоровъ и смотрѣвшія за безопасностью въ городѣ. 7) Centumviri — члены коммиссіи, состоявшей сперва изъ 105 ч. по три человѣка отъ каждой изъ 35 трибъ, потомъ изъ 108; они завѣдывали дѣлами, касавшимися наслѣдствъ и опекъ; decemviri—сановники, составлявшіе законы и хранившіе книги Сивиллы.

*

вала наклонностямъ Овидія [8]), и онъ, не дослужившись до болѣе высокихъ должностей, бросилъ ее для занятій литературою; къ тому-же побуждала его и неудачная женитьба.

Вскорѣ въ жизни Овидія произошелъ переломъ. Октавіанъ, послѣ битвы при Акціумѣ [9]), принялъ титулъ императора. Новый повелитель окружилъ себя высокообразованными людьми, покровителями наукъ и искусствъ, напр. Меценатомъ, Мененіемъ Випсаніемъ Агриппою, К. Азиніемъ Полліономъ, М. Валеріемъ Мессалою Корвиномъ, и поэтами—Гораціемъ, Вергиліемъ и др. Въ эту-то среду попалъ и Овидій, еще ранѣе замѣченный Августомъ, который на смотру римскихъ всадниковъ подарилъ ему великолѣпнаго коня. Овидій такъ благоговѣлъ передъ представителями тогдашней литературы, что каждаго изъ нихъ считалъ богомъ [10]). Но поэту не удалось сойтись покороче ни съ однимъ изъ друзей Августа—Горацій слышалъ лишь первыя его стихотворенія, Вергилія Овидій видѣлъ только разъ, Галлъ, Проперцій и Тибуллъ не видали ни его славы, ни паденія. Ближе всего поэтъ сошелся со своимъ ровесникомъ Тибулломъ, но ему пришлось пережить своего друга и оплакать его въ одной изъ элегій [11]). Второй ударъ нанесла Овидію смерть его престарѣлаго отца. Семейство поэта состояло тогда изъ любимой имъ третьей жены, происходившей изъ знаменитаго рода Фабіевъ, дочери Периллы, унаслѣдовавшей отъ отца даръ поэзіи [12]), и зятя—Корнелія Фида, слабохарактернаго человѣка [13]).

Благодаря своимъ стихотвореніямъ, написаннымъ въ разсчетѣ на вкусъ большинства публики, Овидій достигъ значительной извѣстности, что не мало льстило его самолюбію. У

[8]) См. Trist. IV, 10, 35—38.

[9]) Въ 30-мъ г. до Р. X.

[10]) Quotque aderant vates, rebar adesse deos.
Trist. IV, 10, 42.

[11]) Amores. Lib. III, 9. [12]) См. Trist. III, 7, 2. [13]) Сенека разсказываетъ, будто зять Овидія заплакалъ въ Сенатѣ, оттого что какой-то Карбулонъ назвалъ его ощипанымъ страусомъ.

Овидія было прекрасное помѣстье на родинѣ, въ Сульмо, домъ въ Римѣ, вблизи Капитолія, и большіе сады между Аппіевой и Фламиніевой дорогами [14]), такъ что поэтъ, любимый знатью, не имѣвшій враговъ, извѣстный императору, могъ надѣяться спокойно провести послѣдніе годы своей жизни въ кругу семейства, но судьба судила иначе: среди разцвѣта своего дарованія онъ былъ сосланъ...

Причина изгнанія не извѣстна,—поэтъ сдержалъ свое слово [15]), и тайна умерла съ нимъ; только очень неясно намекаетъ онъ въ одной изъ своихъ элегій [16]). Разлученный съ семействомъ, Овидій долженъ былъ безъ суда и слѣдствія отправиться въ изгнаніе вдаль отъ родины и благословеннаго неба Италіи, ѣхать въ далекую, чуждую страну, на берегъ Чернаго моря, въ городъ Томы (Томида) [17]), прежнюю грече-

---

[14]) Аппіева дорога соединяла Римъ съ Капуею, Фламиніева—прорѣзала земли Вейентовъ, Капенатовъ, Фалисковъ, Умбровъ, и шла по берегу Адріатическаго моря до Аримина.

[15]) См. Trist. II, 208.

[16]) Cur aliquid vidi? cur noxia lumina feci?
Cur imprudenti cognita culpa mihi?
Trist. II, 102—104.

(Зачѣмъ мнѣ суждено было кое-что увидѣть, зачѣмъ я отравилъ свою жизнь, зачѣмъ, глупецъ, узналъ про чужой проступокъ?).

Нѣкоторые, между прочимъ и Вольтеръ, думали, что причиной изгнанія Овидія была излишняя благосклонность къ нему развратной дочери Августа—Юліи, но, если принять во вниманіе, что поэту было тогда около 50 л., а Юлія за десять лѣтъ предъ этимъ была прогнана своимъ отцемъ, то ясно станетъ видна нелѣпость подобнаго предположенія. Всего вѣроятнѣе, что причиной изгнанія были вольности, допущенныя Овидіемъ въ его стихахъ. [17]) Мѣстность этого города положительно неизвѣстна: одни считаютъ его за Томы или Томишваръ въ Болгаріи, другіе—за Кіевъ на Борисѳенѣ, третьи думаютъ, будто Овидій содержался въ одной старой, развалившейся башнѣ, находившейся на Европейскомъ берегу Чернаго моря и называвшейся башней Леандра; наконецъ нѣкоторые полагаютъ, что Овидій былъ заключенъ въ одномъ изъ городовъ Саваріи. Ученое изслѣдованіе о мѣстѣ ссылки Овидія помѣстилъ г. Вельтманъ въ Апрѣльской и Іюньской книжкахъ «Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» за 1866 г.

скую колонію въ землѣ дикихъ Гетовъ, страдавшую отъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей—Даковъ, Языговъ и др.

20-го ноября 9-го г. по Р. Х. Овидій отправился въ ссылку. Канунъ своего отъѣзда онъ описалъ въ одной изъ элегій [18]). Весь день въ домѣ поэта раздавались вопли его друзей. Жена Овидія—дочь его была съ мужемъ въ Африкѣ—рыдала, умоляя небо о милосердіи. Палъ духомъ и самъ поэтъ: онъ хотѣлъ было покончить съ собою, и только мольбы да слезы жены и друзей отклонили его отъ самоубійства. Проститься съ Овидіемъ пришелъ и знаменитый римскій врачъ Цельзій [19]); онъ прижималъ поэта къ сердцу и ободрялъ его надеждою на лучшее будущее. Овидій проклиналъ свое дарованіе и въ отчаяніи сжегъ многія изъ своихъ произведеній, въ томъ числѣ и неоконченныя «Превращенія» [20]). Рано утромъ чиновникъ, назначенный для сопутствованія осужденному поэту, сталъ торопить его отъѣздомъ. Жена Овидія хотѣла отправиться въ изгнаніе вмѣстѣ съ мужемъ, но онъ уговорилъ ее остаться въ Римѣ, надѣясь имѣть въ преданной женщинѣ ходатая предъ императоромъ. Въ послѣдній разъ обняла она растроганнаго мужа и упала безъ чувствъ. Поэтъ отправился въ путь. Гнѣвъ Августа обрушился и на произведенія Овидія: они были уничтожены во всѣхъ трехъ общественныхъ библіотекахъ Рима.

Корабль, на которомъ плылъ Овидій, долго носила буря въ Адріатическомъ морѣ. Прибывъ въ Томы, поэтъ очутился среди грубыхъ, кровожадныхъ дикарей. Не понимая ихъ языка, онъ старался не забыть роднаго и по нѣскольку разъ повторялъ его трудныя слова. Жизнь была самая безпокойная: опасаясь нападенія враговъ, Томиты ходили всегда вооруженными, съ колчанами полными ядовитыхъ стрѣлъ. Крыши городскихъ домовъ были утыканы стрѣлами непріятелей; то и дѣло крикъ стражи предостерегалъ жителей отъ нечаяннаго нападенія.

---

[18]) Trist. I, 3.

[19]) Авлъ Корнелій, прозванный римскимъ Гиппократомъ, авторъ сочиненія «de medicina». [20]) «Превращенія» Овидій докончилъ въ изгнаніи.

Климатъ былъ убійственный; даже вино замерзало отъ холода и его рѣзали ножами. Изящный римлянинъ дивился бородатымъ, длинноволосымъ Сарматамъ, пріѣзжавшимъ въ Томы въ телѣгахъ, запряженныхъ волами. Живя среди Томитовъ, Овидій научился ихъ языку, писалъ на немъ стихи и читалъ ихъ народу; онъ завелъ даже переписку съ однимъ ѳракійскимъ царькомъ, который имѣлъ слабость считать себя поэтомъ. Томиты восторгались Овидіемъ, хотѣли даже учредить въ честь его праздество и увѣнчать, какъ элегическаго поэта, плющевымъ вѣнкомъ. Разъ, когда Овидій прочелъ Сарматамъ оду въ честь Августа, одинъ изъ нихъ воскликнулъ: «цезарь долженъ-бы былъ возвратить тебя въ свое царство за одно только то, что ты написалъ о немъ!» [21]).

Поэзія была единственнымъ утѣшеніемъ изгнанника [22]). Вѣсти изъ Рима не радовали Овидія: всѣ вооружились тамъ противъ своего недавняго любимца; нашлись и такіе, которые просили императора конфисковать имущество поэта. Самъ-же Августъ хотѣлъ простить поэта, но смерть помѣшала ему исполнить его намѣреніе [23]). Узнавъ о смерти своего прежняго

---

[21]) Ex Ponto, IV, 13, 37—38.

[22]) Ergo quod vivo, durisque laboribus obsto,—
Nec me sollicitae taedia lucis habent,
Gratia, Musa, tibi: nam tu solacia praebes,—
Tu curae requies, tu medicina venis.
Tu dux et comes es. Tu nos abducis ab Histro,
In medioque mihi das Helicone locum.
Tu mihi, quod rarum est, vivo sublime dedisti
Nomen, ab exequiis quod dare fama solet.
Trist. IV, 10, 115—122.

(Благодарю тебя, муза, за то, что я живъ и борюсь съ тяжелымъ горемъ, за то, что не овладѣваетъ мною уныніе отъ безпокойно проведеннаго дня. Ты успокоиваешь отъ заботъ; какъ лекарство, помогаешь ты мнѣ, ты мой вождь и спутникъ! Ты уводишь меня отъ Дуная и даешь мѣсто на Геликонѣ; ты дала мнѣ славное имя живому,—что случается рѣдко—имя, которое слава даетъ обыкновенно послѣ похоронъ).

[23]) Въ 14-мъ году по Р. Х. Августъ умеръ въ Нолѣ.

покровителя, Овидій посвятилъ ему храмъ и, какъ-бы жрецъ, воскурялъ ѳиміамъ въ честь обоготвореннаго императора. На престолъ вступилъ Тиверій. Отъ новаго императора Овидію нечего было ждать пощады: Тиверій ненавидѣлъ его, какъ приверженца Агриппы [24]), имѣвшаго права на престолъ. Климатъ и тоска по родинѣ окончательно сломили и безъ того слабое здоровье Овидія: онъ умеръ, по всей вѣроятности, въ Томахъ, на 60-мъ году своей жизни, въ 17-мъ году по Р. Х. послѣ 8-ми лѣтняго изгнанія. Въ одномъ изъ посланій своихъ къ женѣ поэтъ просилъ перенести прахъ его въ Римъ, а на могилѣ написать:

Hic ego, qui jaceo, tenerorum lusor amorum,
    Ingenio perii, Naso poëta, meo.
At tibi, qui transis, ne sit grave-quisquam amasti—
    Dicere: Nasonis molliter ossa cubent [25]).

Trist. III, 3, 73—76.

Исполнено-ли это желаніе, неизвѣстно; неизвѣстно даже положительно, гдѣ погребенъ Овидій [26]). Въ 1508 г. найдена его гробница въ Австріи, въ томъ-же году въ Венгріи. Наконецъ въ XVIII-мъ столѣтіи, около Кіева найденъ камень со слѣдующею надписью:

Hic situs est vates, quem divi Caesaris ira
    Augusti Latia cedere jussit humo.
Saepe miser voluit patriis occumbere terris,
    Sed frustra: hunc illi fata dedere locum [27]).

---

[24]) Агриппа Постумъ былъ внукъ Августа отъ дочери его Юліи.

[25]) Здѣсь лежу я, поэтъ Назонъ, пѣвецъ нѣжной любви, погибшій изъ-за своего дарованія. Прохожій, не полѣнись сказать,—вѣдь какую-нибудь женщину любилъ и ты—да почіютъ въ мирѣ кости Назона!

[26]) На мѣстѣ предполагаемыхъ Томъ императрицею Екатериною Великою основанъ городъ и названъ въ честь Овидія Овидіополемъ.

[27]) Здѣсь погребенъ поэтъ, на котораго разгнѣвался божественный Цезарь Августъ и изгналъ его изъ Италіи. Страстно хотѣлъ онъ, несчастный, лечь въ родную землю, но напрасно: покоиться на этомъ мѣстѣ суждено ему судьбою.

Нѣкоторые думаютъ, что Овидій погребенъ въ Венгріи, другіе—что онъ умеръ на пути въ Римъ, прощенный императоромъ; но мѣсто, гдѣ найдена послѣдняя надпись, заставляетъ предполагать, что поэтъ сосланъ былъ еще дальше, въ глубь Скиѳіи.

Такъ кончилъ свою жизнь «пѣвецъ любви», но въ произведеніяхъ своихъ онъ живетъ и до нынѣ.

По языку, Овидій—лучшій изъ римскихъ поэтовъ. Его произведенія превосходятъ произведенія современныхъ ему поэтовъ и въ художественномъ совершенствѣ, и въ возвышенности, и изяществѣ. Только мѣстами впадаетъ поэтъ въ напыщенность, но онъ тонкій знатокъ человѣческаго сердца и прекрасно подмѣчаетъ и изображаетъ малѣйшую своеобразную черту человѣческой страсти. Склонность Овидія къ веселому пользованію жизнью—чему не мало способствовало и его значительное состояніе—была главною причиною того, что онъ не могъ посвящать много времени на отдѣлку своихъ стиховъ, которые, не смотря на это, читались съ жадностью, какъ самыми строгими и нравственными критиками, такъ и людьми безнравственными, потому что чувственность находила въ произведеніяхъ Овидія богатую пищу. Извѣстности поэта много способствовала также его печальная участь.

Писать Овидій началъ рано [28]). Его литературная дѣятельность распадается на три періода.

Въ молодости творчество поэта имѣло исключительно эротическій характеръ. Тогда имъ написаны: 1) «Любовныя похожденія» (Amores) людей и боговъ—произведеніе посвященное какой-то Кориннѣ, по всей вѣроятности, дамѣ сердца Овидія; оно бойко и смѣло написано и исполнено духомъ антич-

---

[28]) Carmina quum primum populo juvenilia legi,
Barba resecta mihi bisve semelve fuit.

Trist. IV, 10, 57—58.

(Когда я выпустилъ въ свѣтъ свои произведенія, то успѣлъ два-три раза выбрить себѣ бороду).

наго наслажденія жизнью; 2) «Героиды» (Heroides), 21 мнимое письмо влюбленныхъ мущинъ и женщинъ героическаго періода. Въ этомъ произведеніи много краснорѣчія, но мало истинной поэзіи; 3) «Искусство любить» (Ars amatoria)—одно изъ лучшихъ произведеній Овидія. Живымъ и нѣжащимъ языкомъ оно, подобно «Amores», проповѣдуетъ наслажденіе жизнью; 4) «Лекарство отъ любви» (Remedium amoris)—родъ противоядія предъидущему сочиненію, и 5) «Объ уходѣ за лицемъ» (De medicamine faciei), произведеніе имѣющее мало достоинства.

Серьезныя произведенія поэта начинаютъ знаменитыя «Превращенія» (Metamorphoses), одно изъ лучшихъ твореній всѣхъ временъ и народовъ. Въ этомъ сочиненіи, написанномъ гекзаметромъ, Овидій старается придать миѳологіи поэтическій характеръ. «Превращенія» полны прелестныхъ и по содержанію, и по языку разсказовъ; въ нихъ ярко рисуется весь древній міръ и дарованіе поэта. Рисуетъ-ли онъ картину вѣрной любви, какъ въ «Пирамѣ и Тизбѣ»,—Ромео и Юліи Шекспира—передаетъ-ли волненія страсти, какъ въ «Медеѣ», изображаетъ-ли жизнь бѣдняковъ, какъ въ прекрасной идилліи «Филемонъ и Бавкида», разъяренную-ли природу, какъ въ «Кеикѣ и Алкіонѣ»,—вездѣ онъ остается вѣренъ дѣйствительности. Только рука истиннаго художника могла нарисовать намъ такія дышащія прелестью картины! «Превращенія»—своего рода «Божественная Комедія» древности.

Большое сходство съ «Превращеніями»—представляетъ другое большое произведеніе Овидія—«Фасты» (Fasti). Въ нихъ очень удачно объяснены въ элегической формѣ замѣчательнѣйшіе дни и празднества римскаго мѣсяцеслова въ связи съ разсказами изъ миѳологіи и древней исторіи Италіи. Но Овидій не успѣлъ окончить своего труда: шесть его книгъ обнимаютъ время празднествъ только шести мѣсяцевъ. «Фасты» отличаются простотою изложенія, но особыхъ достоинствъ въ нихъ нѣтъ; за-то онѣ представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для ознакомленія съ древними римскими вѣрованіями и

культомъ. Произведеніе это посвящено Германику, въ которомъ Овидій надѣялся найти себѣ заступника предъ императоромъ.

Изъ ссылки поэтъ писалъ однѣ элегіи. Свое печальное настроеніе выразилъ онъ въ «Печальныхъ Пѣсняхъ» (Tristia) и въ «Письмахъ съ Понта» (Epistolae ex Ponto). Въ этихъ произведеніяхъ, полныхъ трогательныхъ и возвышенныхъ стиховъ, вылилась поэтическая душа Овидія. Кромѣ того отъ него остались мелкія сочиненія—«Ibis», гдѣ онъ проклинаетъ какую-то оскорбившую его личность, и не вполнѣ сохранившееся стихотвореніе «Halieutica» [29]).

Овидій одинъ изъ плодовитѣйшихъ римскихъ поэтовъ. Онъ говоритъ:

Multa quidem scripsi, sed quae vitiosa putavi,
Emendaturis ignibus ipse dedi [30]).

Trist. IV, 10, 62—3.

Но, къ сожалѣнію, много и утеряно изъ его произведеній, напр. трагедія «Medea», «Consolatio ad Liviam Augustam», элегія «Nux».

Всѣ сочиненія Овидія носятъ на себѣ отпечатокъ его безпокойной, исполненной невзгодъ, жизни.

Въ русской литературѣ есть много переводовъ «Превращеній»: *Г. Козицкаго* 1772 г., *Рембовскаго* 1794 г., *Н. Осипова* 1803 г., *И. Мартынова* 1823 г., *А. Клеванова* 1875 г., *Мартынова* 1878 г., *М. Щ.* и *Ѳ. Матвѣева* 1874—76 г. Кромѣ того отрывки изъ «Превращеній» переводилъ Жуковскій и въ недавнее время Фетъ.

---

[29]) Стихотворенія «De Philomela» и «de pulice» неосновательно приписываются Овидію.

[30]) Я писалъ, правда, много, но, что мнѣ не нравилось, то давалъ исправить огню.

«ПРЕВРАЩЕНІЯ».

КНИГА ПЕРВАЯ.

Сотвореніе міра и человѣка.—Четыре вѣка.—Гиганты.—Ликаонъ.—Потопъ.—Девкаліонъ и Пирра.—Дафна.—Іо.—Сиринга.

Настроеніе души побуждаетъ меня разсказывать о томъ, какъ прежнія формы измѣнились въ новыя тѣла. Вы, боги, со своей стороны, отнеситесь благосклонно къ моему намѣренію—вѣдь вы же произвели перемѣну—и доведите мое непрерывающееся стихотвореніе отъ начала міра до моихъ временъ.

Раньше море, земля и небо, которое все покрываетъ, составляли одинъ видъ природы во всей вселенной; его назвали Хаосомъ. Это была грубая и безпорядочная громада, ничто иное, какъ недвижная тяжесть, собранныя въ одно мѣсто разнородныя начала дурно соединенныхъ матерій. Титанъ не свѣтилъ еще міру; Феба, увеличиваясь, еще не нарождала новыхъ роговъ, земля, удерживаемая въ равновѣсіи своею тяжестью, не висѣла еще въ разлившемся кругомъ ея воздухѣ; Амфитрита не протягивала еще рукъ къ длинной границѣ земли,—но тамъ, гдѣ была земля, было и море, и воздухъ,—такъ была не тверда суша, по водѣ нельзя было плавать, воздухъ нуждался въ свѣтѣ. Ничто не оставалось въ своемъ видѣ, а одно мѣшало другому, потому что въ одномъ тѣлѣ холодъ боролся съ тепломъ, сырость съ сухостью, нѣжное съ грубымъ, не имѣющее вѣса съ тѣмъ, которое его имѣло.

Божество — вѣрнѣе природа — прекратило эту борьбу тѣмъ, что отдѣлило землю отъ неба, воду—отъ земли, свѣтлое небо—отъ густаго воздуха. Послѣ того какъ природа разъединила ихъ и исторгла изъ неясной груды, то, разъединенныхъ мѣстами, соединила единодушнымъ спокойствіемъ. Сверкнулъ огонь съ выпуклаго, не имѣвшаго вѣса, неба и нашелъ себѣ мѣсто на высокой тверди. Воздухъ ближе всѣхъ къ нему и по легкости, и по мѣсту; плотнѣе ихъ земля. Она-то, увлекши грузныя начала, была подавлена своею тяжестью. Влага, собравшаяся со всѣхъ сторонъ, занявъ крайнія точки, сдержала твердую землю. Когда кто-то изъ боговъ—кто-бы онъ ни былъ—разсѣкъ расположенную такимъ образомъ массу и разсѣченную собралъ по частямъ, то сначала округлилъ онъ землю на подобіе большаго шара, чтобы *она была совершенно* ровною. Тогда приказалъ Богъ разливаться морямъ, волноваться отъ сильныхъ вѣтровъ и опоясывать берега округленной земли; сотворилъ онъ и источники, неизмѣримыя болота и озера. Извилистыми берегами опоясалъ Богъ отлогія рѣки; по разнымъ мѣстамъ текутъ онѣ и частью поглощаются самою землею, частью достигаютъ моря и, вливаясь, вмѣсто болѣе свободныхъ береговъ, въ водяную равнину, бьютъ въ утесы. Приказалъ Богъ протянуться полямъ, осѣсть долинамъ, лѣсамъ одѣться листвою, подняться вверхъ утесистымъ горамъ. Небо разсѣкаютъ поясы; ихъ два съ правой стороны, столько же съ лѣвой. Самый жаркій изъ нихъ пятый. Провидѣніе Божіе намѣтило тѣмъ-же самымъ числомъ и приведенную въ порядокъ громаду: столько-же поясовъ тѣснятся и на землѣ. Средній изъ нихъ необитаемъ изъ-за зноя; два покрываетъ глубокій снѣгъ. Между тѣми и другими Богъ помѣстилъ столько же и сдѣлалъ ихъ умѣренными тѣмъ, что холодъ перемѣшалъ съ пламенемъ. Близокъ къ поясамъ воздухъ. Послѣдній на-столько тяжелѣе огня, на сколько вѣсъ воды легче вѣса земли. Въ одномъ мѣстѣ велѣлъ Богъ стлаться туманамъ, въ другомъ — облакамъ; тамъ быть производяще-

му впечатлѣніе на человѣческійумъ грому съ молніею, тамъ — приносящимъ холодъ вѣтрамъ. Не вездѣ позволилъ имъ Творецъ міра владѣть такъ воздухомъ. Теперь съ трудомъ удерживаютъ ихъ, чтобы не разрушили они міра, въ то время, когда каждый (изъ нихъ) управляетъ своимъ вѣяніемъ: такъ великъ раздоръ между братьями. Эвръ удалился къ Аврорѣ и Наватейскому царству, къ Персіи и горнымъ вершинамъ, озареннымъ утренними лучами. Вечеръ и берега, дѣлающіеся теплыми отъ захода солнца, ближе всѣхъ къ Зефиру. Суровый Борей дуетъ въ Скиѳіи и на Сѣверѣ. Отъ Австра, постояннаго дождя и тучъ, стала влажною противолежащая ему земля. Надъ землею Богъ помѣстилъ чистое, безвѣсное, не имѣющее земной грязи, небо. Едва разграничилъ Онъ такимъ образомъ все опредѣленными чертами, какъ звѣзды, которыя были долго невидимы, будучи сдавлены подъ тою громадою, начали вспыхивать по всему небу. Лица боговъ, небесныя свѣтила, занимаютъ сводъ небесный. Чтобы ни одно царство природы не было лишено присущихъ ему животныхъ, разступились воды, назначенныя для жилища блестящимъ рыбамъ, землю населили звѣри, легко движимый воздухъ—птицы. Не было еще созданія чище этихъ животныхъ, обладавшаго болѣе высокимъ умомъ. Родился человѣкъ. Создалъ-ли его Творецъ свѣта, начало лучшаго міра, изъ божественнаго сѣмени, или-же молодая земля, отдѣленная отъ высокаго эфира, сохранила въ себѣ зачатки родственнаго ей неба. Сынъ Япета смѣшалъ землю съ рѣчною водой и слѣпилъ изъ нея изображенія боговъ, всѣмъ управляющихъ. Въ то время, какъ остальныя животныя смотрятъ въ землю нагнувшись, Богъ далъ человѣку вверхъ-поднятую голову, велѣлъ взирать на небо и къ звѣздамъ поднимать свое прямое лицо. Такимъ образомъ земля, которая была недавно грубою и безобразною, измѣнилась и было населена неизвѣстными до той поры людьми.

Первый вѣкъ былъ золотой. Онъ безъ всякаго принужденія, добровольно, не имѣя законовъ, жилъ честно и добродѣ-

тельно. Не существовало наказанія и страха предъ нимъ; не читали грозныхъ законовъ на твердой мѣдной доскѣ, не страшилась умоляющая толпа лица своего судьи, и безъ защитника всѣ были въ безопасности. Сосна, срубленная на родныхъ горахъ (95), не опускалась еще въ свѣтлыя воды, чтобы посѣтить чужую землю: люди не знали никакихъ другихъ земель, кромѣ своей. Крутые рвы не окружали еще городовъ, не было ни прямыхъ трубъ, ни роговъ изъ изогнутой мѣди, ни шлемовъ, ни мечей—люди безпечно проводили пріятный (100) досугъ, не зная военныхъ упражненій. Сама земля необработанная, нетронутая мотыками и невспаханная плугомъ все приносила сама по себѣ. Довольствуясь пищею, выраставшею безо всякаго ухода, люди собирали плоды земляники, горныя ягоды, тернъ (105), тутовыя ягоды, висящія на колючихъ кустахъ, и желуди, спадавшіе съ развѣсистаго дерева Юпитера. Была вѣчная весна. Тихіе вѣтерки колыхали своими прохладными дуновеніями цвѣты, выросшіе безъ сѣмянъ. Даже невоздѣланная земля приносила вскорѣ плоды, также какъ и не (110) вспаханное поле желтѣло отъ зрѣлыхъ колосьевъ. Текли рѣки то изъ молока, то изъ нектара. Желтые меда сочились изъ зеленаго ясня.

Когда Сатурнъ былъ низверженъ въ мрачный Тартаръ, міромъ сталъ править Юпитеръ. Начался серебряный вѣкъ, хуже золотаго (115), но лучше вѣка желтой мѣди. Юпитеръ ограничилъ продолжительность прежней весны; зимою же, лѣтомъ, перемѣнчивою осенью и короткою весною раздѣлилъ годъ на четыре части. Тогда въ первый разъ накалился (120) воздухъ, согрѣтый удушливыми жарами и повисла льдина, застывшая отъ вѣтра; тогда впервые люди вошли въ жилища, которыми служили для нихъ пещеры, густые кустарники и шалаши изъ связанныхъ корою прутьевъ. Тогда въ первый разъ были завалены длинными бороздами хлѣбныя зерна, и замычали молодые быки, сдавленные ярмомъ.

Третій (125) послѣ этого наступилъ мѣдный вѣкъ, болѣе жестокій по нравамъ, сильнѣе любившій ужасныя войны, однако

не преступный; послѣдній былъ изъ твердаго желѣза. Все нечестіе тотчасъ вторгнулось въ вѣкъ худой руды. Исчезли стыдъ, правда и вѣра; ихъ мѣсто (130) заступили обманъ, коварство, козни и преступное любостяжаніе. Паруса отдавали на произволъ вѣтрамъ, а послѣднихъ морякъ хорошо еще не зналъ. Корабли, долго стоявшіе на высокихъ горахъ, прыгнули въ незнакомыя имъ воды. Тщательно сталъ землемѣръ раздѣлять участки земли длинною межею, землю, прежде общую (135), подобно солнечному свѣту и воздуху. Не говоря о томъ, что люди стали требовать отъ земли богатой жатвы и должныхъ питаній, они проникли въ ея нѣдра; вырываются (140) сокровища, причина зла, которыя земля скрыла и приблизила къ тѣнямъ Стикса. Ужъ появилось вредящее желѣзо и золото, болѣе вредное, чѣмъ желѣзо. Явилась война, которая ведется съ помощью того и другаго и окровавленною рукою трясетъ гремящее оружіе. Живутъ грабежомъ: не безопасенъ хозяинъ отъ гостя, ни (145) тесть отъ зятя; рѣдка любовь даже между братьями!... Мужъ грозитъ смертью женѣ, послѣдняя—мужу. Злыя мачехи примѣшиваютъ въ питье желтоватый аконитъ. Сынъ раньше времени умышляетъ противъ отцовской жизни. Побѣжденнымъ лежитъ благочестіе, и дѣва Астрея послѣднею (150) изъ боговъ оставила обагренную кровью землю.

Разсказываютъ, будто Гиганты пытались завладѣть небомъ и, собравъ горы въ одно мѣсто, нагромоздили ихъ до высокихъ звѣздъ. Тогда всемогущій Отецъ, бросивъ молнію (155), потрясъ Олимпъ и сбросилъ Пеліонъ съ находившейся подъ нимъ Оссы. Когда трупы гигантовъ лежали, задавленные своею работой, то, говорятъ, будто земля, слишкомъ обагренная кровью сыновей, сдѣлалась влажною и одушевила теплую кровь. А чтобы оставалось воспоминаніе о ея дѣтяхъ, она превратила ее въ человѣческій образъ (160). Но и это племя презирало боговъ, было очень кровожадно и дерзко: можно было узнать, что они родились изъ крови.

Лишь только увидѣлъ это съ высокаго своего жилища сынъ

Сатурна, какъ вздохнулъ, воспылалъ въ сердцѣ сильнымъ гнѣвомъ, достойнымъ Юпитера, и, припоминая о неизвѣстныхъ еще изъ-за недавности преступленія ужасныхъ (165) кушаньяхъ со стола Ликаона, созвалъ совѣтъ. Ничто не задержало приглашенныхъ. Есть высокій путь, замѣтный на ясномъ небѣ, «млечнымъ» называется онъ и замѣтенъ по самой своей бѣлизнѣ. Это-то путь для боговъ къ чертогамъ, царственному жилищу могучаго Громовержца (170). Съ-права и съ-лѣва находятся съ открытыми дверьми жилища главныхъ боговъ; низшіе боги живутъ въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь, съ лицевой стороны, могучіе и славные небожители помѣстили своихъ пенатовъ. Таково это (175) мѣсто; я не побоялся-бы назвать его Палаціемъ обширнаго неба, если бы не придалъ своимъ словамъ смѣлаго выраженія. И такъ, когда боги усѣлись въ мраморномъ чертогѣ, то самъ Юпитеръ, опершись на слоновой скипетръ, три или четыре раза потрясъ съ мѣста своею страшною головою; ею привелъ онъ въ движеніе землю, море и звѣзды (180). Потомъ въ негодованіи слѣдующимъ образомъ началъ говорить Юпитеръ: «никогда не боялся я такъ, какъ теперь, даже въ то время, когда каждый изъ зміеногихъ Гигантовъ намѣревался наложить сотню рукъ, чтобы овладѣть небомъ, потому что (185), хоть и страшенъ былъ врагъ, однако ту борьбу вело одно племя и одна партія,—теперь-же мнѣ должно истребить весь человѣческій родъ, гдѣ только шумитъ море, омывающее всю землю. Все (190) было испытано заранѣе—клянусь въ томъ адскими рѣками, протекающими подъ землею въ стигійской рощѣ; но неизлечимую рану нужно вырѣзывать мечемъ, чтобы не заразилась отъ нея и здоровая часть тѣла. Есть у меня полубоги, есть деревенскія божества—нимфы, фавны, сатиры и живущіе въ горахъ сильваны. Такъ какъ ихъ мы еще удостоили чести обитать на небѣ, то позволимъ имъ жить, по крайней мѣрѣ, хоть на землѣ, которую (195) мы имъ уступили. Но боги, подумали-ли вы, достаточно-ли невредимы будутъ они, когда мнѣ, владѣющему молніею и управляющему вами, устроилъ козни

извѣстный жестокостью Ликаонъ?» Всѣ заропта.ли, съ пламеннымъ рвеніемъ, требуя наказанія отважившагося на подобный поступокъ. Подобнымъ-же образомъ содрогнулся родъ человѣческій, пораженный ужасомъ неожиданной смерти, когда свирѣпствовала гнусная шайка для того, чтобы кровью Цезаря уничтожить славу Римлянъ. Августъ! Тебѣ не менѣе была пріятна въ то время преданность твоихъ друзей, чѣмъ боговъ—Юпитеру. Послѣ того какъ послѣдній словомъ и мановеніемъ своей руки унялъ ропотъ, всѣ замолчали. Когда прекратился шумъ, затихнувъ по повелѣнію правителя, Юпитеръ во второй разъ прервалъ молчаніе слѣдующею рѣчью: «не заботьтесь объ этомъ: тотъ человѣкъ, конечно, наказанъ; но я разскажу, въ чемъ состояло его преступленіе и наказаніе. Дурныя вѣсти услышалъ я о мірѣ. Желая, чтобы онѣ оказались ложными, я сошелъ съ вершины Олимпа и, будучи богомъ, пошелъ странствовать по землѣ въ человѣческомъ образѣ. Долго было-бы пересчитывать, сколько преступленій открылъ я тамъ; все-же дурная молва была сама по себѣ не такъ велика. Прошелъ я Менала, опасныя изъ-за логовищъ дикихъ звѣрей, Киллену и сосновые лѣса холоднаго Ликея. Потомъ пришелъ я въ столицу Аркадіи, во дворецъ ея царя, когда за поздними сумерками наступила и ночь. Далъ я знаменіе, что пришелъ богъ. Народъ началъ молиться. Ликаонъ сперва сталъ смѣяться надъ благочестивыми молитвами, а потомъ сказалъ: «я испытаю, богъ-ли это, или человѣкъ и открою различіе между ними; тогда нельзя будетъ сомнѣваться въ дѣйствительности». И Ликаонъ замыслилъ умертвить меня неожиданно ночью, во время сна—такимъ способомъ рѣшилъ онъ испытать истину. Не довольствуясь этимъ, царь перерѣзалъ мечемъ горло одному заложнику, присланному отъ племени Молоссовъ, и притомъ трепетавшіе члены его тѣла частью сварилъ въ кипяткѣ, частью изжарилъ, разведя огонь. Лишь только Ликаонъ поставилъ ихъ на столъ, какъ я обрушилъ своею карающею молніею жилище на хозяи-

па и достойныхъ его пенатовъ. Объятый ужасомъ самъ Ликаонъ убѣжалъ и достигнулъ безмолвной деревни, по-напрасну пытаясь выговорить слова. Ротъ его самъ собою пріобрѣтаетъ кровожадность и съ алчностью обращается (235) обыкновенно на убійство скота; теперь даже радъ Ликаонъ крови. Въ косматую шерсть превращаются его одежда, руки—въ ноги. Ликаонъ дѣлается волкомъ, но сохраняетъ признаки прежней наружности: та же сѣдина, та же наглость выражается въ его лицѣ, сверкаютъ тѣ же глаза, тотъ же свирѣпый видъ сохраняетъ онъ.

Разрушено одно только жилище (240), но не одно жилище достойно было разрушенія: всюду на землѣ господствуетъ суровая Эриннія. Подумаешь, что люди поклялись совершать преступленія. Пусть же скорѣе понесутъ они кару, они заслужили вытерпѣть ее! Итакъ, рѣшено». Одни боги крикомъ одобряютъ рѣчь Юпитера и подстрекаютъ (245) своего разгнѣваннаго повелителя, другіе выражаютъ согласіе съ его словами. Но для всѣхъ истребленіе рода человѣческаго служитъ причиною скорби, и боги спрашиваютъ, какой видъ будетъ имѣть обезлюденная земля, кто будетъ воскурять на жертвенникахъ ѳиміамъ богамъ, хочетъ ли Юпитеръ отдать землю на опустошеніе дикимъ звѣрямъ? Таковы (250) были вопросы боговъ, и властитель надъ ними успокоилъ небожителей—такъ какъ ему, говорилъ онъ, слѣдуетъ заботиться объ остальномъ—и обѣщалъ собранію сотворить чудеснымъ образомъ народъ, непохожій на прежній.

Уже Юпитеръ намѣревался разметать молніи по всей землѣ, но испугался, чтобы священное и обширное небо случайно не загорѣлось (255) отъ такого пламени и не воспламенилось на осяхъ. Юпитеръ даже припомнилъ, что въ прорицаніяхъ сказано: «будетъ время, когда море, земля и небесное царство запылаютъ, объятыя пламенемъ, и, требовавшая большихъ трудовъ, громада міра погибнетъ». Въ сторону отложилъ онъ молніи, сдѣланныя руками Киклоповъ и назначилъ наказаніе

(260) другаго рода—водою рѣшилъ Юпитеръ истребить родъ человѣческій, пославъ дожди со всего неба. Немедленно заперъ онъ въ пещеру Эола Аквилонъ и другіе вѣтры, прогоняющіе густыя тучи, а выпустилъ Нота. Со страшнымъ (265), покрытымъ густымъ туманомъ, лицомъ вылетаетъ влажнокрылый Нотъ. Борода его отяжелѣла отъ дождя, съ сѣдыхъ волосъ течетъ вода. На лбу бога садятся туманы, съ его крыльевъ и груди струится вода. Лишь только сжалъ Нотъ могучею своею дланью нависшія тучи, какъ загремѣлъ громъ. Частые дожди полились съ неба. Ирида, вѣстница (270) Юноны, облеченная въ пестраго цвѣта одежду, вбираетъ воду и тѣмъ даетъ тучамъ пищу. Стелется жатва, и погибшимъ лежитъ предметъ желанія для земледѣльца, понапрасну пропадаютъ труды длиннаго года. Гнѣвъ Юпитера не ограничивается принадлежащимъ ему небомъ: ему помогаетъ, принося помощь своими водами, его лазуревый (275) братъ. Послѣдній созываетъ рѣчныхъ боговъ. Послѣ того, какъ они вошли въ жилище своего повелителя, послѣдній сказалъ: «нѣтъ у меня теперь времени долго разговаривать съ вами, развернитесь своими силами, расширьте берега рѣкъ, прорвите плотины, дайте свободу подвластнымъ вамъ водамъ (280): такъ нужно!» приказывалъ Нептунъ. И боги пошли назадъ, и расширили берега рѣкъ, а послѣднія стремительнымъ потокомъ стали изливаться въ море. Самъ Нептунъ своимъ трезубцемъ ударилъ по землѣ. Затряслась земля и, растрескавшись, проложила дорогу скрывавшимся въ ней водамъ. Разлившіяся (285) рѣки стремятся чрезъ открытыя поля, унося вмѣстѣ съ посѣвомъ деревья, скотъ, людей, жилища и храмы съ ихъ священными изображеніями. Если и уцѣлѣлъ, не обрушившись, какой-либо домъ, если могъ онъ сопротивляться такому бѣдствію, то несмотря на то, его крышу покрывала вода (290), подъ водою же рушились и скрывались даже высокія башни.

Уже море и земля не имѣли никакого различія: все было моремъ; у моря даже не было береговъ. Кто изъ людей спа-

дѣлъ на холмѣ, кто оставался въ изогнутомъ челнокѣ, гребъ веслами тамъ, гдѣ недавно пахалъ; одинъ (295) ѣздилъ надъ посѣвомъ или крышею затонувшей дачи, другой ловилъ рыбу на верхушкѣ вяза. Случалось, что якоря впивались въ зеленый лугъ, надъ затопленными виноградниками плавали изогнутыя лодки. Некрасивые тюлени лежатъ теперь (300) тамъ, гдѣ недавно щипали траву стройныя козочки. Съ удивленіемъ смотрятъ Нереиды на подводныя рощи, дома и города. Въ лѣсахъ живутъ дельфины; трясутъ они дубы, натыкаясь на ихъ длинныя вѣтви. Волкъ плыветъ среди овецъ; вода уноситъ желтыхъ львовъ, уноситъ вода (305) тигровъ. Не приноситъ пользы вепрю его молніеносная сила, уносимому водою оленю—быстрыя ноги. Блуждаетъ птица; долго ищетъ она земли, гдѣ ей можно было-бы отдохнуть, и съ обезсиленными крыльями падаетъ въ море. Ужасна ярость моря: оно покрыло холмы, и огромныя волны начинаютъ бить (310) въ горныя вершины. Почти всѣ люди унесены были водою, а кого и пощадила она, погибли отъ продолжительнаго голода.

Фокида отдѣляетъ Эонійцевъ отъ земли этейской, плодородная земля, пока была она землею, а въ то время часть (315) моря и обширная равнина внезапно нахлынувшей воды. Въ томъ мѣстѣ возвышается до звѣздъ двумя своими вершинами крутая гора, по имени Парнассъ; выше облаковъ ея вершины. Когда здѣсь присталъ—все остальное покрывало море—Девкаліонъ, пріѣхавшій съ супругою на маленькомъ суднѣ, то поклонились они корикійскимъ (320) нимфамъ, горнымъ божествамъ и вѣщей Ѳемидѣ, которая владѣла тогда оракуломъ. Не было ни одного мужчины лучше и правдивѣе Девкаліона, женщины—богобоязненнѣе его жены. Когда Юпитеръ увидѣлъ что земля покрыта вязкими болотами и (325) что изъ столькихъ недавнихъ тысячъ мужчинъ уцѣлѣлъ одинъ, а изъ столькихъ недавнихъ тысячъ женщинъ уцѣлѣла одна, оба непорочные, то разогналъ онъ облака и, разсѣявъ Аквилономъ дождевыя тучи, показалъ небу землю, а землѣ—небо. Стихла (330) ярость

моря. Отложивъ въ сторону свой трезубецъ, властитель моря успокоиваетъ его воды. Зоветъ онъ лазуреваго, покрытаго по плечамъ приросшими улитками и выдающагося надъ морскою поверхностью, Тритона. Ему Нептунъ приказываетъ дуть въ раковину и по данному знаку уже (335) вновь возстановлять теченія рѣкъ. Тритонъ беретъ пустую, изогнутую раковину, увеличивающуюся въ ширину отъ нижняго колѣна. Когда на срединѣ моря, раковина вберетъ въ себя воздухъ, то оглашаетъ своимъ звукомъ берега восточный и западный. Тоже случилось и тогда, когда коснулась (340) она божескаго рта, влажнаго отъ мокрой бороды, и, наполнившись воздухомъ, затрубила назначенное отступленіе, то была услышана всѣми водами суши и моря и смирила всѣ тѣ, которыя услышали ее. Убываютъ рѣки; видно, что поднимаются горы. У моря ужъ есть берега. По прежнему потекли въ своемъ руслѣ полноводныя рѣки. Земля поднимается (345); съ убылью воды увеличивается и суша. Послѣ долгаго времени лѣса выставляютъ свои голыя верхушки, сохраняя тину, покрывшую вѣтви. Вселенная была приведена въ прежній видъ. Послѣ того, какъ увидѣлъ Девкаліонъ (350), что пустынна необитаемая земля, что она хранитъ глубокое молчаніе, то съ навернувшимися на глаза слезами такъ сталъ онъ говорить Пиррѣ: «о сестра, супруга, единственная остающаяся въ живыхъ женщина, которую соединила со мною одна родина и происхожденіе по отцу, потомъ бракъ, теперь само несчастіе,—населеніе земли составляемъ мы (355) двое, остальное поглотило море. Даже до сихъ поръ увѣренность въ нашей жизни недостаточно тверда: тучи все еще наводятъ страхъ на душу. Что чувствовала бы ты, бѣдная женщина, если бы безъ меня спаслась отъ смерти? Какого страха натерпѣлась (360) бы ты въ своемъ одиночествѣ? Кто бы утѣшилъ тебя въ твоемъ горѣ? Вѣрь мнѣ, супруга, если бы море взяло тебя, то и я послѣдовалъ бы за тобою, и меня также поглотило бы море. О, еслибъ могъ я вновь сотворить людей отцовскою силою, вдунуть душу въ имѣющую форму землю!

Родъ человѣческій состоитъ теперь (365) изъ насъ двоихъ,— такъ угодно богамъ, и мы остаемся образцами людей», говорилъ Девкаліонъ, и они плакали. Рѣшились Девкаліонъ съ Пиррою помолиться богамъ и просить совѣта у священнаго оракула. Немедленно подходятъ они вмѣстѣ къ водамъ Кефиса, хотя (370) еще не прозрачнымъ, однако уже протекавшимъ въ своемъ обыкновенномъ руслѣ. Потомъ, зачерпнувъ воды и смочивъ одежды, идутъ они къ храму непорочной богини; грязнымъ мхомъ обросла его крыша, жертвенники стояли безъ огней. Лишь только Девкаліонъ и Пирра достигли ступеней храма, какъ каждый, упавъ ницъ на землю, боязливо поцѣловалъ холодный камень. Такъ говорили они: «скажи намъ, Θемида, какимъ искусствомъ (380) можно возстановить погибшій нашъ человѣческій родъ, и помоги, благая, потопленному міру, если смягчились небожители, тронутые нашими законными мольбами, если утихъ божескій гнѣвъ!» Сжалилась богиня и дала прорицаніе;

Прочь отойдите отъ храма,
Головы ваши покройте и, развязавши одежды,
Матери кости великой черезъ себя вы бросайте!

Долго стояли въ изумленіи Девкаліонъ и Пирра. Первою заговорила Пирра (385): не хочетъ она слушаться повелѣнія богини, робко молитъ ее о прощеніи, боится Пирра оскорбить материнскую тѣнь, кидая ея кости. Между тѣмъ они повторяютъ сами съ собою данное имъ изреченіе не понятное изъ-за таинственныхъ словъ, обдумываютъ ихъ между собою. Потомъ (390) Девкаліонъ сталъ ласково успокоивать дочь Епиметея: «или обманчива моя проницательность», говоритъ онъ, «или вѣрно прорицаніе и ничего беззаконнаго не совѣтуетъ дѣлать оно: «великая мать» — это земля; «костями», думаю я названы камни въ тѣлѣ земли, ихъ приказано намъ бросать назадъ!» Хоть дочь титана и была убѣждена истолкованіемъ супруга (395), однако колебалась и она—до того оба они не вѣрили вполнѣ въ небесное предвѣщаніе. Но что мѣшаетъ имъ

сдѣлать опытъ? Отходятъ Девкаліонъ съ Пиррою, покрываютъ свою голову и, распоясавъ туники, бросаютъ чрезъ себя камни, согласно предсказанію. Камни (400), кто повѣрилъ бы, не будь тому свидѣтельницею древность преданія,—начали терять свою твердость, постепенно дѣлаться мягче, а, сдѣлавшись мягче, принимать очертанія. Когда камни увеличились, яснѣе сталъ и видъ ихъ, такъ что можно было видѣть какъ бы образъ (405) человѣческій, правда не ясный, но какъ бы начатый изъ мрамора, не достаточно отдѣланный, очень похожій на неоконченныя статуи. Наконецъ та часть въ камняхъ, которая была сырою отъ какой-нибудь влаги и состояла изъ земли, была употреблена на образованіе мяса, что же было твердо и не въ состояніи сгибаться, превращается въ кости, что (410) недавно было жилою, то осталось подъ тѣмъ же самымъ названіемъ. Итакъ, по волѣ боговъ, въ короткое время, камни, брошенные руками мужчины, превратились въ мужчинъ, а женщина была снова возстановлена отъ метанія камней женщиною. Потому-то мы племя жесткое и выносливое, и даемъ (415) доказательства своего происхожденія.

Прочихъ животныхъ въ разнообразныхъ видахъ, земля произвела на свѣтъ сама собою, послѣ того какъ давнишняя ея влажность разогрѣлась отъ солнечнаго жара, а грязь и топкія болота вздулись отъ зноя. Оплодотворяющія же начала предметовъ, питавшіяся словно во чревѣ матери, животворною (420) землею, выросли и принимали постепенно какой-нибудь видъ. Такъ, когда семи-источный Нилъ сходитъ съ влажныхъ полей, когда его воды входятъ въ прежнее русло, свѣжій же илъ засыхаетъ отъ эфирнаго солнца, то земледѣльцы, паша землю, находятъ множество (425) живыхъ существъ: изъ нихъ одна часть въ это самое время только что родилась, другая недокончена и лишена своихъ членовъ; въ одномъ и томъ же тѣлѣ часто, одна часть живетъ, а другая—простая земля. Потому (430), когда влага и теплота соединились надлежащимъ образомъ, онѣ зачинаютъ, а отъ нихъ двоихъ родится все. Влажная теплота

производитъ всѣ предметы, тогда какъ огонь споритъ съ водою. Итакъ, когда земля, иловатая отъ недавняго потопа, опять согрѣлась отъ солнечныхъ лучей и его благодѣтельнаго жара, то произвела на свѣтъ безчисленныя особи, частью возстановивъ прежніе образы, частью создавъ небывалыя чудовища.

Хоть и не желала того Земля, однако и тебя также родила она тогда, исполинскій Пиѳонъ, невиданная змѣя. Страхъ наводилъ ты на молодой народъ, сколько мѣста на горѣ занималъ ты. Убилъ Пиѳона, осыпавъ его множествомъ стрѣлъ, вооруженный лукомъ богъ, богъ, употреблявшій раньше подобное оружіе только противъ ланей да быстрыхъ козъ, убилъ, почти израсходовавъ стрѣлы колчана, когда ядъ змѣи выступилъ чрезъ глубокія раны. Въ знакъ воспоминанія о своемъ славномъ подвигѣ, Аполлонъ учредилъ игры и назвалъ ихъ по имени убитой змѣи Пиѳійскими. На нихъ всякій изъ молодыхъ людей, побѣдитель въ рукопашномъ бою, въ бѣгѣ ли, или на колесницѣ, получалъ награду, состоявшую въ дубовомъ вѣнкѣ. Лавровыхъ вѣнковъ тогда еще не было, и Фебъ увѣнчивалъ голову, красивую изъ-за длинныхъ волосъ, вѣнкомъ изъ какого нибудь другаго дерева.

Дафна, дочь Пенея, была первою любовью Феба. Не простой случай выдалъ ее, но суровый гнѣвъ Купидона. Делосецъ, гордясь побѣдою надъ змѣемъ, увидѣлъ, какъ Купидонъ натягивалъ чрезъ силу свой лукъ. «Шаловливый мальчикъ», сказалъ богъ, на что тебѣ тугой лукъ?—Къ моимъ плечамъ идетъ подобное украшеніе. Я могу нанести вѣрную рану звѣрю и врагу. Недавно я сразилъ безчисленнымъ множествомъ стрѣлъ разъяреннаго Пиѳона, занимавшаго ядовитымъ животомъ своимъ столько десятинъ. Будь доволенъ своею силою развѣдывать, не знаю, о какихъ-то любовныхъ похожденіяхъ и не присвоивай себѣ славы моего подвига!» —«Фебъ», говоритъ ему сынъ Венеры, «пусть лукъ твой поражаетъ все, мой поразитъ тебя; на сколько всѣ животныя ниже боговъ, на

столько твоя сила меньше моей!» Проговоривъ это, Купидонъ взмахнулъ крыльями, поднялся на воздухъ и вскорѣ остановился на тѣнистой вершинѣ Парнасса. Одновременно досталъ онъ изъ стрѣлоноснаго своего колчана двѣ стрѣлы, различныя по дѣйствію: одна изъ нихъ прогоняла любовь, другая возбуждала ее. Та, которая возбуждала, была загнута и съ блестящимъ острымъ наконечникомъ; та же, которая прогоняла любовь была тупа и подъ камышемъ имѣла свинецъ. Послѣднюю Купидонъ пустилъ въ нимфу Пенея, первою глубоко уязвилъ сердце Аполлона. Немедленно одинъ влюбляется, другая обращается въ бѣгство при одномъ имени влюбленнаго. Находитъ Дафна удовольствіе бродить во mракѣ лѣсовъ, въ охотѣ на дикихъ звѣрей, подражая этимъ дѣвственной Фебѣ. Повязка сдерживаетъ неубранные волосы дѣвы. Многіе добивались руки Дафны, но она, отворачиваясь отъ искателей, не вынося и не зная мужчины, бродила въ лѣсной глуши, не заботясь узнать о томъ, въ чемъ состоитъ бракъ, что такое любовь, что брачное соединеніе. Часто говорилъ Дафнѣ отецъ: «дочь, зятя должна ты подарить мнѣ», часто говорилъ отецъ: «дочь, внуковъ родить должна ты мнѣ»! Стыдливо краснѣло прекрасное лицо Дафны, ненавидѣвшей бракъ, словно преступленіе, и, повиснувъ нѣжными руками на отцовской шеѣ, она говорила: «дорогой отецъ, позволь мнѣ наслаждаться вѣчною дѣвственностью; давно позволилъ это Діанѣ ея отецъ»! Уступалъ отецъ, но красота твоя мѣшаетъ тебѣ, Дафна, быть тою, какою ты хотѣла-бы; лицо твое противорѣчитъ твоимъ желаніямъ! Влюбляется Фебъ, увидя Дафну, хочетъ онъ соединиться съ нею и думаетъ лишь о своемъ желаніи. Обманываетъ бога и собственная его проницательность. Какъ изгородь пылаетъ отъ огня, который путникъ или нечаянно очень близко приблизилъ къ ней, или забылъ погасить на зарѣ: такъ пылаетъ и Аполлонъ, всѣмъ сердцемъ влюбляется онъ и надеждою не даетъ потухать своей безотвѣтной любви. Видя, какъ неубранные волосы спускаются съ шеи Дафны, Аполлонъ во-

склицаетъ! «что если-бы убрать ихъ?» Видитъ онъ глаза дѣвы, сверкающіе словно звѣзды, видитъ ея ротикъ и (500) не можетъ вволю наглядѣться на это. Любуется Аполлонъ на пальцы, руки и плечи Дафны, и на ея мускулы, обнаженные болѣе чѣмъ на половину; если чего либо и не видитъ богъ, то считаетъ онъ самымъ лучшимъ. Быстрѣе легкаго вѣтра, мчится Дафна, не останавливаясь и при такихъ словахъ бога, зовущаго ее назадъ: «нимфа Пенея, молю тебя, подожди: не какъ врагъ гонюсь я за тобою, остановись, нимфа (505). Такъ убѣгаетъ ягненокъ отъ волка, олень ото льва, голуби, дрожа перьями, отъ орла—каждый отъ своихъ враговъ, а для меня служитъ поводомъ къ преслѣдованію любовь. Не упади, наклоняясь; терновникъ не исцарапалъ-бы тебѣ ногъ, не заслужившихъ быть израненными,—пусть не буду я для тебя причиною боли. Не ровно (510) мѣсто, по которому бѣжишь ты: молю тебя, бѣги тише, бѣги покойнѣе—я самъ буду тише гнаться за тобою. Подумай, по крайней мѣрѣ, кому ты нравишся?—Не горецъ я, не грубый пастухъ,—не стерегу я здѣсь быковъ и стада мелкаго скота. Не знаешъ ты, дерзкая, не знаешь, отъ кого (515) бѣжишь, потому-то и бѣжишь: чтутъ меня Дельфы, Кларосъ, Тенедосъ и городъ Патары. Юпитеръ отецъ мой, чрезъ меня извѣстно, что было и что будетъ, чрезъ меня пѣсни согласуются со струнами. Хоть и мѣтка моя стрѣла, однако есть одна стрѣла вѣрнѣе (520) моей—причинила она рану безпечному сердцу. Медицина—мое изобрѣтеніе. Врачемъ называютъ меня на землѣ, покорна мнѣ сила травъ. Горе мнѣ, что любовь неизлечима никакими травами и искусство, принося пользу всѣмъ, не приноситъ пользы знающему его»! Боязливыми шагами ускользаетъ дочь Пенея отъ намѣревавшагося сказать больше (525) бога, убѣгая она оставила безъ вниманія и его недоконченныя рѣчи. И тогда казалась Дафна прекрасною; легкій вѣтерокъ обнажалъ ея тѣло, встрѣчная струя воздуха развѣвала легкую одежду, и откидывала назадъ ея распущенные волосы. Отъ бѣгства красота Дафны увеличивалась (530). Конечно, молодой богъ не могъ

больше терять по-напрасну ласковыхъ словъ, но, какъ побуждала его сама любовь, гонится онъ по слѣдамъ дѣвы. Такъ, когда галльская собака увидитъ въ чистомъ полѣ зайца, она ногами ищетъ добычи, заяцъ—спасенія; теперь то собака не сомнѣнно увѣрена поймать зайца, вцѣпившись въ него, но чуткимъ своимъ носомъ касается его слѣдовъ; заяцъ-же не знаетъ, не пойманъ-ли онъ и, спасшись отъ укушенія, оставляетъ назади морду обманутой собаки; тоже съ богомъ и дѣвою: онъ пылокъ *изъ-за страсти, она—изъ-за боязни*. Однакожъ быстрѣе Дафны гонится Аполлонъ, поддерживаемый крыльями любви, не хочетъ отдохнуть, а бѣжитъ за спиною бѣглянки, касаясь своею головою ея распущенныхъ волосъ. Испугалась Дафна, потеряла она силы, устала отъ труднаго быстраго бѣга и, глядя на воды Пенея, воскликнула: «Помоги мнѣ, отецъ, раскройся земля, или уничтожь, измѣнивъ ту красоту, изъ-за которой меня оскорбляютъ!» Едва окончила Дафна свою мольбу, какъ тяжкое оцѣпененіе овладѣло ея тѣломъ, нѣжною корою покрылась слабая грудь ея, въ листья превратились ея волосы, въ вѣтви—руки; недавно столь проворныя ноги Дафны тяжелыми корнями приросли къ землѣ, вершина дерева покрыла ея лицо; одна краска сохранилась въ ней. Любитъ Фебъ Дафну и въ такомъ видѣ, приложивъ къ дереву правую руку, чувствуетъ онъ какъ бьется сердце подъ молодою корою. Обнявъ дерево, словно тѣло, своими руками, Аполлонъ цѣлуетъ его; но и превратившись въ дерево, Дафна все таки уклоняется отъ поцѣлуевъ бога. «Такъ какъ ты не могла быть моею супругою, сказалъ Фебъ превращенной Дафнѣ, то будешь, по крайней мѣрѣ, моимъ деревомъ. Лавръ, всегда я буду украшать тобою мои волосы, цитру и колчанъ, надѣнутъ тебя полководцы Лацiя, когда веселымъ звукомъ подадутъ знакъ къ тріумфу, и длинная процессія посѣтитъ Капитолій. Ты же, надежнѣйшій хранитель дома Августа, будешь рости у дверей его дворца, осѣняя дубъ, растущій по срединѣ. И, какъ вѣчно молода моя голова, потому что не сѣкутся на ней волосы, то и ты так-

же имѣй вѣчно прекрасную листву». Кончилъ Пеанъ и лавръ, въ знакъ согласія закивалъ своими молодыми вѣтвями и, казалось закачалъ своею вершиною, словно головою.

Есть въ Гемовіи долина, называемая Темпе. Отовсюду ее окружаютъ обросшіе лѣсомъ утесы, течетъ по ней Пеней съ покрытыми пѣною водами, вытекающій изъ подошвы Пинда. Обрывисто падая, Пеней образуетъ рѣдкіе туманы и легкія тучи, мочитъ дождевыми брызгами лѣсныя верхушки, а шумомъ не даетъ покоя болѣе, чѣмъ окрестности. Это мѣсто-жилище, мѣстопребываніе, чертоги великаго рѣчнаго бога. Сидя въ образовавшейся изъ скалъ пещерѣ, Пеней предписываетъ въ ней законы водамъ своей рѣки и живущимъ въ ней нимфамъ. Не зная, привѣтствовать-ли или утѣшать родителя, собираются туда сперва родственные рѣчные боги—обросшій тополями Сперхій, неугомонный Энипей, старикъ Апиданъ, кроткій Амфризъ и Эасъ, потомъ другіе; они отводятъ въ море свои уставшія отъ странствованія воды, куда несетъ ихъ теченіе. Нѣтъ лишь Инаха. Удалившись въ глубину своей пещеры, одинъ онъ увеличиваетъ рыданіями свои воды, оплакиваетъ, несчастный, дочь свою Іо, какъ погибшую, не зная, жива ли она или находится съ тѣнями мертвыхъ, нигдѣ не находитъ онъ ее, думаетъ что никогда не увидитъ, а въ душѣ боится за худшее. Увидѣлъ Юпитеръ, какъ шла Іо отъ отцовской рѣки, и сказалъ ей: «дѣвушка, достойная Юпитера, не знаю я, кого захочешь ты сдѣлать счастливцемъ изъ-за брака съ тобою? Иди подъ тѣнь величественнаго лѣса»,—онъ показалъ ей тѣнистый лѣсъ «теперь полдень, солнце печетъ. Если ты боишься войти въ таинственный лѣсъ, логовище дикихъ звѣрей одна, то безопасно войдешь туда съ защитникомъ—богомъ и не съ нисшимъ богомъ—вѣдь я царь великаго неба, я пускаю своею десницею извилистыя молніи—не убѣгай же отъ меня». Дѣва же побѣжала. Ужъ пробѣжала она пастбища Лерны, обросшіе деревьями берега Лиркея, когда богъ навелъ туманъ, скрылъ широкую землю, остановилъ бѣглянку Іо и обезче-

стилъ ее. Между тѣмъ Юнона, взглянувъ съ неба на Аргосъ, удивилась, что легкій туманъ свѣтлый день превратилъ въ ночь: догадалась богиня, что не изъ рѣки и не изъ сырой земли поднялся онъ. Посмотрѣла Юнона, гдѣ ея (605) супругъ: она уже знала нѣкоторыя штуки столько разъ попадавшагося мужа. Не найдя Юпитера на небѣ, богиня воскликнула: «или ошибаюсь я, или меня оскорбляютъ!» Спустившись съ высокаго неба, Юнона стала на землю и велѣла туману разсѣяться. Догадался Юпитеръ о приходѣ своей супруги (610) и перемѣнилъ видъ дочери Инаха на красивую молодую корову. Красива Іо даже и коровою. Дочь Сатурна стала хвалить красивую корову, хотя и противъ воли и, какъ будто не зная правды, разспрашивать, чья она, откуда или изъ чьего стада? Чтобъ отдѣлаться отъ разспросовъ о ея хозяинѣ, Юпитеръ (615) лжетъ говоря, что корова родилась изъ земли. Дочь Сатурна стала просить корову себѣ въ подарокъ. Что дѣлать Юпитеру? Безжалостно предать предметъ своей любви, не уступить его—опасно. Съ одной стороны стыдъ совѣтуетъ сдѣлать подарокъ, любовь—отговариваетъ. Любовь побѣдила бы стыдъ; но (620), если бы не отдать коровы, столь незначительный подарокъ, подругѣ по происхожденію и браку, то корова могла-бы показаться и не коровою. Получивъ въ подарокъ свою соперницу, богиня успокоилась не тотчасъ-же, опасалась она за Юпитера и была озабочена его хитростью до тѣхъ поръ, пока не ввѣрила Іо наблюденію Аргуса, сына Аристора. Аргусъ имѣлъ стоглазую (625) голову; потому-то, когда изъ нихъ спали по очереди два, остальные бодрствовали, стерегли Іо. Аргусъ видѣлъ дѣву, какъ-бы ни стоялъ: онъ имѣлъ ее передъ глазами, хотя-бы и отворачивался. На зарѣ (630) онъ позволялъ ей пастись; въ полдень же запиралъ, а на не заслужившую того шею надѣвалъ веревку. Несчастная Іо ѣстъ древесные листья и горькую траву, вмѣсто постели ложится на землю, не всегда покрытую травой, пьетъ она мутную воду. Хотѣла-бы Іо (635) протянуть съ мольбою руки къ Аргусу, но не было у ней рукъ, которыя могла-бы она протянуть къ Аргусу.

Желая жаловаться на свою судьбу, Іо испустила лишь мычаніе; испугалась она того звука, въ ужасъ пришла отъ собственнаго голоса. Пришла Іо къ берегамъ Инаха (640), гдѣ обыкновенно часто играла, но только что увидѣла въ водѣ свою голову и молодые рога, какъ испугалась и въ ужасѣ побѣжала отъ самой себя. Не знаютъ наяды, не знаетъ и самъ Инахъ, кто она? Іо-же идетъ за своимъ удивленнымъ отцомъ, идетъ и за сестрами, позволяетъ дотрогиваться до себя, ласкается къ нимъ. Сорвалъ (645) старикъ Инахъ пучекъ травы и далъ его коровѣ. Та съ плачемъ лижетъ и цѣлуетъ руки отца. Если-бъ только могла говорить Іо, стала-бы она молить о помощи, сказала-бы свое имя, повѣдала-бы о своемъ несчастіи, но вмѣсто словъ она начертила на пескѣ свое имя, представила печальное доказательство своего превращенія (650). «О, я несчастный»! восклицаетъ старый Инахъ, повиснувъ на рогахъ и бѣлоснѣжной шеѣ мычавшей коровы, «о, я несчастный»! повторяетъ онъ. «Дочь, я ли не искалъ тебя по всей землѣ! Легче было-бы горе, (655) когда-бы ты не нашлась. Молчишь ты, не отвѣчаешь взаимно на мои рѣчи, только глубоко вздыхаешь; одно только можешь ты сдѣлать на мои рѣчи—отвѣчать мычаніемъ. А я ничего не зная, готовилъ тебя къ свадьбѣ, надѣялся имѣть сперва зятя, потомъ и внука. Теперь изъ (660) стада должна ты имѣть мужа, изъ стада должна имѣть ты сына. Нельзя мнѣ умереть отъ такого горя, худо быть богомъ: запертъ для меня входъ въ жилище смерти, и скорбь моя будетъ продолжаться вѣчно!» Но усѣянный звѣздами Аргусъ угоняетъ печальную Іо, насильно гонитъ на пастбище дочь Инаха, (665) отнявъ ее отъ отца. На высокой вершинѣ ближайшей горы сидитъ Аргусъ и, сидя тамъ, смотритъ во всѣ стороны.

Не могъ долѣе видѣть такихъ бѣдствій сестры Форона царь боговъ: призвалъ онъ своего сына, рожденнаго отъ свѣтлой Плеяды, (670) и велѣлъ ему умертвить Аргуса. Быстро надѣлъ Меркурій крылья на свои ноги, въ сильную руку взялъ снотворный жезлъ и шляпу, потомъ оставилъ (675) шляпу и крылья.

захватилъ только жезлъ. Послѣднимъ богъ погналъ, словно пастухъ, по уединеннымъ полямъ украденныхъ имъ на пути козъ и заигралъ на склеенной воскомъ свирѣли. Очарованъ былъ неслыханной музыкой караульный отъ Юноны. »Кто бы ни былъ ты, присядь со мною на этой скалѣ: нѣтъ мѣста для скота болѣе богатаго травою; есть тутъ и необходимая для пастуховъ тѣнь», говоритъ Меркурію Аргусъ. Сѣлъ внукъ Атланта. Проведя день въ обыкновенныхъ разговорахъ, онъ старался одолѣть зоркія очи игрою на склеенной свирѣли. Но Аргусъ боролся со сладкой дремотой, и хотя часть его глазъ сомкнулась, часть ихъ все-таки не спала. А такъ какъ свирѣль была изобрѣтена недавно, то Аргусъ сталъ спрашивать Меркурія, какимъ образомъ изобрѣли ее?

Богъ сказалъ тогда: «изъ лѣсныхъ нимфъ Нонакры, находившейся въ холодныхъ горахъ Аркадіи, одна наяда стала самою извѣстною: нимфы звали ее Сирингою. Не разъ увертывалась она отъ преслѣдовавшихъ ее сатировъ и боговъ, населяющихъ тѣнистые лѣса и тучныя поля. Самою дѣвственностью и занятіями своими чтила нимфа ортигійскую богиню: одѣваясь подобно Діанѣ, она вводила въ заблужденіе, и могла-бы быть принята за дочь Латоны, еслибъ у той лукъ былъ роговой, а не золотой, да и безъ того нимфу принимали за Діану. Замѣтилъ, какъ сходила Сиринга съ Ликейской горы, Панъ, голова котораго была увѣнчана колючимъ сосновымъ вѣнкомъ, и обратился къ нимфѣ со слѣдующими словами».... Меркурію оставалось привести слова нимфы и то, что она не обративъ вниманіе на мольбу бога, побѣжала по непроходимымъ мѣстамъ, пока не достигла тихихъ водъ песчанаго Ладона. Тутъ, когда бѣгству мѣшала рѣка, Сиринга попросила своихъ счастливыхъ сестеръ измѣнить ее, и, когда Панъ думалъ, что ужъ поймалъ нимфу, то вмѣсто ея тѣла онъ держалъ болотный камышъ. Пока богъ вздыхалъ объ этомъ, поднявшійся вѣтеръ произвелъ внутри тростника нѣжный звукъ, похожій на жалобу. Очарованъ былъ Панъ нѣжными звуками и своимъ открытіемъ. «Вотъ это

останется для меня знакомъ того, что я намѣренъ былъ сдѣлать съ тобой!» сказалъ онъ. Итакъ, не равныя тростинки, соединенныя между собою воскомъ, получили имя дѣвушки.

Намѣреваясь разсказать еще что нибудь Килленій замѣтилъ, что всѣ глаза Аргуса окончательно отяжелѣли и сомкнулись отъ сна. Немедленно умолкъ богъ и, тихо касаясь легкимъ жезломъ до очарованныхъ глазъ, сталъ дѣлать сонъ Аргуса еще болѣе крѣпкимъ. Потомъ быстро поражаетъ Меркурій качающагося Аргуса своимъ серповиднымъ мечемъ въ то мѣсто гдѣ голова соединена съ шеею, окровавленнаго сбрасываетъ со скалы, обагряя кровью крутой утесъ. Убитъ ты, Аргусъ, погасъ блескъ, который былъ у тебя въ столькихъ глазахъ: смерть одна овладѣла сотнею глазъ. Дочь Сатурна вынимаетъ ихъ и размѣщаетъ на перьяхъ своей любимой птицы, наполняетъ ея хвостъ блестящими глазками. Тотчасъ разгнѣвалась богиня и, не утихнувъ послѣ гнѣва, послала взорамъ Аргосской своей соперницы страшную Эриннію, влагаетъ въ сердце Іо безотчетный страхъ, по всей землѣ преслѣдуетъ бѣглянку. Тебя лишь, Нилъ, не посѣтила Іо во время своего необычайнаго бѣдствія. Лишь только подошла Іо къ Нилу и легла, согнувъ колѣна, на краю берега, то подняла вверхъ свою голову и жалобнымъ мычаніемъ начала молить о концѣ своихъ бѣдствій. Поднявъ къ звѣздамъ голову,— одну ее могла поднять Іо—она, казалось, будто жаловалась мычаніемъ и слезами на Юпитера. Обхватилъ Юпитеръ руками шею своей супруги и сталъ умолять ее освободить наконецъ Іо отъ мученій. «Не опасайся въ будущемъ», говоритъ Юпитеръ своей женѣ, «никогда не будетъ Іо причиной твоего негодованія!» Велитъ Юпитеръ услышать это водамъ Стикса. Лишь только успокоилась богиня, Іо получила прежній видъ, стала тою, какою была прежде: пропали волосы на ея тѣлѣ, исчезаютъ рога, съуживается глазной зрачекъ, уменьшается ротъ, снова появляются плечи и руки, исчезаютъ копыта, распавшись на пять пальцевъ. Кромѣ бѣлизны лица, ничего не

остается въ Іо общаго съ коровою. Довольно дѣвѣ для ходьбы и двухъ ногъ; выпрямляется (745) она, но говорить боится, чтобы не замычать какъ корова, робко произноситъ забытыя слова. Теперь она богиня, чтимая блестящею, одѣтою въ льняныя одежды, толпою жрецовъ.

Думаютъ, что у Іо родился наконецъ отъ сѣмени великаго Юпитера—Эпафъ; въ городахъ есть у него храмы (750) соединенные съ храмами матери. Гордостью и годами равенъ былъ съ Эпафомъ сынъ Солнца—Фаэтонъ. Не стерпѣлъ однажды внукъ Инаха, что Фаэтонъ хвастается, будто отецъ у него Фебъ и гордо не уступаетъ. «Безумецъ», сказалъ Эпафъ Фаэтону, «во всемъ вѣришь ты своей матери и потому гордишься сходствомъ съ мнимымъ отцомъ!» Покраснѣлъ (755) Фаэтонъ, но стыдомъ обуздалъ свой гнѣвъ. О дерзости Эпафа онъ разсказалъ своей матери—Клименѣ. «Мать», сказалъ Фаэтонъ, «тебѣ еще болѣе должно быть больно, что смолчалъ я, извѣстный своей смѣлостью! Стыдно мнѣ, что я не могъ опровергнуть сказаннаго мнѣ въ укоръ. Ты-же (760) дай мнѣ доказательство подобнаго происхожденія и включи меня въ число боговъ, если только происхожу я изъ божественнаго рода». Говоря это, Фаэтонъ обвивалъ руками шею своей матери, заклиналъ ее жизнью Меропа и своею, бракомъ сестеръ — дать ясный знакъ, что отецъ его Фебъ. Неизвѣстно (765), изъ-за мольбы-ли Фаэтона или болѣе изъ-за досады за сказанную про него клевету, Климена подняла къ небу обѣ руки и, смотря на солнечный свѣтъ, воскликнула: «этимъ свѣтиломъ, которое отличается блестящими лучами, которое насъ слышитъ и видитъ, сынъ мой; на которое (770) взираешь ты, которое управляетъ міромъ, — клянусь тебѣ, что ты сынъ Солнца. Если лгу я, то пусть само оно не покажется для меня, и день этотъ пусть будетъ послѣднимъ въ моей жизни. Не трудно тебѣ найти жилище отца: гдѣ восходитъ солнце, тамъ его жилище смежное съ нашею землею. Если (775) ты только хочешь, то пойди и узнай про все отъ самого отца!» Фаэтонъ тотчасъ весело вскочилъ послѣ такихъ

словъ своей матери; въ воображеніи своемъ представляется ему небо. Пройдя чрезъ страну единоплеменниковъ своихъ Эфіоповъ и лежащую подъ солнечнымъ жаромъ землю Индѣйцевъ, Фаэтонъ скоро достигъ того мѣста, откуда выходитъ его отецъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Фаэтонъ и Геліады.—Кикнъ.—Каллиста и Аркадъ. — Коронида. — Окироя.— Баттъ.—Аглавра.—Европа.

Величественный дворецъ Солнца былъ украшенъ высокими колоннами, прекрасенъ былъ онъ, блистая золотомъ и бронзою, походившею своимъ цвѣтомъ на пламя. Высокій его фронтонъ покрывала блестящая слоновая кость; серебромъ отливали двустворчатыя двери. Работа стоила больше матеріала, такъ какъ тамъ Вулканъ искусно представилъ море, опоясывающее находящуюся въ срединѣ землю, самую землю и обнимающее ее небо. Въ морѣ видны его лазуревые боги—трубачъ Тритонъ, измѣнчивый Протей, Эгеонъ, сжимающій своими руками огромныя спины китовъ, Дорида съ дочерьми; видно, что однѣ изъ нихъ плаваютъ, другія, сидя на скалѣ, сушатъ свои зеленоватые волосы, нѣкоторыя ѣдутъ на рыбахъ. Наружность не у всѣхъ одинакова, однако и не различна—словомъ такая, какой должна быть у сестеръ. На землѣ видны люди, города, лѣса, звѣри, рѣки, нимфы и другія лѣсныя божества. Надъ всѣмъ этимъ сдѣлано свѣтлое небо и знаки зодіака; ихъ шесть на правыхъ дверяхъ, столько-же и на лѣвыхъ. Когда пришелъ туда, по крутой тропинкѣ, сынъ Климены и вошелъ въ домъ сомнительнаго отца, то тотчасъ-же увидалъ

его, но сталъ по-одаль, такъ какъ на болѣе близкомъ разстояніи онъ не могъ выносить его блеска. Въ одеждѣ пурпуроваго цвѣта сидѣлъ Фебъ на тронѣ, блиставшемъ прекрасными смарагдами. Съ-лѣва и съ-права отъ него стояли День, Мѣсяца, Годъ, Вѣка и Часы, поставленные на одинаковомъ разстояніи; стояла юная Весна, украшенная прекраснымъ вѣнкомъ, легко-одѣтое, въ колосяномъ вѣнкѣ Лѣто, стояла и Осень, забрызганная сокомъ винограда, и холодная Зима со всклоченными сѣдыми волосами.

Окруженное этими божествами, Солнце замѣтило тогда своими всевидящими очами удивлявшагося подобнымъ диковинкамъ юношу. — «Зачѣмъ пришелъ, чего ищешь ты въ этихъ чертогахъ, Фаэтонъ сынъ мой, отъ котораго отецъ не можетъ отказаться», говоритъ Фаэтону Фебъ. «О всеобщій свѣтъ для огромной вселенной, отецъ Фебъ», говоритъ тотъ, «если ты позволяешь мнѣ носить это имя, если Климена не выдумала сказки, чтобы скрыть свой позоръ, то дай, отецъ, знакъ, по которому мнѣ повѣрили-бы, что я на самомъ дѣлѣ твой сынъ, разсѣй подобное сомнѣніе моего сердца!» Такъ говорилъ Фаэтонъ, а его отецъ снялъ съ своей головы блестящій, лучезарный вѣнецъ, велѣлъ юношѣ подойти поближе, обнялъ его и сказалъ: «не заслуживаешь ты чтобы не признать тебя моимъ сыномъ, правду сказала Климена про твое происхожденіе. Чтобы менѣе сомнѣваться тебѣ, проси отъ меня какой угодно милости, ты получишь ее отъ меня. Свидѣтелемъ же моего обѣщанія пусть будетъ рѣка, которою клянутся боги, рѣка которую не озаряютъ мои лучи».

Едва успѣлъ кончить Фебъ, какъ Фаэтонъ начинаетъ просить у отца поѣздить день на его запряженной быстроногими конями колесницѣ. Раскаялся отецъ въ своей клятвѣ; три или четыре раза покачалъ онъ своею свѣтлою головою и сказалъ: «Безразсудною стала моя клятва, благодаря твоей просьбѣ. О еслибъ можно было мнѣ не сдержать своего слова! Признаюсь, только въ этомъ я отказалъ бы тебѣ, сынъ мой; тебя

можно отговорить отъ твоего намѣренія: опасно твое желаніе; многаго просишь ты, Фаэтонъ, дара, который не по силамъ тебѣ, не идетъ къ твоимъ столь юнымъ годамъ. Отъ природы ты смертенъ, а то, до чего добиваешься ты, не по силамъ смертному. Опрометчиво просишь ты того, къ чему прикасаться нельзя даже богамъ. Всякій воленъ гордиться собою, однако, кромѣ меня, никто не можетъ стоять на огненной колесницѣ. Даже повелитель надъ огромнымъ Олимпомъ, бросающій своею страшною десницею наводящія ужасъ молніи, не можетъ править этою колесницею, а кто у насъ могущественнѣе Юпитера? Дорога сперва крута, съ трудомъ взбираются на нее утромъ отдохнувшіе кони, по срединѣ-же неба она очень высока. Часто мнѣ самому дѣлается страшно, когда я смотрю оттуда и на море, и на землю, сердце мое робко бьется отъ страха. Въ концѣ дорога поката, тутъ, нужно умѣючи править конями: даже сама Тееія, принимающая меня въ подвластныя ей воды, постоянно боится тогда, какъ-бы не упалъ я въ бездну. Замѣть себѣ, что небо безпрерывно вращается, и, увлекая далекія звѣзды, быстро крутитъ ими въ своемъ кругообращеніи. Я стараюсь ѣхать ему на-встрѣчу, и его сила не увлекаетъ меня, какъ все прочее, я выѣзжаю на перекоръ быстрому круговороту. Представь себѣ, что тебѣ дали колесницу. Что будешь ты дѣлать съ нею? Можешь-ли ты ѣхать на-встрѣчу вращающемуся земному шару, чтобы и тебя не увлекла вертящаяся ось. Быть можетъ, ты думаешь, что тамъ, на небѣ, есть рощи, города и богатые приношеніями храмы боговъ? — Мимо грозящихъ смертью звѣрей лежитъ твой путь. Положимъ, что ты ѣдешь и не собьешся съ дороги, то тебѣ все-таки придется ѣхать на встрѣчу рогатому Волу, Гемонійскому Стрѣльцу, свирѣпому Льву, на встрѣчу сгибающему въ огромный полукругъ свои страшныя клешни Скорпіону и сгибающему ихъ Раку. Не легко будетъ тебѣ править и конями разъяренными тѣми огнями, которые пышутъ у нихъ изъ груди, рта и ноздрей. Едва лишь меня слушаются кони, когда

сильно разгорячатся они и когда ихъ морды не станутъ слушаться поводьевъ. Ты же, сынъ мой, не заставляй меня дать тебѣ гибельный даръ,—пока есть возможность, перемѣни свое желаніе. Конечно (90), тебѣ нужно ясное доказательство для того, чтобъ увѣриться, что ты мой сынъ, и я съ боязнью въ сердцѣ даю тебѣ вѣрное доказательство, страшась, какъ отецъ, доказываю тѣмъ, что я отецъ твой. Вотъ, взгляни на мое лицо! О, еслибъ ты могъ проникнуть взоромъ въ мою душу, увидѣть въ мое сердцѣ отцовское безпокойство! Взгляни наконецъ (95), что содержитъ въ себѣ богатый міръ, и вотъ изъ всѣхъ этихъ даровъ неба, земли и моря попроси что-нибудь—ни въ чемъ не получишь ты отказа. Молю тебя, одного того не просить, что на самомъ дѣлѣ наказаніе для тебя, а не почесть,—вмѣсто подарка, Фаэтонъ, ты просишь себѣ наказанія. Зачѣмъ (100), ласкаясь, обнялъ ты, глупый, мою шею? Не сомнѣвайся, я дамъ тебѣ, чего-бы ты ни захотѣлъ,—водами Стикса поклялся я — но ты проси разумнѣе!».

Кончилъ Фебъ свои увѣщанія, но Фаэтонъ не обратилъ вниманія на его слова, настаивалъ на своемъ намѣреніи, страстно желая прокатиться на колесницѣ. И такъ (105), помедливъ сколько было можно, отецъ подвелъ юношу къ своей колесницѣ, дару Вулкана. Ось и дышло у ней были золотыя, изъ золота-же и ободья высокихъ колесъ, спицы были серебряныя. Хомута были украшены рядами топазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней; отражаясь на солнцѣ, они отливали прекрасными (110) цвѣтами. Пока дивился этому очарованный Фаэтонъ, пока осматривалъ онъ работу Вулкана, вотъ бодрствующая Аврора отворила со стороны румянаго востока багряныя двери усыпанныхъ розами чертоговъ Солнца. Скрываются звѣзды. Люциферъ (115) замыкаетъ ихъ шествіе, послѣднимъ уходитъ съ поста своего на небѣ. Когда увидѣлъ титанъ, отецъ Фаэтона, что земля и небо стали краснѣть, а рога послѣдней четверти луны какъ-бы исчезать, то велѣлъ онъ проворнымъ Горамъ запрягать коней. Быстро исполнили богини его приказаніе,

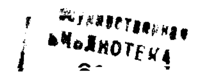
привели изъ высокихъ стойлъ четвероногихъ, пышущихъ огнемъ и насыщенныхъ сокомъ амврозіи (120), надѣли на нихъ звонкія узды. Тогда отецъ Фаэтона умастилъ лицо сына священною мазью, сдѣлалъ его выносящимъ сильное пламя, снялъ съ головы своей лучезарный вѣнецъ, надѣлъ его на Фаэтона и, предчувствуя горе своимъ озабоченнымъ сердцемъ, вздохнулъ и сказалъ: «послушай, сынъ мой, по крайней мѣрѣ хоть этихъ отцовскихъ совѣтовъ: не бей коней бичемъ и крѣпче держи вожжи, бѣгутъ сами по-себѣ кони, трудно сдержать ихъ. Не ѣзди дорогою, идущею черезъ пять параллельныхъ поясовъ; въ сторону, широкою дугою, сворачиваетъ (125) твой путь и заключается между тремя поясами и полюсами; далеко отъ южнаго и смежной съ аквилонами Медвѣдицы находится онъ. Тебѣ слѣдуетъ ѣхать этою дорогою: ясно замѣтишь ты на ней слѣды колеса. Чтобы небо и земля выносили жаръ равномѣрно, ты не (130) ѣзди низко, но и не направляй колесницы высоко на небо: поднявшись выше, чѣмъ слѣдуетъ, ты сожжешь чертоги боговъ, ниже — землю; всего безопаснѣе ѣхать тебѣ по срединѣ. Чтобы, взявъ правѣе, не наѣхать тебѣ колесницею на созвѣздіе извивающагося Дракона, лѣвѣе — на склоненный въ сторону Жертвенникъ, ты держись пути между (135) тѣмъ и другимъ. Остальное ввѣряю я судьбѣ, пусть она поможетъ и позаботится о тебѣ лучше, чѣмъ ты самъ о себѣ. Въ то время, какъ я говорю съ тобою, прохладная ночь кончилась и погрузилась въ Гесперійское море: нельзя намъ медлить, за мною дѣло; ужъ блеститъ Аврора, разсѣявъ сумракъ. Бери (140) въ руки вожжи или, если твое сердце слушается совѣтовъ, то, пока есть время, воспользуйся ими, не ѣзди на колесницѣ; ты глупецъ, покуда стоишь еще на безопасномъ мѣстѣ, не ѣдишь на безразсудно выпрошенной тобою колесницѣ. Ну, такъ освѣти-же землю безъ меня, если не хочешь смотрѣть на это безопасно».

Весело вскочилъ (150) въ колесницу юный Фаэтонъ, всталъ на ней, въ восторгѣ взялъ въ руки брошенныя ему вожжи, а по-

томъ сталъ благодарить отца, неохотно исполнившаго его желаніе. Въ это время Пироэнтъ, Эой, Этонъ и четвертый Флегонтъ, быстрые кони Солнца, оглашали воздухъ пламеннымъ ржаніемъ и били ногами объ загородку. Когда отодвинула ее Тееія, не знавшая предстоящей участи своего внука, и предъ конями открылось безпредѣльное небо, то они помчались въ путь. *Двигая ногами по воздуху*, кони разсѣкали встрѣчные туманы, несясь на своихъ крыльяхъ, обгоняли начавшіе дуть въ томъ же мѣстѣ Эвры. Но колесница была легка, не могли этого не почувствовать кони Солнца—хомуту не доставало обычной тяжести. Какъ качаются безъ должнаго балласта изогнутые корабли, какъ, колеблясь въ разныя стороны, со страшною быстротою носятся они по морю, такъ подпрыгиваетъ и лишенная обычнаго груза колесница, высоко вскидывается она, словно пустая. Когда почувствовали это кони, то быстро помчались они, оставляя въ сторонѣ торную дорогу, и помчались не въ прежнемъ порядкѣ. Сробѣлъ и самъ Фаэтонъ: не знаетъ онъ, въ какую сторону направить ввѣренную ему колесницу, не знаетъ и того, гдѣ дорога; да еслибъ онъ и зналъ ее, то не могъ бы справиться съ конями. Тогда-то впервые согрѣлись отъ солнечныхъ лучей холодные, какъ ледъ, Тріоны, но понапрасну пытались они окунуться въ недоступное для нихъ море; согрѣлся Драконъ, который по положенію своему всего ближе былъ къ сѣверному полюсу, Драконъ, прежде коченѣвшій отъ холода и ни для кого не опасный; согрѣлся онъ и снова разсвирѣпѣлъ отъ жару. Говорятъ, будто бѣжалъ въ испугѣ даже ты, Боотъ, хоть неповоротливъ былъ ты и мѣшала тебѣ твоя телѣга. Когда взглянулъ несчастный Фаэтонъ съ высокаго неба на землю, лежавшую глубоко-глубоко внизу, то поблѣднѣлъ онъ; отъ внезапнаго страха задрожали у него колѣни, потемнѣло у него въ глазахъ даже при такомъ яркомъ свѣтѣ. И то хотѣлъ бы Фаэтонъ лучше никогда не касаться до отцовскихъ коней, то раскаявается онъ въ томъ, что узналъ о своемъ происхожденіи, что отецъ исполнилъ его

просьбу, то желалъ бы Фаэтонъ называться лучше сыномъ Меропа. Несется онъ, какъ корабль, гонимый стремительнымъ (185) вѣтромъ, на произволъ которому отдалъ руль отчаявшійся въ спасеніи кормчій, предоставивъ корабль богамъ и молитвамъ. Что дѣлать Фаэтону? Много неба осталось позади, впереди еще больше, то и другое измѣряетъ онъ въ душѣ. И то смотритъ (190) юноша вдаль на западъ, достигнуть до котораго не суждено ему судьбою, то оглядывается на востокъ. Недоумѣваетъ Фаэтонъ, не знаетъ, что ему дѣлать. И не ослабляетъ онъ вожжей, и не въ силахъ крѣпко держать ихъ; не знаетъ и прозвищъ коней. И вотъ съ ужасомъ замѣчаетъ юноша разсѣянныхъ тамъ и сямъ по небу разныхъ чудовищъ, огромныхъ звѣрей.

Есть (195) мѣсто, гдѣ Скорпіонъ сгибаетъ въ полукругъ обѣ свои кривыя съ обѣихъ сторонъ клешни вмѣстѣ съ хвостомъ; онъ занимаетъ своимъ тѣломъ два созвѣздія. Когда замѣтилъ юноша Скорпіона, покрытаго чернымъ ядовитымъ потомъ и готоваго поранить его своимъ кривымъ жаломъ, то обезумѣлъ (200), оцѣпенѣлъ отъ страха и опустилъ вожжи. Когда вожжи упали на высокую спину коней, то послѣдніе бросились въ сторону. Никѣмъ не удерживаемые, бѣгутъ они по воздуху невѣдомой для нихъ земли, безпорядочно несутся, гдѣ ни попало, наталкиваются (205) на прикрѣпленныя къ высокому небесному своду звѣзды и тащутъ колесницу по непроходимымъ мѣстамъ. И то вверхъ поднимаются кони, то стремглавъ несутся по крутымъ дорогамъ на разстояніи, близкомъ отъ земли. Дивится Луна, что кони брата бѣгутъ ниже, чѣмъ ея, что дымятся опаленныя облака. Всякая гора на землѣ объята (210) пламенемъ, разсѣвшись, трескается она и сохнетъ, лишившись влаги. Тлѣютъ луга, вмѣстѣ съ листвою сгораютъ деревья, на корню сохнетъ хлѣбъ и даетъ пищу огню. Еще не важное оплакиваю я: гибнутъ большіе, окруженные стѣнами, города, въ пепелъ обращаетъ пожаръ всѣ племена и (215) народы. Пылаютъ лѣса и горы, горитъ Аѳонъ, киликійскій Тавръ и Тмолъ, и Эта, и,

тогда изсохшая, раньше знаменитая своими ключами Ида; посвященный музамъ Геликонъ и Гемъ, еще не принадлежавшій Эвагру. На необъятномъ пространствѣ усиленно пылаетъ огнями Этна, двухъ-вершинный Парнассъ, Эриксъ, Кинѳъ и Отръ, запылалъ наконецъ и лишившійся снѣговъ Родопъ, Мимантъ, Диндимъ, Микала и предназначенный для священнодѣйствій Киѳеронъ. Не приносятъ пользы Скиѳіи ея холода: пылаетъ Кавказъ, Осса съ Пиндомъ и болѣе высокій, чѣмъ оба они, Олимпъ; пылаютъ высокія Альпы и туманный Аппеннинъ. Тогда-то только замѣтилъ Фаэтонъ, что повсюду запылалъ міръ. Не выноситъ юноша такого жара, ртомъ вдыхаетъ онъ раскаленный, будто изъ глубокой печи, воздухъ, чувствуетъ, что начинаетъ накаляться и его колесница. И ужъ не можетъ Фаэтонъ выносить ни пепла, ни вылетающей горячей золы, отовсюду окруженъ онъ горячимъ дымомъ, покрытъ непроницаемымъ мракомъ; не знаетъ юноша, куда ѣхать ему или гдѣ онъ, и носится по произволу быстрыхъ коней. Думаютъ, что тогда-то отъ крови, прилившей къ головѣ, почернѣли Эѳіопы, тогда-то изсохла Ливія, лишившись отъ жара влаги, тогда-то распустили нимфы свои волосы и стали оплакивать источники и озера. Исчезла въ Беотіи Дирка, въ Аргосѣ—Амимона, въ Эѳирѣ—Пирена. Не остались цѣлы даже великія рѣки: посреди своихъ водъ задымился Танаисъ, старый Пеней, тевѳрантскій Каикъ, быстротечный Исменъ и фегейскій Эримантъ. Во второй разъ готовится горѣть Ксанѳъ, желтоводный Ликормъ, извилистый Меандръ, мигдонскій Меланъ и тенарскій Эвротъ. Загорѣлся и вавилонскій Евфратъ, запылалъ Оронтъ, быстрый Термодонтъ, Гангъ, Фазисъ и Истръ. Закипѣлъ Алфей, загорѣлся Сперхій; отъ огня расплавляется золото, которое несетъ на днѣ своемъ Таго; сварились въ срединѣ Каистра лебеди оглашавшіе Меонію своимъ крикомъ. Въ ужасѣ убѣжалъ Нилъ на край вселенной и скрылъ свой истокъ, который не открытъ и донынѣ, семь пыльныхъ, изсякшихъ устьевъ, семь

безводныхъ долинъ осталось отъ него. Отъ одного и того же бѣдствія высыхаютъ рѣки Исмаріи—Гебръ и Стримонъ, рѣки Гесперіи—Рейнъ, Рона, По и Тибръ, которому обѣщано было владычество надъ міромъ.

Разсѣлась вся земля; чрезъ ея щели свѣтъ проникаетъ въ Тартаръ и пугаетъ подземнаго царя съ его супругою. Съуживается море; что было недавно моремъ, то дѣлается сухою песчаной равниной. Выдаются горы, которыя покрывало глубокое море и увеличиваютъ собою число группы Кикладовъ. Въ глубь уходятъ рыбы, горбатые дельфины не рѣшаются всплыть на поверхность моря, подышать по обыкновенію воздухомъ. На неизмѣримой глубинѣ навзничь лежатъ мертвые тюлени. Говорятъ, что даже Нерей и Дорида съ дочерьми ушли въ глубь своихъ нагрѣвшихся пещеръ. Три раза пытался разгнѣванный Нептунъ высунуть изъ воды свои руки и три раза убиралъ ихъ, не вынося раскаленнаго воздуха. Но благотворная Земля въ сильной скорби по шею выставила свою опаленную голову,—хотя ее окружало море и отовсюду собравшіеся между его водъ изсякавшіе источники, которые скрывались въ прохладныя нѣдра своей матери,—и закрыла лицо рукою; съ сильнымъ шумомъ, все потрясая, богиня осѣлась не много и была ниже, чѣмъ обыкновенно. Такъ стала говорить Земля сиплымъ своимъ голосомъ: «властитель надъ богами, если ты рѣшился наказать меня, а я заслужила подобную кару, то что-жъ бездѣйствуютъ твои перуны: позволь той, которая должна погибнуть отъ огня, погибнуть отъ твоихъ молній, облегчить себя тѣмъ, что виновникомъ ея будешь ты! Вѣдь чтобы произнести эти самыя слова, я съ трудомъ раскрываю ротъ—дымъ душитъ мнѣ горло. Вотъ взгляни на мои опаленные волосы, посмотри, сколько пеплу у меня въ глазахъ и на лицѣ. Такъ-то награждаешь ты меня, такъ-то чтишь за мое плодородіе и за службу, за то, что ранитъ меня кривой плугъ и мотыка, за то, что мучусь круглый годъ, доставляя скоту траву, людямъ—пищу, сытый хлѣбъ, и ладанъ—для васъ,

боговъ. Но умертви ты меня,—я стою того, а то чѣмъ провинились предъ тобою воды, чѣмъ твой братъ? Зачѣмъ убываетъ доставшееся ему по жребію море, зачѣмъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, удалено оно отъ неба? Если ты не любишь ни брата, ни меня, то пожалѣй хоть свое небо. Посмотри вокругъ: дымятся оба полюса. Если пожретъ ихъ огонь, то обрушатся и ваши чертоги. Вотъ приходится плохо и самому Атланту: насилу держитъ онъ на своихъ плечахъ раскаленное небо. Если погибнутъ море, земля и небо, то мы по-прежнему смѣшаемся въ хаосѣ. Если что-нибудь и цѣло до сихъ поръ, то хоть это спаси ты отъ огня, позаботься о мірѣ!» Сказавъ это, Земля скрыла свое лицо въ нѣдрахъ, пещерахъ, близкихъ къ царству тѣней, такъ какъ не могла она ни выносить долѣе жару, ни говорить.

Всемогущій-же отецъ, призвавъ какъ боговъ, такъ и самого того, кто далъ Фаэтону колесницу, быть свидѣтелями тому, что ничто не избѣгнетъ злой участи, если не подастъ онъ помощи, гордо взошелъ на самую высокую часть своего жилища, откуда обыкновенно наводилъ онъ тучи на широкую землю, откуда гремѣлъ громомъ и металъ яркія молніи. Но тогда не было у Юпитера ни тучъ, чтобъ навести ихъ на землю, ни дождей, чтобъ пролить ихъ съ неба: громомъ загремѣлъ онъ и отъ праваго уха съ размаху метнулъ въ возницу молніею; одновременно и убилъ его, и выбросилъ изъ колесницы,—огонь потушилъ стремительною молніею. Въ испугѣ кони сдѣлали скачекъ въ сторону, вырвались изъ хомутовъ, порвали и раскидали вожжи. Въ одномъ мѣстѣ лежали поводья, въ другомъ—оторванные отъ спицъ ободья, въ третьемъ—оторванныя отъ разбитыхъ колесъ спицы: на далекомъ пространствѣ разбросаны части разбитой колесницы. Фаэтонъ-же, золотистые волосы котораго охватило пламя, полетѣлъ въ бездну; длинною полосою несется онъ по воздуху, словно звѣзда, падающая порою съ свѣтлаго неба: хоть и не упала она, но кажется упавшею. Далеко отъ родины,

въ другой части свѣта, упалъ Фаэтонъ въ волны великаго Эридана и омылъ въ нихъ свое дымившееся лицо. Гесперійскія наяды схоронили обгорѣвшее отъ удара трезубчатою молніею тѣло юноши и на надгробномъ камнѣ вырѣзали слѣдующіе стихи:

Здѣсь погребенъ Фаэтонъ, колесницы отцовской возница.
Править онъ ею не смогъ,—погубилъ его замыселъ смѣлый.

Отецъ-же несчастнаго Фаэтона не всходилъ отъ сильной скорби, и говорятъ,—если только вѣрить этому—будто солнца одинъ день не было: пожаръ освѣщалъ землю,—хоть какое нибудь употребленіе можно было сдѣлать изъ этого бѣдствія. Опечаленная-же и безутѣшная Климена, высказавъ, что слѣдовало при столь великомъ горѣ, разодрала на себѣ одежду и обошла весь свѣтъ, стараясь найти сперва трупъ сына, потомъ хоть его кости; наконецъ она нашла кости Фаэтона, схороненныя на чужбинѣ. Упала Климена на то мѣсто и, прочитавъ сыновнее имя на мраморномъ камнѣ, облила его слезами, согрѣвала обнаженною грудью. Не меньше матери скорбѣли по Фаэтонѣ и Геліады: оплакивали онѣ бездыханную добычу смерти, руками били свою грудь, день и ночь призывали Фаэтона, который не могъ услыхать ихъ жалобныхъ воплей, и распростирались у его гробницы. Четыре раза успѣла народиться луна, а Геліады по своему обыкновенію—изъ привычки дѣлается обычай—все еще оплакивали брата. Но вотъ старшая изъ сестеръ, Фаэтуза, желая лечь на землю, стала жаловаться, что у ней оцѣпенѣли ноги. Когда пыталась подойти къ ней прекрасная Лампетія, то корень дерева неожиданно удержалъ ее на мѣстѣ. Третья дочь Солнца начинаетъ срывать съ себя листья въ то время, когда готовилась рвать волосы; одна ропщетъ, что стволъ держитъ ея ноги, другая,—что ея руки превращаются въ длинные сучья. Пока дивятся тому дочери Солнца, кора достигаетъ имъ до живота, обхватываетъ утробу, грудь, плечи и руки; оставались одни уста — онѣ звали мать. Что дѣлать матери, какъ некидаться безсознательно то туда,

то сюда и, пока возможно, цѣловать дочерей? Но мало того Клименѣ: она хочетъ сорвать кору со своихъ дочерей, ломаетъ руками молодые сучья, а изъ нихъ, *будто изъ раны*, текутъ капли крови (360). «Мать, умоляю тебя, сжалься надъ нами», восклицаетъ каждая раненая дочь Климены, «молю тебя, сжалься—не кору, наше тѣло рвешь ты! Теперь прощай!» Кора заглушила послѣднее слово. Изъ (365) молодыхъ вѣтвей дерева потекли слезы, сгущаясь, онѣ твердѣютъ на солнцѣ и превращаются въ янтарь. Въ волны свѣтлаго потока падаетъ онъ и носятъ его *латинскія жены*.

Присутствовалъ при этомъ чудномъ превращеніи Кикнъ, сынъ Стенелея. Хоть и родственникомъ по матери приходился онъ тебѣ, Фаэтонъ, но по любви къ тебѣ былъ еще ближе. Прибылъ онъ изъ своего царства — надъ славными лигурійскими (370) городами царствовалъ Кикнъ—и огласилъ воплями покрытые зеленью берега рѣки Эридана и лѣсъ, увеличившійся отъ превращенія его родственницъ. Вдругъ голосъ его сталъ тоньше, чѣмъ у мужчины, въ бѣлыя перья превратились его волосы, изъ груди высунулась (375) длинная шея, перепонка стянула красные пальцы, пухомъ покрылось его тѣло, ротъ сталъ тупымъ клювомъ—въ невиданную птицу превратился Кикнъ. Не довѣряетъ онъ ни небу, ни Юпитеру, такъ какъ мститъ ему за несправедливо-пущенную въ Фаэтона молнію—болотъ и широкихъ озеръ ищетъ Кикнъ и, боясь огня, для житья (380) выбираетъ враждебную огню воду.

Между тѣмъ печальный, лишившійся своего украшенія, отецъ Фаэтона находится въ такомъ состояніи, въ какомъ обыкновенно бываетъ онъ во время затмѣній: ненавидитъ онъ дневной свѣтъ, самого себя и жизнь, въ душѣ предается горю и къ тому-же гнѣвается — не хочетъ онъ служить (385) міру. «Довольно безпокойства вынесъ я въ своей жизни отъ *начала міра», говоритъ* Фебъ,—«пусть другой, кто хочетъ, управляетъ свѣтоносною колесницею». Если не найдется никого, и всѣ боги скажутъ, что не могутъ, то

пусть самъ (390) Юпитеръ управляетъ ею. По крайней мѣрѣ хоть на время оставитъ онъ свои перуны, пока испытываетъ мою колесницу, перуны, отнявшіе сына у отца. Когда испытаетъ отецъ силу быстрыхъ коней, пусть тогда знаетъ, что не заслужилъ смерти тотъ, кто правилъ ими». Такъ говорило Солнце, и обступили его всѣ боги (395), усиленно прося не оставлять міра во тьмѣ. Юпитеръ со своей стороны сталъ оправдываться въ томъ, что метнулъ молніею, а къ просьбамъ своимъ, какъ царь, присоединилъ и угрозы. Фебъ собралъ обезумѣвшихъ и еще дрожавшихъ отъ страха коней. Въ досадѣ немилосердно (400) избилъ онъ ихъ палкою и бичемъ, укоряя и обвиняя въ смерти сына ихъ господина.

Всемогущій-же отецъ обходитъ огромные небесные чертоги, осматриваетъ, не обрушилось ли что, поколебавшись отъ пламени. Когда же Юпитеръ увидѣлъ, что чертоги боговъ крѣпки и прочны, то взглянулъ (405) на землю и на людскіе труды. Болѣе же всего озабочиваетъ Юпитера любимая имъ Аркадія. Возстановляетъ онъ ея источники, еще боявшіяся течь рѣки, травою одѣлъ онъ землю, листвою—деревья, велѣлъ вновь позеленѣть опаленнымъ лѣсамъ. Среди такихъ хлопотъ встрѣтилась (410) съ Юпитеромъ одна нонакринская дѣвушка. Увидѣвъ ее, богъ влюбился въ нее всѣмъ сердцемъ. Не пряла Каллиста шерсти, не причесывала и не украшала своихъ волосъ. Когда поясъ стягивалъ платье дѣвы, бѣлая лента—ея непричесанные волосы, когда въ руку брала она то легкое копье, то лукъ — тогда шла съ Фебою на охоту (415). Ни одна нимфа, кромѣ Каллисты, не ходила охотиться съ Тривіей на Меналъ, ни одну не любила такъ богиня. Но ничье счастье не продолжительно.

Высоко стояло солнце, пройдя болѣе половины своего пути, когда Каллиста вошла въ рощу, въ которую давно никто не заходилъ. Тутъ дѣвушка сняла съ плеча колчанъ, спустила гибкій лукъ (420) и прилегла на покрытомъ травою мѣстѣ, а подъ голову положила красивый колчанъ. Когда Юпитеръ замѣтилъ, что Каллиста утомилась и никто не подсматриваетъ

за нимъ, то сказалъ: «моя жена навѣрно не узнаетъ объ этой продѣлкѣ, а если и узнаетъ, то есть за что стерпѣть брань!» Тотчасъ же (425) богъ принялъ наружность и убранство Діаны и сказалъ Каллистѣ: «Дѣвушка, одна изъ моихъ спутницъ, въ какихъ горахъ ты охотилась?» Приподнялась дѣвушка съ травы и отвѣтила: «здравствуй, богиня, по моему мнѣнію болѣе могучая, чѣмъ Юпитеръ, пусть хоть онъ самъ услышитъ это!» Посмѣивается Юпитеръ, — радъ онъ, слыша, что его предпочитаютъ ему-же (430), и цѣлуетъ Каллисту, но слишкомъ нескромно, не такъ, какъ слѣдуетъ цѣловать дѣвицѣ дѣвицу. Когда Каллиста хотѣла-было разсказывать, въ какомъ лѣсу охотилась, Юпитеръ не далъ ей, обнялъ онъ дѣву и выдалъ себя не безъ преступленія. Хоть и боролась Каллиста, на сколько это въ силахъ женщины,—если-бы ты видѣла (435) это, дочь Сатурна, то была бы снисходительнѣе—но какая дѣвушка, да и кто можетъ осилить могучаго Юпитера? Побѣдителемъ поднялся онъ на небо, а Каллистѣ ненавистна стала роща и лѣсъ, свидѣтель ея позора. Уходя оттуда, дѣвушка едва не позабыла захватить (440) съ собою колчана со стрѣлами и повѣшеннаго ею лука.

Однажды Диктинна, въ сопровожденіи своей свиты, шла послѣ удачной охоты чрезъ высокій Меналъ, увидѣла Каллисту и подозвала ее къ себѣ. Сперва нимфа не пошла на зовъ богини, она боялась, не Юпитеръ-ли это въ образѣ Діаны? Когда же (445) замѣтила Каллиста, что вмѣстѣ съ Діаною идутъ и нимфы, то поняла, что тутъ хитрости нѣтъ, и присоединилась къ ихъ толпѣ. О, какъ не трудно судить о грѣхѣ дѣвушки по ея лицу: насилу поднимаетъ Каллиста глаза съ земли, нейдетъ бокъ-о-бокъ съ богинею, — что она дѣлала обыкновенно — нейдетъ впереди всей свиты, но (450) молчитъ и, стыдливо зардѣвшись, какъ бы доказываетъ тѣмъ, что она обезчещена. По тысячѣ знаковъ могла бы судить Діана о винѣ Каллисты, еслибъ сама не была дѣвственницею. Говорятъ, что и нимфы догадались, въ чемъ дѣло. Девять разъ успѣла народиться луна, когда

богиня, кончивъ охоту и, обезсилѣвъ отъ лучей свѣтила своего брата, нашла (455) прохладную рощу, изъ которой съ журчаньемъ вытекалъ ручей, унося промытый песокъ. Понравилась мѣстность Діанѣ и она попробовала ногою, глубокъ ли ручей. Понравилась богинѣ его вода и она сказала: «никто не увидитъ насъ здѣсь, — обмоемъ свое обнаженное тѣло въ глубокомъ ручьѣ!» Покраснѣла Парразіанка (460). Всѣ нимфы стали раздѣваться, медлила одна Каллиста. Со стѣснявшейся нимфы сдернули платье, и тогда нагота обличила преступленіе Каллисты. Смутилась нимфа, старалась руками прикрыть свой животъ, но Киноія (465) сказала ей: «уйди отсюда подальше, не грязни священнаго источника», и велѣла Каллистѣ выйти изъ своей свиты.

Еще раньше замѣтила Каллисту супруга великаго Громовержца, но строгое наказаніе ея отложила до поры-до-времени. И законное основаніе имѣетъ богиня — ужъ ея соперница родила сына — Аркада; объ этомъ-то самомъ и загоревала Юнона. Когда (470) взглянула на мальчика разгнѣванная богиня, то воскликнула: «того только и не доставало, чтобы родила ты, любовница, чтобы, благодаря твоимъ родамъ, извѣстна стала нанесенная мнѣ обида и обнаружился бы позорный поступокъ моего Юпитера. Не пройдетъ это тебѣ безнаказанно; будь увѣрена, что я лишу тебя (475) красоты, ради которой, дерзкая, влюбился въ тебя мой мужъ!» Сказавъ это, богиня схватила Каллисту за волосы и, поваливъ ее, растянула по землѣ. Въ то время, какъ дѣва съ мольбою протягивала руки, ноги ея стали покрываться косматою черною шерстью, руки согнулись и получили кривые когти, стали служить вмѣсто (480) ногъ. Лице, нѣкогда понравившееся Юпитеру, обезобразила широкая пасть. Чтобы мольбы Каллисты не тронули сердца Юпитера, отнятъ у ней даръ слова, сиплымъ горломъ издаетъ она сердитый, грозный, полный ужаса ревъ. Однако и у превращенной въ медвѣдицу дѣвы осталась прежняя способность мыслить (485): къ небу и звѣздамъ подымаетъ она, какія только

есть у ней руки, испытывая неблагодарность Юпитера, но не будучи въ состояніи выразить ея на словахъ. Сколько разъ бродила Каллиста предъ прежнимъ своимъ жилищемъ и по полямъ, боясь одною лечь спать въ лѣсу! Сколько разъ съ лаемъ гнались за Каллистою по скаламъ псы, и прежняя охотница убѣгала въ ужасѣ, боясь охотниковъ! Часто пряталась Каллиста при видѣ звѣрей, забывая, кто она сама; будучи медвѣдицею, боялась, завидѣвъ въ горахъ медвѣдей; пугалась она и волковъ, хотя въ ихъ числѣ былъ и ея отецъ. Но вотъ явился Аркадъ, внукъ Ликаона, не знавшій своей матери, почти пятнадцати-лѣтній мальчикъ. Гоняясь за звѣрями и выбирая для своей охоты удобныя гористыя мѣста, онъ окружалъ тенетами эримантскій лѣсъ и въ то время встрѣтилъ свою мать. Остановилась Каллиста, увидя Аркада; казалось, будто она узнала его. Въ ужасѣ побѣжалъ Аркадъ, не замѣчая неподвижныхъ, пристально смотрѣвшихъ на него глазъ. Когда-же Каллиста хотѣла подойти ближе, Аркадъ хотѣлъ было пустить ей въ грудь свое смертоносное копье. Удержалъ его отъ этого Всемогущій: одновременно восхитилъ онъ Каллисту и ея сына, не далъ совершиться преступленію,—въ быстромъ вихрѣ пронесъ ихъ по воздуху и помѣстилъ на небѣ, сдѣлавъ близкими другъ къ другу созвѣздіями.

Разсердилась Юнона, когда среди созвѣздій засіяла ея соперница. Сошла богиня въ море къ сѣдой Ѳетидѣ и старому Океану—всегда уважали ихъ безсмертные — и, когда боги спросили Юнону о причинѣ ея посѣщенія, она отвѣчала имъ: «вы спрашиваете, зачѣмъ являюсь сюда я, царица надъ богами, изъ своего жилища на небѣ, — оттого, что вмѣстѣ со мною поселилась на небѣ и моя соперница. Солгу я, если въ то время, когда ночь покроетъ землю тьмою, вы не увидите тамъ, гдѣ послѣдній и по длинѣ самый короткій кругъ соприкасается съ концемъ оси, созвѣздій, предметъ моего оскорбленія, удостоенныхъ недавно почести быть перенесенными на высокое небо. Въ самомъ дѣлѣ, почему никто не хо-

четъ оскорбить Юнону и страшиться наказанія за оскорбленіе, вѣдь только я одна, желая отмстить за себя, приношу пользу; вотъ что я сдѣлала, вотъ, какъ велика моя власть: не позволила я Каллистѣ быть человѣкомъ, она стала богинею,— такъ наказываю я виновныхъ, такъ велико мое могущество! Пусть дастъ Юпитеръ Каллистѣ прежнюю красоту, сниметъ съ нея видъ звѣря, — вѣдь раньше онъ такъ и поступилъ съ Арголидянкою, сестрою Форона. Отчего Юпитеръ не прогонитъ Юноны и не введетъ къ себѣ въ домъ Каллисты, отчего не жениться ему на ней, взявъ Ликаона въ тести? Вы же не пускайте погружаться въ лазурное море семи Тріонамъ, прогоните созвѣздіе, въ награду за прелюбодѣяніе взятое на небо, пусть не погружается въ чистое море моя соперница, если только презрѣніе къ питомицѣ трогаетъ васъ!» Согласились на это боги моря, и дочь Сатурна въ легкой, запряженной красивыми павлинами колесницѣ, поднялась на свѣтлое небо.

Очень недавно, послѣ смерти Аргуса, стали павлины красивыми, также недавно, какъ и ты, болтливый во́ронъ, перемѣнилъ внезапно свои перья на черныя, хотя раньше былъ ты бѣлоснѣжнаго цвѣта. Нѣкогда эта птица была, благодаря своимъ бѣлымъ перьямъ, серебристаго цвѣта, такъ что равнялась въ этомъ отношеніи чистымъ голубямъ и не уступала ни чуткимъ гусямъ, которымъ суждено было крикомъ спасти Капитолій, ни любящему воду лебедю. Языкъ повредилъ во́рону: прежде бѣлаго цвѣта былъ онъ, а болтливымъ своимъ языкомъ достигъ того, что теперь у него цвѣтъ противоположный бѣлому.

Во всей Гемоніи не было прекраснѣе Корониды изъ Ларисcы. Конечно, до тѣхъ поръ любилъ ее ты, дельфійскій богъ, пока невинна была она и ни въ чемъ не замѣчена. Про измѣну же Корониды узнала птица Феба. Полетѣлъ къ своему господину неумолимый доносчикъ, чтобы открыть еще неизвѣстное тому преступленіе Корониды. Махая крыльями догоняетъ во́рона болтливая воро́на, чтобы обо всемъ узнать

отъ него. Развѣдавъ, зачѣмъ отправляется воронъ, она говоритъ (550) ему: «недоброе затѣялъ ты,—послушайся моего совѣта,—взгляни, чѣмъ была я раньше, и что теперь: ты узнаешь, что изъ-за вѣрности пострадала я, спроси же, въ чемъ состояла моя услуга. Однажды Паллада-Эрихтонія заключила въ корзину, сплетенную изъ актейскаго ивняка, дитя, рожденное безъ матери. Тремъ дочерямъ (555) двойнаго Кекропа приказала она не подсматривать ея тайны. Спряталась я въ мягкой листвѣ тѣнистаго вяза и смотрю, что будутъ дѣлать сестры. Пандроза и Герза, обѣ честно охраняютъ ввѣренное ихъ попеченію, одна Аглавра (560) зоветъ своихъ боязливыхъ сестеръ и собственноручно развязываетъ узелъ. Внутри корзины дочери Кекропа находятъ ребенка и лежащаго возлѣ него дракона. О происшедшемъ я разсказываю богинѣ. За это меня такъ отблагодарили, что идетъ рѣчь о томъ, будто я буду лишена покровительства Минервы, а по мѣсту буду стоять ниже ночной птицы — совы. Мое наказаніе можетъ служить примѣромъ (565) птицамъ, чтобы не напрашивались онѣ на бѣду своимъ языкомъ. А, я думаю, сама Паллада желала у меня что-нибудь разспросить объ этомъ—спроси хоть у ней самой. Хоть и разгнѣвана богиня, но не будетъ этого отрицать — вѣдь я дочь знаменитаго фокейскаго царя Коронея,—я говорю про то, о чемъ знаютъ всѣ (570). Не презирай меня — я была царевною, и богатые женихи сватались ко мнѣ. Когда я медленно прохаживалась по привычкѣ по вязкому песчаному берегу моря, замѣтилъ меня его владыка и влюбился въ меня. Такъ какъ Нептунъ по-пусту потратилъ время (575) въ мольбахъ и ласковыхъ рѣчахъ, то захотѣлъ изнасиловать меня и погнался за мною. Я побѣжала по твердому берегу, но лишь по-напрасну утомлялась, шагая по вязкому песку. Поэтому стала звать на помощь боговъ и людей; ни одинъ человѣкъ не услыхалъ моего крика, а помогла (580) мнѣ дѣва, сжалившись надъ дѣвицею. Начала я поднимать къ небу свои руки — руки почернѣли отъ пуха, хотѣла сбросить съ себя одежду — одежда превратилась въ

перья и глубоко вросла въ кожу. Хотѣла-было я бить руками свою обнаженную грудь, но (585) у меня ужъ не было ни рукъ, ни обнаженной груди. Побѣжала я, но песокъ не удерживалъ моихъ ногъ, какъ прежде: высоко надъ землею поднялась я, потомъ полетѣла по воздуху надъ берегомъ моря и стала спутницею безпорочной Минервы. Но что пользы въ томъ, если и Никтемена превратилась въ птицу въ наказаніе за свое ужасное преступленіе (590)—удостоилась одинаковой награды со мною. Развѣ ты не слышала о происшествіи, извѣстномъ всѣму Лесбосу, что Никтемена осквернила отцовское ложе? Хотя и птица она, но сознаетъ свою вину: исчезаетъ при наступленіи дня, отъ стыда таится (595) въ темнотѣ; всѣ птицы гоняются за нею по воздуху». Въ отвѣтъ на эти слова вòронъ сказалъ: «я желаю, чтобы подобныя увѣщанія послужили во вредъ тебѣ, а я на глупыя предостереженія не обращаю вниманія!»

Вòронъ продолжалъ свой путь и разсказалъ своему господину, что видѣлъ, какъ Коронида лежала съ однимъ молодымъ Гемонійцемъ. При одной вѣсти объ измѣнѣ Корониды влюбленный сбросилъ со своей головы лавровый вѣнокъ (600), въ то-же время измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ онъ и бросилъ свою лиру. Въ страшномъ гнѣвѣ схватилъ Фебъ свое обычное оружіе — изогнутый въ видѣ роговъ лукъ и, натянувъ его, пронзилъ мѣткою (605) стрѣлою грудь, столько разъ прижимавшуюся къ его груди. Застонала раненая Коронида и, вынувъ стрѣлу, обагрила алою кровью свое красивое тѣло. «Имѣлъ ты право наказать меня, Фебъ», сказала она, «но прежде далъ бы мнѣ родить, а то теперь двойное убійство совершилъ ты!» Ни слова больше (610) не произнесла окровавленная Коронида и испустила духъ; холодъ смерти разлился по ея бездыханному тѣлу. Увы, поздно сталъ раскаиваться влюбленный въ суровомъ своемъ наказаніи; возненавидѣлъ онъ и самаго себя, и вѣсть объ измѣнѣ, разгнѣвался и на то, что не могъ сдержать себя. Возненавидѣлъ богъ и птицу, которая донесла (615) ему о преступленіи Корониды, заставила горе-

вать его, возненавидѣлъ онъ и свое оружіе, и дерзновенныя руки, лукъ свой и стрѣлы. Обнимаетъ Фебъ убитую, всѣми силами старается оживить ее, но безполезны усилія бога, понапрасну прикладывалъ онъ и цѣлебныя травы. Когда увидѣлъ Фебъ, что тщетны всѣ его усилія, что нужно приготовлять костеръ, чтобъ сжечь на немъ тѣло Корониды, то глубоко вздохнулъ онъ, — богу не прилично плакать — застоналъ такъ, какъ стонетъ корова, когда на ея глазахъ мѣткій, нанесенный изо всей силы, ударъ обуха раздробляетъ впалые виски ея сосуна. Умастилъ Фебъ благовоніями грудь Корониды, хоть она и не нуждалась въ этомъ, обнималъ ее и отдалъ недостойной послѣдній долгъ. Но не захотѣлъ богъ, чтобы его сѣмя тоже превратилось въ пепелъ: вынулъ онъ ребенка изъ объятаго пламенемъ материнскаго чрева и отнесъ его въ пещеру, къ двойному Хирону, вóрона же, надѣявшагося получить себѣ награду за правдивый доносъ, наказалъ тѣмъ, что сдѣлалъ птицею чернаго цвѣта.

Радъ былъ получеловѣкъ Хиронъ своему божественному питомцу, гордился оказаннымъ ему почетомъ, хотя и сопряженнымъ съ трудомъ. Вотъ приходитъ дочь Кентавра; распущены по плечамъ были ея золотистые волосы; нимфа Харикла нѣкогда родила ее на берегу быстрой рѣки и назвала Окироей. Мало того, что она знала искусство своего отца — она предсказывала еще тайны будущаго. Итакъ, когда вѣщая дѣва пришла въ изступленіе, — богъ, скрытый въ сердцѣ, побуждалъ ее къ тому, — то, увидѣвъ ребенка, воскликнула: «рости, дитя, на спасенье цѣлому міру: не разъ смертные будутъ обязаны тебѣ жизнію; искусствомъ своимъ ты будешь воскрешать умершихъ; разъ дерзнувъ на это противъ воли безсмертныхъ, ты будешь удержанъ отъ желанія сдѣлать это вторично перунами дѣда. Изъ бога сдѣлаешься ты безжизненнымъ тѣломъ и изъ недавняго трупа снова станешь богомъ: два раза измѣнишься въ своей жизни. И ты, дорогой отецъ, теперь безсмертный, рожденный и вѣчно оставаться безсмертнымъ, станешь про-

сить смерти, когда будешь страдать отъ яда страшнаго дракона, когда войдетъ онъ въ твое раненое тѣло. Смертнымъ сдѣлаютъ тебя боги, три богини порвутъ нить твоей жизни!» Хотѣла было Окироя предсказать еще что-нибудь, но лишь глубоко вздохнула, а изъ ея глазъ покатились слезы. «Сильнѣе меня судьба», такъ воскликнула дѣва, «не даетъ она мнѣ говорить, молчать заставляетъ меня! Не много значили мои предсказанія, которыя навлекли на меня божескій гнѣвъ; лучше желала бы я не знать будущаго! То чувствую я, что перестаю быть человѣкомъ, то является у меня желаніе ѣсть траву, то охота мнѣ бѣгать по чистому полю — въ существо, похожее на лошадь, превращаюсь я, но почему не вся?... Конечно потому, что у моего отца два вида...» Такъ говорила дочь Хирона, но конецъ ея жалобы былъ не совсѣмъ понятенъ, невнятны были послѣднія слова. Потомъ Окироя не произнесла даже ни одного слова, она издавала ржанье, не лошадиное, но похожее на него; чрезъ нѣсколько времени ясно заржала она, на траву опустила свои руки; *потомъ срослись* ея пять пальцевъ, красивое, круглое копыто соединило ногти. Увеличивается лицо Окирои, длиннѣе становится ея шея, большая часть длиннаго платья дѣлается хвостомъ; распущенные же волосы, какъ лежали по плечамъ, такъ и превратились въ гриву, спустившуюся на правую сторону; одновременно измѣнились голосъ и наружность Окирои, и, какъ невиданное животное, назвали ее другимъ именемъ.

Загоревалъ сынъ Филиры, но напрасно просилъ онъ твоей помощи, Дельфіецъ,—не могъ-бы ты измѣнить воли великаго Юпитера, а если-бъ и захотѣлъ, то тогда тебя въ тѣхъ мѣстахъ не было—бродилъ ты въ Элидѣ и Мессеніи. Пастушескую одежду носилъ ты въ то время, въ лѣвой рукѣ была у тебя тяжелая, необдѣланная дубина, въ правой—свирѣль изъ семи разномѣрныхъ тростинокъ. Когда ты, страдая отъ любви, наслаждался игрою на свирѣли, тогда, говорятъ, быки твои, оставленные безъ присмотра, ушли въ окрестности Пи-

лоса. Увидѣлъ быковъ сынъ Маіи, внукъ Атланта; по привычкѣ онъ загналъ ихъ въ лѣсъ и скрылъ тамъ. Никто не замѣтилъ этой кражи, кромѣ извѣстнаго во всемъ томъ околодкѣ старика по имени Батта. Охранялъ онъ лѣса, тучныя пастбища и табуны благородныхъ кобылицъ богача Нелея. Струсилъ предъ Баттомъ Меркурій, ласково подозвалъ онъ его къ себѣ и сказалъ: «кто бы ты ни былъ, любезный, слушай: если кто-нибудь случайно спроситъ, не видалъ-ли ты этого стада, скажи, что нѣтъ; въ благодарность за услугу возьми себѣ тучную корову», и Меркурій далъ ее Батту. Баттъ взялъ корову и сказалъ: «иди съ богомъ, незнакомецъ, скорѣе этотъ камень»—онъ показалъ на камень—«разскажетъ о твоей кражѣ, чѣмъ я». Сынъ Юпитера притворился, будто ушелъ, потомъ воротился и, перемѣнивъ вмѣстѣ съ голосомъ и наружность, обращаясь къ Батту, сказалъ:—«не замѣтилъ-ли ты, селянинъ, не проходили-ли по этой дорогѣ быки? Будь добръ, скажи мнѣ, кто укралъ ихъ,—я дамъ тебѣ корову и быка». Когда увидѣлъ старикъ, что награда удвоена, то сказалъ: «быки у подошвы той горы», а они и на самомъ дѣлѣ были тамъ. Засмѣялся внукъ Атланта и сказалъ: «меня мнѣ-же предаешь ты, измѣнникъ, меня мнѣ-же предаешь ты?» Въ твердый камень превратилъ Меркурій клятвопреступное сердце Батта; и даже до сихъ поръ называютъ тотъ ничѣмъ невиноватый камень «предатель»,—долго лежитъ на немъ безславіе.

Улетѣлъ оттуда на двухъ своихъ крыльяхъ жезлоносецъ Меркурій; на лету взглянулъ онъ на окрестности Мунихія, на страну любимую Минервою и на рощи красиваго Ликея. Случилось, что въ тотъ день, по обычаю, цѣломудренныя дѣвы несли на головахъ, въ украшенныхъ вѣнками корзинахъ, святыню чистой Паллады въ ея украшенный по праздничному храмъ. Крылатый богъ замѣтилъ дѣвушекъ въ то время, когда онѣ возвращались назадъ. Не полетѣлъ дальше Меркурій, сталъ онъ кружиться на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Какъ самая

хищная птица—коршунъ, увидя внутренности жертвенныхъ животныхъ, жадно машетъ крыльями и облетаетъ вкругъ предмета своего желанія, но, боясь множества жрецовъ, окружающихъ жертву, кружится въ воздухѣ и не хочетъ улетать дальше: такъ (720) кружится и рѣетъ въ воздухѣ надъ одною актейскою твердынею и ловкій Килленій. На-сколько ярче другихъ звѣздъ сіяетъ Люциферъ, на сколько ярче тебя, Люциферъ, красавица Феба: на столько прелестнѣе всѣхъ дѣвицъ была шедшая (725) Герза; украшеніемъ и торжественнаго шествія, и своихъ спутницъ была она. Пораженъ красотою Герзы сынъ Юпитера. Вися въ воздухѣ, воспылалъ онъ любовью, такъ сильно, какъ летитъ изъ болеарской пращи свинцовая пуля; накаляется она на лету, а подъ облаками накаляется до-бѣла отъ того жару, котораго у ней раньше не было. Своротилъ (730) Меркурій съ пути и съ неба спустился на землю. Не скрываетъ богъ, кто онъ: такъ увѣренъ Меркурій въ помощи своей красоты. Хоть безъ сомнѣнія красивъ былъ сынъ Юпитера, все же заботится онъ о своей красотѣ: причесываетъ волосы, подбираетъ хламиду, чтобы красивѣе спускалась она, чтобы виднѣлась ея вся золотомъ вышитая кайма. Какъ (735) въ правой рукѣ у Меркурія блеститъ длинный жезлъ, которымъ онъ наводитъ и отгоняетъ сны, такъ на усталыхъ ногахъ — крылья. Въ глубинѣ дворца Кекропа были три спальни, отдѣланныя слоновою костью и черепахою; изъ нихъ правая твоя была, Пандроза, лѣвая Аглавры, средняя Герзы. Та (740), чьей принадлежала лѣвая спальня, первая увидѣла идущаго Меркурія. Рѣшилась Аглавра спросить имя бога и то, зачѣмъ онъ пришелъ. Такъ отвѣтилъ Аглаврѣ внукъ Атланта и Плеоны: «я тотъ, кто разноситъ по воздуху слова своего отца, а отцемъ мнѣ самъ Юпитеръ; не (745) скрою я, зачѣмъ пришелъ, будь только доброжелательна къ сестрѣ, и дѣти мои станутъ звать тебя по матери теткою; ради Герзы пришелъ я, умоляю тебя, поддержи сторону влюбленнаго!» Точно такъ взглянула на него Аглавра, какъ не-

давно на тайну свѣтлокудрой Минервы; и хоть требуетъ она (750) за услугу много золота, покуда-же велѣла выйти Меркурію изъ дому. Грозно посмотрѣла на Аглавру богиня войны; отъ волненія такъ глубоко вздохнула Паллада, что одновременно заколыхалась у ней грудь и прикрѣпленная къ мужественной груди эгида (755)). Вспомнила Аѳина, что Аглавра дерзновенною рукою не только открыла ея тайну, но и нарушила клятву, увидѣла рожденное безъ матери дитя лемносскаго бога; вспомнила богиня, что будетъ любима и богомъ, и сестрою, а получивъ золото, которое она алчно требовала, станетъ къ тому-же богатою. Тотчасъ (760) пошла Аѳина въ покрытое черною грязью жилище Зависти. Въ глубинѣ долины скрыто ея жилище, не освѣщаетъ его солнце, не продуваетъ вѣтеръ, мрачно жилище Зависти, полно лишающаго движенія холода; никогда нѣтъ въ жилищѣ огня, постоянно темно оно. Когда пришла туда (765 грозная богиня войны, то стала передъ домомъ, потому что нельзя было ей войти во внутренность его, и постучалась въ двери концемъ копья; отъ удара растворились двери. Видитъ Аѳина, что Зависть (770) ѣстъ внутри дома змѣиное мясо, пищу своихъ пороковъ; увидя это, отвернулась богиня. Лѣниво поднялась съ земли Зависть, перестала ѣсть мясо полуобглоданныхъ змѣй и нерѣшительно пошла на встрѣчу Аѳинѣ. Когда увидѣла Зависть красивую и лицемъ, и оружіемъ богиню, то заохала и, глубоко вздохнувъ, нахмурилась. Блѣдно (775) лице богини, исхудало все тѣло, не смотритъ она прямо въ глаза; зубы ея пожелтѣли отъ грязи, грудь позеленѣла отъ желчи,языкъ пропитанъ ядомъ. Не смѣется Зависть, развѣ только увидитъ чужое горе, и не спитъ она, мучимая тревожными заботами, но (780), видя непріятныя для нея людскія удачи, чахнетъ отъ этого зрѣлища, мучитъ другихъ и сама мучится себѣ въ наказаніе. Какъ ни ненавидѣла Тритонія Зависть, однако тотчасъ обратилась къ ней со слѣдующими словами: «зарази своимъ ядомъ одну изъ дочерей Кекропа—такъ (785) нужно; то—Аг-

лавра!» Сказавъ только это, Аѳина поспѣшно ушла и, схвативъ копье, поднялась на воздухъ.

Косо взглянула Зависть на уходившую богиню, не много поворчала, загорѣвала, что Минерва будетъ имѣть удачу и взяла свой посохъ, весь обвитый колючимъ терновникомъ. Гдѣ ни идетъ Зависть, вездѣ губитъ она цвѣтущія поля, выжигаетъ хлѣбъ, срывая съ него верхушку, дыханіемъ своимъ заражаетъ людей, города и жилища. Наконецъ Зависть увидѣла славный великими людьми и искусствами, мирно процвѣтавшій городъ Тритоніи и не удержалась отъ слезъ, такъ какъ не замѣтила ничего достойнаго плача. Когда же вошла Зависть въ спальню дочери Кекропа, то исполнила приказаніе Аѳины— дотронувшись до груди Аглавры пропитанною ядомъ рукою, наполнила сердце дочери Кекропа колючимъ терніемъ, вдохнула въ нее гибельную страсть, по костямъ разлила черный ядъ, отравляя имъ сердце. Чтобы Аглавра не находила повода завидовать чему либо дальше своего дома, Зависть представляетъ ей въ воображеніи родную сестру, ея счастливое замужество съ красавцемъ богомъ; все это Зависть представляетъ дѣвѣ въ увеличенномъ видѣ. Злится на это дочь Кекропа, тайная тоска снѣдаетъ ее, тревожно стонетъ Аглавра и днемъ, и ночью, отъ медленнаго яда таетъ она, несчастная, какъ таетъ на солнцѣ случайно отколовшаяся льдинка. Какъ медленно тлѣетъ отъ жару, не давая пламени, колючая трава, которую подбрасываютъ для поддержанія огня: такъ сгараетъ и Аглавра, представляя въ своемъ воображеніи благополучное житье счастливой Герзы. Часто покушалась дочь Кекропа на самоубійство, чтобы ни на что не смотрѣть ей, часто порывалась разсказать объ этомъ, какъ о преступленіи, своему суровому отцу. Наконецъ Аглавра сѣла на порогѣ, чтобы не впустить въ домъ шедшаго бога. На ласки, просьбы и нѣжныя рѣчи Меркурія, она отвѣчала: «отстань, пока не уйдешь ты, я не сойду съ этого мѣста!»—«Пусть будетъ по твоему», быстро сказалъ Килленій и отворилъ своимъ жезломъ украшен-

ныя рѣзьбою двери. Когда же Аглавра хотѣла встать, то тѣ части ея тѣла,—которыя мы, садясь, сгибаемъ, стали недвижны отъ тяжелаго оцѣпенѣнія. Хотя и старалась Аглавра выпрямиться, однако недвижны стали ея ноги, окоченѣло тѣло отъ разлившагося холода, побѣлѣли безкровныя жилы. Какъ неизлечимая болѣзнь—ракъ, распространяется обыкновенно все дальше и дальше, заражая больными частями тѣла и здоровыя: такъ холодъ смерти мало по малу проникаетъ и въ сердце Аглавры; вмѣстѣ съ дыханьемъ прекращается ея жизнь. Не пыталась Аглавра говорить, да еслибъ и пыталась она, то лишена была дара слова. Ужъ въ камень превратилась ея шея, затвердѣло и лице,—безжизненною статуею сидѣла Аглавра, но не бѣлаго цвѣта была мраморная статуя, а одного цвѣта съ мыслями Аглавры.

Наказавъ Аглавру за ея угрозы и преступное намѣреніе, внукъ Атланта покинулъ городъ, названный въ честь Паллады, и, взмахнувъ крыльями, поднялся на небо: сюда призвалъ его отецъ. Не открываетъ Юпитеръ, въ кого влюбился онъ, но говоритъ Меркурію: «сынъ мой, вѣрный исполнитель моихъ приказаній, немедленно спустись стремительнымъ, какъ обыкновенно, полетомъ и иди въ ту землю, которая лежитъ по лѣвую сторону отъ твоей матери; туземцы называютъ ее Сидономъ. Ты увидишь тамъ принадлежащее царю стадо, которое пасется на травѣ, далеко въ горахъ, и пригонишь его къ берегу моря». Такъ приказывалъ Юпитеръ, и немедленно согнанные съ горъ быки идутъ по его волѣ къ берегу моря,—здѣсь обыкновенно играла съ тирскими дѣвушками дочь могущественнаго сидонскаго царя. Не вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу и не сходятся вмѣстѣ величіе и любовь Юпитера: не обращая вниманія на свое царственное величіе, отецъ и властитель надъ богами, десница котораго вооружена трезубчатою молніею, кто по своему желанію потрясаетъ вселенную, тотъ принимаетъ видъ быка, мычитъ, смѣшавшись со скотомъ, и гуляетъ по мягкой травѣ. Цвѣтъ же у быка—цвѣтъ

снѣга, когда не утоптанъ онъ тяжелыми слѣдами пѣшехода или не растаялъ отъ дожденоснаго Австра. Шея быка отличается толщиною, съ лопатокъ свѣшивается подгрудокъ. Рога хотя и малы, однако можно было бы утверждать, что они сдѣланы руками— ярче чистой воды драгоцѣнныхъ камней свѣтились они. Не угрожаетъ быкъ своимъ видомъ, не страшны его глаза, спокоенъ взглядъ. Дивится красотѣ животнаго дочь Агенора, дивится тому, что быкъ вовсе не намѣренъ бодаться. Хотя и смиренъ быкъ, однако Европа сперва боялась дотронуться до него, но потомъ подошла поближе и поднесла къ красивому рту животнаго цвѣты. Радуется влюбленный и терпѣливо ждетъ, пока наступитъ желанное наслажденіе, лижетъ руки Европы и едва-едва удерживается отъ кое-чего другаго. И то играетъ быкъ, подпрыгивая на зеленомъ лугу, то ложится бѣлоснѣжнымъ своимъ бокомъ на желтый песокъ. Когда Европа стала немного довѣрчивѣе, быкъ давалъ дѣвушкѣ гладить рукою то свою грудь, то обвивать рога новыми вѣнками. Царевна рѣшилась даже сѣсть быку на спину, не подозрѣвая того, на комъ усѣлась она. Тогда, отойдя отъ земли и песчанаго берега, быкъ незамѣтно вошелъ раздѣльными копытами въ воду, потомъ поплылъ дальше и по срединѣ моря понесъ свою добычу. Робѣетъ похищаемая Европа, оглядывается она на исчезающій берегъ, правою рукою держится за рогъ быка, другую положила на его спину; вѣтерокъ колышетъ легкое платье Европы.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Кадмъ.—Актеонъ.—Семела.—Тирезій.—Нарциссъ и Эхо.—Вакхъ и корабельщики.—Пентей.

Уже богъ, снявъ съ себя видъ мнимаго быка, открылся, кто онъ, и былъ на диктейскихъ равнинахъ, когда отецъ Евро-

пы, ничего не зная о томъ, приказалъ Кадму отъискивать свою похищенную дочь. Если-бы Кадмъ не нашелъ Европы, Агенор велѣлъ ему въ наказаніе не возвращаться на родину,—въ одномъ и томъ же случаѣ отецъ и нѣженъ, и суровъ. Исходивъ весь земной шаръ,—вѣдь кто можетъ разгадать продѣлки Юпитера — изгнанный сынъ Агенора старался быть дальше отъ родины,—страшился онъ отцовскаго гнѣва. Съ мольбою вопрошаетъ Кадмъ оракулъ Феба, въ какой землѣ ему можно было бы поселиться? И получаетъ онъ отвѣтъ: «корова попадется тебѣ на безлюдномъ полѣ», говоритъ Фебъ, «никогда не носившая ярма, не бывавшая въ кривомъ плугѣ: иди, куда пойдетъ она, а гдѣ ляжетъ на траву, тамъ построй городъ, страну-же ту назови Беотіей»!

Едва успѣлъ выйти Кадмъ изъ кастальской пещеры, какъ увидѣлъ медленно, безъ пастуха идущую корову; никакихъ слѣдовъ ярма не было у ней на шеѣ. Быстро идетъ Кадмъ за коровою и тихо молится путеводителю-Фебу. Ужъ перешелъ Кадмъ въ бродъ Кефисъ и луга Панопы, какъ корова остановилась, подняла къ небу свою красивую съ большими рогами голову, замычала, посмотрѣла на слѣдовавшихъ за нею людей и легла на мягкую траву. Поблагодарилъ Кадмъ Феба, поцѣловалъ чуждую для него землю, привѣтствовалъ невѣдомыя горы и поля. Желая принести жертву Юпитеру, онъ велѣлъ своимъ спутникамъ идти и зачерпнуть воды изъ журчащаго источника.

Возвышался тамъ дремучій, дѣвственный лѣсъ; въ глубинѣ его была пещера, обросшая густою травою и кустарникомъ. Отъ скатывавшихся въ одно мѣсто камней въ пещерѣ образовался низкій сводъ; тамъ билъ обильный водою ключъ. Въ пещерѣ жилъ драконъ Марса, украшенный золотистымъ гребнемъ; огнемъ блестѣли его глаза, ядомъ пропитано было все тѣло; три языка высовывались у дракона, тройнымъ рядомъ торчали его зубы. Когда вошли въ тотъ лѣсъ несчастные Финикіяне, когда раздался плескъ отъ опущенныхъ въ воду

кувшиновъ,—черный драконъ высунулъ свою голову изъ глубины пещеры и страшно зашипѣлъ. Выпали кувшины изъ рукъ Финикіянъ, поблѣднѣли они, внезапный страхъ оковываетъ ихъ испуганные члены. Быстро изгибаетъ драконъ въ круги свою чешуйчатую спину, подпрыгивая, извивается въ громадную дугу; легко приподнявшись на воздухъ болѣе, чѣмъ на половину, онъ осматриваетъ весь лѣсъ. Если принять во вниманіе все тѣло дракона, то оно заняло-бы то пространство, которое отдѣляетъ другъ отъ друга двѣ Медвѣдицы. Быстро бросился драконъ на Финикіянъ; — а они то хотятъ защищаться бывшимъ при нихъ оружіемъ, то бѣжать, но отъ страха не могли сдѣлать ни того, ни другаго — и однихъ умертвилъ онъ своимъ жаломъ, другихъ задушилъ, третьихъ — умертвилъ своимъ смертоноснымъ, ядовитымъ дыханьемъ.

Ужъ высоко стояло на небѣ солнце, короче стали тѣни. Удивился сынъ Агенора, отчего это нейдутъ его спутники, и пошелъ искать ихъ. Прикрылся Кадмъ львиною шкурою, захватилъ и свое оружіе—копье съ блестящимъ желѣзнымъ наконечникомъ и дротикъ, но мужество Кадма было надежнѣе всякаго оружія. Когда Кадмъ вошелъ въ лѣсъ, увидѣлъ безжизненныя тѣла спутниковъ, а надъ ними побѣдителя, врага огромной величины, облизывавшаго окровавленнымъ языкомъ ужасныя раны, то сказалъ: «или отомщу я за вашу смерть, вѣрные друзья, или послѣдую за вами!» Съ этими словами поднялъ Кадмъ правою рукою огромный камень и бросилъ его съ большимъ усиліемъ въ дракона. Высокія стѣны съ грозными башнями потряслись-бы отъ этого удара, а драконъ остался невредимъ, лишь чешуя да крѣпкая черная кожа защитили его, словно броня,—кожею отразилъ онъ сильный ударъ. Но не сладила та же твердость съ копьемъ,—вонзившись въ средину медленно изгибавшейся спины, оно остановилось: все остріе его вошло во внутренности. Разсвирѣпѣлъ драконъ отъ боли, поворотилъ онъ назадъ свою голову и, уви-

дѣвъ рану, началъ кусать крѣпкое копье. Раскачивая его съ большими усиліями во всѣ стороны, драконъ едва вырвалъ его изъ спины, но наконечникъ остался во внутренностяхъ. Когда обычный гнѣвъ дракона увеличился отъ новой раны, то вздулась у него шея, наполнившись ядомъ, бѣловатою пѣною покрылась ядовитая пасть; царапая землю, шумитъ драконъ своею чешуею, а смертоноснымъ своимъ дыханіемъ, выходящимъ изъ страшной пасти, заражаетъ и безъ того испорченный воздухъ. Извиваясь, свертывается драконъ то въ огромный клубокъ, то поднимается прямѣе длиннаго бревна, теперь же со страшною яростью, какъ вздувшійся отъ дождей потокъ, бросается онъ на Кадма, грудью своею валитъ мѣшающія ему деревья. Сынъ Агенора уклоняется немного въ сторону, львиною шкурою прикрывается отъ нападенія и, выставивъ впередъ копье, сдерживаетъ сильную пасть чудовища. Бѣсится драконъ, понапрасну наноситъ онъ удары крѣпкому копью, на остріѣ его ломаетъ зубы. Ужъ начала течь кровь изъ ядовитой пасти и своими брызгами оросила зеленую траву, но легка была рана дракона, такъ какъ онъ успѣлъ уклониться отъ удара, откидывалъ назадъ свою раненую шею. Подаваясь же назадъ драконъ не давалъ себя поранить и не позволялъ больше нападать до тѣхъ поръ, пока сынъ Агенора не вонзилъ ему въ горло копья. Кадмъ продолжалъ погружать его; уйти дракону помѣшалъ дубъ, и вмѣстѣ съ дубомъ пронзилъ сынъ Агенора горло дракону. Погнулось дерево отъ тяжелаго тѣла дракона и затрещало, когда онъ началъ изо всей силы бить его концемъ своего хвоста. Въ то время, какъ побѣдитель смотрѣлъ на огромнаго убитаго врага, внезапно раздался голосъ; нельзя было ясно разобрать, откуда былъ онъ, но Кадмъ услышалъ: «сынъ Агенора, что ты смотришь на убитаго дракона?—И ты превратишься въ дракона!» Долго въ ужасѣ стоялъ Кадмъ; растерявшись въ мысляхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнился и въ лицѣ; дыбомъ встали его волосы отъ холоднаго ужаса.

Вотъ предстала покровительница героя—Паллада. Спустившись съ неба на землю, она велѣла Кадму зарыть въ спаханную землю зубы дракона. Повинуется Кадмъ: проводитъ онъ плугомъ глубокую борозду и, согласно повелѣнію, сѣетъ по землѣ зубы, сѣмена смертныхъ. Тогда, трудно повѣрить, задвигались глыбы земли, изъ бороздъ показались сперва острія копій, потомъ шлемы, кивавшіе красивою своею верхушкою, далѣе стали видны плечи, грудь и вооруженныя копьями руки; увеличивается толпа щитоносныхъ мужей. Такъ въ театрѣ, при представленіяхъ во время праздниковъ, когда поднимаютъ занавѣсъ, обыкновенно показываются фигуры; сперва становятся видны ихъ лица, мало-по-малу и остальное; тихо поднявшись, онѣ дѣлаются видны всѣ и становятся въ глубинѣ сцены. Испугался Кадмъ новыхъ враговъ и хотѣлъ взяться за оружіе. «Не берись за оружіе и не вмѣшивайся въ междоусобную войну», восклицаетъ одинъ изъ землерожденныхъ мужей и съ этими словами онъ поражаетъ холоднымъ мечемъ одного изъ стоявшихъ вблизи братьевъ, но и самъ падаетъ отъ брошеннаго издали дротика. Не дольше живетъ и его убійца—и онъ испустилъ дыханье, которое только что принялъ. Слѣдуя примѣру одного, неистовствуетъ и вся толпа; безъ чьей-либо помощи убиваютъ другъ друга внезапно явившіеся изъ земли братья. Уже воины, которымъ судьба назначила короткую жизнь, бились окровавленною грудью о холодную землю. Пятеро изъ нихъ остались въ живыхъ; одинъ назывался Эхіономъ. Онъ, по совѣту Тритоніи, бросилъ на землю свое оружіе, предложилъ братьямъ заключить миръ и самъ помирился съ ними. Пришелецъ изъ Сидона пользовался дружескою помощью братьевъ въ своей работѣ, когда основалъ онъ городъ согласно приказанію оракула Феба.

Уже построены были Ѳивы. Казалось, Кадмъ, что счастливцемъ былъ ты и въ изгнаніи,—тестемъ тебѣ приходился Марсъ, тещею—Венера. Прибавь сюда дѣтей отъ такой славной своей супруги, столько сыновей и дочерей, столько внуковъ, уже

молодыхъ людей, дорогихъ доказательствъ потомства. Но, конечно, человѣку всегда нужно ждать смерти, а раньше смерти и похоронъ никого не слѣдуетъ называть счастливымъ. Среди такого счастія опечалила тебя, Кадмъ, прежде всего злосчастная судьба твоего внука—незаслуженно выросли (140) у него на лбу рога, и вы, псы, насытились хозяйскою кровью. Но, если разобрать хорошенько, то можно найти въ поступкѣ Актеона не преступленіе, а вину судьбы; чѣмъ виноватъ внукъ Кадма, если онъ заблудился?

Была гора, упитанная кровью дикихъ звѣрей. Былъ уже полдень—уменьшались тѣни, отбрасываемыя предметами, посреди неба стояло солнце, (145) когда молодой Гіантіецъ сталъ ласково сзывать своихъ товарищей, бродившихъ по уединеннымъ мѣстамъ. «Товарищи», говоритъ онъ, «сѣти наши и оружіе въ крови звѣрей: довольно счастливъ былъ день. Когда (150) Аврора, выѣхавъ на своей шафранной колесницѣ, начнетъ новый день, мы примемся за то, что хотѣли дѣлать. Теперь солнце стоитъ по срединѣ неба и сушитъ землю. Кончайте скорѣе работу и сбирайте узловатыя сѣти»! Спутники Актеона исполняютъ его приказаніе, бросаютъ свои занятія.

Была долина (155), поросшая соснами и колючимъ кипарисомъ; называлась она Гаргафіей и была посвящена охотницѣ Діанѣ. Въ глубинѣ долины, въ уединенномъ, скрытомъ лѣсомъ уголкѣ, находилась пещера, не сдѣланная ни чьими руками Природа своею изобрѣтательностью какъ-бы подражала искусству, такъ какъ сводъ пещеры былъ, словно нарочно, выведенъ изъ необдѣланнаго ноздреватаго камня и (160) легкаго туфа. Справа отъ пещеры журчалъ чистый, не глубокій ручей; далеко извивался онъ, и трава окаймляла его берега. Здѣсь обыкновенно омывала чистою водою свое дѣвственное тѣло богиня лѣсовъ, утомившись отъ охоты. Когда пришла на то мѣсто (165) Діана, то одной изъ нимфъ, своей оруженосицѣ, отдала она дротикъ, колчанъ и спущенный лукъ, другой — снятое платье; двѣ нимфы сняли съ ногъ богини сандаліи, а болѣе умѣлая, чѣмъ

прочія,—Крокала, нимфа Исмена, заплела въ косу разсыпавшіеся по шеѣ волосы Діаны, хоть у самой нимфы волосы были распущены. Нефела, Гіала, Ранида, Псекада и Фіала попробовали воду и, наполнивъ ею ёмкіе кувшины, стали обливать богиню. Въ то время, какъ внучка титана мылась по привычкѣ, внукъ Кадма, окончивъ охоту, ничего не подозрѣвая, бродилъ по незнакомой чащѣ и вдругъ вошелъ въ рощу—злой рокъ привелъ его туда. Лишь только вошелъ Актеонъ въ источавшую воду пещеру, какъ нимфы, увидя мущину, ударили себя въ грудь и внезапно огласили весь лѣсъ своими криками, потому-что онѣ были голы. Своими обнаженными тѣлами стараются нимфы прикрыть Діану; однако выше ихъ богиня цѣлою головою, выдается она надъ всѣми. Какъ заходящее солнце румянитъ обыкновенно своими лучами облака, какъ пурпуромъ рдѣетъ утренняя заря: такъ зардѣлась и Діана, когда увидѣли ея наготу. Хоть богиня и была окружена толпою своихъ спутницъ, однако склонилась она на бокъ и закинула назадъ голову. Какъ хотѣла бы Діана имѣть при себѣ быстрыя стрѣлы! Зачерпнувъ воды, сколько было возможно, она брызнула ею въ лице Актеону. Омочивъ его волосы мстящею водою, Діана произнесла слѣдующія слова, предвѣщавшія юношѣ бѣду въ будущемъ: «теперь разсказывай, что ты видѣлъ меня обнаженною, если только ты съумѣешь разсказать!» Не сказавъ болѣе ни одной угрозы, богиня дала окропленной головѣ Актеона рога долговѣчнаго оленя, удлиннила его шею, заострила кончики ушей, измѣнила ноги и руки, длинныя голѣни и плеча, пестрою шерстью покрыла тѣло Актеона и сдѣлала его робкимъ. Бѣжитъ сынъ Автонои и самъ дивится быстротѣ своего бога. А когда увидѣлъ Актеонъ въ водѣ свое лице и рога, то хотѣлъ воскликнуть: «о, я несчастный!» но не сказалъ ничего и застоналъ—то былъ его голосъ. Текутъ у юноши слезы, но не по человѣческому лицу; только умъ по прежнему остался у него. Что Актеону дѣлать? Воротиться домой, въ царскіе чертоги — стыдно, скрыться въ

лѣсу—страшно. Когда думалъ объ этомъ Актеонъ, замѣтили его псы. Первыя подали знакъ своимъ лаемъ Мелампъ и чуткій Инхобатъ; Инхобатъ — собака изъ Гноза, Мелампъ — лакедемонской породы. Быстрѣе легкаго вѣтра летятъ на то мѣсто Памфлагъ (210), Доркей и Орибазъ,—все аркадскіе псы—сильный Неброфонъ, свирѣпый Теронъ и Лелапъ, быстроногій Птерелъ и чуткая Агра, Гилей и зачатая отъ волка, злая и недавно раненая, вепремъ Напа, овчарка Пеменида (215), Гарпія съ парой щенятъ, Ладонъ изъ Сикіона, борзая собака, Дромъ, Канака, Стикта, Тигръ и Алка, бѣлый Левконъ, черный Асболъ, силачъ Лаконъ, быстроногая Аэлла, Той (220), проворная Кипрія вмѣстѣ съ братомъ Ликискомъ, Гарпалъ, замѣтный по бѣлому пятну на черномъ лбу, Меланей, косматая Лахна, Лабръ и Агріодъ,—отецъ ихъ былъ изъ Крита, мать—изъ Лаконіи,—Гилакторъ, собака со звонкимъ лаемъ и другія, — долго было бы перечислять ихъ (225). И несется эта стая, желая поймать добычу, по скаламъ, утесамъ, и неприступнымъ ущельямъ, несется тамъ, гдѣ затруднителенъ путь и гдѣ его вовсе нѣтъ. Бѣжитъ Актеонъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нерѣдко охотился, увы, бѣжитъ самъ отъ своихъ-же слугъ! «Я Актеонъ (230), узнайте своего господина», хотѣлъ закричать онъ, но не могъ выразить словами своего желанія, и воемъ огласилъ воздухъ. Меланхетъ первый укусилъ Актеона въ спину, потомъ и Теридамъ, а Орезитрофъ впился въ ногу; эти собаки позже другихъ завидѣли Актеона, но забѣжали кратчайшею дорогою чрезъ горы и загородили (235) ему путь. Пока три пса удерживали своего хозяина, сбѣжалась и остальная стая и впилась зубами въ тѣло Актеона. Ужъ весь израненъ онъ, стонетъ и стонетъ хоть и не какъ человѣкъ, но и не такъ, какъ олень, жалобнымъ воемъ оглашаетъ знакомыя ему горы. Палъ Актеонъ на колѣни (240), будто умоляя о пощадѣ; то въ ту, то въ другую сторону обращаетъ онъ, словно руки, свои нѣмые взоры. А спутники юноши, ничего не подозрѣвая, какъ и всегда, направляютъ разъяренную стаю, глазами ищутъ Актеона; на пе-

рерывъ зовутъ они его, какъ будто его тутъ не было, жалѣютъ спутники, что ушелъ Актеонъ и долго не хочетъ посмотрѣть на попавшуюся добычу. Актеонъ же приподнялъ на зовъ голову и хотѣлъ-бы конечно, чтобъ его небыло тутъ и на самомъ дѣлѣ, хотѣлъ бы онъ видѣть, но не испытывать на себѣ дикую удаль своихъ собакъ. Со всѣхъ сторонъ окружили Актеона псы и, вонзивъ зубы въ его тѣло, растерзали своего превращеннаго въ оленя хозяина.

Различно толковали объ этомъ происшествіи: одни находили, что богиня поступила слишкомъ несправедливо, другіе-же хвалили Діану, говоря, что она достойнымъ образомъ съумѣла защитить свою строгую дѣвственность; съ обѣихъ сторонъ приводили доказательства своего мнѣнія. Одна лишь супруга Юпитера не сказала, осуждаетъ-ли она Діану или хвалитъ,—она только радовалась несчастію дома Агенора и злобу, накипѣвшую въ ней къ соперницѣ изъ Тира, обратила на ея родныхъ. Къ прежнимъ непріятностямъ кстати прибавилась и новая: досадно Юнонѣ, что Семела беременна отъ могучаго Юпитера. Богиня начинаетъ браниться. «Что за польза въ томъ что я такъ бранюсь», говоритъ она, «мнѣ нужно провести Семелу, и она погибла, если только справедливо называютъ меня великою Юноной, если я держу въ своей десницѣ драгоцѣнный скипетръ, если царица я, сестра и супруга Юпитера, по крайней мѣрѣ, хоть сестра. Я думаю, что Семела тайкомъ подсмѣивается надо мной и за ничто считаетъ обиду нанесенную моимъ семейнымъ отношеніямъ. Беременна она — этого еще не доставало. Вина Семелы ясна — у нея вздулся животъ; подобно мнѣ она готовится быть матерью отъ Юпитера, что едва мнѣ выпало на долю—такъ гордится Семела своею красотою. Ужъ лишу я ее красоты; не будь я дочерью Сатурна, если Юпитеръ не погубитъ своей Семелы и не ввергнетъ ее въ воды Стикса!»

Съ этими словами Юнона сошла съ престола и, прикрывшись золотистымъ облакомъ, вошла въ домъ Семелы. Не преж-

де разогнала Юнона облако, какъ приняла видъ старухи: сѣдые волосы спадаютъ у ней на виски, кожа изрыта морщинами. Согнувшись и трясясь, идетъ богиня; даже голосъ ея сдѣлался старческимъ,—видъ Берои, уроженки Эпидавра, кормилицы Семелы, приняла Юнона. Долго разговаривала она съ Семелою, когда же разговоръ зашелъ объ Юпитерѣ, Юнона вздохнула. «Хотѣла бы я», говоритъ она, «чтобы это и на самомъ дѣлѣ былъ Юпитеръ, но, много у меня причинъ боятся, что это не онъ: много людей подъ именемъ боговъ обезчесчивали *цѣломудренныхъ* дѣвушекъ. Недостаточно того, что онъ назывался Юпитеромъ,—пусть дастъ доказательство того, что онъ любитъ тебя, если только онъ богъ на самомъ дѣлѣ. Проси, чтобъ Юпитеръ обнялъ тебя, взявъ съ собою знаки своего достоинства, чтобы явился онъ къ тебѣ въ томъ видѣ, въ какомъ принимаетъ его могучая Юнона». Такими рѣчами Юнона настраивала Семелу. Семела стала просить у Юпитера подарка, не говоря, въ чемъ онъ состоитъ. «Выбирай» говоритъ ей богъ, «ни въ чемъ не откажу я тебѣ; чтобы меньше сомнѣвалась ты, пусть будутъ свидѣтелями моей клятвы боги рѣки *Стикса,—боятся небожители не исполнить* обѣщанія, поклявшись тѣми богами». Радуется своей-же бѣдѣ надменная Семела—погубитъ ее услужливость любовника.—«Явись ко мнѣ въ такомъ видѣ», сказала она, «въ какомъ обыкновенно обнимаетъ тебя дочь Сатурна, когда вы вступаете въ брачный союзъ!» Хотѣлъ бы Юпитеръ зажать уста Семелы, но она ужъ успѣла—высказать свое желаніе. Застоналъ богъ, нельзя было ему отклонить Семелу отъ ея желанія, какъ самому нельзя не исполнить своей клятвы. И вотъ въ сильной скорби поднимается онъ на высокое небо, однимъ взоромъ своимъ собралъ тучи, дожди съ вѣтромъ и молніею, громъ и недающія промаха стрѣлы молніи. Однако Юпитеръ пытается убавить у себя силы, на сколько это можно,—теперь не тою молніею вооруженъ онъ, которую метнулъ въ сторукаго Тифоя,—слишкомъ ужъ много было-бы въ томъ суровости. Есть

у Юпитера другая молнія, полегче она, меньше силы и огня, меньше ужаса придала ей десница Киклоповъ; «второю молніею» называютъ ее небожители. Эту-то и беретъ Юпитеръ и входитъ въ жилище семейства Агенора. Не вынесла смертная небеснаго грома и молніи, и сгорѣла Семела отъ брачнаго подарка. Еще недоношенное и нѣжное дитя исторгли изъ материнскаго чрева и, если можно только вѣрить этому, вложили въ бедро его отца, гдѣ дитя было доношено будто матерью. Въ дѣтствѣ Вакха тайно отъ Юноны воспитывала Ино, тетка ему по матери, потомъ отдали его нимфамъ Низы; тѣ скрыли Вакха въ своихъ пещерахъ и вскормили его молокомъ.

Въ то время, какъ это дѣлалось на землѣ по закону судьбы, когда сохранена была жизнь дважды рожденнаго Вакха,— въ то время, говорятъ, Юпитеръ, напившись нектара, отложилъ тяжкія заботы и сталъ слишкомъ вольно шутить съ досужей Юноной. «Сладострастіе навѣрно пріятнѣе для васъ женщинъ, чѣмъ для насъ мущинъ», говоритъ онъ. Юнона не согласна. Рѣшились боги спросить, какъ думаетъ объ этомъ мудрый Тирезій,—онъ зналъ любовное наслажденіе и мущины, и женщины. Однажды Тирезій ударилъ палкою по спинѣ двухъ большихъ склещившихся въ зеленомъ лѣсу змѣй, и чудо!—изъ мущины сдѣлался женщиной. Семь осеней былъ Терезій женщиной, на восьмую снова увидѣлъ онъ тѣхъ-же змѣй. «Если ударъ по васъ имѣетъ такую силу, что отъ него измѣняется и полъ того, кто его наноситъ» сказалъ Тирезій, «то я теперь ударю васъ еще разъ!» Когда Тирезій вторично ударилъ змѣй, у него стала прежняя наружность и природный полъ. Выбранный судьею рѣшить шутливый споръ, Тирезій, конечно, подтвердилъ слова Юпитера. Говорятъ, что сильно, но несправедливо разсердилась на мудреца дочь Сатурна и въ наказаніе лишила своего судью зрѣнія: вѣчная ночь у него въ глазахъ. Всемогущій-же отецъ далъ слѣпому Тирезію даръ знать тайны будущаго,—такъ какъ ни

одному изъ боговъ нельзя уничтожить сдѣланнаго другимъ, почестью смягчилъ Юпитеръ наказаніе Тирезію.

Многіе приходили къ славному Тирезію, и вѣрныя предсказанія давалъ онъ вопрошавшему его народу по городамъ Эоніи. Прежде всего исполнилось пророческое предсказаніе, данное мудрецомъ голубоглазой Ліріопѣ. Ее нѣкогда обезчестилъ богъ рѣки Кефиса,—понесъ онъ ее въ своемъ извилистомъ теченіи и не пустилъ выйдти изъ воды. Красавица родила доношеннаго ребенка и назвала его Нарцисомъ. Еще мальчикомъ влюблялись въ него нимфы. Когда вѣщаго старца вопросили, доживетъ ли Нарцисъ до глубокой старости, онъ отвѣтилъ: «доживетъ, если не увидитъ себя!» Долго не вѣрили предсказанію прорицателя, но въ концѣ-концовъ родъ смерти Нарцисса оправдалъ пророчество Тирезія и его необычайный даръ прозорливости.

Ужъ шестнадцать лѣтъ исполнилось сыну Кефиса, и его можно было счесть и за мальчика, и за юношу. Много молодыхъ людей и дѣвушекъ влюблялось въ Нарцисса, но подъ красивою наружностью у него скрывалось жестокое сердце: ни одному юношѣ, ни одной дѣвушкѣ не отвѣтилъ онъ любовью.

Увидѣла одна болтливая нимфа—Эхо, какъ Нарциссъ загонялъ въ тенета робкихъ оленей. Не могла эта отзывчивая нимфа молчать, когда кто-либо начиналъ говорить, не могла и начинать первою разговора. Въ то время Эхо была живымъ существомъ, а не звукомъ; болтушка и тогда говорила такъ-же, какъ и теперь, хотя могла говорить только послѣднею. Такъ наказала нимфу Юнона за то, что не разъ могла-бы она застать въ горахъ нимфъ, лежавшихъ съ ея Юпитеромъ, но хитрая Эхо задерживала богиню длинными разговорами, а нимфы въ это время убѣгали. Когда-же дочь Сатурна замѣтила эту продѣлку, то сказала: «уменьшу я твой длинный языкъ, который провелъ меня,—поменьше будешь ты говорить!» И Юнона осуществила свою угрозу на дѣлѣ: толь-

ко послѣднею откликается Эхо на слова, послѣдвія слова въ разговорѣ повторяетъ она.

И такъ (370), когда Эхо увидѣла, бродящаго по уединенным мѣстамъ Нарцисса, то влюбилась она въ юношу и тайкомъ пошла за нимъ. И, чѣмъ дальше идетъ нимфа, тѣмъ сильнѣе пылаетъ въ ней любовь, съ такою же силою, съ какою огонь, приложенный къ брачнымъ свѣтильникамъ, охватываетъ ихъ пропитанные ярко-горящею сѣрою концы. О, (375) сколько разъ пыталась Эхо подойти къ Нарциссу, сказать ему ласковое слово, обратиться съ нѣжною мольбою,—природа не хотѣла исполнить ея желанія, не давала нимфѣ первою начинать разговора, позволяла ей лишь отвѣчать, когда заговорятъ другіе. Однажды Нарциссъ отдѣлился отъ общества своихъ вѣрныхъ сверстниковъ.—«Есть-ли кто здѣсь?» закричалъ (380) онъ.—«Здѣсь» откликнулось Эхо. Дивится Нарциссъ, смотритъ онъ вокругъ и громко кричитъ: «иди сюда!»—Эхо зоветъ его со своей стороны. Осмотрѣлся юноша и увидѣлъ, что никого нѣтъ. —«Что бѣжишь ты отъ меня?» говоритъ Нарциссъ и тѣ-же слова получаетъ въ отвѣтъ. Введенный въ заблужденіе перемѣннымъ отголоскомъ, Нарциссъ продолжаетъ (385) перекликаться. «Сюда!» воскликнулъ онъ. «Сюда», доноситъ и Эхо; ни на одну рѣчь не откликалась нимфа охотнѣе. Испугалась Эхо своихъ-же словъ, вышла она изъ лѣсу, чтобы обнять руками милую для нея шею. Но Нарциссъ (390) побѣжалъ отъ нимфы. «Не обнимай меня своими руками», говоритъ онъ ей, убѣгая, «скорѣе умру я, чѣмъ подружусь съ тобою!» «Подружусь съ тобою» только и донесла Эхо. Исчезла въ лѣсу пристыженная нимфа и отъ стыда скрыла лицо свое въ зеленѣющей листвѣ; съ тѣхъ поръ въ уединенныхъ пещерахъ таится она. Но (395) не перестала Эхо любить Нарцисса, усилилась ея любовь отъ оказываемаго ей презрѣнія. Изсушила недающая покою страсть тѣло бѣдной нимфы, отъ худобы стянуло у ней кожу, изсохло все тѣло, остались въ Эхо только голосъ да кости. Потомъ остался лишь голосъ, тѣло-же, говорятъ, обратилось въ камень.

Съ тѣхъ поръ таится Эхо въ лѣсахъ, но въ горахъ ея не видно; одинъ голосъ уцѣлѣлъ въ ней, и слышатъ тотъ голосъ всѣ люди.

Какъ раньше презиралъ Нарциссъ любовь къ нему мужчинъ, такъ былъ онъ равнодушенъ къ Эхо и къ другимъ рѣчнымъ и горнымъ нимфамъ. Тогда одинъ изъ презираемыхъ воскликнулъ, поднимая руки къ небу, «пусть же полюбитъ и Нарциссъ, пусть же и онъ не найдетъ въ любви утѣшенія!» И вняла Рамнузія его справедливой мольбѣ.

Былъ одинъ чистый (безтинный), сверкавшій своими свѣтлыми водами, источникъ. Не приходили къ нему ни пастухи, ни пасшіяся въ горахъ козочки, ни какой-либо другой скотъ; ни одна птица, ни одинъ звѣрь, ни одинъ упавшій съ дерева сукъ не мутили его водъ. Вокругъ источника росла трава; сосѣдній, непроницаемый для солнца лѣсъ не давалъ землѣ нагрѣваться и влагою поддерживалъ растительность. Туда-то и пришелъ Нарциссъ, утомившись отъ любимой имъ охоты и отъ зноя. Заглянулъ юноша въ источникъ. Въ то время, какъ страстно хочетъ Нарциссъ утолить свою жажду, въ немъ растетъ другая жажда—любви. Когда сталъ юноша пить, то влюбился въ то лицо, которое увидѣлъ онъ въ водѣ. Безнадежно влюбляется Нарциссъ, думая, что его отраженіе живое существо, самому себѣ дивится онъ; какъ статуя изъ паросскаго мрамора, недвижно впивается юноша въ свое же лицо; распростершись по землѣ, смотритъ онъ на свой двойникъ, на свои глаза, блестѣвшіе словно звѣзды, на волосы, не уступавшіе по красотѣ волосамъ Вакха или Аполлона, на щеки, не покрывшіяся еще пухомъ, на бѣлую свою шею, на красивый ротикъ и румянецъ лица, смѣшанный съ бѣлизною,—всему дивится Нарциссъ, дивится самому же себѣ. Въ самого себя влюбился неразумный юноша, самимъ собою восхищается тотъ, кѣмъ восхищались другіе, самимъ собою увлекается онъ. Въ одно время и сердится Нарциссъ, и пылаетъ любовью—вѣдь сколько разъ понапрасну цѣловалъ онъ лукавый источникъ, сколько разъ про-

тягивалъ онъ къ водѣ свои руки, чтобы обнять шею, которую онъ тамъ видѣлъ, и, конечно, не могъ схватить самого себя! Недоумѣваетъ Нарциссъ, на что (430) онъ смотритъ, и изсушаетъ его то, на что онъ смотритъ, даже глаза юноши не могутъ замѣтить обмана. Легковѣрный, зачѣмъ понапрасну увлекаешься ты перемѣнчивымъ своимъ двойникомъ,—никогда не добьешся ты того, чего хочешь, отойди,—погубитъ тебя то, во что ты влюбленъ! То, на что смотришь ты, отраженіе твоего же лица, ничего (435) особеннаго въ томъ нѣтъ, съ тобою приходитъ оно, съ тобою и остается, оно и ушло бы съ тобою, еслибъ ты могъ только уйдти. Не можетъ Нарциссъ оторвать своего взора отъ источника, не хочетъ онъ ѣсть, не хочетъ и отдохнуть; лежитъ юноша на густой травѣ и гибнетъ чрезъ (440) самого себя. Немного приподнялся Нарциссъ и протянулъ руки къ окружавшему его лѣсу. «О лѣсъ», говоритъ юноша, «страдалъ ли кто (445) изъ-за любви такъ жестоко, какъ я, — вѣдь тебѣ извѣстно хоть что-нибудь объ этомъ,—много людей находили въ тебѣ удобное убѣжище. Припомни же, кто такъ страдалъ изъ-за любви на твоемъ вѣку, какъ я,—вѣдь тебѣ такъ много лѣтъ. Любуюсь я и смотрю на того, кто мнѣ нравится, но хотя и вижу его, и люблю, однако не могу узнать, кто онъ, такъ сильно обманываюсь я, влюбленный! Тѣмъ сильнѣе мое горе, что не безпредѣльное море, ни дальній путь, ни горы, ни стѣны съ запертыми воротами отдѣляютъ насъ другъ-отъ-друга,—мелководная (450) струя не даетъ намъ сблизиться. Отрокъ, самъ ты хочешь, чтобы плѣнялись тобою, — вѣдь всякій разъ, какъ я наклоняюсь къ водѣ своими устами, и ты также прикасаешься ко мнѣ своимъ горделивымъ лицемъ! Подумаешь, что намъ можно прикоснуться другъ къ другу—такъ мало̀ препятствіе, которое мѣшаетъ сдѣлать это влюбленнымъ! Выходи сюда, кто бы ты ни былъ! Зачѣмъ проводишь ты меня, безподобный отрокъ, зачѣмъ (455) желанный, удаляешься отъ меня,—вѣдь лице мое и года не такіе, чтобы отъ нихъ можно было убѣжать, въ меня влюблялись даже нимфы! Не знаю я, но на-

дѣюсь, что, судя по твоему лицу, ты мнѣ другъ; когда я пропростираю къ тебѣ руки, и ты со своей стороны открываешь мнѣ свои объятія, когда улыбаюсь я, улыбаешься и ты, даже часто, когда я плачу, и ты проливаешь слезы; дружески отвѣчаешь ты и на мою рѣчь, и ты произносишь слова, когда я говорю своимъ красивымъ ротикомъ, но не доходятъ они до моего слуха. Чувствую я, что прельщаюсь самимъ собою, не обманываюсь въ своемъ образѣ, отъ любви къ себѣ гибну я, сильною страстью къ себѣ пылаю я. Что мнѣ дѣлать? Своей-ли любви буду добиваться я, или буду просить, чтобъ полюбили меня. Да и къ чему наконецъ буду я добиваться этого,—со мною предметъ моей любви, но обладаніе-то имъ и сдѣлало меня несчастнымъ. О, еслибъ могъ я выйти изъ своего тѣла! Желалъ бы я, чтобы предметъ моей любви находился вдали отъ меня,—необыкновенно такое желаніе во влюбленномъ. Ужъ истощаются отъ горя мои силы, не долго остается мнѣ жить, въ цвѣтѣ лѣтъ умираю я. И не тяжела мнѣ смерть: печаль моя прекратится съ нею. Тотъ, кого люблю я, хотѣлъ бы, чтобъ я былъ долговѣчнѣе: теперь мы двое, какъ жили душа въ душу, такъ и умремъ вмѣстѣ!» Такъ говорилъ Нарциссъ и снова вернулся онъ, не разумный, къ своему образу; проливая слезы, смутилъ юноша воду, отъ волненія отраженіе его лица сдѣлалось не яснымъ. Когда же увидѣлъ Нарциссъ, что оно пропадаетъ, то закричалъ: «зачѣмъ бѣжишь ты отъ меня? Останься, безжалостный, не покидай влюбленнаго, дай хоть посмотрѣть на тебя, дай пищу несчастной страсти, если нельзя прикоснуться къ тебѣ!» Скорбитъ Нарциссъ: спустилъ онъ съ плечъ свою одежду и сталъ бить голую грудь своими бѣлыми руками. Слегка зардѣлась поражаемая грудь, подобно тому, какъ обыкновенно краснѣетъ яблоко,—одна половина его бѣла, другая красновата, или какъ покрываются багрянцемъ, вися на множествѣ вѣтокъ, еще недозрѣлые грозды винограда. Когда снова взглянулъ Нарциссъ въ чистый источникъ, то не вынесла больше его душа. Какъ отъ легкаго

жара таетъ желтый воскъ, какъ обыкновенно исчезаетъ при солнечныхъ лучахъ утренняя роса: такъ таетъ отъ любви обезсиленный Нарциссъ, постепенно изнуряетъ его безумная страсть. Пропалъ на лицѣ у юноши румянецъ и бѣлизна, нѣтъ въ немъ бодрости и силы, нѣтъ той красоты, которою недавно такъ восхищалась и за которую его нѣкогда полюбила Эхо. Когда увидѣла нимфа Нарцисса, то заскорбѣла и она, хотя гнѣвалась на него, помня про свой позоръ. Какъ воскликнетъ бѣдный отрокъ: «горе мнѣ!», такъ вслѣдъ за нимъ тѣ-же слова повторитъ и Эхо. Когда въ грудь ударялъ себя Нарциссъ, тоже самое, рыдая, дѣлала и Эхо. «Горе мнѣ, напрасно любимый отрокъ!»—таковы были послѣднія слова глядѣвшаго въ воду Нарцисса, тѣ-же слова повторила и Эхо. «Прощай,» говоритъ юноша, «прощай,» повторяетъ и Эхо. Опустилъ Нарциссъ на зеленую траву свою усталую голову, и смерть смежила его очи, удивлявшіяся красотѣ ихъ обладателя. Когда въ область Аида вошелъ Нарциссъ, то даже и тамъ смотрѣлся онъ въ воды Стикса. Оплакали юношу сестры его Наяды и положили на тѣло брата свои обрѣзанные волосы; плакали надъ нимъ Дріады, стонамъ ихъ вторила и Эхо. Уже хотѣли складывать костеръ, зажигать погребальные свѣтильники и приготовлять носилки для умершаго, но нигдѣ не могли найти тѣла Нарцисса: вмѣсто его нашли желтоватый цвѣтокъ съ бѣлыми лепестками въ серединѣ.

По всѣмъ городамъ Ахаіи разнеслась заслуженная молва о прорицаніи Тирезія; славнымъ стало имя предсказателя. Одинъ Пентей, сынъ Эхіона, не чтившій боговъ, не вѣритъ случившемуся; смѣется онъ надъ прорицаніемъ и укоряетъ вѣщаго старца въ томъ, что въ наказаніе лишенъ онъ зрѣнія. Покачалъ Тирезій своею сѣдою головою и сказалъ: «какъ былъ бы ты счастливъ, еслибъ и тебя лишили зрѣнія, чтобы не видѣть тебѣ обрядовъ въ честь Вакха. Наступитъ время, и я предчувствую, что близко оно, когда придетъ въ твое царство юный Либеръ, сынъ Семелы. Если ты не почтешь его

жертвоприношеніями въ храмахъ, то на тысячу кусковъ растерзаютъ тебя; лѣса, мать свою и тетокъ обагришь ты своею кровью. И это случится, такъ какъ ты не почтишь бога, но раскаешься въ томъ, что не повѣрилъ мнѣ слѣпцу!» Прогналъ Тирезія за подобныя рѣчи сынъ Эхіона. Но оправдались слова слѣпца, исполнилось его предсказаніе: пришелъ Либеръ. Дрожитъ земля отъ радостныхъ кликовъ, толпою идутъ мужья вмѣстѣ съ женами и съ молодыми дѣвушками, чернь со знатью—бѣгутъ смотрѣть на невѣдомые обряды. «Что за безуміе поразило ваши умы, потомки Марса, дѣти дракона,» восклицаетъ Пентей, «неужели звонкіе кимвалы, изогнутыя трубы и чары имѣютъ такую силу, что съ тѣми, которымъ не были страшны воинскій мечъ, ни труба, ни ряды враговъ съ обнаженными мечами, совладали вопли изступленныхъ пьяныхъ женщинъ, толпа развратныхъ Вакханокъ и ничтожные звуки тимпановъ? И на васъ глядя, дивлюсь я, старцы,—долго плыли вы по морю, назвали это мѣсто Тиромъ, здѣсь поселились вы, а теперь безъ боя позволяете распоряжаться собою! Дивлюсь я и на васъ, воины: по годамъ вы смѣлѣе другихъ и ровесники мнѣ,— не приличнѣе-ли вамъ держать въ рукахъ оружіе, а не тирсы, голову покрыть шлемами, а не вѣнками? Умоляю, васъ, вспомните, какого вы происхожденія; будьте смѣлы, какъ тотъ драконъ, который одинъ убилъ многихъ; въ бою за источники и озеро онъ погибъ, вы же побѣдите въ борьбѣ за свою славу. Сильныхъ предалъ драконъ смерти, вы побѣдите слабыхъ и вновь напомните о славѣ своихъ отцевъ. Если рокомъ не суждено долго существовать Ѳивамъ, то пусть бы осадныя орудія и воины разрушили ихъ стѣны, пусть бы звучали мечи и трещалъ огонь, а то безъ бѣдствія несчастны мы; не скрывать свое положеніе слѣдовало бы тогда намъ, а оплакивать его, не стыдно было бы въ то время проливать слезы. Теперь же Ѳивы беретъ безоружнаго мальчика, который не любитъ ни войны, ни оружія, ни ѣзды на коняхъ: миррою умащены его волосы и украшены вѣнкомъ изъ

мягкаго плюща, золотомъ вышиты его пестрыя пурпурныя одежды. Но я сейчасъ заставлю мальчишку признаться, что лжетъ онъ, кто у него отецъ, что самъ придумалъ онъ служеніе въ свою честь, — только не приносите ему жертвъ. Не умно-ли поступилъ Акризій, — съ презрѣніемъ отнесся онъ къ вымышленному богу (560), а когда послѣдній подошелъ къ воротамъ Аргоса, царь велѣлъ ихъ запереть; неужели же испугаются пришлеца Пентей и его Ѳивы? Идите скорѣй», приказываетъ Пентей своимъ рабамъ, «идите и притащите сюда связаннымъ предводителя Вакханокъ, живѣй исполняйте мое приказаніе!» Напрасно порицали (565) намѣреніе Пентея дѣдъ его Кадмъ, Атамантъ и множество другихъ родственниковъ, напрасно старались они уговорить его: еще сильнѣе разгнѣвался Пентей отъ ихъ совѣтовъ; сердится онъ, что удерживаютъ его, растетъ неистовство царя, сами увѣщанія вредятъ ему. Случалось мнѣ видѣть потокъ: пока ничто не мѣшало ему течь, тихо и съ небольшимъ шумомъ сбѣгалъ онъ внизъ, но (570), гдѣ струиться ему мѣшали деревья и нависшія по сторонамъ скалы, пѣнился потокъ и волновался, дѣлался яростнымъ отъ преградъ. Но вотъ возвращаются обрызганные кровью рабы Пентея и на вопросъ ихъ господина, гдѣ Вакхъ, они отвѣчаютъ, что не нашли его. «Но мы схватили (575) одного изъ его спутниковъ, прислуживавшаго при священнодѣйствіяхъ,» говорятъ рабы и отдаютъ Пентею нѣкоего Тирренца со связанными на спинѣ руками, — этотъ человѣкъ участвовалъ въ таинствахъ въ честь Вакха.

Сердито взглянулъ Пентей на Тирренца, съ трудомъ отсрочилъ онъ его казнь. «Осужденный на смерть (580) въ примѣръ другимъ, скажи мнѣ, какъ зовутъ тебя и твоихъ родителей, откуда ты родомъ и зачѣмъ принималъ участіе въ невиданныхъ, привлекающихъ много народу, таинствахъ?» говоритъ Пентей. — «Зовутъ меня Акетомъ», безъ страха отвѣчаетъ Тирренецъ, родомъ я изъ Меоніи; родители мои изъ простаго званія. Отецъ не оставилъ мнѣ въ наслѣдство ни выносливыхъ

воловъ для обработыванія земли, ни руноносныхъ (585) овецъ, никакого другаго скота—бѣденъ былъ онъ. Сѣтью и удочкою любилъ отецъ ловить, а камышевымъ шестомъ вытаскивать сѣть съ прыгающею рыбою. Искусство это составляло его имущество, и, обучая меня этому искусству, отецъ говорилъ (590): «преемникъ и наслѣдникъ мой, прими отъ меня, что я въ состояніи дать тебѣ,» и, умирая, ничего не оставилъ мнѣ, кромѣ моря; одно море, можно сказать, получилъ я въ наслѣдство отъ отца. Чтобъ не держаться мнѣ постоянно у однѣхъ скалъ, я вскорѣ послѣ его смерти научился править рулемъ,—научился различать глазами дожденосное созвѣздіе Оленійской козы, Тайгеты (595), Гіадъ и созвѣздіе Медвѣдицы, сталъ я знать и мѣста, гдѣ дуютъ вѣтры и гдѣ есть удобныя для судовъ гавани. Однажды, плывя въ Делосъ, я присталъ къ берегу острова Хіоса; правя веслами въ правую сторону, я причалилъ судно къ берегу, быстро выскочилъ изъ лодки и пошелъ по мокрому песку. Въ то время ночь (600) была на исходѣ. Лишь только начала краснѣть заря, я всталъ, товарищамъ своимъ велѣлъ запастись свѣжею водою и показалъ имъ ведущую къ рѣкѣ дорогу, а самъ сталъ смотрѣть въ даль съ высокаго холма, чтобы узнать, какова будетъ погода. Потомъ я созываю своихъ товарищей и иду обратно къ лодкѣ. «Вотъ (605) и мы!» первымъ изъ спутниковъ откликается Офельтъ. Онъ велъ по берегу женоподобнаго мальчика; послѣдній, по мнѣнію корабельщика, былъ какъ бы добычею, которую нашли они на пустынномъ полѣ. Мальчикъ шатался, подобно опьянѣвшему или сонному, и поспѣвалъ съ трудомъ. Я сталъ смотрѣть на на его одежду, лицо и походку и не замѣтилъ ничего (610), почему можно было бы принять мальчика за смертнаго. Удостовѣрившись въ томъ, я сказалъ товарищамъ: «Какое божество облечено въ это тѣло, я не знаю, но вѣрно то, что въ немъ скрывается божество. Кто бы ты ни былъ, будь милостивъ къ намъ, дай успѣхъ въ нашемъ предпріятіи, прости и моихъ товарищей!»—«Не трудись просить за насъ,» говоритъ Диктій (615);

никто кромѣ его не могъ быстрѣе взбираться на верхушку райны и спускаться внизъ по канату. Одобрили слова Диктія и Либій, и бѣлокурый кормчій Мелантъ, и Алкимедонтъ и Эпопей,—возбуждавшій рвеніе гребцовъ, а крикомъ своимъ дававшій весламъ отдыхъ и мѣрное движеніе,—и всѣ другіе: такъ ослѣпило ихъ желаніе добычи! — «Не позволю я, чтобъ корабль насильно взялъ на себя бога, — распоряжаться здѣсь могу только я!» Съ этими словами я сталъ, чтобы не допустить корабельщиковъ взойти на корабль. Разсвирѣпѣлъ Ликабъ, самый дерзкій изъ всѣхъ; изгнанъ онъ былъ изъ одного этрусскаго города, ссылкою наказанъ за страшное убійство. Когда я продолжалъ не пускать Ликаба, то онъ сильно ударилъ меня кулакомъ по шеѣ, сбилъ сногъ и выбросилъ бы въ море, еслибъ я, хоть и внѣ себя отъ страха, не удержался за канатъ. Хвалится своимъ поступкомъ толпа негодяевъ. Тогда наконецъ Вакхъ—то былъ онъ—какъ бы проснулся отъ крика и пришелъ въ чувство, словно выпилъ вина. «Что вы дѣлаете? Что за шумъ у васъ?» говоритъ онъ, «какъ попалъ я сюда, скажите мнѣ, корабельщики, куда хотите вы везти меня?»—«Не бойся», отвѣчаетъ Вакху Прорей, «скажи только, къ какой гавани желаешь ты пристать, и мы высадимъ тебя на ту землю, на какую хочешь». «Къ Наксу плывите вы, Наксъ мое отечество, радушно будете вы приняты на этомъ островѣ,» говоритъ Вакхъ. Моремъ и всѣми богами клянутся лжецы, что желаніе бога будетъ исполнено, и велятъ мнѣ поднять паруса на расписанномъ кораблѣ. Наксъ лежалъ вправо, на-право поплылъ и я, распустивъ паруса.—«Что дѣлаешь ты, безумецъ, помѣшался что-ли ты?» говоритъ мнѣ Офельтъ, «повороти влѣво!» Одни говорятъ про себя, чего хотятъ они, большая часть показываетъ знаками, другіе-же корабельщики шепчутъ мнѣ на-ухо. Изумившись, я сказалъ: «пусть-же кто другой правитъ кораблемъ», и ушелъ, чтобы, какъ кормчему, не содѣйствовать преступленію своимъ искусствомъ. Всѣ корабельщики начинаютъ ругать меня и роптать. «Конечно, въ одномъ тебѣ все

наше *спасеніе!*» сказалъ одинъ изъ нихъ — Этадіонъ, и заступилъ мое мѣсто, самъ сталъ исправлять мою должность, но поплылъ въ сторону противоположную Наксу. Тогда (650) Вакхъ притворился, будто теперь только замѣтилъ обманъ, и, смотря вдаль на море съ кривой кормы, какъ бы плача, сказалъ: «корабельщики, это не та земля, на которую вы обѣщали высадить меня, это не та земля, о которой я просилъ васъ. За что вы наказываете меня? Честь ли для васъ, если (655) вы обманете меня; вы—молодежь, я — мальчикъ, васъ много, я— одинъ». Заплакалъ я при этомъ, а мятежная толпа стала смѣяться надъ моими слезами. Еще быстрѣе понеслось по морю судно, когда корабельщики налегли на весла. Самимъ Вакхомъ клянусь тебѣ теперь; нѣтъ бога могущественнѣе его: я разскажу тебѣ столь же истинное, сколь (660) кажется оно не вѣроятнымъ: среди моря остановился корабль, словно онъ находился на твердой землѣ, въ гавани. Удивленные корабельщики продолжаютъ грести веслами, поднимаютъ паруса, пытаясь плыть съ удвоенною силою, но вѣтви плюща опутываютъ весла, извиваясь (665), тянутся вверхъ и украшаютъ паруса своими тяжелыми кистями. Богъ-же облекаетъ свое чело вѣнцомъ изъ виноградныхъ гроздій, беретъ обвитый виноградною листвою тирсъ, и вкругъ Вакха появляются призрачные тигры, рыси и кровожадныя пестрыя пантеры. Отъ безумія-ли, или отъ страха корабельщики повскакали (670) съ своихъ мѣстъ. Первымъ началъ чернѣть Медонтъ; искривилось его тѣло, изогнулась спина. «Въ какое чудовище обратился ты!» говоритъ Медонту Ликабъ, а когда онъ говорилъ, у самого загнулся носъ (675) и обратился въ широкій зѣвъ; чешуею покрылась его затвердѣвшая кожа. Когда хотѣлъ Либій грести не повиновавшимися ему веслами, то скоро замѣтилъ, что руки его стали короче; не то руками можно было назвать ихъ, не то плавниками; другой корабельщикъ, желая ухватиться руками за витые канаты, замѣтилъ, что рукъ (680) у него нѣтъ; безъ рукъ, изгибаясь, прыгнулъ онъ въ воду; раздвоился конецъ его хвоста въ видѣ ро-

говъ луны. Со всѣхъ сторонъ бросаются въ море превращенные въ дельфиновъ корабельщики, сильно брызгаются они и то ныряютъ въ глубь моря, то снова выплываютъ на поверхность; стадами (685) играютъ дельфины, рѣзвятся они, подпрыгивая; вбирая воду своими широкими ноздрями, опять выпускаютъ ее на воздухъ. Изъ двадцати человѣкъ—столько ѣхало на нашемъ кораблѣ — остался только я одинъ. Испуганный задрожалъ я внѣ себя отъ страха, но богъ ободрилъ меня,—«не бойся (690)», сказалъ онъ, «правь къ Діи!» Прибывъ на этотъ островъ, я принесъ Вакху обильную жертву.

«Долго слушалъ я твои разсказы», говоритъ Акету Пентей, «ты для того разсказывалъ мнѣ, чтобы постепенно утихъ мой гнѣвъ. Рабы, сейчасъ-же схватите вы этого человѣка, жестокими пытками истерзайте ему тѣло (695), къ тѣнямъ Стикса пошлите его!» Немедленно схватываютъ Тирренца Акета и запираютъ его въ хорошо охраняемое жилище. Но въ то время когда готовятъ, согласно приказанію Пентея, ужасныя орудія пытки—желѣзо и огонь,—въ то время, говорятъ, сами собою отворились двери темницы, сами собою (700) спали оковы съ рукъ Акета, никто не снималъ ихъ.

Сынъ Эхіона не вѣритъ и этому. Никого не посылаетъ онъ, а самъ идетъ туда, гдѣ дрожалъ отъ криковъ и громкаго пѣнія Вакханокъ избранный для таинствъ Вакха Киѳеронъ. Какъ ржетъ и рвется на бой ретивый конь, когда на войнѣ трубачъ даетъ знакъ (705) звучною трубою: такъ и Пентей оглашаетъ воздухъ своимъ долгимъ крикомъ, слышитъ восклицанія и снова начинаетъ гнѣваться. Края Киѳерона окаймлялъ лѣсъ; почти въ глубинѣ его находилась безлѣсная, отовсюду открытая долина. Мать Пентея первою замѣчаетъ, что непосвященный въ таинства сынъ ея смотритъ на нихъ съ того мѣста (710). Первою пришла она въ изступленіе и подбѣжала къ Пентею, первою поразила своего сына, бросивъ въ него тирсомъ. «Сюда, помогите мнѣ, обѣ сестры», кричитъ она, «этотъ (715) вепрь самый огромный изъ тѣхъ, которые водятся въ нашей землѣ,

мнѣ слѣдуетъ убить его!» И на одного человѣка бросается цѣлая толпа неистовыхъ Вакханокъ, всѣ сбѣгаются онѣ и преслѣдуютъ испуганнаго Пентея. Оробѣлъ царь, теперь не такъ дерзко говоритъ онъ и то себя осуждаетъ онъ, то сознается въ своемъ поступкѣ. Раненъ Пентей, но все-таки восклицаетъ: «помоги мнѣ, тетка Автоноя (720), пусть тронетъ твое сердце смерть Актеона!» Не знаетъ Автоноя, кто такой Актеонъ, и отрываетъ у молящаго о защитѣ Пентея правую руку; другую съ усиліемъ оторвала у него Ино. Нѣтъ у несчастнаго рукъ, чтобъ протянуть ихъ къ матери, но указывая на разбросанные члены своего тѣла, онъ говоритъ: «взгляни (725), мать»! Увидя ихъ, взвыла Агава, закачала головой, распустила по воздуху свои волосы, оторвала у Пентея голову, схватила ее своими окровавленными руками и закричала: «сюда, подруги, я побѣдила!» Не такъ быстро срываетъ вѣтеръ съ высокаго дерева листья, которыхъ уже (730) коснулся осенній холодъ и которые едва держатся, какъ растерзываютъ человѣка преступныя вакханки. Предостережены Исмениды такою казнью; во множествѣ исполняютъ онѣ новые обряды, воскуряютъ ѳиміамъ и чтятъ священные алтари бога Вакха.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дочери Минія.—Пирамъ и Тизба.—Левкотоя.—Клитія.—Сальмакида и Гермафродитъ.—Ино.—Кадмъ и Гармонія.—Персей.—Атлантъ.—Андромеда.

Алкитоя, дочь Минія, не только не думаетъ принимать участія въ празднествахъ въ честь Вакха, но въ безразсудствѣ своемъ до сихъ поръ не признаетъ этого бога сыномъ Юпитера; одного съ нею мнѣнія и нечестивыя ея сестры. Жрецы

приказываютъ справлять празднество: кончать свои работы рабынямъ и ихъ госпожамъ, кожею прикрыть грудь, снять повязки съ головы, вѣнками украсить волосы, въ руки-же взять зеленѣющіе тирсы. «Сильно разгнѣвается богъ, если оскорбятъ его», говорили жрецы. Повинуются жены и дѣвы: не окончивъ, бросаютъ онѣ свою работу—тканье и пряжу, молятся Вакху, называя его Броміемъ, Ліеемъ, возродившимся изъ огня, однимъ, у котораго было двѣ матери; къ этимъ прозвищамъ прибавляютъ и другія—Низей, юный Тіоней, Леней, насадитель веселящаго душу винограда, Никтелейскій и Элелейскій отецъ, Якхъ, Эванъ; много и другихъ именъ имѣешь ты, Либеръ, у народовъ Греціи. Вѣчно молодъ ты, вѣчно мальчикъ, красавцемъ взираешь на землю съ высокаго неба, дѣвственно лице твое, когда ты показываешься безъ роговъ. До предѣловъ знойной Индіи, до истоковъ Ганга, подвластенъ тебѣ Востокъ. Ты, досточтимый, наказываешь святотатцевъ Пентея и сѣкироносиаго Ликурга, заставляешь Тирренцовъ броситься въ море. Разукрашенными вожжами правишь ты двумя красивыми рысями, вакханки, сатиры сопровождаютъ тебя и тотъ пьяный старикъ—Силенъ, который, пошатываясь или опирается на палку, или же нетвердо сидитъ на лѣнивомъ ослѣ. Гдѣ бы ни шелъ ты, Вакхъ, вездѣ раздаются клики юношей и женъ, извлекаемые руками звуки тимпановъ, звучатъ кривыя трубы и съ длинными отверстіями флейты. «Будь добръ и милостивъ къ намъ!» такъ взываютъ къ Вакху Исмениды и, согласно повелѣнію, украшаютъ его священные алтари. Однѣ дочери Минія не справляютъ праздника: молча работаютъ онѣ: прядутъ шерсть, усердно ткутъ на веретенахъ, смотрятъ тканье рабынь, велятъ и имъ усерднѣе работать. «Когда другія женщины бросаютъ свои работы, во множествѣ стекаются исполнять глупые обряды, мы станемъ подражать благой богинѣ Палладѣ, облегчимъ разными разсказами нашу полезную работу; коротая время, будемъ поочередно что нибудь разсказывать другъ другу», говоритъ одна изъ до-

черей Минія, спуская нитку съ красиваго пальчика. Согласны сестры и велятъ ей начать разсказывать первою. Размышляетъ царевна, о чемъ бы начать ей свой разсказъ,—много ихъ знала она. Не рѣшается Алкитоя, о тебѣ ли повѣдать, Вавилонянка Деркета (45), надъ которою, говорятъ, сжалились боги озеръ Палестины, когда измѣнился ея образъ, чешуею покрылось тѣло, или лучше о твоей дочери, которая превратилась въ птицу и въ бѣломъ дворцѣ провела послѣдніе годы своей жизни; или о томъ, какъ одна наяда своимъ пѣніемъ и силою волшебныхъ травъ обращала (50) юношей въ нѣмыхъ рыбъ, пока сама не подверглась той же участи; о томъ ли, какъ одно дерево, приносившее плоды бѣлаго цвѣта, было обрызгано кровью и приноситъ теперь темные. Объ этомъ хочетъ разсказать дочь Минія, такъ какъ разсказъ тотъ не былъ общеизвѣстенъ. Суча шерстяныя нити, она начинаетъ такимъ образомъ: «Говорятъ, что въ славномъ городѣ Вавилонѣ, который Семирамида окружила кирпичною стѣною, жили не подалеку другъ отъ друга Пирамъ (55) и Тизба,—одинъ прекраснѣйшій изъ юношей, другая же прелестнѣйшая изъ всѣхъ дѣвъ Востока. Сосѣдство послужило первымъ шагомъ къ ихъ сближенію; съ лѣтами (60) увеличилась и ихъ любовь. И вступили бы Пирамъ съ Тизбою въ законный бракъ, но родители не позволили имъ; одного не могли они запретить имъ — взаимно любить другъ друга. Когда никого не было, влюбленные переговаривались между собою или киваніемъ головы, или знаками, и, чѣмъ болѣе таили они любовь свою, тѣмъ сильнѣе она разгоралась въ нихъ. Въ стѣнѣ, смежной обоимъ домамъ, была небольшая трещина (65), образовавшаяся еще при постройкѣ. Много лѣтъ никто не замѣчалъ этой трещины, но чего не замѣтитъ любовь! вы первые, влюбленные, замѣтили ее и стали черезъ нее переговариваться; часто шепотомъ (70) говорили вы другъ другу ласковыя рѣчи. Много разъ случалось Пираму стоять съ одной стороны стѣны, Тизбѣ съ другой; тогда, поочередно переговариваясь, они говорили: «ревнивая стѣна, зачѣмъ мѣшаешь ты влюбленнымъ? что стоило бы

тебѣ позволить намъ быть вмѣстѣ; по крайней мѣрѣ (75) раскрылась бы ты хоть для поцѣлуевъ! Но мы благодарны: признаться, тебѣ обязаны тѣмъ, что можемъ хоть дружески переговариваться между собою». Такъ говорили влюбленные со своихъ мѣстъ; къ ночи простились они; каждый поцѣловалъ (80(свою сторону стѣны, но поцѣлуи не достигли другой стороны.

Заря слѣдующаго дня разогнала звѣзды ночи, солнце высушило своими лучами покрытую росою траву, и Пирамъ и Тизба пришли на обычное свое мѣсто. Тихимъ шепотомъ стали они сперва горько жаловаться на свою судьбу, потомъ рѣшились попытать счастья, обмануть (85) страну и выйти тайкомъ ночью, изъ городскихъ воротъ; выйдя же изъ дому, уйти за городъ, а чтобы не блуждать по широкому полю, сойтись у гробницы Нина и скрыться подъ тѣнью дерева, высокой (90), обильной бѣлоснѣжными плодами и росшей вблизи прохладнаго источника шелковицы. На этомъ и порѣшили влюбленные. Было поздно: солнце стало закатываться, погружаться въ море; изъ его же водъ поднялась и ночь. Ночью Тизба осторожно отворила двери своего дома, вышла незамѣтно отъ родныхъ, прикрыла свое лицо, пришла (95) къ гробницѣ и по условію сѣла подъ деревомъ: смѣлою сдѣлала ее любовь. Но вотъ къ этому мѣсту подходитъ львица утолить жажду водою находившагося вблизи источника; дымится у ней пасть, обрызганная кровью только что убитыхъ быковъ. Издали, при свѣтѣ мѣсяца, замѣтила (100) звѣря Вавилонянка Тизба и въ испугѣ убѣжала въ темную пещеру; на бѣгу у Тизбы свалилась со спины одежда. Когда свирѣпая львица вволю напилась воды, то пошла въ лѣсъ. На пути она наткнулась на тонкія одежды дѣвушки и разорвала ихъ своею окровавленною пастью. Позднѣе (105) Тизбы вышелъ Пирамъ. Ясно увидѣлъ онъ на глубокомъ пескѣ слѣды звѣря и поблѣднѣлъ всѣмъ лицемъ. Когда же нашелъ онъ и окровавленную одежду дѣвушки, то воскликнулъ: «пусть же въ одну ночь умрутъ двое влюбленныхъ, хотя Тизбѣ нужнѣе было бы жить, чѣмъ мнѣ. На моей (110) душѣ

грѣхъ: я погубилъ тебя бѣдную, велѣлъ ночью придти въ опасное мѣсто и не поспѣлъ туда первымъ. Львы, сколько васъ ни обитаетъ подъ этою скалою, всѣ вы растерзайте мое тѣло, безъ сожалѣнія пожрите мое преступное сердце! Но (115) дожидаться смерти можетъ только трусъ»... и Пирамъ подымаетъ одежду Тизбы, несетъ ее подъ тѣнь дерева, на условленное мѣсто. Слезами и поцѣлуями покрылъ юноша знакомую ему одежду и воскликнулъ: «обагрись-же теперь ты и моей кровью!» и съ этими словами онъ вонзилъ себѣ въ животъ тотъ мечъ, которымъ онъ былъ опоясанъ, а умирая, быстро (120) вырвалъ его изъ дымившейся раны. Навзничь лежалъ Пирамъ; высоко хлынула его кровь. Съ такимъ же шумомъ бьетъ вверхъ изъ узкаго отверстія, разсѣкая воздухъ, тонкая струя воды, когда лопается свинцовая труба водопровода. Обрызганы были кровью юноши свѣсившіеся плоды шелковицы (125) и потемнѣли они; орошенный же кровью корень дерева окрасилъ ихъ въ пурпурный цвѣтъ.

Но вотъ, чтобы не обмануть милаго, возвращается назадъ еще не успокоившаяся отъ страха Тизба; глазами и сердцемъ ищетъ она юношу, желая повѣдать Пираму, какой (130) опасности избѣжала она. Хоть и знакома Тизбѣ мѣстность, знакомъ и видъ дерева, однако не знаетъ она, что за цвѣтъ его плодовъ. Сомнѣвается дѣвушка, то ли это дерево? Въ то время, какъ раздумываетъ объ этомъ Тизба, съ ужасомъ замѣчаетъ она, что чье-то тѣло бьется на окровавленной землѣ. Назадъ отскочила дѣвушка; блѣднѣе (135) воска стало ея лице, задрожала она подобно морю, которое словно дрожитъ, когда легкій вѣтерокъ зарябитъ его поверхность. Но, лишь только узнала Тизба предметъ своей любви, то въ сильной скорби ударила себя въ незаслужившую того грудь, распустила на себѣ волосы и, обнявъ тѣло милаго, наполнила слезами его раны (140), слезы смѣшала съ кровью. «Пирамъ», воскликнула она, крѣпко цѣлуя холодѣющее тѣло юноши, «что отняло тебя у меня?! Отвѣть, Пирамъ, тебя зоветъ твоя дорогая Тизба, услышь ее, открой

свои смежившіяся очи!» И при (145) имени Тизбы съ трудомъ открылъ Пирамъ свои очи, уже сковываемыя смертью, и снова закрылъ ихъ, увидя свою милую. Когда же узнала Тизба свою одежду и замѣтила, что въ ножнахъ Пирама нѣтъ меча, то воскликнула: «несчастный, изъ за любви ко мнѣ умеръ ты, самъ на себя наложилъ ты руки, но и у меня есть рука (150), твердая на одно, есть и любовь: придастъ она мнѣ мужества убить себя. Вслѣдъ за тобою, Пирамъ, умру и я, пусть скажутъ, что изъ за меня бѣдной и со мною умеръ ты. Только смерть могла разлучить меня съ тобою, но теперь она соединитъ насъ. Вы же, несчастные родители, похороните въ одной могилѣ тѣхъ, которыхъ соединила вѣрная любовь и смерть. А ты, дерево, своими вѣтвями осѣняющее теперь одного несчастнаго, скоро осѣнишь двухъ. Напоминай (160) о нашей смерти: пусть плоды твои будутъ вѣчно печальнаго, темнаго цвѣта, пусть напоминаютъ они о смерти насъ обоихъ! Съ этими словами глубоко въ грудь себѣ вонзила Тизба мечъ Пирама, мечъ, еще дымившійся его кровью. Тронули мольбы дѣвушки и боговъ, и родителей: темнаго цвѣта (165) бываетъ зрѣлый плодъ шелковицы и въ одной урнѣ съ Пирамомъ покоится прахъ Тизбы».

Кончила свой разсказъ дочь Минія. Было около полудня, когда начала говорить Левкотоя. Ея разсказъ стали слушать. «Однажды влюбился (170) тотъ богъ», говорила Левкотоя, «который управляетъ движеніемъ всѣхъ небесныхъ свѣтилъ: я разскажу, въ кого влюбилось Солнце. Говорятъ, будто богъ первый замѣтилъ преступную связь Венеры съ Марсомъ: богъ Солнце видитъ все раньше другихъ. Не по сердцу пришлась ему эта продѣлка, и богъ тайкомъ разсказалъ о ней мужу Венеры—Вулкану про ея связь, показалъ даже и то мѣсто, гдѣ было дѣло. Упалъ тотъ духомъ (175); выпалъ у него изъ правой руки кузнечный молотъ. Тотчасъ сталъ Вулканъ ковать изъ мѣди цѣпи, сѣти и петли до того тонкія, что нельзя было замѣтить ихъ глазами. Никакія нити, ни спускающаяся съ потолка паутина не могли быть сравнены по тонкости съ этою

работою. Такъ сдѣлалъ Вулканъ сѣти, такъ дивно сработалъ ихъ, что ихъ можно было поднять безъ малѣйшаго усилія. Незамѣтно богъ окружилъ сѣтями свою постель. Лишь только легли вмѣстѣ супруга Вулкана и ея соблазнитель, сѣти крѣпко прижали обоихъ ихъ среди жаркихъ объятій. Вдругъ лемносскій богъ растворилъ украшенныя слоновою костью двери спальни и впустилъ туда небожителей. Въ некрасивомъ положеніи лежали вмѣстѣ Марсъ и Венера, и никто изъ могучихъ боговъ не хотѣлъ подвергнуться такому позору. Разсмѣялись небожители; долго любили всѣ они толковать объ этомъ на небѣ.

Достойно наказала Киѳерія доносчика; въ свою очередь заставила сильно страдать отъ любви того, кто открылъ ея тайную связь. Но что теперь тебѣ, сынъ Гиперіона, твое красивое лицо, свѣтлыя очи? — вѣдь самого тебя, изсушивающаго всю землю своими лучами, изсушаетъ горячая любовь; на весь міръ долженъ ты взирать своими очами, а смотришь на одну лишь дѣвушку — Левкотою. То раньше времени восходишь ты на востокѣ, то позже обыкновеннаго погружаешься въ воды; любуясь Левкотой, болѣе длинными дѣлаешь ты зимніе дни; иногда затмѣваешься ты, — страданія сердца вліяютъ на твой свѣтъ, — и своими затмѣніями ужасаешь людскія сердца. Не отъ того блѣднѣешь ты, что тебя закрыла луна, болѣе близкая къ землѣ, чѣмъ ты, отъ любви перемѣнился цвѣтъ твоего лица. Одну Левкотою любишь ты, Солнце; и не обращаешь вниманія ни на Родосянку Климену, ни на красавицу-мать эйской Кирки, ни на Клитію, — презираешь и ее, хоть она и добивалась твоей любви, тяжко страдала отъ нея въ это самое время. Многихъ заставила забыть Левкотоя, дочь Евриномы, самой красивой женщины изъ производящаго масло народа. Когда выросла дочь, то превзошла красотою свою извѣстную красавицу мать. Отецъ Левкотои — Орхамъ былъ седьмымъ царемъ ахеменійскихъ городовъ и велъ свой древній родъ отъ Бела. Въ Гесперіи, не далеко отъ земной оси,

пасутся кони Солнца; амврозію (215) ѣдятъ они вмѣсто травы, амврозіею питаютъ и подкрѣпляютъ свое тѣло, уставшее отъ дневныхъ работъ. Покуда кони щипали траву на тучныхъ пастбищахъ, день смѣнился ночью. Въ это время богъ Солнца вошелъ въ покои своей возлюбленной и принялъ видъ Евриномы, матери Левкотои. Видитъ Солнце, что Левкотоя, окруженная двѣнадцатью (220) рабынями, быстро прядетъ при огнѣ. Нѣжная мать поцѣловала свою дорогую дочь и сказала ей: «у меня есть до тебя тайна,—выйдите, рабыни, дайте матери возможность переговорить съ дочерью на-единѣ!» Рабыни повиновались (225). Богъ остался въ спальнѣ одинъ и сталъ говорить Левкотоѣ: «я тотъ, кто дѣлитъ на части длинный годъ, кто все видитъ и кого видитъ вся земля, я очи міра. Вѣрь мнѣ—я люблю тебя!» Робѣетъ дѣвушка, отъ страха опустились у ней руки, выпала прялка и веретено. Но даже (230) и выраженіе страха шло къ Левкотоѣ. Не могъ дольше удерживаться богъ Солнца: принялъ онъ свой настоящій видъ, сталъ обычнымъ красавцемъ. Хоть и испугана была дѣвушка, неожиданно увидя бога, но сдалась предъ его красотою, безропотно покорилась насилію. Позавидовала Левкотоѣ Клитія, — и она страстно любила бога Солнца (235),—разозлилась на соперницу, разгласила о ея преступной связи и обо всемъ разсказала отцу дѣвушки. Ужаснулся Орхамъ, въ гнѣвѣ (240) глубоко въ землю зарылъ онъ свою дочь, высокій холмъ изъ тяжелаго песку насыпалъ надъ нею, хоть и умоляла его Левкотоя, простирая руки къ солнцу, и говорила: «противъ воли изнасилована я!» Разсыпалъ этотъ холмъ своими лучами сынъ Гиперіона, чтобы спасти тебя, зарытая дѣва, но ужъ не могла ты поднять своей головы,—раздавила ее тяжелая земля, мертва была ты. Говорятъ, будто ни разу (245) послѣ смерти Фаэтона не видѣли, чтобъ такъ уныло свѣтилъ правящій быстрыми конями богъ Солнца. Пробуетъ богъ, нельзя ли возвратить къ жизни холодное тѣло съ помощью своихъ лучей, но смерть противилась его напраснымъ усиліямъ. Тогда благовоннымъ некта-

ромъ умастило Солнце и тѣло Левкотои, и мѣсто, гдѣ лежало оно, и въ сильной скорби воскликнуло: «я все таки возьму тебя на небо, Левкотоя!» Быстро разложилось тѣло, умащенное божественнымъ нектаромъ и оросило землю своимъ благоуханіемъ; изъ земли-же мало-по-малу поднялось своею вершиною ладоновое дерево, пробились его корни сквозь могильную насыпь.

Не сталъ болѣе посѣщать Клитіи богъ солнца: разлюбилъ онъ ее, хотя любовь могла-бы утѣшить его въ скорби, заставить забыть про доносъ нимфы. И стала съ того времени чахнуть дѣвушка, такъ какъ не отвѣчали на ея любовь. Опротивили Клитіи ея подруги; днемъ и ночью обнаженною сидѣла она на землѣ, подъ открытымъ небомъ, съ нечесанными и неубранными волосами. Девять дней не пила и не ѣла дѣвушка, одною росою да слезами питалась она и не могла подняться съ земли, а только смотрѣла на ликъ шедшаго по небу бога, на него вперяла свой взоръ. Говорятъ, будто тѣло Клитіи приросло къ землѣ; безкровное, блѣдное отъ горести лице ея обратилось въ растеніе. Красный, очень похожій на фіалку, цвѣтокъ сомкнулъ уста Клитіи, но и превращенною дѣвушка любитъ свое Солнце; къ нему обращается она, хоть и удерживаетъ ее корень».

Кончила свой дивный разсказъ дочь Минія, и всѣ внимали ей. Однѣ не вѣрятъ случившемуся, другія говорятъ, что это могутъ сдѣлать истинные небожители, но не Вакхъ. Когда смолкли сестры, онѣ стали просить разсказывать Алкитою.— «Не буду я разсказывать», говоритъ она, просовывая челнокъ въ нити натянутой основы, «объ извѣстныхъ всѣмъ любовныхъ похожденіяхъ Дафниса, пастуха на Идѣ, — какъ разсердилась на него за измѣну одна нимфа и обратила юношу въ камень,— такъ ревновали другъ друга влюбленные, — ни о томъ, какъ, вопреки природѣ, измѣнялся Ситонъ то въ мужчину, то въ женщину; умолчу и о тебѣ, Кельма,—теперь алмазъ ты, а когда-то была очень дружна съ малюткою Юпитеромъ; умолчу и

о Куретахъ, происшедшихъ отъ ливня, о Крокусѣ вмѣстѣ съ Смилакомъ превращенныхъ въ маленькій цвѣтокъ,—прелестнымъ разсказомъ займу я васъ.

«Какъ вы думаете, отъ чего это дурною славою пользуется источникъ Сальмакида, отчего не придаютъ бодрости его во̀ды, а, если омыть въ нихъ тѣло, разслабляютъ и обезсиливаютъ его, — не всѣмъ извѣстно изъ-за чего это, но всѣ знаютъ про свойство воды источника. У Меркурія и божественной Киѳеріи родился сынъ. Въ пещерѣ горы Иды вскормили его наяды. По лицу мальчика можно было узнать, кто его отецъ и мать, по родителямъ-же получилъ онъ и свое имя. Лишь только Гермафродиту исполнилось пятьнадцать лѣтъ, онъ покинулъ родныя горы, ушелъ съ кормилицы Иды и сталъ бродить по глухимъ мѣстамъ, радуясь при видѣ невѣдомыхъ рѣкъ, не чувствуя усталости изъ-за любознательности. Посѣтилъ Гермафродитъ города Ликіи и сосѣднюю съ Ликіею Карію. Въ этой землѣ онъ увидѣлъ озеро съ прозрачною до самаго дна водою. Не поросло оно болотнымъ камышемъ, ни съ пустою сердцевиной осокою, ни островерхимъ тростникомъ: чиста была его поверхность; словно живымъ лугомъ, вѣчнозеленою травою окаймлены были его берега. Въ озерѣ жила нимфа; не умѣла она охотиться, никогда не натягивала лука, не состязалась въ бѣгѣ,—одну ее изъ наядъ не знала быстроногая Діана. Говорятъ, не разъ говаривали нимфѣ ея сестры: «Сальмакида, возьми либо копье, либо стрѣлы въ красивомъ колчанѣ,—развлекись на досугѣ хоть суровою охотою!» Но не брала нимфа ни копья, ни красиваго стрѣлоноснаго колчана,—не развлекалась она на досугѣ суровою охотою: то омывала нимфа въ источникѣ свое красивое тѣло, то чесала свои волосы гребнемъ, сдѣланнымъ изъ киторскаго бука, то смотрѣлась въ воду, словно совѣтуясь съ нею, хороша-ли прическа, то, накинувъ на себя легкую одежду, ложилась на мягкую зелень, на нѣжную траву и собирала цвѣты. Разъ, собирая цвѣты, нимфа увидѣла юнаго Гермафродита и влю-

билась въ него. Хоть и сильно хотѣла Сальмакида подойти къ юношѣ, но подошла не прежде, какъ оправилась, взглянула на свое платье; хороша была тогда плутовка.—«За бога готова я счесть тебя, красавицъ-мальчикъ», такъ начала потомъ Сальмакида свой разговоръ, «если ты богъ, то навѣрное самъ Купидонъ, если человѣкъ, то счастливы твои родители, счастливъ твой братъ, вполнѣ счастлива сестра, если только она есть у тебя, счастлива и питавшая тебя кормилица, но завиднѣе всѣхъ доля твоей супруги, если только есть она у тебя, если осчастливилъ ты ее бракомъ съ тобою. Если женатъ ты, я буду любить тебя тайно, если нѣтъ, то выйду за тебя замужъ». Съ этими словами замолкла наяда. Стыдливо закраснѣлось лице юнаго Гермафродита, — не зналъ онъ, въ чемъ состоитъ любовь,—и шелъ къ юношѣ стыдливый румянецъ. Такого цвѣта было лице его, какой бываетъ у свѣсившихся съ дерева яблоковъ, когда румянятъ ихъ лучи солнца; такою, какою бываетъ крашеная слоновая кость или луна, когда по-напрасну звучатъ помогающія при ея затмѣніи трубы. Не отстаетъ Сальмакида: проситъ она хоть поцѣловать ее, какъ сестру, и уже хочетъ обнять руками бѣлую шею Гермафродита. «Отстань или я убѣгу, покину и тебя, и это мѣсто», говоритъ онъ. «Оставайся-же здѣсь если хочешь, пришлецъ,» говоритъ, робѣя, нимфа. Притворилась она, будто ушла, а сама, оглядываясь, скрылась въ глубинѣ густаго лѣса и припала тамъ на колѣни. Гермафродитъ, думая, что никто не подсматриваетъ за нимъ на пустынномъ лугу, сталъ сперва прохаживаться взадъ и впередъ, потомъ съ плескомъ опустилъ въ воду слѣдья своихъ ногъ. Понравилась юношѣ пріятная прохлада воды, и онъ скоро снялъ со своего красиваго тѣла тонкую одежду. Съ удивленіемъ смотритъ теперь на Гермафродита Сальмакида: запылала въ ней страсть при видѣ обнаженнаго тѣла. Сверкаютъ глаза нимфы, какъ сверкаетъ поставленное противъ солнца зеркало, когда отражается въ немъ яркій кругъ небес-

лаго свѣтила. Съ трудомъ (350) сдерживается нимфа, чрезъ силу скрываетъ она свою радость, и то страстно желаетъ обнять Гермафродита, то пытается подавить въ себѣ безумную страсть, но напрасно. Ударилъ юноша по тѣлу своими руками и быстро бросился въ воду; черпая ее то одною, то другою красивою рукою, бѣлѣется онъ въ чистой водѣ, словно слоновой кости статуя, (355) которую кто-либо покрылъ блестящею, подобно бѣлоснѣжной лиліи, краской. «Я побѣдила, онъ мой!» восклицаетъ наяда, далеко въ сторону бросаетъ свою одежду; кидается въ глубину источника, держитъ борющагося Гермафродита и старается поцѣловать его, обхватывая руками. Противъ воли юноши прижимается Сальмакида къ его груди и (360) обнимаетъ его то съ одной стороны, то съ другой. Наконецъ нимфа обвила Гермафродита, словно (365) змѣя, которую держитъ въ когтяхъ и уноситъ въ вышину царственная птица— орелъ. На лету змѣя обвиваетъ голову, хвостъ и широкія крылья птицы; точно такъ обхватываетъ высокіе стволы деревьевъ плющъ, такъ схватываетъ въ водѣ своего врага и полипъ: отовсюду выпускаетъ онъ свои щупальцы. Непреклоненъ правнукъ Атланта: не хочетъ онъ доставить нимфѣ желаннаго удовольствія. А она жмется къ юношѣ, жмется всѣмъ тѣломъ, словно (370) хочетъ впиться въ него.—«Какъ ты не борись, упрямецъ», говоритъ Сальмакида, «а все-же не уйдешь отъ меня! О, боги, сдѣлайте такъ, чтобы никогда не разлучалась ни я съ Гермафродитомъ, ни онъ со мною». И услышали небожители ея мольбу: слилось, соединилось тѣло нимфы съ тѣломъ Гермафродита, и одно (375) лице стало у нихъ. Если кому случалось видѣть, какъ образуется кора у соединившихся и быстро растущихъ вмѣстѣ сучьевъ, то такъ же тѣсно слились въ объятіи тѣла Гермафродита и нимфы; двойное лице стало у одного человѣка: нельзя назвать его ни женскимъ, ни мужскимъ, — и на то, и на другое похоже оно. Итакъ, (380) когда увидѣлъ Гермафродитъ, что, войдя въ чистый источникъ мужчиною, онъ вышелъ изъ него мужчиною только

на-половину, что ослабѣло его тѣло, то простеръ онъ руки къ небу и воскликнулъ, но ужъ не мужскимъ голосомъ: «отецъ и мать, исполните просьбу своего двуименнаго сына: пусть всякій (385), вошедшій въ этотъ источникъ мужчиною, выйдетъ изъ него полумужчиною, пусть внезапно ослабнетъ онъ, выкупавшись въ его водѣ!» Тронуты были родители юноши, одобрили они рѣчь своего двоевиднаго сына и дали источнику чудодѣйственную силу».

Конченъ разсказъ, но все еще продолжаютъ (390) работать дочери Минія, съ презрѣніемъ относятся онѣ къ богу Вакху, не чтутъ его празднества. Вдругъ раздались глухіе звуки невидимыхъ тимпановъ, зазвучали флейты и изогнутыя, звучныя мѣдныя трубы, разлилось благоуханіе мирры и шафрана, и— трудно повѣрить—стала зеленѣть пряжа, въ (395) вѣтви зеленаго плюща превратилась одежда дѣвушекъ, часть ея сдѣлалась виноградными лозами; побѣгами стали недавнія нити; вѣтви винограда показываются изъ основы, и багрянецъ придаетъ блескъ его красивымъ гроздамъ. Былъ уже конецъ дня, наступало время, которое (400) нельзя назвать ни днемъ, ни ночью: то сумерки, среднее время между днемъ и ночью. Вдругъ затрясся домъ Минія; казалось, будто въ его комнатахъ вспыхнули пропитанные масломъ факелы и все освѣтили своимъ красноватымъ огнемъ. Съ воемъ ворвались въ жилище призраки дикихъ звѣрей. Стараясь укрыться отъ ослѣпительнаго блеска факеловъ, въ ужасѣ заметались тогда сестры въ наполненныхъ дымомъ (405) комнатахъ, избѣгая ослѣпительнаго блеска факеловъ. Въ то время, какъ дочери Минія ищутъ темнаго уголка, — перепонка растянула ихъ маленькіе пальцы, небольшія крылья выросли у нихъ на рукахъ, а дѣвушки не могутъ замѣтить (410) въ темнотѣ, какъ это лишились онѣ своего прежняго вида. Не приносятъ пользы крылья превращеннымъ дѣвамъ, хоть и носятся онѣ по чистому воздуху. Пытаясь говорить, слабые, сравнительно съ величиною тѣла, звуки издаютъ онѣ, словно жалуются на судьбу своимъ тихимъ шипѣ-

ніемъ; въ жилыхъ зданіяхъ, не въ лѣсахъ, обитаютъ онѣ, ненавидятъ дневной свѣтъ: ночью (415) летаютъ онѣ и имя свое получили отъ поздняго вечера.

Всѣ Ѳиванцы стали тогда чтить бога Вакха. Ино, тетка ему по матери, повсюду начала разсказывать о необычайномъ могуществѣ юнаго бога. Изо всѣхъ дочерей Кадма одна Ино не испытывала еще до сихъ поръ непріятностей ни отъ кого, кромѣ сестеръ. Замѣтила (420) Юнона, что гордится дочь Кадма своими дѣтьми отъ брака съ Атамантомъ и тѣмъ, что она вскормила Вакха. Не стерпѣла богиня.—«Могъ-же сынъ моей соперницы превратить въ рыбъ Меонійскихъ корабельщиковъ, заставить ихъ броситься въ море», разсуждаетъ Юнона сама съ собою, «могъ-же родиться сынъ изъ растерзаннаго чрева матери, могъ онъ недавно дать крылья тремъ (425) дочерямъ Минія, а Юнонѣ ничего нельзя дѣлать, кромѣ того, что оплакивать свои неотмщенныя обиды. Мнѣ-ли не быть довольной, когда въ одномъ этомъ и состоитъ все мое могущество!.. Самъ Вакхъ учитъ, что мнѣ дѣлать. Не грѣшно кой-чему научиться и отъ врага: ясно показалъ мнѣ недавно (430) богъ смертью Пентея, до чего можно дойти въ безуміи, — отчего же и мнѣ нельзя привести въ изступленіе Ино. Пусть и съ нею случится то же, что и съ ея родными!»

Есть одна покатая дорога; угрюмый тисъ осѣняетъ ее, по безмолвнымъ мѣстамъ ведетъ она къ жилищу Смерти. Туманы поднимаются (435) тамъ изъ стоячихъ водъ Стикса; постоянно нисходятъ туда тѣни погребенныхъ мертвецовъ. Холоднаго ужаса полно то безпредѣльное дикое мѣсто, и не знаютъ тѣни новыхъ умершихъ, гдѣ дорога, ведущая къ городу смерти съ мрачными чертогами страшнаго Дія. Тысячи воротъ имѣетъ обширный городъ (440), и отперты всѣ они. Какъ море принимаетъ въ себя рѣки всей земли, такъ и то мѣсто—всѣ души людей. Сколько-бы ни было въ Аидѣ жителей,—никогда не будетъ онъ тѣсенъ. Не замѣтно даже, какъ прибываетъ его населеніе. Блуждаютъ тамъ безкровныя, безъ тѣла и костей,

тѣни: однѣ изъ нихъ занимаются торговлею, другія служатъ при дворѣ подземнаго царя, нѣкоторыя занимаются какими-нибудь ремеслами, подражая своей прежней жизни. И въ такое-то мѣсто рѣшается идти Юнона, дочь Сатурна: такъ сильна ея ненависть, такъ разгнѣвана богиня на Ино! Вышла Юнона изъ своихъ небесныхъ чертоговъ и вошла въ жилище Смерти. Заскрипѣли его двери, когда подошло къ нимъ божество; поднялъ Керберъ свою тройную голову и трижды залаялъ. Зоветъ Юнона сестеръ, дочерей Ночи, суровыхъ, неумолимыхъ богинь. Передъ дверьми крѣпко-запираемаго подземелья сидѣли онѣ и вычесывали изъ своихъ волосъ ядовитыхъ змѣй. Узнали Юнону Эвмениды даже среди непроницаемаго мрака и встали. Тартаромъ зовется жилище богинь. Тамъ Титій подставляетъ на терзаніе свое чрево, занимая своимъ тѣломъ девять десятинъ; тамъ ты, Танталъ, никакъ не можешь напиться воды; убѣгаетъ и нависшее надъ тобою дерево. Тамъ мучишся и ты, Сизифъ: то вкатываешь ты въ гору камень, то снова внизъ катится онъ у тебя. Вертится тамъ и Иксій,—себя преслѣдуетъ онъ и отъ себя же бѣжитъ. Безъ отдыху, черпаютъ тамъ по напрасну воду внучки Бела: она выливается у нихъ. Въ наказаніе за убійство своихъ двоюродныхъ братьевъ терпятъ онѣ эту казнь. Грозно взглянула дочь Сатурна на всѣхъ преступниковъ. Сперва посмотрѣла она на Иксія, потомъ на Сизифа. — «Почему изъ всѣхъ братьевъ одинъ Сизифъ осужденъ на вѣчное мученіе», говоритъ богиня, «между тѣмъ какъ гордецъ Атамантъ пышно живетъ въ своемъ дворцѣ, а не Атамантъ-ли всегда не чтилъ меня за-одно со своею супругою?» И Юнона объяснила Эвменидамъ, за что ненавидитъ она Атаманта, зачѣмъ пришла и въ чемъ состоитъ ея желаніе: жаждетъ богиня гибели всего рода Кадма, хочетъ она, чтобы Эвмениды заставили Атаманта совершить убійство, — въ этомъ состояло желаніе Юноны. Власть свою, обѣщанія и просьбы, все вмѣстѣ, употребляетъ въ дѣло богиня, подстрекая сестеръ. Въ отвѣтъ

на эту рѣчь Тизифона закачала своими вѣчно всклокоченными, сѣдыми волосами и откинула (475) съ лица мѣшавшихъ ей змѣй.—«Не говори много лишняго,—будетъ исполнена твоя просьба. Уйди изъ ненавистнаго для тебя царства тѣней, возвратись лучше на свѣтлое небо», такъ говоритъ богинѣ Эвменида.

Веселою ушла Юнона. При входѣ богини въ небесные свои чертоги, росою (480) омыла ее Ирида, дочь Тавманта. Быстро схватила неумолимая Тизифона дымящійся кровью факелъ, надѣла плащъ, красный отъ сочившейся сквозь него крови, опоясалась извивающейся змѣею и вышла изъ своего жилища. Слѣдомъ за нею идутъ Печаль, Страхъ (485), Трепетъ и наводящее ужасъ своимъ лицемъ Безуміе. У дверей дворца Атаманта Эвменида остановилась. Говорятъ, будто потряслось жилище Эолова сына; словно отъ испареній Авернскаго озера потемнѣли его двери. Солнце ушло съ того мѣста. Испугана была этими знаменіями супруга Атаманта, оробѣлъ и самъ онъ. Хотятъ они бѣжать изъ своего дворца, но не пустила (490) ихъ приносящее горе Эриннія: сѣла она у дверей и, протягивая свои обвитыя извивающимися змѣями руки, потрясала своими волосами. Зашевелились потревоженныя змѣи: однѣ изъ нихъ расползлись по плечамъ, другія съ шипѣніемъ обвились вкругъ груди Тизифоны. Ядовитая слюна текла у змѣй, и онѣ вращали своимъ жаломъ. Потомъ (495) Тизифона вырвала изъ своихъ волосъ двухъ змѣй и кинула ихъ своею гибельною рукою. Ползаютъ змѣи по груди Ино и Атаманта и навѣваютъ страшныя мысли. Не кусаютъ змѣи тѣла, но чуетъ сердце ихъ ужасное сосѣдство. И страшный жидкій ядъ взяла (500) съ собою Эвменида, пѣну изъ пасти Кербера, ядъ Эхидны; взяла и шаткое Сомнѣніе, Забывчивость ослѣпленнаго ума, Порокъ и Слезы, Ярость и Кровожадность. Все это богиня истолкла вмѣстѣ, развела свѣжею кровью и стала варить (505) въ котлѣ, мѣшая зеленымъ стволомъ цикуты. Въ то время, какъ Ино и Аѳамъ цѣпенѣютъ отъ страха, Тизифона выливаетъ на грудь

*

нихъ страшный ядъ, и глубоко въ сердце проникаетъ онъ. Тогда, стоя на одномъ мѣстѣ, быстро замахала богиня своимъ факеломъ и скоро достигла того, что привела жертвы въ бѣшенство силою своего яда. Итакъ, исполнивъ приказаніе Юноны, побѣдоносно возвратилась Эвменида въ мрачное царство могучаго Дія и сняла съ себя взятую змѣю.

Скоро сынъ Эола сталъ буйствовать среди своихъ придворныхъ.—«Эй друзья», кричитъ Атамантъ, «разставляйте сѣти въ этомъ лѣсу: здѣсь видѣлъ я львицу съ двумя дѣтенышами»! И въ безуміи, какъ дикій звѣрь, бѣжитъ онъ за своею супругою, отрываетъ отъ материнской груди улыбающагося и протягивающаго свои рученки Леарха, два-три раза, словно пращею, кружитъ имъ по воздуху и безъ состраданія разбиваетъ голову малютки о холодный камень. Отъ горя-ли, или отъ начинавшаго дѣйствовать яда пришла въ изступленіе и мать Леарха: завопила она въ безуміи и побѣжала, распустивъ свои волосы. Одною рукою несетъ Ино тебя, малютка Меликертъ, и восклицаетъ: «эвое, Вакхъ!» Засмѣялась Юнона при имени Вакха и воскликнула: «пусть-же поможетъ теперь тебѣ твой питомецъ!»

Нависла надъ моремъ одна скала; въ подошву ея бьютъ волны; въ томъ мѣстѣ не даетъ она дождю вливаться въ море. Вверхъ подымается вершина скалы и вдается далеко въ открытое море. Сюда вбѣжала Ино—безуміе придало ей силы—и безъ страха, вмѣстѣ съ сыномъ, бросилась въ волны.

Вспѣнилась вода отъ удара. Сжалилась Венера надъ незаслуженными страданіями своей внучки и, ласкаясь къ дядѣ, стала говорить ему: «Нептунъ, властитель надъ морями, ты, которому досталось второе царство послѣ неба,—хоть и многаго прошу я у тебя, но сжалься надъ моими родными,—видишь, они бросились въ необъятное Іонійское море,—причисли ихъ къ подвластнымъ тебѣ божествамъ. Вѣдь хоть сколько-нибудь любятъ меня морскіе боги, если я нѣкогда вышла изъ густой пѣны глубокаго, величественнаго моря, отъ чего и дали

мнѣ особое имя Греки!» Согласился Нептунъ исполнить просьбу Венеры: безсмертными (540) сдѣлалъ онъ Ино и ея сына, далъ имъ величавую наружность. Измѣнивъ наружность, богъ далъ имъ и новое имя: богомъ Палемономъ назвалъ Нептунъ сына, Левкотоею—мать.

Өиванки, спутницы Ино, первыя замѣтили ясные слѣды ногъ ея на скалѣ и шли по нимъ, насколько было можно. Не (545) имѣя ни малѣйшаго сомнѣнія въ смерти Ино, онѣ, ломая руки, стали оплакивать судьбу семейства Кадма, рвали на себѣ волосы и, мало того, стали говорить, будто Юнона была через чуръ жестока въ ненависти къ своей соперницѣ. Не вынесла богиня такой клеветы и воскликнула: «поступокъ мой съ вами напомнитъ о моей суровости (550)». Сдержала свое слово богиня. «И я брошусь въ море вслѣдъ за царицею», говоритъ самая вѣрная подруга Ино и хочетъ кинуться туда, но никуда не въ состояніи она двинуться и крѣпко приростаетъ къ скалѣ. Другая, желая бить себя въ грудь (555), почувствовала, что неподвижны стали ея вытянутыя впередъ руки. Одна, какъ протянула къ водамъ моря свои руки, такъ и обратилась въ камень. Даже и въ такомъ видѣ протягиваетъ она къ морю свои руки. Можно было видѣть, какъ у другой женщины, схватившейся за голову и рвавшей на себѣ волосы, пальцы внезапно затвердѣли въ волосахъ. Въ какомъ (560) тѣ движеніи застигнута была каждая изъ спутницъ Ино, въ такомъ и превратилась въ камень, но часть ихъ превратилась въ птицъ,—даже до сей поры превращенныя Исмениды концемъ своихъ крыльевъ задѣваютъ морскую пучину.

Не подозрѣваетъ сынъ Агенора, что дочь его и малютка-внукъ стали морскими божествами. Убитый (565) горемъ изъ-за ряда бѣдствій и чудесныхъ явленій, которыхъ случалось ему видѣть такъ много, основатель города Өивъ удалился изъ роднаго города, словно его преслѣдовалъ рокъ, тяготѣвшій надъ этою землею, а не надъ нимъ самимъ. Изнуренный долговременнымъ скитаніемъ, Кадмъ пришелъ со своею бездомною су-

пругою въ предѣлы Илиріи. Уже состарѣвшись отъ бѣдствій и годовъ, Кадмъ съ супругою начинаетъ вспоминать о первыхъ своихъ семейныхъ несчастіяхъ (570) и говорить о своихъ подвигахъ. «Не былъ-ли кому-либо посвященъ убитый моимъ копьемъ драконъ, зубы котораго, зачатки новыхъ людей, я посѣялъ въ землю по пріѣздѣ своемъ изъ Сидона? Если боги ясно мстятъ въ своемъ гнѣвѣ за своего любимца, то молю ихъ, пусть и самъ (575) я обращусь въ огромнаго дракона!» Съ этими словами Кадмъ сталъ извиваться, словно огромный драконъ и чувствовать, что наростаетъ у него чешуя на загрубѣлой кожѣ, а загорѣлое тѣло начинаетъ пестрѣть лазуревыми пятнами. Ничкомъ на грудь упалъ Кадмъ. Ноги его свело вмѣстѣ, и онѣ стали постепенно (580) удлинняться въ кругловатый хвостъ. Однѣ лишь руки остаются у Кадма.—«Подойди ко мнѣ, жена, подойди, несчастная, и, пока можно, поцѣлуй меня, возьми (585) мою руку, пока она еще рука, пока не весь я обратился въ дракона», говорилъ Кадмъ, протягивая свои руки, и слезы текли по его, еще человѣческому, лицу. Хочетъ онъ сказать еще что-нибудь, но внезапно раздвоивается его языкъ, и не можетъ говорить сынъ Агенора. Сколько разъ ни пытался онъ жаловаться на свою судьбу, все шипѣлъ: такой голосъ данъ ему природой. Бьетъ рукою свою обнаженную (590) грудь супруга Кадма и восклицаетъ: «не измѣняйся, Кадмъ, не принимай, несчастный, такого страшнаго вида! Кадмъ, въ кого обратился ты? Гдѣ твои ноги, гдѣ плечи и руки, гдѣ красивая наружность, гдѣ все это, говорю я? Зачѣмъ, небожители, не обратите вы и меня въ дракона?» Такъ говорила (595) она, а Кадмъ лизалъ лице супруги, прижимался къ милой ему груди, словно узнавалъ ее, обвивался вкругъ нея и ласкался къ знакомой шеѣ. Въ ужасъ приходятъ всѣ спутники Кадма, а супруга его гладитъ склизкую шею увѣнчаннаго гребнемъ дракона. Вдругъ (600) ихъ является двое. Извиваясь, поползли драконы вмѣстѣ, пока не скрылись въ густой ближней рощѣ. И теперь не избѣгаютъ они человѣка и не кусаются: помнятъ драконы, что прежде они были кроткими существами.

Но превращенный Кадмъ и его супруга, оба они, радовались, глядя на великаго своего внука, котораго чтила побѣжденная имъ Индія, славила въ воздвигнутыхъ въ честь его храмахъ Ахаія. Одинъ лишь Акризій, сынъ Абанта, происходившій отъ одного рода съ Вакхомъ, не чтитъ его, не пускаетъ въ стѣны столицы Арголиды, употребляетъ противъ бога силу и не признаетъ его сыномъ Юпитера. Думаетъ Акризій, что и Персей, котораго Даная зачала отъ золотаго дождя, тоже не сынъ Юпитера. Но скоро Акризію приходится раскаиваться и въ томъ, что оскорбилъ онъ бога, и въ томъ, что не узналъ своего внука,—такъ сильна справедливость. Одинъ внукъ Акризія принятъ въ сонмъ боговъ, другой, разсѣкая чистый воздухъ своими шумящими крыльями, уносилъ страшный знакъ своей побѣды надъ змѣеволосымъ чудовищемъ. Когда Персей побѣдителемъ пролеталъ надъ песчаною Ливійскою пустынею, съ головы Горгоны упало нѣсколько капель крови. Земля впитала ее въ себя и превратила въ пестрыхъ змѣй. Оттого-то и кишитъ Ливія ядовитыми гадами. Изъ Ливіи то туда, то сюда носится по неизмѣримому пространству гонимый разными вѣтрами Персей. Подобно дождевой тучѣ несется онъ и съ высокаго неба взираетъ на едва замѣтную землю, летитъ надъ всѣмъ міромъ. Трижды пришлось Персею увидѣть созвѣздія сѣверной Медвѣдицы, трижды—клешни созвѣздія Скорпіона; то на западъ уноситъ его, то на востокъ.

Ужъ прошелъ день, и Персей, боясь пускаться въ путь ночью, остановился въ Гесперіи, царствѣ Атланта. Не много отдохнулъ Персей,—пока Люциферъ не смѣнилъ блеска Авроры, а Аврора, въ свою очередь, — дня. Въ Гесперіи царствовалъ Атлантъ, сынъ Япета, превосходившій всѣхъ людей своимъ громаднымъ ростомъ. Край земли находился подъ властью Атланта и то море, въ воды котораго уходятъ усталые кони Солнца; въ это море упирается и вечернее небо. Тысячи овецъ и столько же крупнаго скота паслось на лугахъ Атланта. Конца не было его владѣніямъ. Было у Атланта

одно дерево. Золотомъ блестѣли его молодые листья, золотыя были вѣтви, золотыя же и яблоки свѣшивались съ нихъ. — «Другъ», говоритъ Персей Атланту, «если ты (640) обращаешь вниманіе на знатное происхожденіе, то знай, — я сынъ Юпитера; если дивишся подвигамъ, то удивишся моему. Я прошу у тебя гостепріимства и отдыха!» Вспомнилъ царь древнее предсказаніе, данное ему парнасскою Ѳемидой: «Атлантъ, придетъ время, когда отнимутъ у тебя золотое дерево (645). Этимъ подвигомъ прославитъ себя сынъ Юпитера!» Изъ боязни Атлантъ окружилъ свой плодовый садъ крѣпкими стѣнами и поручилъ охранять его свирѣпому дракону, не пускавшему въ царство ни одного чужеземца. — «Ступай прочь», говоритъ Атлантъ Персею, «а то нисколько не помогутъ тебѣ твои вымышленные (650) подвиги, ни отецъ твой Юпитеръ!» Къ угрозамъ Атлантъ присоединилъ и насиліе: хочетъ онъ выбросить Персея, который медлилъ и говорилъ то ласково, то грозно. Слабѣе силою былъ Персей,—кто бы могъ сравниться силою съ Атлантомъ? «Такъ какъ ты ни во что не ставишь дружбу со мною, то получи (655) за это награду», говоритъ Персей Атланту, самъ оборачиваясь назадъ, а лѣвою рукою показывая царю страшную голову Медузы. Какъ ни былъ великъ Атлантъ, всетаки обратился онъ въ гору. Лѣсомъ стала его борода и волосы, въ горный хребетъ превратились плечи и руки, прежняя голова стала горною вершиною, кости (660) обратились въ скалы. Тогда во всѣ стороны разрослась гора и поднялась высоко въ верхъ, — такъ постановили вы, боги, — и все небо со множествомъ звѣздъ стало покоиться на плечахъ Атланта.

Заперъ внукъ Гиппота вѣтры въ ихъ постоянное жилище; высоко на небѣ взошелъ вѣстникъ дня Люциферъ (665). Отдохнувшій Персей привязалъ крылья къ обѣимъ своимъ ногамъ, опоясался кривымъ мечемъ и сталъ разсѣкать своими сандаліями чистый воздухъ. Оставилъ Персей назади безчисленныя племена и народы Эѳіопіи и прибылъ въ царство

Кефея. Здѣсь (670) Аммонъ велѣлъ невинной Андромедѣ пострадать за гордыя рѣчи ея матери. Правнукъ Абанта увидѣлъ, что руки Андромеды прикованы къ крѣпкой скалѣ. Любовь незамѣтно овладѣла его сердцемъ. Остановился Персей, пораженный дивной красотою Андромеды, почти забылъ махать по воздуху своими крыльями. Если бы легкій вѣтерокъ не шевелилъ волосами дѣвы и изъ глазъ не текли-бы горячія слезы, ее можно было-бы принять за мраморную (675) статую. Когда остановился Персей, то сказалъ: «не такихъ узъ достойна ты, но тѣхъ, которыми соединяются между собою любящіе. Отвѣть (680) на мой вопросъ, какъ зовутъ тебя и твою родину и за что скована ты?» Сперва Андромеда молчала, не смѣла заговорить съ мужчиною. Стыдливо закрыла-бы руками она свое лице, еслибъ не была прикована. Лишь обильныя слезы могла проливать Андромеда. Сильнѣе (685) сталъ настаивать Персей, и Андромеда сказала ему, какъ зовутъ ее, ея родину и какъ гордилась мать царевны своею красотою. Не успѣла еще всего разсказать дѣва, какъ зашумѣли волны, изъ необъятнаго моря вышло чудовище и поплыло (690), разсѣкая грудью широкую пучину. Вскрикнула дѣва. Къ ней подошелъ убитый горемъ отецъ и мать. Оба несчастны они, но болѣе заслужили несчастіе, чѣмъ ихъ дочь. Не помощь принесли родители Андромеды, но идущій къ дѣлу плачъ и рыданія. Родители прильнули къ скованной дочери. — «Много времени останется вамъ для плача, мало—для поданія помощи», вдругъ (695) говоритъ чужеземецъ. «Если буду просить руки Андромеды я, Персей, сынъ Юпитера и той заключенной, которая стала беременной отъ Юпитера, принявшаго видъ драгоцѣннаго золота, Персей, убившій змѣеволосую Горгону, дерзнувшій на быстрыхъ крыльяхъ летѣть высоко (700) по воздуху,—то, конечно, меня предъ всѣми предпочтете вы имѣть своимъ зятемъ. Къ столь большимъ подвигамъ я попытаюсь прибавить и услугу. Я прошу руки вашей дочери въ награду за свое мужество, если только будутъ благосклонны ко мнѣ боги!»

Соглашаются на предложеніе Персея родители Андромеды,—да и кто сталъ бы медлить въ этомъ случаѣ?—умоляютъ его спасти дочь, сверхъ того въ приданое обѣщаютъ (705) дать и свое царство. Но вотъ, словно быстрый корабль, бороздящій воду своимъ острымъ носомъ и приводимый въ движеніе руками вспотѣвшихъ гребцовъ,—такъ разсѣкаетъ чудовище волны напоромъ своей груди. На такое разстояніе было оно отъ скалы, сколько можетъ пролетѣть по воздуху пуля, пущенная изъ болеарской пращи (710). Вдругъ юноша поднялся высоко на воздухъ. Яростно бросилось чудовище, увидя на поверхности моря тѣнь человѣка. Какъ орелъ, птица Юпитера, увидя на полѣ змѣю, грѣющую (715) на солнцѣ свою синеватую спину, налетаетъ на нее сзади, чтобы пресмыкающееся не повернуло своей страшной головы: такъ же быстро пролетѣлъ по воздуху и Персей. Сдавилъ онъ спину чудовища, до кривой рукоятки вонзилъ внукъ Инаха (720) свой мечъ въ правое плечо разъяреннаго звѣря. Тяжело раненое чудовище то взлетаетъ высоко на воздухъ, то скрывается подъ водою, то бросается въ сторону, словно дикій вепрь, котораго пугаетъ своимъ лаемъ свора собакъ. Съ помощью своихъ быстрыхъ крыльевъ Персей спасается отъ настойчивыхъ нападеній. Во всякое незащищенное (725) мѣсто поражаетъ онъ чудовище своимъ кривымъ мечемъ: то въ спину, покрытую пустыми раковинами, то въ бокъ, въ ребра, то въ то мѣсто, гдѣ оканчивается тонкій хвостъ, похожій на рыбій. Воду вмѣстѣ съ красною кровью изрыгаетъ чудовище изъ своей пасти. Смокли крылья Персея, отяжелѣли отъ брызговъ. Не (730) смѣетъ герой болѣе надѣяться на пропитанныя водою сандаліи. Вдругъ онъ увидѣлъ скалу, которая при тихой погодѣ выдавалась изъ воды своею верхушкою, а въ бурю покрывалась водою, и сталъ на нее. Придерживаясь лѣвою рукою за верхушку скалы, три или четыре раза снова вонзилъ Персей свой мечъ во внутренности чудовища. Крикъ одобренія огласилъ берегъ (735) и высокіе чертоги небожителей. Ликуютъ Кассіопа и отецъ Андромеды,

Кефей. Привѣтствуютъ они своего зятя, называя его защитникомъ ихъ семейства, спасителемъ дочери. Освобождена отъ оковъ дѣва, уходитъ она, награда и виновница подвига. Зачерпнулъ Персей (740) воды и умылъ свои побѣдоносныя руки. Чтобы на твердомъ пескѣ не повредилась зміеносная голова Медузы, онъ устлалъ землю листьями, набросалъ на нихъ морскихъ водорослей и положилъ голову дочери Форкина. Молодыя водоросли, еще не завядшія, благодаря наполненной водою сердцевинѣ, получили отъ прикосновенія съ чудовищемъ новое свойство: (745) затвердѣли онѣ, необычайно тверды стали ихъ вѣтви и листья. На многихъ вѣткахъ испытываютъ морскія нимфы то чудное свойство; забавляясь, окрашиваютъ онѣ траву и спѣшатъ разбросать по водѣ ея сѣмена. И до сихъ поръ (750) тѣмъ же свойствомъ отъ природы обладаютъ кораллы: твердѣютъ отъ прикосновенія съ воздухомъ. Въ камень обращается надъ водою то, что въ ней было травою.

Тремъ небожителямъ столько же и жертвенниковъ изъ дерна воздвигъ Персей. Лѣвый посвятилъ онъ Меркурію, правый тебѣ, воинственная дѣва, средній (755)—Юпитеру. Корову принесъ Персей въ жертву Минервѣ, тельца—крылатому Меркурію, быка—тебѣ, могущественнѣйшій изъ боговъ. Вскорѣ безъ приданаго женился Персей на Андромедѣ, наградѣ за свой славный подвигъ. Брачными свѣтильниками потрясаютъ Гименей и Амуръ; щедро подбрасываютъ въ огонь благовонія; вѣнки (760) свѣшиваются съ потолка, и то раздаются звуки лиры и флейты, то звуки пѣсни,—ясные знаки шумнаго веселья. Растворяются всѣ двери, и открываются блистающіе золотомъ чертоги; красивыми рядами входятъ на богатый царскій пиръ кефенскіе вельможи. Когда (765) кончился пиръ и развеселились сердца отъ дара щедраго Вакха, Линкидъ сталъ разсказывать объ образѣ жизни и мѣстныхъ обычаяхъ, о нравахъ и храбрости жителей. Кончилъ онъ и сказалъ: «теперь я прошу тебя, отважный Персей, разсказать (770) о томъ, какъ отважно и ловко съумѣлъ ты достать голову змѣеволосой Горгоны.

Потомокъ Агенора сталъ разсказывать, что вблизи холоднаго Океана есть одно мѣсто, недоступное благодаря своей огромной и крѣпкой оградѣ. Внутри этой ограды жили родныя сестры, дочери Форкина, имѣвшія лишь одинъ глазъ. Когда сестры передавали его другу другу, Персей ловко, незамѣтно схитрилъ: подставилъ и взялъ его въ руку. По очень глухимъ мѣстностямъ и поросшимъ частымъ лѣсомъ крутымъ утесамъ достигъ Персей жилища Горгоны. Всюду по полямъ и дорогамъ видѣлъ онъ людей и звѣрей, превратившихся въ камень при видѣ Медузы. Однако самъ Персей видѣлъ лице страшной Медузы: отражалось оно въ мѣдномъ щитѣ, который онъ носилъ на лѣвой рукѣ. Когда глубоко заснула змѣеволосая Медуза, Персей отрубилъ отъ туловища голову чудовища. Изъ крови матери родились быстро-крылый Пегасъ и братъ его Хризаоръ. Разсказалъ Персей и о дѣйствительныхъ своихъ опасностяхъ во время долгаго путешествія, разсказалъ и о томъ, какія моря и земли видѣлъ онъ съ вышины, какія созвѣздія задѣвалъ своими быстрыми крыльями. Вдругъ, сверхъ ожиданія, Персей умолкъ. Одинъ изъ вельможъ начинаетъ спрашивать героя, отчего это Медуза, одна изъ всѣхъ сестеръ, имѣетъ волоса со змѣями? «Ты спрашиваешь о томъ, о чемъ стоитъ разсказать», говоритъ гость, «то слушай-же. Красавица Медуза была завиднымъ предметомъ надежды для многихъ искателей ея руки. Всего же красивѣе были у ней волосы. Говорятъ, будто властитель моря обезчестилъ Медузу въ храмѣ Минервы. Отвернулась дочь Юпитера, эгидою закрыла свое непорочное лице и въ наказаніе превратила волосы Горгоны въ отвратительныхъ змѣй. И до сихъ поръ богиня носитъ на груди сотворенныхъ ею змѣй, чтобы разсѣевать объятыхъ ужасомъ враговъ».

КНИГА ПЯТАЯ.

Персей. а) Финей. б) Претъ. в) Полидектъ.—Пиреней.—Кіана.—Аскалафъ.—Сирены.—Аретуза.—Линкъ.—Дочери Піера.

Въ то время, какъ мужественный сынъ Данаи разсказывалъ про свои похожденія въ кругу Кефеновъ, буйными криками огласились царскіе чертоги. Не тѣ это восклицанія, что раздаются на брачныхъ пирахъ, а тѣ, которыя предвѣщаютъ жестокій бой. Съ (5) моремъ могъ-бы ты сравнить внезапно разстроившееся пиршество, съ моремъ, спокойныя воды котораго волнуетъ яростный вѣтеръ. Безразсудный Финей, зачинщикъ ссоры, первый потрясаетъ своимъ мѣднoконечнымъ ясеневымъ копьемъ.—«Вотъ (10) и я, мститель за отнятую у меня невѣсту», говоритъ онъ, «не спасутъ тебя, Персей, ни твои крылья, ни Юпитеръ, будто-бы превращавшійся въ золото!» Кефей не далъ Финею бросить копье.—«Что ты дѣлаешь, братъ», восклицаетъ онъ, «что заставляетъ тебя рѣшиться на такой безумный поступокъ? Или ты такъ благодаришь (15) Персея за благодѣяніе? Или это ты даешь приданое за спасеніе жизни моей дочери? Не Персей отнялъ ее у тебя, если ты хочешь знать правду, но Посейдонъ, суровый повелитель Нереидъ, птиценосный Аммонъ и то чудовище, которое вышло изъ моря пожрать мое дитя. Въ то время отняли у тебя Андромеду, когда (20) она готовилась къ смерти. Неужели ты, безсердечный, желаешь смерти Андромеды для того, чтобы только утѣшиться въ моей скорби? Вѣрно тебѣ мало того, что дочь мою связывали на твоихъ-же глазахъ, а ты, дядя и женихъ, не подалъ ей никакой помощи? Ты сверхъ того негодуешь, что хоть кто нибудь спасъ Андромеду, и хочешь отнять у Персея его награду (25) за его подвигъ? Если она велика по твоему мнѣнію, то зачѣмъ-же ты не бралъ моей дочери съ той скалы, къ которой она была прикована? Теперь ты позволь тому, кто просилъ руки моей дочери, кто сдѣлалъ мою старость не одинокою, владѣть

тѣмъ, чего достоинъ онъ, въ чемъ я поклялся не отказывать ему. Пойми, что не тебѣ предпочли Персея, но—вѣрной смерти». Ничего не отвѣтилъ на это Финей (30). Посматривая попеременно то на брата, то на Персея, не зналъ онъ, на перваго-ли напасть ему, или на послѣдняго. Не много погодя, изо всѣхъ силъ—злость придала силы—метнулъ Финей копьемъ въ Персея, но промахнулся. Когда копье вонзилось въ подушку, тогда наконецъ вскочилъ (35) Персей со своего ложа. Въ гнѣвѣ пустилъ-бы онъ свое копье и пронзилъ грудь противника, еслибъ Финей не скрылся за жертвенникомъ. Жертвенникъ—о ужасъ!—спасъ злодѣя. Но всетаки не промахнулся Персей: копье ранило Рета въ лице. Когда упалъ Ретъ, и вытащили копье изъ кости, то сталъ онъ биться (40) о земь, орошая стоявшіе вблизи столы своею кровью. Тогда неукротимымъ гнѣвомъ воспламеняется толпа приверженцевъ Финея и начинаетъ метать въ Персея свои копья. Находятся и такіе, которые требуютъ смерти Кефея вмѣстѣ съ зятемъ. Но Кефей ушелъ чрезъ двери своего дома, призывая въ свидѣтели справедливость и боговъ-покровителей гостепріимства (45). Но вотъ явилась воинственная Паллада. Прикрыла она брата Финея своею эгидою и вдохнула въ него мужество. Былъ въ числѣ гостей одинъ Индѣецъ Атій. Говорили, будто Клематія, дочь рѣки Ганга, родила его въ прозрачной водѣ. Очень красивъ былъ молодой, еще не имѣвшій шестнадцати лѣтъ отъ рожденія, Атій; красота его увеличивалась (50) отъ великолѣпной одежды: одѣтъ онъ былъ въ тирскую хламиду, вышитую по краямъ золотомъ; золотое ожерелье украшало его шею, кривая булавка—умащенные миррою волосы. Атій могъ попадать въ цѣль (55) дротикомъ на какомъ угодно разстояніи, но еще лучше умѣлъ онъ натягивать лукъ. Въ то время, когда Индѣецъ, не торопясь, натягивалъ тетиву, Персей взялъ головню, горѣвшую на жертвенникѣ, ударилъ ею Атія и размозжилъ ему черепъ. Когда увидѣлъ Ассиріецъ (60) Ликабъ окровавленное лицо красавца Атія, его ближайшаго друга, нели-

цемѣрно и истинно любившаго его, то зарыдалъ онъ надъ юношей, испустившемъ духъ въ ужасныхъ мученіяхъ, схватилъ лукъ, который натягивалъ Атій, и воскликнулъ: «со мною будешь биться ты, Персей, и не (65) долго будешь радоваться смерти мальчика. Больше презрѣнія достоинъ ты, чѣмъ похвалы!» Еще не успѣлъ всего этого сказать Ликабъ, какъ изъ тетивы со свистомъ вылетѣла стрѣла, но Персей уклонился, и стрѣла засѣла въ сборкахъ его одежды. Бросился на Ликаба внукъ Акризія (70) со своимъ мечемъ, видѣвшимъ смерть Медузы, и вонзилъ его въ грудь Ассирійца. Ликабъ, уже умирая, вперилъ на Атія свои очи, которыя смеживала мрачная смерть, склонился на юношу и испустилъ духъ, утѣшаясь, что умеръ вмѣстѣ со своимъ другомъ... Вотъ упали, поскользнувшись въ крови, отъ которой дымилась обильно смоченная земля, уроженецъ Сіены—Форбантъ, сынъ Метіона, и (75) Ливіецъ Амфимедонтъ. Жаждали они завязать бой. Мечь Персея не далъ имъ подняться: послѣднему вонзился онъ въ бокъ, Форбанту—въ горло. Но не съ кривымъ своимъ мечемъ напалъ Персей на Акторова сына Эрита, вооруженнаго (80) широкою, обоюдоострою сѣкирою: огромную, тяжеловѣсную, украшенную выпуклыми изображеніями плавиковую чашу поднялъ Персей обѣими руками и пустилъ ею въ Эрита. Брызнулъ потокъ алой крови; навзничь упалъ Эритъ въ предсмертной агоніи и сталъ биться о земь своею головою. Потомъ (85) Персей убилъ Полидемона, потомка Семирамиды, Кавказца Аварида, жившаго на берегахъ Сперхія—Ликета, длинноволосаго Гелика, Флегія и Клита. Груды нагроможденныхъ другъ-на-друга мертвецевъ топчетъ Персей своими ногами.

Побоялся Финей сразиться съ врагомъ въ рукопашномъ бою и метнулъ (90) въ него своимъ копьемъ. Промахнулся онъ, но попалъ въ Идаса, по своей волѣ не принимавшаго участія въ бою, не вступавшагося ни за ту, ни за другую сторону бойцевъ. Гнѣвно повелъ Идасъ своими очами на буйнаго Финея и сказалъ: «такъ какъ ты, Финей, заставляешь меня при-

нять участіе въ бою, то знай-же, кого ты сдѣлалъ своимъ врагомъ, получи за рану раной!» Уже (95) Идасъ хотѣлъ вынуть копье изъ тѣла и метнуть имъ обратно, но, изнемогая отъ потери крови, палъ на трупы убитыхъ. Вскорѣ палъ отъ меча Климена и Годитъ, послѣ царя знатнѣйшій между Кефенами. Гипсей убилъ Протоенора, Гипсея—потомокъ Ливкея Персей. Въ числѣ бившихся былъ и Эматіонъ (100), правдивый и богобоязненный старецъ. Такъ какъ изъ-за старости онъ не могъ сражаться, то гремѣлъ своими рѣчами, укорялъ въ низости и проклиналъ сражавшихся. Хромидъ отсѣкъ мечемъ голову Эматіону, который ухватился было за жертвенникъ своими слабыми руками. Прямо на жертвенникъ свалилась его голова и (105) на немъ полумертвымъ языкомъ лепетала проклятія; среди пламени испустила она духъ. Потомъ пали отъ руки Финея два брата—Бротей и вооруженный наручникомъ Аммонъ,— непобѣдимъ былъ-бы онъ, еслибъ съ цестомъ можно было одолѣть вооруженнаго мечемъ—и Ампикъ (110), жрецъ Цереры, обвивавшій свою голову бѣловатою повязкою. Не для боя, не съ такою цѣлью пригласили тебя, сынъ Лампета: ты долженъ былъ мирно славить пиръ, воспѣвать праздникъ, пѣть, играя на цитрѣ. «Пой тѣнямъ Стикса!» съ усмѣшкою говоритъ стоявшій возлѣ сына Лампета Петталъ (115) и въ лѣвый високъ пѣвцу, державшему мирную цитру, вонзаетъ свой мечъ. Падаетъ пѣвецъ и ослабѣвшими пальцами схватывается за струны лиры, отчего раздается жалобный звукъ. Не позволяетъ суровый Ликормъ умереть пѣвцу неотмщеннымъ: правою рукою оторвалъ онъ (120) крѣпкій дверной засовъ и ударилъ имъ Петтала въ затылокъ. Словно зарѣзанный быкъ, упалъ на землю Петталъ. Кинифіецъ Пелатъ хотѣлъ оторвать запоръ и у лѣвой двери, но среди попытокъ правую его руку пронзилъ своимъ копьемъ и пригвоздилъ (125) къ дереву Коритъ, житель Мармаріи. Въ бокъ ударилъ Абасъ пригвозженнаго Пелата, но тотъ не упалъ, а, умирая, повисъ на крѣпко прибитой къ двери рукѣ. Палъ и Меналей, державшій въ бою сторону Персея, и очень

богатый назамонскій землевладѣлецъ Дорилъ; богатъ былъ онъ: ни у кого другого не было столько земли, никто не собиралъ такихъ запасовъ благовоній. Съ боку вонзилось въ животъ копье, брошенное въ Дорила: смертельна рана въ то мѣсто. Когда увидѣлъ ранившій Дорила Бактрянинъ Алкіоней, что онъ съ хрипѣніемъ испускаетъ духъ, вращая своими глазами, то сказалъ: «отъ столькихъ земель владѣй ты тою, на которой лежишь!» и отошелъ отъ бездыханнаго тѣла. Но мститель за Дорила Персей вынулъ копье изъ теплаго трупа и бросилъ имъ въ Алкіонея. Прямо въ носъ вонзилось копье, а вышло изъ затылка; съ обѣихъ сторонъ выдавалось оно. Пока счастіе улыбалось храбрецу, въ разныя мѣста ранилъ онъ двухъ братьевъ Клитія и Клаииса: чрезъ оба бедра Клитія прошло изо всей силы пущенное копье Персея, Кланису же копье вонзилось въ ротъ. Палъ Калидонецъ Мендезій, палъ и Астрей—мать его была Палестинянка, кто отецъ—неизвѣстно—и прозорливый Этіонъ, нѣкогда предсказывавшій будущее, а тогда пренебрегшій неблагопріятными предзнаменованіями, и царскій оруженосецъ Тоактъ, и презрѣнный отцеубійца Агиртъ.

Но долго еще нужно было биться утомленному Персею: всѣ намѣрены убить его одного. Со всѣхъ сторонъ по уговору напали на Персея люди Финея; за неправое дѣло, противъ чести бились они. Напрасно обращались съ рѣчью къ толпѣ почтенный тесть Персея и молодая его супруга со своею матерью, оглашая рыданіями чертоги: заглушили ихъ рѣчи звуки оружія и стоны раненыхъ. Обильно оросила Беллона кровью разъ оскорбленныхъ пенатовъ, и снова начинается бой. Съ тысячью своихъ людей окружаетъ Финей одного Персея. Со всѣхъ сторонъ, мимо глазъ и ушей летятъ стрѣлы, въ большемъ количествѣ, чѣмъ градъ зимою. Вотъ Персей прислонился къ огромной каменной колоннѣ, обезопасилъ себя съ тылу и сталъ отражать нападавшую на него толпу. Съ лѣва нападалъ на Персея Хаонъ Молпей, съ-права Нава-

теецъ Этемонъ. Какъ голодная (165) тигрица, слыша ревъ скота въ разныхъ мѣстахъ горной долины, не рѣшается, куда лучше броситься ей, а броситься хотѣла бы она всюду: такъ колеблется и Персей, въ право ли, въ лѣво ли кинуться ему. Ранилъ Персей Молпея въ ногу и далъ ему время убѣжать. Этемонъ воспользовался случаемъ; въ ярость (170) пришелъ онъ, но, желая поразить Персея въ горло, не разсчиталъ силы удара: сломался обнаженный мечъ Этемона, ударившись о край колонны, разлетѣлся его клинокъ и вонзился въ горло своему господину. Однако рана (175) была еще не смертельна, и Персей убилъ бившагося и напрасно протягивавшаго свои ослабѣвшія руки Этемона мечемъ Килленія.

Когда же увидѣлъ Персей, что не сладитъ его мужество съ численностью враговъ, то сказалъ: «у врага своего буду я просить защиты, такъ какъ вы сами вынуждаете меня къ тому. Если (180) кто другъ мнѣ, обернись назадъ!» и вынулъ голову Горгоны. — «Пугай другихъ своими диковинками», сказалъ Персею Тескелъ и, намѣреваясь метнуть своею рукою смертоносное копье, въ такомъ же положеніи превратился въ мраморную статую. Сосѣдъ Тескела, Ампикъ, хотѣлъ поразить Персея своимъ мечемъ въ могучую грудь (185), но, какъ поднялась его правая рука, такъ и закоченѣла; ни туда, ни сюда не могъ онъ двинуть ею.—«Знай (190), Персей, отъ кого происхожу я», говоритъ Нилей, лгавшій, будто онъ сынъ семиисточнаго Нила и вырѣзавшій на своемъ щитѣ и серебромъ, и золотомъ семь устьевъ рѣки, «большимъ утѣшеніемъ будетъ тебѣ предъ тѣмъ, какъ низойдешь къ безмолвнымъ тѣнямъ, что палъ ты отъ руки такого мужа, какъ я!» Замерли послѣднія слова рѣчи Нилея. Съ открытымъ ртомъ стоялъ онъ—можно было бы подумать, что онъ хочетъ говорить, но не могъ произнести ни одного слова. Эрикъ сталъ бранить (195) Ампика и Нилея, «не отъ Горгоны каменѣете вы», говоритъ онъ, «а изъ-за своей трусости: нападемъ со мною и повалимъ наземь юношу, защищающагося волшебнымъ оружіемъ!» Хотѣлъ было броситься

Эрикъ, но приросли къ землѣ его ноги; въ твердый камень превратился вооруженный человѣкъ.

Эти люди хоть по дѣломъ потерпѣли наказаніе, но былъ одинъ человѣкъ, Аконтей, стоявшій на сторонѣ Персея. Когда Аконтей бился за него, то взглянулъ на Горгону и, при видѣ ея, превратился въ камень. Ударилъ Аконтея своимъ длиннымъ мечемъ Астіагъ, думая, что тотъ еще живъ. Рѣзко зазвучалъ мечъ. Пока дивился тому Астіагъ, тоже случилось и съ нимъ. Но, и превратившись въ мраморную статую, онъ сохранилъ на своемъ лицѣ удивленное выраженіе. Долго было бы перечислять имена павшихъ изъ простонародья — двѣсти человѣкъ уцѣлѣло въ бою, и двѣсти же человѣкъ окаменѣло при видѣ Горгоны.

Теперь-то только сталъ Финей расплачиваться за то, что несправедливо началъ бой съ Персеемъ. Что ему дѣлать? Видитъ царь статуи въ разнообразныхъ положеніяхъ, узнаетъ въ нихъ своихъ сообщниковъ; называя каждаго по имени, проситъ у него помощи. Не совсѣмъ еще вѣря, дотрогивается Финей до ближайшихъ къ нему людей и видитъ въ нихъ мраморныя статуи. Отворачивается царь, склонившись въ сторону, съ мольбою простираетъ онъ къ Персею свои усталыя руки и такъ говоритъ ему: «Ты побѣдилъ, Персей, спрячь же чудовище, скрой, скрой, молю тебя, превращающую все въ камень голову Медузы. Не изъ-за ненависти, не изъ желанія завладѣть царствомъ напалъ я на тебя,—ради супруги твоей взялся я за оружіе. Своими подвигами выигралъ ты дѣло, я проигралъ его изъ-за своихъ лѣтъ и жалѣю, что не уступилъ тебѣ. Пусть будетъ все твоимъ, только жизнь оставь мнѣ, храбрецъ, ничего болѣе!» Такъ отвѣчалъ Персей Финею, который, умоляя, не смѣлъ взглянуть на него: «не бойся, не коснется тебя мой мечъ, я сдѣлаю для тебя, трусъ Финей, что только въ силахъ, щедро награжу я тебя, малодушный: поставлю несокрушимымъ памятникомъ. Постоянно будутъ смотрѣть на тебя въ жилищѣ моего тестя,—пусть об-

разъ жениха будетъ утѣхой моей супругѣ!» Такъ сказалъ Персей и туда поднялъ онъ голову дочери Форкиса, куда въ ужасѣ отвернулся Финей. И какъ ни старался царь отвернуться, все-таки окаменѣла его голова, застыли его слезы, но робкое и умоляющее лицо, поникшія руки, униженный видъ сохранилъ Финей и превратившись въ мраморную статую.

Побѣдителемъ вступаетъ Персей въ родной городъ вмѣстѣ съ супругою и, заступаясь и мстя за своего безвиннаго родственника, наказываетъ Прета,—такъ какъ въ войнѣ разбилъ онъ своего брата, завладѣлъ царствомъ Акризія, — ни оружіемъ, ни въ измѣннически захваченномъ городѣ не спасся Претъ отъ змѣеносной головы страшнаго чудовища. Однако и тебя, Полидектъ, царь маленькаго Серифа, не образумили ни доблесть юнаго Персея, обратившаго на себя вниманіе столькими подвигами, ни печальная участь подобныхъ тебѣ: неумолимъ ты въ своей жестокой ненависти, нѣтъ границъ твоему несправедливому гнѣву на Персея. Даже славу его унижаешь ты: уличаешь, будто лжетъ юноша, что онъ убилъ Медузу.—«Докажу я тебѣ истину», говоритъ Персей, «закройте глаза!» и безкровнымъ камнемъ стало лице царя Полидекта отъ головы Медузы.

До сихъ поръ Тритонія сопутствовала своему золоторожденному брату, а теперь, одѣтая густымъ облакомъ, покидаетъ она Серифъ, правѣе оставляетъ Киѳъ и Гіару,—кратчайшимъ путемъ надъ моремъ прибываетъ богиня въ Ѳивы, на дѣвственный Геликонъ. Остановилась Аѳина, придя на гору, и съ такою рѣчью обратилась къ мудрымъ сестрамъ музамъ: «слышала я о славномъ новомъ источникѣ, который пробилъ своимъ тяжелымъ копытомъ Пегасъ, крылатый сынъ Медузы, за этимъ я и пришла сюда. Знаю я, что Пегасъ вышелъ изъ крови своей матери и хочу посмотрѣть на дивное явленіе».—«На что-бы ни пришла ты посмотрѣть, богиня, въ нашемъ жилищѣ, мы очень рады тебѣ», отвѣчала Аѳинѣ Уранія, «правда, что источникъ дѣло Пегаса». И муза повела

Палладу къ священному роднику. Долго дивилась богиня источнику, образовавшемуся отъ удара ногою, взглянула она и на густой старый лѣсъ, и на пещеры, и на луга, пестрѣвшіе разнообразными цвѣтами; счастливицами называетъ Аѳина дочерей Мнемозины, какъ по ихъ занятію, такъ и по мѣстопребыванію.—«О, если-бъ твоя доблесть не призывала тебя для болѣе важнаго, присоединилась-бы ты, Тритонія, къ нашему собранію», такъ говоритъ богинѣ одна изъ музъ, «правду говоришь ты: достойно похвалы наше занятіе и мѣстопребываніе, и благодарили-бы мы свою судьбу, если-бъ только были въ безопасности: но все пугаетъ наше дѣвичье сердце, — вѣдь ничего нѣтъ запретнаго для порока — грубый Пиреней вертится передъ глазами, и все еще не могу я придти въ себя. Отважно завоевалъ себѣ Пиреней съ помощью Ѳракійцевъ Давлиду, городъ въ Фокидѣ, и сталъ править несправедливо захваченнымъ царствомъ. Мы шли въ парнасскій храмъ; на пути увидѣлъ насъ Пиреней, лукаво поклонился, словно благоговѣя передъ божествомъ, и сказалъ: «дочери Мнемозины,—онъ узналъ насъ — остановитесь, прошу васъ, ничего не опасаясь, укройтесь въ моемъ домѣ отъ бури и дождя»,—была дурная погода,—«не рѣдко небожители входили и въ еще меньшія хижины». Безпокоимыя позднею порою, согласились мы на просьбу царя и вошли въ переднія комнаты Дождь пересталъ, Аквилонъ совладалъ съ Австромъ,—прояснѣло небо, разсѣялись темныя тучи, и мы рѣшились продолжать свой путь. Заперъ Пиреней свой домъ, желая изнасиловать насъ, но мы убѣжали, благодаря своимъ крыльямъ. На вышку дома вбѣжалъ Пиреней, словно собираясь гнаться за нами, и закричалъ: «куда направите свой путь вы, туда и я». Съ вышки дома грохнулся безумный Пиреней, лицемъ упалъ онъ, при паденіи размозжилъ себѣ голову и, умирая, обрызгалъ землю своею преступною кровью». Такъ говорила муза, а въ водухѣ зашумѣли крылья, и съ высокихъ вѣтвей раздались привѣтственные крики. Смот-

ритъ вверхъ дочь Юпитера, хочетъ она узнать, откуда это раздается такой рѣзкій крикъ; думаетъ Аѳина, что то голосъ человѣка, но то были птицы, сороки. Ихъ было девять числомъ; сидя на вѣтвяхъ, птицы подражали всякому звуку, словно жаловались на свою судьбу. Дивилась Аѳина, муза же такъ начала свой разсказъ:

«Не такъ давно увеличили собою сороки число пернатыхъ, побѣждены онѣ были въ состязаніи. Родились сороки въ Македоніи. Отцемъ ихъ былъ богачъ Піеръ, матерью—Пеонянка Евиппа; дѣвять разъ призывала она могущественную Луцину: девять разъ разрѣшалась Евиппа отъ бремени. Возгордились своею многочисленностью глупыя сестры; много городовъ Гемоніи и Ахаіи прошли онѣ и, придя сюда, обратились къ намъ со слѣдующею рѣчью, желая устроить состязаніе: «полно вамъ обманывать невѣжественный народъ своимъ мнимымъ искусствомъ пѣнія, съ нами поспорьте, теспійскія богини, если у васъ есть довѣріе къ себѣ. Насъ столько-же, сколько у васъ, есть и у насъ довѣріе къ себѣ. Насъ столько же, сколько и васъ; ни въ пѣніи, ни въ другомъ какомъ искусствѣ не уступимъ мы вамъ. Въ случаѣ пораженія или вы уступите намъ источникъ сына Медузы и гіантійскую Аганиппу, или мы уступимъ вамъ равнины Эматіи до покрытыхъ снѣгомъ Пеоновъ. Въ состязаніи нашемъ судьями пусть будутъ нимфы». Хоть и стыдно было для насъ состязаться съ дочерьми Піэра, однако уступить имъ казалось еще стыднѣе. Рѣками клянутся избранныя въ судьи нимфы, помѣщаясь на сѣдалищахъ изъ дикаго камня. Тутъ начинаетъ пѣть, не кидая жребія, первая вызвавшаяся состязаться дочь Піера; воспѣваетъ она подвиги небожителей, не заслуженно прославляетъ Гигантовъ, умаляетъ дѣянія могущественныхъ боговъ, говоря, что Тифой, выскочивъ изъ нѣдръ земли, нагналъ такой страхъ на небожителей, что всѣ они пустились бѣжать, пока усталые не достигли Египта и семиисточнаго Нила. И туда пришелъ землерожденный Тифой, разсказываетъ дочь Піера, боги-же спаслись лишь

тѣмъ, что измѣнили свой видъ: вожакомъ стада становится Юпитеръ,—оттого-то и до сихъ поръ ливійскаго Аммона изображаютъ съ витыми рогами,—ворономъ дѣлается делосскій богъ, козломъ—сынъ Семелы—Вакхъ, кошкою — сестра Феба, бѣлою коровою—дочь Сатурна, въ видѣ рыбы спаслась Венера, въ видѣ птицы ибиса — Килленій. Пѣла объ этомъ дочь Піера, играя на киѳарѣ. Настаетъ очередь разсказывать и намъ, Аонидянкамъ... но быть можетъ тебѣ нѣтъ свободнаго времени слушать мои разсказы?»—«Не безпокойся, по порядку разсказывай мнѣ свои приключенія», говоритъ музѣ Паллада, садясь въ прохладной тѣни рощи. «Одну изъ насъ мы первую просимъ начать состязаніе», продолжаетъ муза. «Калліопа встаетъ, подбираетъ свои обвитые плющемъ волосы, жалобные звуки извлекаетъ изъ струнъ своею рукою и, ударяя по нимъ, поетъ такой хвалебный гимнъ: Церера первая взрыла землю кривымъ плугомъ, первая даровала землѣ хлѣбъ и нѣжную пищу, первая дала законы—все это благодѣянія Цереры. Ее хотѣла-бы воспѣть я, еслибъ только могла подъискать гимнъ достойный богини, но, конечно, богиня заслуживаетъ прославленія. Большой островъ Тринакрія наброшенъ на тѣло Гиганта, страшною своею тяжестью давитъ онъ Тифоя, дерзнувшаго овладѣть царствомъ неба. Не успокоивается Гигантъ: не рѣдко пытается онъ встать, но правую руку Тифоя давитъ авзонскій Пелоръ, лѣвая рука подъ тобою, Пахинъ, Лилибей жметъ Тифою ноги, Этна щемитъ голову. Лежа подъ Этною, страшный Тифой выбрасываетъ песокъ, а ртомъ своимъ извергаетъ пламя. Часто силится Гигантъ сбросить съ себя тяжелую землю и города на ней, отъ высокихъ горъ освободить свое тѣло; оттого-то трясется земля, и самъ царь надъ тѣнями боится, какъ-бы не разверзлась земля, не открылись-бы въ ней широкія трещины, не испугалъ-бы робкія тѣни проникнувшій къ нимъ дневной свѣтъ. Боясь подобной несчастной случайности, царь вышелъ изъ своего мрачнаго жилища. Мчится онъ на колесницѣ, за-

пряженной черными конями, осторожно объѣзжаетъ берега Сициліи. Когда богъ послѣ осмотра вполнѣ убѣдился, что все крѣпко, то успокоился. Сидя на своей горѣ, замѣчаетъ ѣдущаго Плутона Эрикина. Обнявъ своего крылатаго сына, богиня сказала ему: «сынъ мой, Купидонъ, защитникъ (365) и помощникъ мой, возьми свои славныя, всепобѣждающія стрѣлы и скорѣй пронзи ими сердце того бога, которому по жребію досталось послѣднее изъ трехъ царствъ. Побѣдоносно (370) смиряешь ты небожителей и самого Юпитера, смиряешь и божества моря, даже и того, кто царствуетъ надъ ними. Чего-жъ медлишь ты поразить Плутона, отчего не выкажешь материнскаго и своего могущества — вѣдь дѣло идетъ о получившемъ третье царство вселенной. Не обращаютъ на меня вниманія и на небѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ силы и моего Купидона, а все же я терплю. Развѣ ты не замѣчаешь, что разсорились со мною Паллада (375) и метательница копій Діана? Также поступитъ, если мы не обратимъ на это вниманія, и незамужняя дочь Цереры: вѣдь и она разсчитываетъ на то же самое — ты-же соедини богиню бракомъ съ ея царственнымъ дядей, если ты хоть сколько нибудь любишь меня». Такъ сказала Венера Купидону, а онъ открылъ (380) свой колчанъ и, исполняя волю матери, выбралъ изъ тысячи стрѣлъ одну; ни одной стрѣлы не было острѣе, ни одной болѣе мѣткой, ни одна не шла болѣе къ луку. Уперся Купидонъ колѣномъ, натянулъ онъ гибкій лукъ и въ сердце Дію пустилъ тупую стрѣлу.

Не (385) далеко отъ города Энны есть глубоководное озеро, называемое Пергомъ. Не болѣе, чѣмъ на Каистрѣ, слышенъ въ его чистыхъ водахъ крикъ лебедей. Лѣсъ окружаетъ озеро, окаймляя весь его берегъ, и, словно покрывало, защищаетъ его своими вѣтвями отъ лучей солнца. Вѣтви даютъ прохладу (390), влажная земля—красные цвѣты. Вѣчная весна въ томъ мѣстѣ. Межъ тѣмъ, какъ Прозерпина играетъ въ томъ лѣсу, срывая то фіалки, то бѣлыя лиліи, межъ тѣмъ, какъ съ ребя-

ческимъ усердіемъ кладетъ ихъ въ корзинки и въ платье и хочетъ превзойти своихъ подругъ въ собираніи цвѣтовъ: въ то время влюбился въ Прозерпину и похитилъ ее, лишь только увидѣлъ, Дій — такъ сильно влюбился онъ. Испугалась богиня, съ воплями зоветъ она свою мать и подругъ, но чаще мать. Когда разорвалась у Прозерпины вся одежда, то выпали у ней цвѣты изъ распустившейся туники, и даже эта непріятность заставила опечалиться дѣвушку—такъ простодушна была Прозерпина изъ-за своихъ дѣтскихъ лѣтъ. Гонитъ похититель свою колесницу, понукаетъ онъ коней, называя каждаго изъ-нихъ по имени, хлопаетъ темнокраснаго цвѣта вожжами надъ конскими шеями и гривами. По глубокимъ озерамъ, по издающимъ выходящій изъ отверстія въ землѣ сѣрный запахъ Паликійскимъ болотамъ несется Плутонъ, несется онъ и тамъ, гдѣ заложили городъ межъ неравныхъ гаваней потомки Вакхида, выходцы изъ лежащаго при двухъ моряхъ Коринѳа.

Между Кіаною и пизейскою Аретузою есть источникъ, отовсюду закрытый горами. Здѣсь жила Кіана, красивѣйщая между сицилійскими нимфами; ея именемъ назывался и источникъ. По-поясъ высунулась изъ воды Кіана и узнала богиню Прозерпину.—«Не пущу я тебя дальше», говоритъ Плутону нимфа, «—не можешь ты быть зятемъ Цереры противъ ея воли: не похищать дочь богини слѣдовало-бы тебѣ, а просить ея руки. Если можно сравнить малое съ великимъ, то и меня любилъ Анапъ, но я вышла за-мужъ по своей волѣ, а не насильно, какъ Прозерпина». Говоря это, нимфа не пускала Плутона, махая руками въ разныя стороны. Не сталъ болѣе сдерживать своего гнѣва сынъ Сатурна: погналъ онъ своихъ страшныхъ коней и могучею рукою ударилъ по водѣ своимъ витымъ царскимъ скипетромъ. Отъ удара открылось въ землѣ отверстіе, ведущее въ Тартаръ, и колесница скатилась внизъ, въ пропасть. Слезами истекаетъ вся Кіана, грустить она, что похитили богиню Прозерпину, что не

обратили вниманія на права ея источника; молчаливо выноситъ нимфа неутѣшную скорбь. И въ тѣ-же воды превращается Кіана, которыхъ она была недавно великимъ божествомъ. Можно было видѣть, какъ размягчалось тѣло нимфы, какъ стали изгибаться ея кости (430), ногти—терять свою твердость. Прежде всего у Кіаны исчезаетъ то, что у ней было самымъ красивымъ: черные волосы, руки и ноги. Скоро потомъ и все исхудалое тѣло нимфы обратилось въ холодныя воды: въ неглубокій ручей превращаются плеча Кіаны, ея спина, бока и ослабѣвшая грудь (435); наконецъ взамѣнъ горячей крови вода проникаетъ въ преступныя жилы нимфы, и ничего не остается отъ Кіаны, за что можно было бы схватить ее.

Между тѣмъ по-напрасну ищетъ въ ужасѣ мать свою дочь всюду по землѣ и по всѣмъ морямъ. Не видала пропавшей Прозерпины (440) на своемъ пути ни влажноволосая Аврора, ни Гесперъ. Двумя руками зажгла Церера отъ Этны пламеноносный свѣтильникъ и безъ устали бродила съ нимъ въ холодныя ночи. Когда благодатный день снова затмѣвалъ звѣзды, богиня начинала искать свою дочь отъ восхода солнца (445) до его захода. Утомившись отъ тяжелаго пути, Церера почувствовала жажду, но нельзя было утолить ея богинѣ. Тогда Церера случайно замѣтила крытую соломою хижину и постучалась въ низенькія двери. Оттуда выходитъ старуха. Увидя богиню, старуха охотно (450) исполнила ея просьбу: подала Церерѣ питье, которое раньше сварила изъ поджареной ячменной крупы. Межъ тѣмъ, какъ богиня пьетъ поданный ей напитокъ, уставился на нее некрасивый и дерзкій мальчишка и обозвалъ Цереру жадною. Оскорбилась богиня и брызнула въ говорившаго еще не допитою частью разведеннаго водою ячменнаго отвара. Пятнами покрылось (455) лицо мальчика, и вмѣсто недавнихъ рукъ стали у него ноги; и хвостъ дала Церера измѣненному тѣлу. Уменьшается тѣло въ длинѣ, чтобы не могло оно наносить большаго вреда; много меньше остается въ немъ силы. Бѣжитъ (460) ящерица отъ удивлен-

ной, рыдающей и желающей дотронуться до чудовища старухи и скрывается въ нору. По цвѣту имѣетъ животное и имя, частыми крапинками испещрено его тѣло.

Долго было бы разсказывать, по сколькимъ землямъ и морямъ блуждала богиня Церера; не нашла она чего искала на землѣ. Снова пришла (465) богиня въ Сиканію. Разсматривая все на пути, Церера приходитъ и къ Кіанѣ. Все разсказала бы нимфа богинѣ, если бы не была измѣнена. И хотѣла бы говорить Кіана, но не было у ней ни головы, ни языка, чѣмъ могла бы она произнести слово. Но нимфа дала богинѣ ясный знакъ: указала матери на поверхности воды знакомый той поясъ Персефоны (470), который случайно упалъ съ нея въ томъ мѣстѣ въ священный источникъ. Лишь только увидѣла богиня поясъ, то тутъ-то наконецъ убѣдилась, что Персефону похитили. Стала Церера рвать свои неукрашенные волосы, безъ устали бить руками свою грудь. Все еще не знаетъ богиня, гдѣ Прозерпина, и хоть всѣ земли бранитъ Церера, называя ихъ неблагодарными (475), недостойными того, чтобъ давать имъ хлѣбъ, однако пуще всѣхъ Тринакрію, гдѣ богиня нашла слѣды своего горя. И вотъ Церера изломала тамъ сильною своею рукою пашущіе землю плуги, въ гнѣвѣ же умертвила поселянъ и обработывающихъ землю воловъ, землѣ велѣла не произростать (480) посѣва, сѣмена же богиня сдѣлала негодными для него. Падаетъ далеко извѣстное въ мірѣ плодородіе Сициліи: пропадаютъ молодые хлѣбные ростки: то отъ чрезмѣрнаго жара погибаютъ они, то отъ проливнаго дождя. Вредятъ хлѣбу бури и вѣтры, птицы съ жадностью поѣдаютъ брошенныя сѣмена (485), куколь, чертополохъ и густая трава замедляютъ ростъ пшеницы.

Высунула тогда супруга элейскаго Алфея изъ воды свою голову, за уши прибрала со лба мокрые волосы и сказала: «мать дѣвушки, которую ищутъ по всей землѣ, богиня плодородія (490), полно тебѣ такъ много странствовать, въ горѣ сердиться на вѣрную тебѣ землю: ничѣмъ не виновата земля,—про-

тивъ воли способствовала она похищенію твоей дочери. За Сицилію прошу я тебя, хоть чужестранной пришла я туда, — родина моя Пиза, изъ Элиды происхожу я, живу же въ чужой для меня Сиканіи (495),—но эту землю люблю я болѣе, чѣмъ всѣ другія, здѣсь пенаты Ареѳузы, здѣсь ея жилище и ты, кроткая, пощади его, а то зачѣмъ же сдвинули меня съ мѣста и перенесли чрезъ воды великаго океана въ Ортигію. Когда кончу я своевременно (500) свой разсказъ, то успокоишься ты, повеселѣютъ твои взоры. Свободно теку я по землѣ, скрываюсь въ глубокихъ ея нѣдрахъ и здѣсь показываю свое устье, здѣсь вижу небо, на которое отвыкли смотрѣть. И вотъ, межъ тѣмъ, какъ я теку подъ землею, въ области Стикса, своими глазами увидѣла (505) я тамъ Прозерпину: печальна она, все еще испугано выраженіе ея лица, но Прозерпина царица, повелительница подземнаго царства, могучая супруга царя тѣней». Словно камень столбенѣла мать, услышавъ подобныя рѣчи; долго походила Церера на пораженную громомъ (510), когда же стала она внѣ себя отъ тяжкаго горя, то поднялась на колесницѣ въ небесные чертоги. Тамъ съ глубоко-опечаленнымъ, пасмурнымъ лицемъ, съ распущенными волосами стала богиня предъ Юпитеромъ и сказала ему: «за свою и твою родственницу (515) пришла я просить тебя, Юпитеръ; если ты не будешь милостивъ къ матери, то пусть тронетъ отца дочь, но, прошу тебя, отнесись къ дочери не съ меньшею заботою, потому что она моя дочь. Долго я искала ее и вотъ наконецъ нашла, если, по твоему мнѣнію, найти лучше, чѣмъ потерять, или найти значитъ то, чтобы знать (520), гдѣ она. Снесу я, что Прозерпину похитили, только бы возвратили мнѣ ее, — вѣдь не похитителя-мужа достойна твоя дочь, если ужъ она не моя!» — «И для меня, и для тебя одинаково мила и дорога наша дочь», отвѣчалъ Церерѣ Юпитеръ, «но, если разсмотрѣть (525) дѣло по правдѣ, то не ради того, чтобъ оскорбить насъ случилось оно, но изъ-за любви. Не стыдно будетъ намъ имѣть Плутона зятемъ, лишь бы ты согласилась на это,

богиня. Положимъ, что у Плутона нѣтъ ничего другаго, то какъ много значитъ быть братомъ Юпитера! Что же будетъ, если у него нѣтъ недостатка ни въ чемъ, если мнѣ уступаетъ онъ только по положенію. Но, если (530) ты такъ сильно хочешь расторгнуть бракъ, то пусть Прозерпина снова возвратится на небо, только съ однимъ условіемъ,—если она не вкусила тамъ никакой пищи: вѣдь такъ предопредѣлено въ договорѣ съ Парками».

Кончилъ Юпитеръ. Твердо рѣшилась Церера освободить свою дочь, но не судила ей этого судьба, такъ какъ проголодалась дѣвушка и въ то время, какъ ничего не подозрѣвая, прогуливалась по прекрасному саду, сорвала съ изогнутой яблони румяное яблоко и, доставъ изъ его твердой сердцевины семь сѣмячекъ, съѣла ихъ. Никто не видѣлъ этого, кромѣ Аскалафа,—котораго, говорятъ, родила нѣкогда въ (535) темной пещерѣ отъ супруга своего Ахерона Орфна, извѣстная между (540) авернскими нимфами, — увидѣлъ это безсердечный Аскалафъ и своимъ доносомъ лишилъ Персефону возвращенія домой. Загоревала царица Эреба, въ птицу обратила низкаго доносчика, обрызгала ему голову водою Флегетонта, дала клювъ (545), опереніе и огромные глаза. Измѣняется Аскалафъ: темножелтыми перьями покрывается онъ; увеличивается его голова, загибаются длинные когти, съ трудомъ, лѣниво машетъ Аскалафъ своими вновь образовавшимися крыльями,—дѣлается отвратительною птицею, вѣстникомъ грядущаго горя,—лѣнивымъ (550) филиномъ, зловѣщимъ предзнаменованіемъ для смертныхъ.

Но Аскалафъ заслужилъ наказаніе за свой болтливый языкъ, а съ какой стати, дочери Ахелоя, у васъ перья и ноги птицъ, когда раньше была дѣвичья наружность? Или за то, что вы, мудрыя Сирены, были въ (555) числѣ подругъ Прозерпины, когда собирала она вешніе цвѣты... Когда по-напрасну искали вы Прозерпину по всей землѣ, то захотѣли пролетѣть надъ моремъ съ крыльями, чтобы и воды видѣли ваше безпокой-

ство,—на милость боговъ надѣялись вы и увидѣли (560), что ваше тѣло внезапно пожелтѣло отъ перьевъ. Но, чтобы не лишить васъ извѣстнаго дара пѣнія, назначеннаго для того, чтобы нѣжить слухъ, чтобы не лишить красивой наружности и дара слова, осталась у васъ дѣвичья наружность и голосъ человѣка.

Юпитеръ (565), посредникъ между своимъ братомъ и опечаленною сестрою, по-ровну раздѣлилъ между ними и текущій годъ: теперь Прозерпина богиня, божество общее двумъ царствамъ, столько же мѣсяцевъ живетъ съ матерью, сколько и съ супругомъ. Быстро измѣняются у богини какъ наружность, такъ и настроеніе духа, потому что веселымъ (570) дѣлается лице, которое могло казаться печальнымъ даже Дію—Плутону, веселымъ, словно солнце, побѣдоносно выглянувшее изъ затмѣвавшихъ его раньше дождевыхъ тучъ.

Успокоилась благодѣтельная Церера, когда получила свою дочь. — «Отчего странствуешь ты, Аретуза, отчего стала ты священнымъ источникомъ?» спрашиваетъ источникъ, а богиня его высунула изъ глубины свою голову (575), выжала рукою зеленоватые волосы и начала разсказывать про любовь стараго элейскаго рѣчнаго бога: «Я была одною изъ ахейскихъ нимфъ», говорила Аретуза, «ни одна изъ нихъ болѣе не любила горъ, ни одна не разставляла тенетъ старательнѣе меня. И (580) хоть я никогда не думала считать себя красавицею, не смотря на то, что была только отважна, все же меня называли красивою. Не нравилось мнѣ мое слишкомъ хвалимое лице. Я, глупая, краснѣла при разговорѣ о красотѣ своего тѣла, за грѣхъ считала нравиться другимъ, то, чему другія радуются. Помню, утомившись (585), шла я изъ стимфалійскаго лѣса. Было жарко; отъ большой усталости зной увеличивался. Я нахожу тихій, безъ шума текущій, до дна прозрачный источникъ; можно было пересчитать на днѣ всякій камышекъ—едва ли бы ты подумалъ, что источникъ течетъ. Серебристый (590) ивнякъ и питавшіеся влагою тополи давали сами по себѣ

благодатную тѣнь отлогимъ берегамъ. Я подошла къ водѣ и сперва омочила слѣдья ногъ, потомъ и колѣни. Не довольствуясь этимъ, я раздѣваюсь, вѣшаю свою легкую одежду на кривой ивовый сукъ и голою погружаюсь въ воду. Межъ тѣмъ, какъ я плаваю въ ней, черпаю воду тысячью способами, моюсь и сильно машу руками, я услышала, не знаю гдѣ, шумъ подъ водою и, испугавшись, выскочила на ближайшій ко мнѣ берегъ.—«Куда бѣжишь ты, Аретуза, куда бѣжишь ты», вторично глухимъ голосомъ спрашиваетъ меня Алфей изъ воды Какъ была я безъ одежды,—на другомъ берегу были онѣ, — такъ и побѣжала; тѣмъ сильнѣе преслѣдуетъ меня Алфей изъ-за любви, а такъ какъ я была нагая, то тѣмъ красивѣе кажусь ему. Какъ голуби, трепеща перьями, бѣгутъ отъ ястреба, какъ ястребъ гонится за испуганными голубями такъ бѣжала и я, такъ гнался за мною грубый Алфей. Могла я пробѣжать, не останавливаясь, Орхоменъ, Псофиду, Киллену, Менальскія горы, холодный Эримантъ и Элей. Не быстрѣе меня мчался Алфей, но не могла я долѣе бѣжать, неравны были силы,—далеко выносливѣе меня въ бѣгѣ былъ Алфей Но я всетаки неслась и по полямъ, и по поросшимъ лѣсомъ горамъ, по скаламъ и ущельямъ, бѣжала и тамъ, гдѣ пути не было. Низко было солнце: видѣла я впереди себя длинную тѣнь, но не испугалась этого,—ясные звуки шаговъ приводили меня въ ужасъ, отъ сильнаго дыханія колыхались мои головныя повязки. Обезсилѣла я отъ долгаго бѣгства.—«Диктинна», говорю я, «меня нагоняютъ, помоги же той спутницѣ, которой не рѣдко давала ты носить свой лукъ и наполненный стрѣлами колчанъ!» Сжалилась богиня: взяла она одно густое облако и скрыла меня въ немъ. Ищетъ меня рѣчной богъ одѣтую туманомъ и, ничего не подозрѣвая, бродитъ вкругъ густаго облака. Дважды, не догадываясь, обходитъ Алфей то мѣсто, гдѣ скрыла меня богиня, и дважды зоветъ: «сюда, Аретуза, сюда, Аретуза!» Что чувствовала я тогда въ своемъ сердцѣ? не то ли, что и ягненокъ, когда онъ

слышитъ воющихъ вокругъ высокаго стойла волковъ, не то-ли, что и заяцъ, который, скрываясь въ терновникѣ, видитъ морды свирѣпыхъ псовъ и не смѣетъ пошевельнуться своимъ тѣломъ? Не (630) уходитъ Алфей, такъ какъ не замѣчаетъ впереди слѣдовъ ногъ, а посматриваетъ и на облако, и въ даль. Холодный потъ выступаетъ изъ моего словно осаждаемаго тѣла, отовсюду падаютъ съ него синеватыя капли. Куда бы ни подвинула я ногу, тамъ натекаетъ вода, съ волосъ струится влага (635) и быстрѣе обращаюсь я въ источникъ, быстрѣе, чѣмъ теперь разсказываю тебѣ объ этомъ. Но рѣчной богъ узналъ любимый имъ источникъ. Оставилъ Алфей принятую имъ наружность мужчины и снова обращается въ рѣку, чтобы соединиться со мною. Раскрыла землю Делія-Діана, спустилась я въ темныя нѣдра земли и очутилась (640) въ Ортигіи. Въ Ортигіи, напоминавшей мнѣ имя моей богини, впервые вышла я на открытый воздухъ».

Такъ говорила Аретуза, а богиня плодородія впрягла въ колесницу двухъ драконовъ, накинула вожжи на ихъ головы. Между небомъ и землею, по воздуху поѣхала богиня. Свою легкую (645) колесницу Церера отослала въ городъ Тритоніи, къ Триптолему и, давъ ему сѣмена, велѣла посѣять часть ихъ на необработанной землѣ, остальную часть, спустя долгое время—на воздѣланной. Ужъ высоко надъ землями Европы и Азіи ѣхалъ юный Триптолемъ и прибылъ къ берегамъ Скиѳіи. Тамъ царствовалъ (650) Линкъ. Триптолемъ входитъ въ царскій дворецъ. Царь спросилъ Триптолема, откуда и зачѣмъ пришелъ онъ, какъ зовутъ его, гдѣ его родина. — «Отечество мое», отвѣчалъ Триптолемъ, «славныя Аѳины; зовутъ меня Триптолемомъ. Ни на кораблѣ по морю прибылъ я, ни пѣшкомъ по сушѣ: доступно для меня безпредѣльное небо. Я несу дары (655) Цереры, пусть дадутъ они обильную жатву и нѣжную пищу, когда разбросаютъ ихъ по широкому полю». Завидно стало варвару. Чтобы самому обладать такимъ сокровищемъ, Линкъ радушно принимаетъ Триптолема и заноситъ свой мечъ надъ нимъ, отягченнымъ сномъ. Въ рысь (660) превратила

Церера Линка, желавшаго пронзить грудь Триптолему, а юноше Мопсопійцу велѣла ѣхать по воздуху домой на священныхъ драконахъ».

Кончила старшая изъ насъ вышеприведенное пѣснопѣніе, и нимфы единогласно сказали, что побѣду одержали богини, живущія на Геликонѣ. Когда (665) побѣжденныя дочери Піера начали высказывать свое негодованіе, муза сказала: «такъ какъ для васъ ничего не значитъ проиграть состязаніе, и къ своему проступку вы присоединяете брань, то мы не намѣрены терпѣть этого, накажемъ мы васъ, слѣдуя голосу гнѣва». Смѣются Эматидянки, не обращаютъ вниманія на грозныя слова. Хотятъ (670) онѣ говорить, съ сильнымъ крикомъ дерзко поднимаютъ свои руки и замѣчаютъ, что руки превращаются въ крылья, а ноги покрываются перьями; видятъ дочери Піера, одна у другой, какъ выростаетъ у нихъ крѣпкій клювъ. Въ лѣсъ улетаютъ небывалыя птицы. Въ то время, какъ (675) хотятъ онѣ бить себя въ грудь, — взмахнувъ крыльями, легко поднимаются на воздухъ,—сороками, позоромъ для лѣса стали дочери Піера. Даже до сихъ поръ осталась у птицъ прежняя болтливость, непріятный голосъ и сильное желаніе говорить».

КНИГА ШЕСТАЯ.

Арахна.—Ніоба.—Ликійскіе поселяне.—Марсій.—Прокна, Филомела и Терей.—Борей и Оритія.

Внимала тѣмъ разсказамъ Тритонія; похвалила она, какъ пѣснопѣнія Аонидянокъ, такъ и основательный ихъ гнѣвъ. «Не все-же хвастаться вамъ, покажу себя и я,—не позволю безнаказанно презирать мое божество», говоритъ про себя Аѳина, замышляя погубить Меонянку (5) Арахну,—слышала богиня, что та не уступаетъ ей въ славѣ искуссно ткать шерсть. Не мѣ-

стороженіемъ, не происхожденіемъ, а искусствомъ своимъ славилась Арахна. Отецъ ея, Колофонецъ Идмонъ, красилъ фокейскимъ пурпуромъ тонкорунную шерсть; мать Арахны давно умерла (10), но и она, какъ и мужъ, происходила изъ простонародія, — славное-же имя по городамъ Лидіи снискала своимъ искусствомъ Арахна, хоть и въ незнатной семьѣ родилась она и жила въ маленькихъ Гипепахъ. Чтобы взглянуть на удивительную работу Арахны, нимфы Тмола не рѣдко убѣгали (15) изъ его виноградниковъ, нимфы Пактола выходили изъ его водъ. Пріятно было смотрѣть не только на одежды, оконченныя Арахною, но и на то, какъ она дѣлала ихъ: такая прелесть была въ ея работѣ! Въ клубки-ли свивала сперва Арахна грубую шерсть, пряла-ли (20) она, то и дѣло ударяя веретеномъ и далеко вытягивая шерстяную нить, похожую на дымокъ, вертѣла-ли красивымъ своимъ пальчикомъ длинное веретено, вышивала-ли она,—подумалъ-бы ты, что этому научила ее Паллада. Но Арахна, оскорбляясь, сама отказывается отъ такой учительницы и говоритъ: «пусть потягается (25) со мною Паллада,—и побѣжденною ни въ чемъ не уступлю я ей!» Паллада принимаетъ видъ старухи: на головѣ у ней не настоящіе сѣдые волосы; на палку опирается богиня дряхлымъ своимъ тѣломъ. «Не всегда сдерживаемъ мы себя и въ зрѣлыхъ лѣтахъ», такъ говоритъ Арахнѣ Паллада, «осторожными становимся мы въ старости, — не пренебрегай-же моимъ совѣтомъ (30): великой славы въ искусствѣ ткать шерсть добиваешся ты между людьми, но уступи богинѣ, моли у ней прощенья въ безразсудныхъ своихъ словахъ, — богиня приметъ твое раскаяніе!» Гнѣвно взглянула Арахна на старуху; упало у дѣвы начатое тканье, съ трудомъ (35) удерживается она, чтобъ не ударить Паллады, на лицѣ обнаруживаетъ свой гнѣвъ, и такъ отвѣчаетъ скрывающейся подъ чужимъ видомъ богинѣ: «жить слишкомъ долго вредно: безумна и дряхла ты отъ глубокой старости,—пусть-же послушаются твоихъ совѣтовъ невѣстка или дочь, если онѣ есть у тебя, а съ меня довольно и своего ума (40). При своихъ

словахъ остаюсь я, чтобы ты не подумала, что помогли твои совѣты. Что-жъ не приходитъ сама богиня? Что-жъ она не хочетъ состязаться со мною?» «Пришла она», говоритъ тогда богиня, сбросивъ съ себя личину старухи и сдѣлавшись Палладой. Почтили богиню нимфы и Мигдонянки; не смутилась одна лишь дѣва, хоть и покраснѣла она. Отъ неожиданности по-неволѣ разлился румянецъ по лицу Арахны, но скоро пропалъ: такъ обыкновенно пурпуромъ рдѣетъ небо, когда занимается заря, и блѣднѣетъ оно, лишь только взойдетъ солнце. Упорствуетъ Арахна въ своемъ желаніи и гибель готовитъ она себѣ, безумно желая побѣдить Палладу. Не отговариваетъ Арахны дочь Юпитера, не отказывается она отъ состязанія и ужъ не откладываетъ его.

Тотчасъ обѣ соперницы становятся порознь и обѣ натягиваютъ основу на безъискуссномъ станкѣ; навоемъ укрѣплена основа; трость раздѣляетъ ее. Межъ острыхъ зубьевъ продѣваютъ утокъ, по которому перебираютъ пальцами; насѣченные-же на бёрдѣ зубья пробиваютъ утокъ, проведенный среди основы. Арахна и богиня, обѣ онѣ поспѣшно подпоясываютъ до груди свое платье и искуссными руками принимаются за работу; неощутительнымъ дѣлается для нихъ трудъ изъ за соревнованія. Ткутъ здѣсь одежды и красятъ ихъ переваренною въ котлѣ тирскою пурпуровою краскою; съ трудомъ можно различить на одеждахъ тонкіе узоры. Какъ радуга, происходящая во время дождя отъ преломленія солнечныхъ лучей, огромною дугою прорѣзываетъ сіяющее тысячью различныхъ цвѣтовъ безпредѣльное небо, и переливы ея всетаки незамѣтны для глазъ зрителя: такъ-же точно сливаются краски и здѣсь, хоть цвѣтъ ихъ различенъ. Вплетаютъ тутъ въ основу и тягучее золото, а на ткани изображаютъ случившіяся встарь событія. Паллада выткала посвященный Марсу холмъ въ кекропійскомъ вышгородѣ и старинный споръ за названіе аѳинской земли: на высокихъ скамьяхъ возсѣдаютъ въ величавомъ спокойствіи двѣнадцать небожителей, Юпитеръ въ се-

рединѣ ихъ. Каждаго бога выдаетъ его наружность, Юпитера—царственный видъ. Изображаетъ Аѳина и бога моря: стоитъ онъ и ударяетъ длиннымъ своимъ трезубцемъ по твердой скалѣ; изъ разщелины ея выбѣжалъ конь, и за это благодѣяніе Посейдонъ предлагаетъ назвать городъ своимъ именемъ. Сама-же Паллада—со щитомъ и остроконечнымъ копьемъ; на головѣ у ней—шлемъ; эгидой прикрыта грудь богини, и изображаетъ Аѳина, какъ, ударивъ по землѣ своимъ копьемъ, производитъ она приносящую бѣловатые плоды маслину. Дивятся боги, и состязаніе кончается побѣдой Паллады. А чтобы соперница въ искусствѣ поняла изъ примѣровъ, какого наказанія можетъ она ждать за свою столь безумную дерзость, Аѳина изображаетъ по угламъ ткани виды четырехъ состязаній: замѣтны они по своимъ краскамъ и испещрены фигурками. Въ одномъ углу помѣщены Ѳракіянка Родопа и Гемъ, назвавшіе себя именами всевышнихъ боговъ: теперь они снѣговыя горы, а нѣкогда были людьми. Въ другомъ углу изображена несчастная судьба царицы Пигмеевъ: побѣдивъ царицу въ состязаніи, Юнона превратила ее въ журавля и заставила воевать со своимъ-же народомъ. Выткала Аѳина и Антигону, нѣкогда дерзнувшую состязаться съ супругою могучаго Юпитера; въ птицу превратила Антигону царственная Юнона, и не помогъ той отецъ ея Лаомедонтъ, царь иліонскій,—журавлиными перьями одѣлась красавица Антигона, громко стучитъ она своимъ носомъ. Въ послѣднемъ углу изображенъ осиротѣлый Кинпритъ: обнимаетъ онъ ступени храма,—своихъ дочерей, и словно плачетъ, лежа на камнѣ. По краямъ ткани Аѳина вышила символъ мира—маслину.

Меонянка же Арахна вышиваетъ обманутую быкомъ Европу; можно подумать, что быкъ живой, а море — настоящее. Видно, какъ Европа смотритъ на удаляющуюся отъ нея землю и зоветъ своихъ подругъ, видно, какъ боится она дотронуться до плещущихъ волнъ, какъ, робѣя, поджимаетъ она свои ноги. Вышила Арахна и Астерію, борющуюся съ похи-

щающимъ ее орломъ, и Леду, лежащую на спинѣ подъ лебедемъ; изобразила (110) дѣва и то, какъ Юпитеръ, принявъ видъ сатира, сдѣлалъ дочь Никтея матерью двухъ близнецовъ, и то, какъ въ видѣ Амфитріона плѣнилъ онъ тебя, Тиринѳянка, въ видѣ золота обольстилъ Данаю, въ видѣ огня—дочь Азопа, въ видѣ пастуха — Мнемозину, въ видѣ полосатаго змѣя — дочь Деои. И тебя (115), Нептунъ, на дочери Эола представила Арахна превратившимся въ сердитаго быка, представила она, какъ ты, въ видѣ Энипея, дѣлаешся отцемъ сыновей Алоея, въ видѣ барана обманываешь дочь Бизальта, въ видѣ коня совокупляешся съ русокудрою благою богинею плодородія, въ видѣ птицы — съ змѣеволосою матерью (120) крылатаго коня, въ видѣ дельфина—съ Мелантою. Всѣмъ этимъ лицамъ и мѣстности Арахна придала надлежащій видъ. Изобразила она тамъ и Феба, то въ видѣ земледѣльца, то въ видѣ коршуна, то въ видѣ имѣющаго гриву льва; изобразила, какъ въ видѣ пастуха обольстилъ онъ Иссу, дочь Макарея. Изобразила Арахна и Либера (125), какъ, превратившись въ мнимый виноградъ, обманулъ онъ Эригону, какъ конемъ сдѣлалъ Сатурнъ двоевиднаго Харона. Край ткани дѣвы окруженъ узкою каймою изъ цвѣтовъ, переплетенныхъ цѣпкимъ плющемъ.

Не могли (130) обхаять работы Арахны ни Паллада, ни Зависть, но русая дѣвственница разсердилась на дочь Идмона изъ-за успѣха: изорвала она красивую ткань, обличавшую пороки небожителей. Какъ держала Паллада челнокъ, сдѣланный изъ дерева съ горы Китора, такъ и ударила имъ три-четыре раза по головѣ дочь Идмона—Арахну. Не вынесла этого несчастная: съ горя удавилась она (135). Сжалилась Паллада надъ Арахною и вынула ее изъ петли. «Живи-же», такъ сказала богиня, «но и виси, негодная; а чтобы ты не была спокойна и на счетъ будущаго, то такого-же рода наказанію подвергнутся твой родъ и отдаленные потомки!» Уходя, Аѳина окропила (140) Арахну сокомъ чудодѣйственной травы, и внезапно исчезли у дѣвы обрызганные ядовитымъ зельемъ волосы,

потомъ носъ и уши; уменьшилась у ней голова, уменьшилось и все тѣло. Съ боку вмѣсто рукъ, торчатъ у Арахны маленькія ноги, все остальное занимаетъ брюшко; превратившись въ паука, Арахна выпускаетъ изъ него нити (145): какъ и встарь, ткетъ она.

Вся Лидія заговорила о случаѣ съ Арахною. По городамъ Фригіи, по многимъ землямъ идетъ о немъ молва. Еще до замужества своего знала Ніоба Арахну, въ то время, когда дѣвицею жила въ меонійскомъ Сипилѣ. Но наказаніе землячки Арахны не (150) напомнило Ніобѣ, что слѣдуетъ уступать небожителямъ, и не гордиться собою, хоть и многимъ могла-бы гордиться Ніоба. Но ничѣмъ такъ не гордилась Ніоба,—хоть и всѣмъ этимъ гордилась она,—ни искусствомъ своего супруга, ни знатнымъ своимъ и его происхожденіемъ, ни обладаніемъ обширнымъ царствомъ, какъ (155) гордилась она своими дѣтьми. И счастливѣйшею изъ матерей можно было-бы назвать Ніобу, еслибъ она не сочла себя такою. Предсказывавшая будущее, Манто, дочь Тирезія, объятая божественнымъ изступленіемъ, такъ пророчила по улицамъ: «толпой идите, Исмениды, съ молитвою воскуряйте (160) священный ѳиміамъ Латонѣ и обоимъ ея дѣтямъ, лавровымъ вѣнкомъ украсьте свои волосы,—такъ повелѣваетъ Латона моими устами!»

Но вотъ (165) идетъ, обращая на себя вниманіе златоткаными фригійскими одеждами, окруженная блестящею и многочисленною свитою, Ніоба; прекрасна она, на сколько можно быть прекрасною въ гнѣвѣ. Покачивая своею красивою головкою и разсыпавшимися по обоимъ плечамъ волосами, Ніоба остановилась. Когда-же красавица окинула все горделивымъ своимъ взоромъ, то сказала: «что за (170) безуміе предпочитать невидимыхъ боговъ видимымъ? Зачѣмъ Латону чтите вы жертвами, а моему божеству до сихъ поръ не воскуряете ѳиміама? Вѣдь отецъ у меня Танталъ, которому одному только и можно было вкушать пищу съ небожителями; мать моя сестра Плеядъ, дѣдъ (175)—Атлантъ, который на плечахъ своихъ держитъ

сводъ небесный, другой мой дѣдъ—Юпитеръ; имъ горжусь я и какъ тестемъ. Мнѣ подвластны народы Фригіи, мнѣ принадлежитъ столица Кадма, я вмѣстѣ съ супругомъ царствую въ многолюдномъ городѣ, стѣны котораго воздвигнуты звуками лиры. Въ какую часть дома ни обращу я свои взоры, вездѣ вижу безчисленныя богатства; къ тому-же и красотою подобна я богинѣ. Прибавьте сюда семь дочерей и столько-же сыновей, въ скоромъ времени столько-же зятьевъ и невѣстокъ! Разсудите теперь, имѣю-ли я основаніе гордиться? Не знаю я, почему осмѣливаетесь вы предпочитать мнѣ, дочери Тантала,—Латону, дочь какого-то Кея? Когда Латона сбиралась родить, то *огромная* земля не дала ей для этого *маленькаго* мѣста. Отверженная и небомъ, и землею, и моремъ скиталась по міру ваша богиня, пока Делосъ не сжалился надъ бѣдняжкою! — «Гостьею блуждаешь ты по землѣ, а я по морю», сказалъ плававшій Делосъ и далъ Латонѣ убѣжище». Двухъ дѣтей родила она, это седьмая часть моихъ. Я счастлива, — кто можетъ отрицать это? — и буду счастлива,—кто можетъ усумниться и въ этомъ? Невредимой сдѣлало меня довольство. Сильнѣе я той, которой могла бы повредить измѣна счастія. Пусть многое отнимутъ у меня,—мнѣ останется еще больше. Давно ничего не боюсь я, благодаря своему счастію. Представьте себѣ, что я потеряла нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ моихъ дѣтей, то, и лишившись ихъ, я всетаки не сравняюсь съ числомъ двухъ дѣтей Латоны, а какъ мало разнится она этимъ отъ бездѣтной! Расходитесь, снимите со своихъ головъ лавровые вѣнки, — полно вамъ всенародно приносить жертвы!» Ѳивянки снимаютъ съ себя вѣнки, не кончивъ, оставляютъ жертвоприношеніе и, что только можно было,—тихо молясь, чтутъ божество.

Вознегодовала богиня Латона. Съ такими словами обратилась она на вершинѣ Кинѳа къ двумъ своимъ дѣтямъ: «вотъ — во мнѣ, вашей матери, гордящейся тѣмъ, что родила васъ, неуступающей, кромѣ Юноны, ни одной богинѣ, —

во мнѣ сомнѣваются, богиня ли я. Навсегда лишена я священныхъ жертвъ, если не поможете вы, дѣти. И не только объ одномъ этомъ печалюсь я: дочь Тантала къ неслыханному своему поступку присоединила и злословіе: васъ дерзнула она поставить ниже своихъ дѣтей, а меня—да подвергнется этому сама она—назвала бездѣтною, обнаружила тѣмъ дерзкій языкъ своего отца». Хотѣла-было Латона присоединить къ словамъ своимъ и просьбы, но Фебъ сказалъ ей: «перестань, жалобы твои только замедляютъ наказаніе Ніобы». То же сказала и Феба. Быстро понеслись боги по воздуху и, одѣтые облакомъ, достигли они кадмейскаго кремля.

Передъ ѳивскими городскими стѣнами была гладкая и широкая, безпрестанно утаптываемая конями, поляна, гдѣ множество запряженныхъ въ колесницы коней крѣпкими своими копытами взрыхляли находившуюся внизу землю. Тамъ-же нѣкоторые изъ сыновей Амфіона вскакиваютъ на сильныхъ коней, садятся на ихъ спины, покрытыя ярко-красными тирскими попонами, и правятъ тяжелыми отъ золотыхъ украшеній вожжами. Въ то время, какъ сынъ Ніобы, Исменъ—когда-то первымъ родила его мать — ловко заворачиваетъ мчащихся коней и сдерживаетъ ихъ пѣнящіяся морды, то восклицаетъ: «горе мнѣ!» — прямо въ грудь вонзилась ему стрѣла. Умирая, выпустилъ Исменъ вожжи изъ своихъ рукъ и по-немногу съ праваго плеча упалъ на грудь. Ослабилъ поводья находившійся ближе всѣхъ къ Исмену Сипилъ: услыхалъ онъ стукъ стрѣлъ въ пустотѣ колчана. Какъ бѣжитъ кормчій, завидя тучи и предугадывая ливень, какъ распускаетъ онъ отовсюду нависшіе паруса, чтобы воспользоваться и легкимъ вѣтеркомъ: такъ мчался и Сипилъ; но въ бѣгствѣ догнала его роковая стрѣла и, дрожа, вонзилась въ затылокъ; только одинъ наконечникъ ея высунулся изъ горла. Какъ выдался Сипилъ впередъ, такъ съ размаху и скатился онъ съ шеи коня и обагрилъ землю своею горячею кровью. Когда покончили со своими обычными работами несчастный Федимъ и наслѣд-

никъ имени дѣда — Танталъ, то, умащенные, занялись они необходимыми для юношей тѣлесными упражненіями. И ужъ крѣпко обнявшись, схватились они въ борьбѣ грудь съ грудью, но, какъ схватились, такъ и пронзила ихъ обоихъ стрѣла, пущенная изъ тугаго лука. Вмѣстѣ застонали дѣти Ніобы, вмѣстѣ, корчась отъ боли, упали на землю; умирая, вмѣстѣ обращали они свои потухающіе взоры, вмѣстѣ же и испустили духъ. Видитъ это Алфеноръ. Отъ горя ударяя себя въ грудь, подбѣгаетъ онъ, чтобы своими объятіями согрѣть холодные трупы, но падаетъ и Алфеноръ, исполняя долгъ брата, — потому что и его глубоко въ сердце пронзилъ делосскій богъ своею смертоносною стрѣлою. Когда извлекъ Алфеноръ стрѣлу, то на ушкѣ ея вытащилъ часть легкаго. Въ воздухъ брызнула кровь юноши, и въ то же время испустилъ онъ духъ. Юнаго же Дамазихтона не въ одно мѣсто ранилъ Аполлонъ: въ то мѣсто поразилъ онъ юношу, гдѣ начинается колѣно, гдѣ гибкая суставная впадина образуетъ жилистый подколѣнокъ. Пока Дамазихтонъ силится вытащить рукою гибельную стрѣлу, другая стрѣла вонзилась ему въ горло по самыя перья. Кровь выбила стрѣлу и высоко брызнула вверхъ, разсѣкая воздухъ. Остался послѣдній сынъ Ніобы—Иліоней. Напрасно съ мольбою поднималъ онъ руки, говоря: «о, пощадите меня, всѣ боги!» всѣхъ вообще молилъ Иліоней; не зналъ онъ, бѣдный, что не всѣхъ слѣдовало бы умолять ему. Тронутъ былъ лукодержецъ Аполлонъ, хоть ужъ и не могъ онъ воротить стрѣлы; но отъ самой легкой раны палъ Иліоней: стрѣла не глубоко поразила его въ сердце.

Слухъ о несчастіи, народная скорбь, слезы родныхъ убѣдили мать въ столь неожиданной гибели ея сыновей. Дивится Ніоба могуществу небожителей, гнѣвается она, что дерзнули они совершить подобное дѣло, что имѣютъ на это право. Отецъ же убитыхъ, Амфіонъ, мечемъ пронзилъ себѣ грудь; вмѣстѣ съ жизнью кончилось его горе. О, какъ мало походила эта Ніоба на ту, что нѣкогда отгоняла народъ отъ жертвенни-

ковъ Латоны или величаво шла по городу,—тогда завидовали Ніобѣ ея родные, а теперь пожалѣлъ бы о ней даже недругъ. Припала Ніоба къ холоднымъ трупамъ своихъ сыновей и безо всякаго порядка стала цѣловать ихъ въ послѣдній разъ. «Насыться моею скорбью, безсердечная Латона, горемъ моимъ успокой свою душу, насыть свое жестокое сердце», говоритъ потомъ Ніоба, поднявъ къ небу свои блѣдныя руки, «погребая семерыхъ своихъ сыновей, я сама семь разъ хороню себя съ ними. Ликуй, торжествуй, злобная побѣдительница! Но отчего-жъ побѣдительница? — У меня, несчастной, остается дѣтей болѣе, чѣмъ у тебя счастливой, и послѣ гибели столькихъ сыновей я всетаки побѣждаю!» Такъ говорила Ніоба, какъ вдругъ взвыла тетива тугаго лука; трепетъ объялъ всѣхъ, кромѣ Ніобы: смѣлою стала она отъ горя.

Въ черныхъ одеждахъ, съ распущенными волосами стояли сестры предъ погребальными носилками братьевъ. Одна изъ нихъ, вынимая стрѣлу изъ живота брата, бездыханною упала на лицо мертвеца; другая хочетъ утѣшить бѣдную мать и вдругъ умолкаетъ, корчась отъ невидимой раны; не прежде сомкнула она уста, какъ испустила духъ. Падаетъ и третья дочь Ніобы, напрасно пытаясь убѣжать; вотъ одна умираетъ на трупѣ сестры, эта—въ бѣгствѣ; можно было видѣть, какъ билась другая. Шесть дочерей Ніобы погибли отъ различныхъ ранъ, оставалась послѣдняя. Всѣмъ тѣломъ, всею одеждою прикрыла ее мать. «Оставь мнѣ хоть одну, самую меньшую, за самую меньшую изъ столькихъ дочерей, за одну молю я тебя, Латона», взывала Ніоба, но, покуда проситъ царица, умираетъ и та, за которую молитъ она.

Осиротѣлою сидѣла Ніоба между трупами сыновей, дочерей и мужа, цѣпенѣя отъ горя. Не шевелитъ вѣтерокъ ея волосъ; ни кровинки у ней на лицѣ; недвижно смотрятъ глаза надъ исхудалыми щеками,—нѣтъ въ образѣ Ніобы ничего живаго. Даже языкъ Ніобы прирастаетъ къ твердому нёбу; перестаютъ биться у ней жилы; не гнется шея, не двигаются руки,

не переступають ноги, въ камень обращаются ея внутренности. Но Ніоба всетаки плачетъ. И подхватилъ ее порывистый вихорь, и унесъ на родину. Къ горной вершинѣ приросла тамъ Ніоба и таетъ она; даже донынѣ точитъ слезы ея мраморный образъ.

Тогда-то жены и мужи, всѣ начинаютъ бояться столь явнаго гнѣва богини, всѣ усерднѣе чтятъ могучее божество, матери близнецовъ, Латоны и, какъ это всегда бываетъ,— въ связи съ недавнимъ событіемъ разсказываютъ и про старое. Кто-то говоритъ: «не безнаказно оскорбили богиню Латону и негодные жители плодоносной Ликіи. Хоть и не говорятъ объ этомъ происшествіи изъ-за того, что случилось оно съ простолюдинами, всетаки-же дивно оно. Своими глазами видѣлъ я озеро и мѣстность, получившую извѣстность благодаря чуду: отецъ мой, человѣкъ ужъ старый и безногій, велѣлъ мнѣ выгнать туда своихъ отборныхъ быковъ; въ проводники онъ самъ далъ мнѣ туземца. Прохаживаясь по пастбищу, я вдругъ замѣчаю, что среди озера стоитъ старый, почернѣвшій отъ жертвеннаго дыма и обросшій зыбкимъ камышемъ жертвенникъ. Мой проводникъ остановился и, робѣя, прошепталъ: «будь милостива ко мнѣ, богиня». За—одно съ нимъ прошепталъ и я: «будь милостива, богиня, и ко мнѣ!» На мой вопросъ, не наядамъ-ли или Фавну, наконецъ не мѣстной-ли богинѣ посвященъ жертвенникъ, спутникъ мой отвѣтилъ слѣдующее: «не горнимъ божествамъ, юноша, посвященъ этотъ жертвенникъ, а той, которую нѣкогда преслѣдовала по свѣту царственная Юнона; лишь блуждавшій Делосъ, — въ то время островъ этотъ постоянно плавалъ — пріютилъ изгнанницу. Прилегши тамъ подъ пальмою, деревомъ посвященнымъ Палладѣ, Латона противъ желанія своей мачехи родила двойни. Говорятъ, будто и изъ Делоса убѣжала мать отъ Юноны, прижимая къ груди двоихъ божественныхъ своихъ дѣтей. Уже въ предѣлахъ породившей Химеру Ликіи, когда солнце сильно пекло землю, Латона уто-

милась отъ долгаго пути. Изнемогши отъ солнечнаго зноя, богиня захотѣла пить, дѣти-же ея жадно сосали изъ груди молоко. Случайно замѣтила Латона въ глубинѣ долины небольшое озеро; поселяне рѣзали тамъ дикій, вѣтвистый ивнякъ, (345) камышъ и любящую болото осоку. Дочь титана подошла къ озеру и, ставъ на колѣни, нагнулась, чтобы глоткомъ холодной воды утолить свою жажду, но толпа поселянъ не позволяетъ богинѣ сдѣлать этого.—«Почему-же вы гоните меня отъ воды», такъ говоритъ наглецамъ Латона, «вода—общее достояніе: природа не отдала въ чью-либо собственность ни (350) свѣта солнца, ни воздуха, ни свѣтлой воды. Я пришла воспользоваться всеобщимъ достояніемъ и всетаки молю васъ, дайте мнѣ напиться. Не омыть изнеможенное свое тѣло собиралась я, но утолить жажду. Пересохшимъ ртомъ говорю я; горитъ у меня горло (355), чрезъ силу произношу я имъ слова,—глотокъ воды былъ-бы для меня нектаромъ; я не стану отрицать, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и оживилъ-бы меня,—жизнь дали-бы вы мнѣ въ водѣ. Сжальтесь хоть надъ тѣми, которые протягиваютъ съ моей груди свои рученки!» Дѣти Латоны и въ самомъ дѣлѣ протягивали рученки. Кто-бы (360) не тронулся горячими мольбами богини! Но поселяне попрежнему не обращаютъ на нихъ никакого вниманія и грозятъ Латонѣ, если не уйдетъ она прочь; вдобавокъ еще и ругаютъ богиню. Мало того, Ликійцы ногами и руками взмутили воду; нарочно ныряя то туда (365), то сюда, они подняли со дна мягкій илъ. Изъ-за жажды дочь Кея не сдержала своего гнѣва: ужъ не умоляетъ богиня наглецовъ, не можетъ долѣе ласково говорить съ ними, но, поднимая руки къ небу, восклицаетъ: «живите-же вы въ этомъ озерѣ вѣчно!» Исполняется (370) желаніе Латоны: любо Ликійцамъ быть подъ водою: то всѣмъ тѣломъ ныряютъ они въ глубь озера, то высовываютъ изъ воды свои головы, то всплываютъ на верхъ. То на берегъ озера выходятъ Ликійцы, то опять прыгаютъ въ холодную воду, но и до сей поры въ мерзкой ругани

дают волю своему языку,—хоть и подъ водою они, но хотятъ ругаться и подъ водою. Ужъ хриплымъ дѣлается голосъ Ликійцевъ, вздувается ихъ толстая шея, отъ брани еще шире становится большой ротъ; голова не отдѣлена отъ туловища; шеи какъ-бы совсѣмъ нѣтъ; зеленою дѣлается спина, бѣлѣетъ брюхо, самая большая часть тѣла, и въ тинистомъ озерѣ начинаютъ прыгать молодыя лягушки.

Такимъ образомъ, когда одинъ разсказалъ о печальной участи Ликійцевъ, другой вспоминаетъ о томъ сатирѣ, котораго наказалъ сынъ Латоны, побѣдивъ въ игрѣ на изобрѣтенной Тритоніей флейтѣ. «Зачѣмъ ты сдираешь съ меня кожу», говорилъ богу сатиръ, «о, сознаюсь я», кричалъ онъ, «что свирѣль нельзя и сравнить съ флейтой!» Но Аполлонъ содралъ всю кожу съ тѣла вопившаго сатира. Сплошную рану представляло изъ себя тѣло; отовсюду сочится изъ него кровь; видны обнаженные нервы; трепетно бьются лишенныя покрова жилы; можно было пересчитать трепетавшія легкія и тонкія грудныя волокна. Оплакали сатира боги долинъ и лѣсовъ, фавны, братья-сатиры, богъ славнаго и въ то время Олимпа, нимфы и каждый изъ тѣхъ, которые пасли на знаменитой горѣ руноносныхъ овецъ и рогатый скотъ. Обильный потъ выступилъ изъ сатира; увлажилась земля, впитала она въ себя падавшія капли, впитала въ глубь своихъ нѣдръ. Когда-же земля превратила потъ въ воду, то послѣдняя пробилась на открытый воздухъ. Потомъ у рѣки явились крутые берега, и быстро потекла она въ море. Марсіемъ зовется рѣка; самая прозрачная она изъ потоковъ Фригіи.

Выслушавъ этотъ разсказъ, народъ тотчасъ начинаетъ толковать о современныхъ событіяхъ; оплакиваетъ онъ гибель Амфіона и его дѣтей; матери не жалѣютъ. Говорятъ, одинъ лишь Пелопсъ оплакалъ Ніобу. Когда спустилъ онъ съ груди своей одежду, то показалъ, что лѣвое плечо у него изъ слоновой кости. При рожденіи Пелопса плечо это было одного

цвѣта съ правымъ и изъ мяса, но скоро, говорятъ, небожителямъ пришлось собирать тѣло Пелопса, изрѣзанное руками его отца. Нашлись всѣ члены, недоставало (410) той части, которая находится между шеею и верхнею ключицею. Взамѣнъ недостающей части тѣла была искуссно вдѣлана слоновая кость, вслѣдствіе чего Пелопсъ и сталъ цѣлымъ.

Собираются знатные родственники Ніобы; сосѣдніе города поручаютъ своимъ царямъ утѣшить Пелопса; города эти—Аргосъ, Спарта, городъ потомка Пелопса—Микены, Калидонъ, еще не (415) ненавистный разгнѣванной Діанѣ, плодоносный Орхоменъ, богатый мѣдью Коринѳъ, гордая Мессена, Патры, маленькія Клеоны, находившійся подъ властью Нелея Пилосъ, еще не принадлежавшая Питѳею Трезена и всѣ города, которые находятся на Истмѣ, лежащемъ при двухъ заливахъ и внѣ (420) этого перешейка. Кто-бы могъ повѣрить тому, что однѣ лишь вы, Аѳины, не исполнили своего долга: война помѣшала вамъ сдѣлать это,—прибывшія по морю полчища иноземцевъ въ ужасъ приводили столицу Мопсопіи, но пришедшій на помощь со своимъ войскомъ царь ѳракійскій Терей разбилъ (425) враговъ и побѣдою пріобрѣлъ себѣ славное имя. Пандіонъ породнился съ богатымъ и могущественнымъ, какъ-бы по волѣ судьбы ведшимъ родъ свой отъ великаго Градива, Тереемъ, выдавъ за него дочь свою Прокну. Но не покровительница браковъ Юнона, не Гименей, не Граціи присутствуютъ на томъ брачномъ пиру, а Эвмениды (430). Возжигаемые при похоронахъ свѣтильники держали онѣ въ своихъ рукахъ, онѣ-же стлали и брачное ложе; зловѣщая сова сидѣла на крышѣ брачнаго чертога. При этой птицѣ сочетались бракомъ Прокна и Терей, при ней породнились они. Конечно, во Ѳракіи (435) привѣтствовали новобрачныхъ, а сами они возблагодарили боговъ. Праздновать велѣно было тотъ день, въ который Прокна вышла за славнаго царя, и тотъ, въ который родился у нихъ Итисъ: такъ неизвѣстно бываетъ будущее!

Уже пять осеней по-очереди успѣлъ смѣнить Титанъ, когда Прокна, ласкаясь къ мужу, сказала ему: «если ты хоть сколько-нибудь любишь меня, то или меня пусти повидаться съ сестрою, или пусть сама она пріѣдитъ сюда; обѣщай тестю, что она воротится въ скоромъ времени. Какъ бы богатый подарокъ дашь ты мнѣ, если доставишь возможность увидѣть мою сестру». Терей велитъ спустить въ море корабль; съ помощью парусовъ и веселъ входитъ онъ въ гавань города Кекропа и въ Пиреѣ высаживается на берегъ. При первой же возможности тесть пожимаетъ Терею правую руку, приноситъ торжественную жертву и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Терей сталъ объяснять Пандіону, зачѣмъ прибылъ онъ, передалъ какъ порученіе своей супруги, такъ и то, что Прокна обѣщаетъ вскорѣ отпустить сестру домой. Но вотъ входитъ Филомела; блистаетъ она пышною одеждою, но еще болѣе — красотою. Въ такомъ видѣ, говорятъ, идутъ въ глубь лѣса наяды и дріады, если только у тѣхъ богинь такой же видъ и такія же одежды. Какъ вспыхиваютъ сухіе колосья, если кто подложитъ къ нимъ огня, какъ вспыхиваютъ листья или сложенное на сѣновалѣ сѣно: такъ вспыхнула страсть въ Тереѣ, когда увидѣлъ онъ дѣвушку. Хоть и заслуживаетъ того красота Филомелы, но врожденнымъ сладострастіемъ мучится Терей, — жители тѣхъ странъ склонны къ сладострастью, — страстью народа своего, не собственною пылаетъ онъ. Сильно желаетъ царь подкупить бдительныхъ служанокъ Филомелы и вѣрную ея кормилицу, а саму дочь Пандіона — прельстить огромными подарками, хоть бы всего царства пришлось лишиться ему. Но и похитить дѣву хочетъ Терей и, похитивъ, вести изъ-за нея хоть жестокую войну. На все рѣшился царь, ослѣпленный безумною страстью, — не сдерживаетъ онъ пламени, заключеннаго въ своей груди. Ужъ плохо сдерживаетъ себя Терей при вѣсти объ отсрочкѣ отъѣзда, страстно говоритъ онъ о порученіи Прокны и, прикрываясь имъ, приближается къ своей цѣли. Краснорѣчивымъ сдѣлала царя любовь.

Всякій разъ, какъ просилъ Терей Филомелы сильнѣе (470), чѣмъ слѣдуетъ, то говорилъ, что того хочетъ Прокна; онъ даже плакалъ, какъ будто Прокна поручила ему плакать. О, боги! сколько непроницаемаго мрака заключаютъ въ себѣ сердца смертныхъ!— Даже въ то время, когда Терей замышляетъ преступленіе, его считаютъ за хорошаго человѣка: хвалятъ за низость. Что (475) будетъ, если одного съ Тереемъ желаетъ и Филомела? Ласкаясь, обнимаетъ она шею отца, умоляетъ его отпустить ее ѣхать къ сестрѣ, своимъ счастьемъ заклинаетъ Филомела Пандіона, сама же поступаетъ противъ своего счастья. Глядитъ Терей на Филомелу и, видя ее, предчувствуетъ будущее наслажденіе. Смотритъ Терей на ротикъ дѣвы, на ея руки, обнявшія шею, на все (480) возбужденно смотритъ онъ, какъ на пищу своей безумной любви. Всякій разъ, какъ Филомела обнимала своего отца, Терей хотѣлъ бы быть ея отцемъ, — но вѣдь и тогда не былъ бы онъ добродѣтельнѣе. Уступаетъ Пандіонъ мольбамъ Терея и Филомелы. Филомела радуется, благодаритъ отца, но не думаетъ она, бѣдная, что обоимъ имъ удалось то (485), что будетъ для нихъ гибелью. Ужъ не много пути оставалось пройти солнцу; били своими копытами дорогу на крутомъ Олимпѣ его кони. На столы ставятъ царскія кушанья и вино въ золотыхъ сосудахъ; потомъ предаются сладкому сну. Но (490) царь одризійскій пылаетъ страстью къ Филомелѣ, хоть и ушла она. Припоминаетъ Терей ея лице, движенія и руки, — а что онъ еще не видѣлъ, то представляетъ согласно своему желанію, — самъ даетъ пищу своей любви и не спитъ отъ безпокойства. Настало утро, и Пандіонъ (495), пожимая правую руку уѣзжающаго зятя, со слезами на глазахъ ввѣряетъ ему спутницу. «Терей, милый зять мой», такъ говорилъ Пандіонъ, «я отдаю тебѣ Филомелу; меня побуждаетъ къ тому родственное чувство, желаніе васъ обоихъ—ея и твое, Терей. Заклинаю тебя честью и родственнымъ тебѣ сердцемъ, заклинаю богами,—какъ отецъ, береги и люби Филомелу, и (500) какъ можно скорѣе — мучительна для меня будетъ всякая задержка — отпусти ее обрат-

но,—сладкое утѣшеніе она мнѣ въ тревожной старости. А ты, Филомела, какъ можно скорѣе возвращайся ко мнѣ, если ты любишь меня—довольно и того, что далеко отъ меня твоя сестра!» И Пандіонъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣловалъ свою дочь, и во время рѣчи падали изъ глазъ его обильныя слезы. Когда же царь въ знакъ клятвы велѣлъ дать Филомелѣ и Терею ихъ правыя руки и соединилъ ихъ, то просилъ ласковыми словами привѣтствовать отъ его имени отсутствующихъ дочь и внука; голосомъ, полнымъ рыданій, съ трудомъ сказалъ царь послѣднее «прости»,—недоброе предчувствовалъ онъ въ душѣ Лишь только сѣла Филомела на изукрашенный корабль, когда стали весла бороздить воду, когда стала удаляться земля,—дикарь воскликнулъ: «побѣдилъ я, со мной несется предметъ моей любви!» Радуется Терей, съ трудомъ удерживается въ душѣ отъ сладострастія и вперяетъ глаза свои только на Филомелу. Такъ птица Юпитера смотритъ въ высокомъ гнѣздѣ на зайца, свою добычу, которую она выпустила изъ своихъ кривыхъ когтей, и нѣтъ плѣннику никакого спасенія.

Ужъ конченъ путь, ужъ на родную землю вышли изъ корабля утомленные пловцы, когда царь Терей привелъ дочь Пандіона въ крѣпкую, скрытую среди стараго лѣса пастушью хижину. Тамъ заперъ онъ блѣдную, трепещущую, перепуганную, со слезами спрашивающую, гдѣ сестра, Филомелу, признался дѣвѣ въ преступной своей страсти и изнасиловалъ ее одинокую: напрасно призывала дѣва то отца, то сестру свою, а всего чаще могучихъ небожителей. Дрожитъ Филомела, словно пугливая овца, которая все еще не считаетъ себя въ безопасности, послѣ того какъ израненною вырвали ее изъ пасти сѣраго волка; трепещетъ дѣва, словно голубка, у которой все еще трясутся крылья, забрызганныя ея же кровью: боится она жадно впившихся въ нее когтей. Когда же къ Филомелѣ возвратилось сознаніе, то стала она рвать свои распущенные волосы, словно плакальщица, съ воплями ломала себѣ руки и, протягивая ихъ, говорила: «дикарь, какое ужасное и безчело-

вѣчное дѣло совершилъ ты! Не тронули тебя ни слова и (535) слезы милаго моего отца, ни любовь къ сестрѣ, ни моя дѣвственность, ни права супружества — ни на что не поглядѣлъ ты! Соперницей своей сестры стала я, ты — мужемъ двухъ женъ: не заслужила я такого наказанія! Вѣроломный, зачѣмъ ты не убьешь (540) меня, чтобы не оставалось тебѣ совершить какого-нибудь злодѣянія. О, если-бъ ты сдѣлалъ это раньше преступнаго совокупленія со мною, — непорочна была бы моя душа! Но, если боги видятъ твое злодѣяніе, если могуче ихъ божество, если не совсѣмъ погибла я, то когда нибудь накажу тебя, — не стыдясь, разскажу про твой поступокъ (545) и, если будетъ можно, сама приду въ народное собраніе. Если ты будешь скрывать меня въ лѣсу, я оглашу лѣсъ своими криками, скалы призову въ свидѣтельницы. Да услышитъ это небо, если есть на немъ хоть какое нибудь божество!» Когда Филомела разгнѣвала такими рѣчами безчеловѣчнаго царя, то не меньше и (550) устрашила его. Побуждаемый тѣмъ и другимъ, Терей вынимаетъ изъ ноженъ мечъ, которымъ онъ былъ опоясанъ, схватываетъ Филомелу за волосы, загибаетъ ей на спину руки и надѣваетъ на нихъ оковы, а дѣва, увидя мечъ, надѣялась умереть и подставила свою шею. Безжалостно схватилъ Терей (555) щипцами языкъ Филомелы и мечемъ отрѣзалъ его у негодующей, повторяющей имя отца и пытающейся говорить дѣвы. Остается одинъ лишь корень языка, самъ же онъ лежитъ и судорожно нашептываетъ что-то черной землѣ: такъ бьется отрубленный хвостъ змѣи, трепещетъ онъ (560) и, замирая, ищетъ слѣдовъ своей госпожи. Говорятъ, будто и послѣ подобнаго поступка — едва ли бы дерзнулъ я повѣрить этому, — Терей не рѣдко удовлетворялъ своей страсти на обезображенномъ тѣлѣ. Вслѣдъ затѣмъ царь рѣшается возвратиться къ своей супругѣ, которая, увидя его, стала спрашивать про сестру. Терей же притворно плачетъ (565), разсказываетъ о вымышленной смерти Филомелы и слезами заставляетъ вѣрить себѣ. Снимаетъ Прокна со своихъ плечъ богатыя златотканныя одеж-

ды, и одѣвается въ траурныя; пустую гробницу поставила Филомелѣ супруга Терея, обманутая, очистительныя жертвы приноситъ она ея тѣни и (570) скорбитъ о смерти сестры, которую не такъ нужно было оплакивать ей.

Двѣнадцать знаковъ зодіака прошелъ въ годъ богъ солнца. Что дѣлать Филомелѣ? Стража не даетъ ей бѣжать; изъ крѣпкаго камня выстроена хижина; прочны ея стѣны, а нѣмыя уста дѣвы не могутъ разсказать о поступкѣ съ нею. Но велика изобрѣтательность (575) человѣка въ горѣ, смѣтливость является у него въ несчастіи: сдѣлала Филомела грубое веретено и красными и бѣлыми нитками искусно вышила на ткани изображеніе своего позора. Кончивъ работу, Филомела передала ее одному слугѣ, знаками прося его отнести работу къ своей госпожѣ. Согласно просьбѣ, слуга передалъ (580) ткань Прокнѣ, не зная, о чемъ говоритъ она. Развернула одежду супруга безчеловѣчнаго царя, узнала повѣсть о страданіяхъ несчастной своей сестры и — удивительно, какъ могла, — смолчала: горе сомкнуло уста Прокны; не хватило (585) у ней духу жаловаться негодующими устами, не можетъ она и плакать, но спѣшитъ думать о святой мести: вся отдалась она тому, какое бы наказаніе придумать Терею.

Настало время, когда Ситонянки празднуютъ повторяющіяся чрезъ каждые три года празднества въ честь Вакха: ночь видитъ ихъ обряды. Ночью Родопъ оглашается рѣзкими звуками мѣдныхъ трубъ. Ночью же (590) вышла изъ-дому и царица Прокна; согласно обычаю празднества въ честь бога одѣвается она и беретъ принадлежности оргій: виноградный вѣнокъ надѣваетъ Прокна на голову, оленья шкура свѣшивается у ней съ праваго плеча, на другомъ прилажено красивое копье. Бурно пошла неистовая (595) Прокна по лѣсамъ въ толпѣ своихъ спутницъ,—отъ своей скорби приходитъ она въ изступленіе, а притворяется, будто въ честь твою, Вакхъ. Наконецъ царица приходитъ къ уединенной хижинѣ Филомелы. Взвыла Прокна, «евое», закричала она, сломала двери и увле-

кла сестру; украшенія Вакханки надѣваетъ царица на освобожденную Филомелу, плющевымъ вѣнкомъ увѣнчиваетъ ей голову и насильно тащитъ испуганную сестру въ свой дворецъ. Когда поняла Филомела, что въ жилище злодѣя вошла она, то затряслась, бѣдная, поблѣднѣло у ней все лице. Нашла Прокна удобное время, сняла съ несчастной сестры праздничный нарядъ, открыла ея стыдливое лице и заключила Филомелу въ свои объятія. Но не рѣшается Филомела поднять своихъ глазъ на сестру: она считаетъ себя ея соперницей. На-земь упала лицемъ своимъ Филомела; поклясться хотѣла-бы она, призвавъ боговъ въ свидѣтели, что насильно обезчестилъ ее Терей, но вмѣсто словъ она написала это. Пылаетъ Прокна и сама не сдерживаетъ своего гнѣва. Хватаетъ царица плачущую сестру и говоритъ ей: «не слезами нужно дѣйствовать, а оружіемъ или тѣмъ, что сильнѣе оружія,—на любое злодѣйство готова я, сестра: или въ средину пламени брошу я преступнаго Терея, факелами спалю его дворецъ, или мечемъ лишу его языка, или зрѣнія, или того члена, который обезчестилъ тебя, или же тысячью ранъ поражу я его, прекращу преступную жизнь! Не знаю я, что сдѣлаю, но страшно будетъ то, о чемъ мыслю я». Въ то время, какъ Прокна говорила такія рѣчи, подошелъ къ матери Итисъ, напомнилъ онъ ей, что можетъ она сдѣлать съ сыномъ. Сурово взглянула на него Прокна и сказала: «о, какъ похожъ ты на отца!» Ни слова больше не сказала царица. Страшное дѣло готовитъ она, молча пылаетъ гнѣвомъ. Но, когда къ Прокнѣ подошелъ сынъ, поздоровался съ матерью, рученками своими обнялъ ея шею и ласкаясь, какъ дитя, цѣловалъ ее, то тронулась мать, стихъ ея гнѣвъ, противъ воли на глазахъ ея заблестѣли слезы. Но, лишь только мать почувствовала, что отъ излишнихъ ласкъ Итиса она колеблется въ своемъ намѣреніи, то взглянула снова на сестру и, смотря по-перемѣнно то на лице сына, то на лице сестры, Прокна сказала: «отчего это одинъ трогаетъ меня своими ласками, а другая молчитъ, лишившись

языка? Почему Филомела не называетъ сестрою ту, которую Итисъ называетъ матерью? Взгляни, дочь Пандіона, кого невѣста ты, чей мужъ обезчестилъ (635) тебя: грѣшно было бы имѣть состраданіе къ супругу моему, Терею!» И немедленно увлекла Прокна Итиса, какъ гангская тигрица тащитъ по частому лѣсу сосуна-дѣтеныша лани. Когда Прокна съ сыномъ пришли въ отдаленные покои высокаго дворца, царица поразила протягивавшаго руки, уже предугадывавшаго свою смерть и то (640) кричавшаго «о мать, мать», то обнимавшаго ея шею Итиса въ то мѣсто, гдѣ грудь соединяется съ ребрами, и не отвратила своего лица. Одной такой раны довольно было-бы, чтобы умертвить Итиса, но Филомела ножемъ перерѣзываетъ ему горло, и сестры разрѣзываютъ (645) еще живые и трепещущіе члены ребенка; потомъ одну часть изъ нихъ варятъ въ мѣдныхъ чанахъ, другую—жарятъ на вертелахъ. Кровью дымятся внутренніе покои. И къ такому-то обѣду приглашаетъ ничего не подозрѣвающаго Терея его супруга; она выслала его друзей и рабовъ, говоря, что будто на ея родинѣ существуетъ обрядъ, при совершеніи котораго присутствовать можно одному лишь мужу. Самъ (650) Терей ѣстъ, сидя на высокомъ дѣдовскомъ креслѣ, ѣстъ и мясомъ сына наполняетъ свое чрево.

«Призови сюда Итиса», говоритъ Прокнѣ Терей: такъ помрачился его умъ. Не можетъ Прокна скрывать своей злобной радости—ужъ хочетъ царица явиться вѣстницей своего горя—и говоритъ: «въ чревѣ твоемъ (655) тотъ, кого зовешь ты!» Озирается Терей кругомъ и спрашиваетъ: «гдѣ-же Итисъ?» Но, какъ были у Филомелы распущены волосы при совершеніи ужаснаго убійства, въ такомъ видѣ вбѣжала она и бросила въ лице отца окровавленную голову Итиса. Никогда еще не хотѣла дѣва такъ сильно говорить (660), достойными словами выразить своей радости. Съ страшнымъ крикомъ опрокинулъ Ѳракіецъ столъ и сталъ вызывать изъ долины Стикса змѣеволосыхъ сестеръ. И то силится Терей, но не можетъ, изрыгнуть изъ мощной груди своей ужасныхъ яствъ — заключенные тамъ члены

Итиса—, то плачетъ онъ и называетъ себя ужасною могилою сына. И вотъ царь начинаетъ преслѣдовать съ обнаженнымъ мечемъ дочерей Пандіона. Можно было-бы подумать, что тѣла Кекропидянокъ висятъ на крыльяхъ,—они и на самомъ дѣлѣ повисли на крыльяхъ. Одна изъ дочерей Пандіона несется въ лѣсъ, другая—забивается подъ крышу; до сихъ еще поръ на ея груди замѣтны слѣды преступленія: кровавыми пятнами испещрены на ней перья. Терей-же, отъ своего горя нетерпѣливо желавшій наказать дочерей Пандіона, превращенъ въ птицу, у которой на головѣ торчитъ хохолокъ, а огромный клювъ выдается впередъ на подобіе самаго длиннаго копья. Удодомъ зовутъ птицу. Съ виду онъ кажется готовымъ къ бою Это горе и крайне глубокая старость преждевременно отправили Пандіона къ тѣнямъ Тартара.

На престолъ взошелъ и сталъ управлять государствомъ Эрехтей; трудно было рѣшить, справедливостью-ли своею былъ онъ могущественнѣе, или славными военными подвигами. Отцемъ четырехъ сыновей и столькихъ-же дочерей былъ Эрехтей, но только двое его дѣтей были похожи лицемъ другъ на друга: одинъ сынъ Эола, Кефалъ, былъ счастливъ въ супружествѣ съ тобою, Прокрида, другой — богъ Борей, враждовавшій съ Тереемъ и его Ѳракійцами, долго просилъ руки любимой имъ Оритіи; Борей пока еще проситъ, хочетъ лучше дѣйствовать просьбами, а не насиліемъ. Но, когда не помогли ласки, страшно разгнѣвался Борей, — вѣтеръ этотъ и всегда бываетъ слишкомъ суровъ. «По-дѣломъ мнѣ», сказалъ онъ, «вѣдь зачѣмъ я не выказалъ своего могущества,—своей суровости, силы, гнѣва и грозныхъ рѣчей, а пустилъ въ ходъ ласки, говорить которыя мнѣ неприлично? Мнѣ прилично употреблять насиліе: своимъ порывомъ разгоняю я угрюмыя тучи, волную море, вырываю коренастые дубы, ледѣню снѣга и градомъ поражаю землю. Когда-же я встрѣчаюсь въ свѣтломъ небѣ со своими братьями,—оно для меня раздолье,—то борюсь съ ними съ такою силою, что отъ нашихъ столкновеній

постоянно стонетъ небо, и изъ густыхъ облаковъ сверкаютъ излучистыя молніи. Когда же-я проникну въ дугообразныя пещеры, въ гнѣвѣ протисну свою спину въ глубину отверстія, то своими дуновеніями пугаю тѣни умершихъ и весь міръ. Такими средствами долженъ былъ я добиваться брака: не просить Эрехтея быть моимъ тестемъ слѣдуетъ мнѣ, но сдѣлаться имъ насильно!» Сказавъ такъ или не мягче этого, Борей взмахнулъ крыльями; отъ взмаха ихъ задулъ вѣтеръ по всей землѣ и взволновалось широкое море. По самымъ высокимъ горнымъ вершинамъ влачитъ онъ снѣжную свою мантію и мететъ ею землю. Золотистыми своими крыльями схватываетъ влюбленный богъ обезумѣвшую отъ страха и покрытую мракомъ Оритію; пока летитъ Борей, отъ волненія сильнѣй пылаетъ въ немъ любовь. Не прежде пересталъ похититель править вожжами своего бѣга по воздуху, какъ достигъ городовъ народа Киконовъ. Тамъ Актеянка, сдѣлавшись супругою приводящаго въ оцѣпенѣніе царя, стала вмѣстѣ съ тѣмъ и матерью: двойни родила она. Были у нихъ крылья, какъ у отца; въ остальномъ они походили на мать. Впрочемъ разсказываютъ, что крыльевъ у Калая и Зета при рожденіи не было,—безкрылыми были они, пока не отросла у нихъ рыжеватая борода. Затѣмъ, какъ бываетъ это у птицъ, въ одно и то-же время стали опериться у сыновей Борея оба плеча, въ одно-же время рыжѣть и щеки. Когда-же юность смѣнила дѣтство, Калай и Зетъ на славномъ кораблѣ пустились вмѣстѣ съ Минійцами по незнакомому морю за золотымъ руномъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Медея. а) Язонъ. б) Эзонъ. в) Пелій. г) Тезей.—Эакъ.—Кефалъ и Прокрида.

Уже Минійцы разсѣкали море пагазейскимъ кораблемъ. Увидѣли они Финея, влачившаго безотрадную старость: вѣч-

ный мракъ былъ у него въ глазахъ. Юные сыновья Аквилона, прогнали гарпій отъ лица несчастнаго старца. Многое претерпѣли Минійцы подъ начальствомъ славнаго Язона и достигли наконецъ быстроводнаго, мутнаго Фазиса. Въ то время, какъ они, придя къ царю Эету, требуютъ отъ него руна, собственности Фрикса, и въ разговорѣ съ нимъ перечисляютъ множество славныхъ своихъ подвиговъ: въ то время страстною любовью запылала и долго мучилась ею царская дочь. Когда же разсудокъ не могъ совладать со страстью, она сказала: «напрасно борешся ты, Медея, — не знаю, какой богъ овладѣлъ тобою, но чудно будетъ, если онъ не тотъ или, по крайней мѣрѣ, не похожъ на того, котораго зовутъ Любовью, а то вѣдь отчего требованія моего отца кажутся мнѣ черезъ-чуръ суровыми, хоть они и очень суровы, — отчего боюсь я, какъ-бы не погибъ тотъ, кого я видѣла только разъ, почему это боюсь я за него? Если ты сможешь, несчастная, то вырви любовь, загорѣвшуюся въ твоемъ дѣвичьемъ сердцѣ! Разумнѣе была-бы я, еслибъ могла, но невѣдомая сила давитъ меня противъ моего желанія, и страсть совѣтуетъ дѣлать одно, умъ — другое. Я вижу и хвалю хорошее, а иду по слѣдамъ дурнаго. Зачѣмъ, царевна, влюбившись въ чужеземца, ты мечтаешь о супружеской жизни въ чужой сторонѣ — и твоя родина можетъ дать тебѣ, кого-бы ты полюбила. Живъ-ли будетъ Язонъ, умретъ-ли онъ, — на то воля боговъ, но пусть онъ живетъ, — молиться объ этомъ можно и не любя его. Но что сдѣлалъ Язонъ? На кого, кромѣ безсердечной, не произвели-бы впечатлѣнія его молодость, происхожденіе, храбрость? Кого не можетъ тронуть его красота, не говоря объ остальномъ? Конечно, она тронула и мое сердце. Но, если я не помогу Язону, его или задушитъ пламя быковъ, или онъ вступитъ въ бой съ вышедшими изъ земли, имъ-же посѣянными, врагами, или безъ состраданія будетъ отданъ въ добычу голодному дракону. Если я допущу случиться этому, то тогда не отрекусь, что я дочь тигрицы, что сердце во мнѣ желѣзное или каменное. А почему

мнѣ не посмотрѣть на гибель Язона, почему, посмотрѣвъ на нее, не сдѣлать преступными своихъ глазъ, почему не возбудить противъ него быковъ, дикихъ туземцевъ, неусыпнаго дракона? Да устроятъ боги все наилучшимъ образомъ, хоть мнѣ слѣдуетъ не молиться за это, а дѣйствовать! Измѣню-ли я родной сторонѣ и спасу своею помощью не знаю какого-то пришельца, для того, чтобы спасенный мною тайно отъ меня распустилъ при вѣтрѣ паруса и сдѣлался мужемъ другой, а Медею бросилъ на страданія? Если Язонъ сдѣлаетъ это или, быть можетъ, предпочтетъ мнѣ другую, то пусть погибнетъ онъ, неблагодарный! Но не то выражаетъ его лице, не такъ низка его душа, не то говоритъ его благородная красота, чтобы мнѣ бояться обмана съ его стороны и забвенія моей услуги. Но, пусть Язонъ дастъ прежде клятву: боговъ призову я быть свидѣтелями нашего союза. Зачѣмъ боишся ты безопаснаго, скорѣй берись за дѣло, — всегда будетъ тебѣ обязанъ Язонъ, бракомъ торжественно соединится онъ съ тобою, и множество матерей прославятъ тебя по городамъ Пелазговъ, какъ спасительницу! Итакъ, уносимая вѣтрами, я брошу сестру, брата, отца, боговъ, родину? — Но вѣдь отецъ мой жестокъ, сурова родина, братъ еще ребенокъ, сестра — за-одно со мною. Самый могучій богъ владѣетъ моимъ сердцемъ, и не великое покину я, а сверху великое: мнѣ будетъ принадлежать честь спасти ахейскую молодежь, я узнаю лучшія страны, города, слава о которыхъ гремитъ и здѣсь, образъ жизни и искусства въ тѣхъ странахъ; счастлива буду я въ супружествѣ съ сыномъ Эзона, котораго я не хотѣла-бы промѣнять на богатства, какія только заключаетъ въ себѣ весь свѣтъ. Любовью боговъ буду гордиться я и звѣздъ коснусь своею головою! Затѣмъ разсказываютъ, будто тамъ, не знаю, какія-то скалы сталкиваются въ серединѣ моря, что гибельная для кораблей Харибда то поглощаетъ воду, то извергаетъ ее, что алчная, опоясанная злыми псами, Скилла лаетъ въ безднѣ Сицилійскаго моря? — Вѣдь обнимая того, кого люблю,

прильнувъ къ груди Язона, я понесусь съ нимъ по широкому морю; держа Язона въ объятіяхъ, я не буду ничего бояться, а если и буду за кого бояться, то за одного лишь мужа! Не оправдываешь-ли ты, Медея, своего брака тѣмъ, что даешь своему поступку красивыя названія? Взгляни, на какое дурное дѣло рѣшаешься ты и, пока возможно, избѣгни преступленія!» Такъ говорила Медея, и передъ ея глазами предстали Честь, Любовь къ роднымъ, Стыдъ, а побѣжденная Любовь убѣгала отъ нихъ.

Пошла Медея къ старымъ жертвенникамъ Гекаты, дочери Перса. Тѣнистая роща въ уединенномъ мѣстѣ лѣса скрывала ихъ. Ужъ оправлялась Медея; потухая, стихала въ ней любовь, но, когда увидѣла она сына Эзона, то снова вспыхнуло потухшее пламя: зардѣлись ея щеки и загорѣлось все лице. Какъ увеличивается искорка, таившаяся подъ покрывавшею ее золою и раздутая вѣтромъ, тронутая-же вспыхиваетъ съ прежнею силою: такъ-же загорѣлась въ Медеѣ, когда увидѣла она юношу лицемъ къ лицу, уже стихавшая любовь, которую ты счелъ-бы за потухшую. Въ тотъ день сынъ Эзона былъ красивѣе обыкновеннаго: могъ-бы ты извинить влюбленную. Смотритъ Медея на Язона, вперяется глазами въ его лице, какъ будто тутъ только она увидѣла его; думаетъ ошеломленная дѣва, что видитъ лице не смертнаго, и не отворачивается отъ него. А когда гость началъ говорить съ Медеею, взявъ ее за правую руку, вкрадчивымъ голосомъ просилъ помочь ему, обѣщалъ жениться на ней, то дѣва, проливая слезы, сказала: «знаю я, что мнѣ дѣлать, не отъ незнанія истины увлекусь я, но изъ-за любви: своею помощью я спасу тебя, и спасенный ты дай клятву». Святынею трехликой богини, божествомъ, находившимся въ той рощѣ, всевидящимъ отцемъ будущаго тестя, счастіемъ своимъ и столь великими опасностями клянется Язонъ. Вѣрятъ ему, и тотчасъ получаетъ Язонъ волшебныя травы, узнаетъ, какъ употреблять ихъ и весело уходитъ въ свой станъ.

Заря слѣдующаго (100) дня разогнала блистающія звѣзды. Народъ начинаетъ сходиться на поле, посвященное Марсу, и занимаетъ холмы. Въ серединѣ толпы сидитъ въ пурпуровой одеждѣ царь; замѣтенъ онъ по скипетру изъ слоновой кости. Вотъ мѣдноногіе (105) быки начинаютъ выдыхать пламя изъ своихъ несокрушимыхъ ноздрей; отъ дѣйствія жара горитъ трава. Какой звукъ издаютъ полныя огня печи, какъ отъ брызговъ свѣтлой воды загораются расплавленные въ кирпичной печи каменья: такой-же звукъ издаютъ груди быковъ и ихъ пылающія пасти (110), внутри которыхъ заключено клокочущее пламя. Но сынъ Эзона идетъ имъ на встрѣчу. Грозно повернули быки свои свирѣпыя морды и обитые желѣзомъ рога на идущаго Язона; раздвоенными копытами били они пыльную землю и оглашали мѣстность своимъ производящимъ дымъ ревомъ. Минійцы оцѣпенѣли (115) отъ ужаса, а Язонъ подходитъ къ быкамъ, не чувствуя палящаго пламени,—такъ сильно волшебство—правою рукою смѣло гладитъ ихъ отвисшіе подгрудки и, надѣвъ на быковъ ярмо, заставляетъ ихъ тащить тяжеловѣсный плугъ и вспахать сошникомъ священное поле. Дивятся (120) Колхи, а Минійцы ободряютъ мужественнаго Язона, оглушаютъ его своими криками. Тогда беретъ онъ изъ мѣднаго шлема зубы дракона и начинаетъ сѣять ихъ по вспаханному полю. Земля размягчаетъ пропитанныя сильнымъ ядомъ сѣмена, всходятъ они, и изъ посѣянныхъ зубовъ родятся новыя существа. Какъ (125) въ чревѣ матери, изъ внутреннихъ его частей, слагается дитя, какъ принимаетъ оно образъ человѣческій и, не развившись, не выходитъ на общій для всѣхъ воздухъ: такъ-же точно образовались тогда людскіе образы въ нѣдрахъ забеременѣвшей Земли; поднимаются они на засѣянномъ полѣ и (130), что всего удивительнѣе, потрясаютъ возникшимъ вмѣстѣ съ ними оружіемъ. Когда увидѣли Пелазги людей, готовыхъ метнуть остроконечными копьями въ голову юнаго Гемонійца, то потупили они свои взоры и пали духомъ. Оробѣла даже и защитница Язона: поблѣднѣла она; вдругъ

застыла въ ней кровь, и опустилась Медея, когда увидѣла, что столько враговъ нападаютъ на одного юношу. Волшебныя заклинанія шепчетъ про себя Медея, тайныя чары призываетъ она на помощь, для того, чтобы больше силы имѣли данныя ею травы. Тяжелый камень бросаетъ Язонъ въ середину враговъ, уклоняется отъ боя, но возбуждаетъ его среди ихъ самихъ. Всѣ землерожденные братья погибаютъ отъ взаимныхъ ранъ: въ междоусобномъ бою умираютъ они. Ахейцы обступаютъ побѣдителя, поздравляютъ его, сжимая въ жаркихъ объятіяхъ. Хотѣла-бы обнять побѣдителя и ты, чужеземка, и обняла-бы его,—скромность и боязнь лишиться добраго имени удержали тебя отъ твоего намѣренія, а что тебѣ можно, такъ это радоваться въ сердцѣ, благодаря своимъ чарамъ и богамъ, помощникамъ въ такихъ дѣлахъ.

Остается усыпить чарами недремлющаго дракона. Украшенный гребнемъ, тремя языками и кривыми зубами онъ былъ страшнымъ стражемъ золотаго руна. Но, когда Язонъ обрызгалъ дракона сокомъ травы, сорванной на берегахъ Леты, трижды произнесъ слова, наводящія сладкій сонъ, слова, смиряющія бурное море и волнующіяся рѣки, то дремота смежила очи незнающаго сна дракона, и мужественный сынъ Эзона досталъ руно. Гордясь своею добычею, побѣдитель увезъ съ собою другую добычу,—виновницу своего спасенія и, вмѣстѣ съ супругою, вошелъ въ гавань Іолка.

Гемоніянки и престарѣлые Гемонійцы приносятъ жертвы за возвратившихся своихъ сыновей; таетъ ладанъ на разведенномъ огнѣ, падаетъ обѣтная, златорогая жертва. Но не до веселья уже близкому къ смерти, дряхлому отъ старости Эзону.

Тогда такъ начинаетъ говорить его сынъ: «тебѣ, признаться, обязанъ я, супруга, своимъ спасеніемъ, но, хоть много помогла ты мнѣ, хоть услуги твои въ совокупности превышаютъ всякое вѣроятіе, все-же, если ты можешь, — а чего нельзя сдѣлать съ помощью чаръ?—то отними у меня нѣсколь-

ко лѣтъ жизни и, отнявъ, прибавь ихъ къ годамъ отца!» Не удержалась Медея отъ слезъ — тронула ее сыновняя любовь просителя. И вспомнила дѣва, что не такія чувства высказала она, бросивъ Эета; но скрыла Медея свое волненіе и сказала: «что за преступныя слова сказалъ ты, супругъ,—вѣрно ты думаешь, что я могу измѣнить чьи либо годы жизни?— Не позволитъ этого Геката, да и несправедливаго просишъ ты. Но я попытаюсь, Язонъ, оказать тебѣ услугу даже бо̀льшую той, о которой ты просишъ: попробую я снова возвратить своему свекру долгую жизнь и не отнимая для этого твоихъ годовъ, только помогла бы мнѣ трехликая богиня, только бы благосклонно согласилась она на мое смѣлое дѣло!»

Трехъ ночей не доставало, чтобы слиться рогамъ луны и сдѣлаться полнолунію. Когда же засіялъ дискъ луны, когда полноликою взглянула она на землю, то Медея, распоясавъ свои одежды, босоногою, съ распущенными по плечамъ неубранными волосами, выходитъ изъ дому и, не останавливаясь одинокою идетъ среди нѣмаго молчанія полуночи. Глубокій сонъ объялъ людей, птицъ и звѣрей; не шумятъ кусты; недвижно стоятъ деревья, не движется и влажный воздухъ; блистаютъ однѣ лишь звѣзды. И, простирая къ звѣздамъ руки, трижды посмотрѣла на нихъ Медея, трижды, зачерпнувъ рѣчной воды, смочила ею волосы, трижды взвыла она и, опустившись колѣномъ на твердую землю, говорила: «о ночь, благопріятствующая волшебству, вы, звѣзды, смѣняющія вмѣстѣ съ прекрасною луной солнечный свѣтъ, ты, трехглавая Геката, свидѣтельница моихъ намѣреній, помоги мнѣ своими заклинаніями и волшебными чарами, помоги и ты, Земля, снабжающая волшебниковъ цѣлебными травами, и вы, вѣтры и бури, горы, рѣки и озера, явитесь вы, всѣ лѣсныя божества, всѣ божества ночи! Когда хотѣла я, то съ ихъ помощью шли назадъ рѣки, къ удивленію береговъ, въ свои истоки; я утишаю своими заклинаніями бурное море и волную тихое, я разгоняю тучи и собираю ихъ, я поднимаю и призываю

вѣтры, своими словами и чарами разрываю пасти драконовъ, я сдвигаю природныя скалы, вырываю изъ земли дубы, лѣса, я колеблю горы, заставляю стенать землю, а мертвецовъ выходить изъ могилъ! Даже и тебя, Луна, свожу я съ неба, хоть темезскія мѣдныя трубы помогаютъ тебѣ при затмѣніяхъ; отъ моихъ чаръ тускнетъ колесница моего дѣда, отъ моихъ зелій меркнетъ Аврора, вы же сдѣлали безсильными для меня пламя быковъ и въ кривой плугъ впрягли ихъ не носившія ярма шеи, вы же возбудили жестокую междоусобную войну среди дѣтей Земли, усыпили неусыпнаго стража и, обманувъ его, передали Грекамъ золотое руно! Мнѣ нужны теперь травы, отъ которыхъ исчезла бы старость и снова явилась юность, воротились бы цвѣтущіе годы! И вы дадите ихъ мнѣ— вѣдь не напрасно сіяли звѣзды, не напрасно нисходитъ ко мнѣ запряженная крылатыми, сильными драконами колесница». Съ неба спустилась колесница. Лишь только Медея встала на ней, погладила взнузданныя шеи драконовъ, слегка пошевелила вожжи своими руками, то поднялась въ высь. Смотритъ она на лежащую внизу ѳессалійскую Темпе и направляетъ драконовъ въ окрестности Трикки. Высматриваетъ Медея травы, растущія на Оссѣ, высокомъ Пеліонѣ, Отрѣ, Пиндѣ и болѣе высокомъ, чѣмъ Пиндъ,—Олимпѣ, и однѣ годныя травы вырываетъ она съ корнемъ, другія срѣзываетъ кривымъ мѣднымъ серпомъ. Много травъ набрала Медея по берегамъ Апидана, много и по берегамъ Амфриза; не забыла она и тебя, Энипей, что нибудь дали Пеней, воды Сперхія и поросшіе тростникомъ берега Бебы. Срѣзала Медея на эвбейскомъ Антедонѣ чудесной травы, еще не извѣстной до превращенія тѣла Главка. Девять дней и ночей видѣли Медею странствующею по всей землѣ, когда же вернулась она, то драконы все-таки сбросили свою многогодовалую старую кожу, хоть ея коснулся только запахъ тѣхъ травъ.

Воротясь домой, Медея встала у двернаго порога. Только небо покрываетъ ее. Избѣгаетъ Медея прикосновеній

мужчины. Сложила она изъ дерна два жертвенника: справа—Гекатѣ, слѣва—Юности. Когда Медея украсила ихъ миртовыми вѣтвями и вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ, то неподалеку вырыла въ землѣ двѣ ямы и стала совершать священнодѣйствіе: зарѣзала (245) черную овцу и кровью ея наполнила глубокія ямы, потомъ доверху налила въ нихъ изъ мѣднаго сосуда чистаго вина, налила теплаго молока, вмѣстѣ съ тѣмъ произнесла заклинанія. Призываетъ Медея боговъ подземнаго царства, молитъ царя тѣней и его похищенную супругу не (250) спѣшить изъять душу изъ старческаго тѣла. Когда умилостивила она ихъ мольбами и длинными заклинаніями, то велѣла принести къ жертвенникамъ хилое, словно бездыханное тѣло Эзона, погрузила его чарами въ глубокій сонъ и положила на ложе изъ травы. Велитъ Медея уйти прочь (255) сыну Эзона и прислугѣ, проситъ ихъ не смотрѣть на таинства непосвященными очами. Уходятъ они, повинуясь просьбѣ, а Медея, распустивъ, словно Вакханка, свои волосы, обходитъ горящіе жертвенники, обмачиваетъ (260) въ чернѣющихъ отъ крови ямахъ свои многовѣтвистые свѣтильники и, омочивъ ихъ, сжигаетъ на жертвенникахъ; трижды очищаетъ она старца огнемъ, трижды водою и сѣрою.

Между тѣмъ въ поставленномъ на огонь мѣдномъ котлѣ кипитъ сильнодѣйствующее лекарство; чрезъ край выбивается оно и бѣлѣется клубящеюся пѣною: тамъ варитъ Медея коренья, вырванныя въ гемонійской долинѣ, сѣмена (265) цвѣтовъ и пряныя травы; бросаетъ она туда камни, набранные на далекомъ Востокѣ, песокъ, который омываетъ океанъ во время морскаго отлива. Бросаетъ Медея росу, собранную въ лунную ночь, крылья съ мясомъ зловѣщей совы, внутренности оборотня-волка, измѣняющаго свой звѣриный видъ въ (270) человѣческій. Не обошлось тутъ и безъ чешуйчатой кожи тонкой кинифійской водяной змѣи, безъ печени живучаго оленя; кромѣ того Медея бросила яйца и голову прожившей девять вѣковъ вороны. Когда Медея подобными

и тысячью другихъ маловажныхъ снадобьевъ приготовила смѣсь, которая отсрочила-бы смерть, то все это она размѣшала давно высохшею вѣтвью мирной маслины, верхнее смѣшала съ нижнимъ. И вотъ сухая вѣтка, которою мѣшали въ горячемъ котлѣ, сперва зеленѣетъ, вскорѣ одѣвается листвою и вдругъ тяжелѣетъ отъ спѣлыхъ оливокъ. Тамъ-же, гдѣ отъ жару изъ глубокаго котла вылилась накипь, гдѣ на земь упали горячія его капли, тамъ зеленѣетъ земля, выростаютъ цвѣты и мягкая трава. Когда видитъ это Медея, то, обнаживъ мечъ, перерѣзаетъ она имъ горло старца, даетъ вытечь старой крови и погружаетъ его въ лекарства. Когда Эзонъ вобралъ ихъ или ртомъ, или чрезъ рану, то пропала сѣдина его волосъ и бороды, они сдѣлались черными. Пропадаетъ у Эзона худоба, исчезаютъ блѣдность и дряхлость, пустыя жилы наполняются свѣжею кровью, и тучнѣетъ его тѣло. Дивится Эзонъ и вспоминаетъ, что такимъ былъ онъ давно, сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Такое дивное чудо видѣлъ съ высокаго неба Либеръ. Вспомнилъ онъ, что Колхидянка можетъ возвратить юность и его кормилицамъ и проситъ отъ Медеи такой услуги. Чтобы не уступить кому-либо и въ коварствѣ, Фазіянка притворяется, будто она въ ссорѣ со своимъ супругомъ и, прося защиты, убѣгаетъ въ домъ Пелія. Медею принимаютъ его дочери, потому что самъ онъ былъ удрученъ старостью. Скоро коварная Колхидянка обворожила дочерей Пелія своею притворною дружбою. Въ то время, какъ Медея говоритъ, что среди ея заслугъ самая важная та, что она помолодила Эзона, и останавливается на этомъ, — дочери Пелія начинаютъ надѣяться, что подобнымъ-же образомъ можетъ помолодѣть и ихъ отецъ. Ужъ онѣ просятъ объ этомъ Медею, велятъ назначить ей какое угодно вознагражденіе. Медея нѣсколько времени, будто въ нерѣшимости, молчитъ, напускною важностью держитъ въ неизвѣстности сердца своихъ просительницъ. Вскорѣ потомъ обѣщается и говоритъ: «чтобы силь-

нѣе вѣрили вы въ силу тѣхъ чаръ (310), то пусть самый старый вожакъ изъ вашихъ барановъ сдѣлается отъ того лекарства ягненкомъ!» Тотчасъ приводятъ одряхлѣвшаго отъ несчетныхъ годовъ, криворогаго, со впалыми щеками барана. Когда Медея вонзила (315) гемонійскій ножъ въ его исхудалую шею и немного запачкала его кровью лезвее, то погрузила въ глубокій мѣдный котелъ съ сильнодѣйствующими волшебными травами трупъ животнаго. Уменьшаются члены его тѣла, пропадаютъ рога, а вмѣстѣ съ рогами и дряхлость, изъ середины мѣднаго котла слышится нѣжное блеянье, и скоро (320) оттуда къ удивленію всѣхъ выскочилъ блеющій ягненокъ; рѣзвится онъ, бѣгаетъ и ищетъ обильнаго молокомъ вымени. Остолбенѣли дочери Пелія; тѣмъ сильнѣе пристаютъ онѣ къ Медеѣ, когда ея обѣщаніе исполнилось на дѣлѣ.

Трижды успѣлъ снять (325) Фебъ ярмо съ своихъ коней, выкупавшихся въ рѣкѣ Иберѣ, и на четвертую ночь засіяли ясныя звѣзды. Тогда коварная дочь Эета ставитъ на всепожирающее пламя чистую воду съ неимѣющими никакой силы травами. Уже подобный смерти сонъ—чары и могучія волшебныя слова навели его (330)—объялъ дряхлое тѣло царя, а вмѣстѣ съ царемъ и его тѣлохранителей, когда, согласно приказанію, въ комнату вошли вмѣстѣ съ Колхидянкой дочери Пелія и окружили его ложе. — «Чего-жъ вы медлите, трусихи», говоритъ Медея, «обнажайте мечи, выпускайте старую кровь, чтобы наполнить мнѣ пустыя жилы — молодою: жизнь и долговѣчность вашего отца въ (335) вашихъ рукахъ. Если вы любите отца и не мучитесь суетнымъ ожиданіемъ, то услужите отцу: обнаживъ свои мечи, изгоните изъ него старость, выпустите гнойную кровь!» Отъ подобныхъ увѣщаній самая любимая дочь Пелія прежде всѣхъ дѣлается преступною: нечестивое дѣло совершаетъ она, не (340) желая сдѣлаться непочтительной. Но ни одна дочь Пелія не можетъ смотрѣть, какъ наноситъ она ему удары; отворачиваютъ онѣ свои взоры и, отворотившись, правою рукою наносятъ отцу

раны, куда ни попало. А тотъ, истекая кровью, всетаки приподнимается съ ложа, полумертвый силится присѣсть на постели и, простирая среди мечей свои блѣдныя руки, говоритъ: «что вы дѣлаете, дочери, кто вооружаетъ васъ противъ жизни отца?» И испугались тѣ, опустили руки... Когда хотѣлъ было продолжать Пелій, Колхидянка вырвала у говорившаго горло и опустила истерзаннаго Пелія въ кипятокъ.

Не поднимись Медея на воздухъ на крылатыхъ драконахъ, не уйти-бы ей отъ казни. Высоко надъ тинистымъ Пеліономъ, жилищемъ сына Филиры, бѣжитъ она, бѣжитъ надъ Отромъ и мѣстностью, ставшею извѣстной случаемъ со старымъ Керамбомъ: когда нахлынуло море и потопило обширную землю, онъ съ помощью нимфъ поднялся на крыльяхъ на воздухъ и счастливо избѣгнулъ Девкаліонова потопа. Влѣвѣ оставила Медея эолійскую Питану и изсѣченную изъ камня статую огромнаго дракона, влѣвѣ—рощу Иды, гдѣ Либеръ подъ видомъ мнимаго оленя скрылъ украденнаго сыномъ молодаго быка, гдѣ покоился въ скромной песчаной могилѣ отецъ Корита; пронеслась Медея и надъ тѣми землями, которыя устрашала Мера неслыханнымъ своимъ лаемъ, пронеслась и надъ городомъ Эврипила, гдѣ Косянки ходили съ рогами, въ то время, какъ оттуда выступало войско Геркулеса, надъ посвященнымъ Фебу Родосомъ, надъ жившими на Ялизѣ Тельхинами; все глазили они, на что ни смотрѣли, и Юпитеръ возненавидѣлъ ихъ и потопилъ водами своего брата. Пронеслась Медея и надъ картейскими стѣнами древней Кеи, гдѣ отецъ Алкидамъ дивился, что его дочь могла превратиться въ кроткую голубку. Потомъ Медея видитъ озеро Гирію и Темпе, которую прославилъ внезапно превратившійся въ лебедя Кикнъ: тамъ Филлій подарилъ мальчику прирученныхъ птицъ и свирѣпаго льва. Получивъ приказаніе укротить быка, Филлій укротилъ и его, но, разсердившись изъ-за насмѣшекъ надъ своею любовью, онъ отказалъ Кикну, когда послѣдній просилъ у него въ подарокъ быка. Оскорбился Кикнъ.

«Хотѣлъ-бы ты дать его мнѣ», сказалъ онъ и спрыгнулъ съ высокой скалы. Всѣ думали, что Кикнъ упалъ, но онъ, превратившись въ лебедя, на бѣлоснѣжныхъ крыльяхъ полетѣлъ по воздуху. А мать Кикна, Гирія, не зная, что онъ спасенъ, разлилась въ слезахъ и дала свое имя озеру. По-сосѣдству съ нимъ находится Плевръ, гдѣ дочь Офія, Комба, дрожа перьями, избѣгла смерти отъ рукъ сыновей. Потомъ Медея видитъ посвященный Латонѣ островъ Калаврію, видѣвшій, какъ превращенъ былъ въ птицу царь со своею супругою. Правѣе лежитъ Киллена, гдѣ Менефръ, подражая страстямъ дикихъ животныхъ, хотѣлъ поспать со своею матерью. Смотритъ Медея на Кефиса, недалеко отъ этого мѣста оплакивавшаго судьбу своего внука, превращеннаго Аполлономъ въ жирнаго тюленя, на жилище Эвмела, плачущаго о взлетѣвшемъ на воздухъ сынѣ. Наконецъ Медея прибыла на крылатыхъ драконахъ въ пиренійскую Эфиру, — здѣсь въ былое время дождевые грибы измѣнялись и превращались въ взрослыхъ людей — но, когда Колхидянка сожгла ядомъ молодую супругу Язона, когда на двухъ моряхъ видѣнъ былъ пожаръ царскаго дворца, когда преступница-мать обагрила мечъ въ крови своихъ дѣтей, — тогда гнуснымъ образомъ отмстившая за себя Медея бѣжала отъ мщенія Язона.

Уѣхавъ оттуда на принадлежавшихъ титану драконахъ, Медея пріѣзжаетъ въ городъ Паллады. Видѣлъ этотъ городъ и тебя, правдивая Фена, и тебя, старый Перифъ, летящими вмѣстѣ; видѣлъ онъ и внучку Полипемона, повисшую на молодыхъ крыльяхъ. Медею принялъ Эгей—однимъ этимъ поступкомъ провинился онъ — и мало того, что оказалъ ей гостепріимство, но даже сочетался съ нею бракомъ. Но пришелъ Тезей, сынъ неизвѣстно какого отца, своею храбростью умиротворившій лежащій при двухъ моряхъ Истмъ. Чтобы погубить Тезея, Медея примѣшиваетъ болиголову, который она нѣкогда принесла съ собою съ береговъ Скиѳіи. Говорятъ, будто онъ выросъ изъ песьихъ зубовъ Ехиднина сына. Есть неза-

мѣтная взорамъ, съ мрачнымъ входомъ пещера; дорога (410) къ ней крута. Этимъ путемъ мужественный Тиринѳянинъ вытащилъ на кованой крѣпкой цѣпи упиравшагося и косившаго днемъ глаза отъ блестящихъ лучей солнца Кербера. Въ бѣшеномъ гнѣвѣ разъяренный Керберъ разомъ залаялъ изъ трехъ своихъ глотокъ и (415) бѣловатою пѣною оросилъ зеленѣющее поле. Говорятъ, будто пѣна стала рости и, напитавшись соками изъ плодородной, жирной почвы, стала смертоносной. Такъ какъ это растенiе родится на твердыхъ скалахъ, то земледѣльцы и зовутъ его аконитомъ. Отваръ изъ него отецъ Эгей, по совѣту коварной супруги, самъ (420) подалъ сыну, какъ-будто врагу. Ничего не подозрѣвая, Тезей взялъ правою рукою поднесенный ему кубокъ. Когда отецъ узналъ на слоновой рукояткѣ меча Тезея знаки своего рода, то отнялъ отъ устъ сына гибельный напитокъ. Силою чаръ Медея окружила себя облакомъ и избѣгла смерти.

А (425) отецъ Тезея хоть и радуется спасенiю сына, но и пораженъ тѣмъ, что такъ мало не доставало до того, чтобы могло произойти ужасное преступленiе. Возжигаетъ Эгей огни на жертвенникахъ, приноситъ богамъ жертвы; топоры вонзаются въ мускулистыя шеи быковъ, украшенныхъ по рогамъ лентами. Говорятъ, ни одного (430) дня не было празднества торжественнѣе этого у потомковъ Эрехтея. Знать и среднее сословiе устроиваютъ пиръ. И такъ какъ вино оживило ихъ умъ, то они начинаютъ пѣть хвалебные гимны. «Предъ тобою, великiй Тезей», поютъ они, «благоговѣлъ Мараѳонъ за побѣду надъ критскимъ быкомъ; своими трудами и заботами ты сдѣлалъ то, что (435) въ Кромiонѣ селянинъ беззаботно пашетъ землю. Благодаря тебѣ, видѣлъ Эпидавръ гибель палиценоснаго потомка Вулкана, берега Кефиса—гибель жестокаго Прокруста, посвященный Церерѣ Элевзинъ—смерть Керкiона. Погибъ (440) знаменитый Синiй, злоупотреблявшiй своею огромною силою: могъ онъ нагибать деревья, наклонялъ къ землѣ верхушки сосенъ, чтобы далеко раскидывали онѣ человѣческiя тѣла. Со

смертью Скирона дѣлается свободною дорога къ Алкатоѣ, городу Лелеговъ; ни земля, ни море не даютъ успокоиться разметаннымъ костямъ разбойника. Говорятъ, долго носились онѣ, отъ старости затвердѣли и обратились въ камень; «скирономъ» зовется камень. Если бы мы захотѣли счесть твои подвиги и года, то подвиги твои превысятъ года. За тебя, храбрецъ, всенародно возносимъ мы молитвы, въ честь твою пьемъ вино!» И царскій дворецъ оглашается кликами народа и благочестивыми молитвами; во всемъ городѣ не нашлось бы печальнаго лица.

Однако Эгей не вполнѣ могъ радоваться тому, что нашелъ сына—никогда не бываетъ радость полною: и къ веселымъ незамѣтно подкрадывается забота, — на него готовился идти войною Миносъ. Хоть и сильно его войско, силенъ флотъ, но сильнѣй отцовскій гнѣвъ, и хочетъ Миносъ отмстить правымъ оружіемъ за смерть Андрогея. Но, прежде чѣмъ начать войну, Миносъ пріискиваетъ сильныхъ союзниковъ и, гдѣ считалъ возможнымъ, тѣ моря исходилъ онъ со своимъ быстрымъ флотомъ. Съ одной стороны онъ привлекаетъ на свою сторону Анафу и астипалейское царство,—Анафу — обѣщаніями, астипалейское царство—войною, съ другой стороны — маленькій Миконъ, изобилующій мѣломъ Кимолъ, цвѣтущій Сиронъ, Киѳъ, покрытый долинами Серифъ, богатый мраморомъ Паросъ, Сифнъ, который предала преступная Арна; получивъ золото, которое требовала, скряга была обращена въ черноногую и чернoперую птицу галку, до сихъ поръ еще любящую золото. Но ни Оліаръ ни Дидима, ни Теносъ, ни Андросъ, ни Гіаръ, ни обильный стройною маслиной Пепаретъ не помогли гносскому флоту. Тогда Миносъ обращается влѣво и ѣдетъ къ царству Эака — Энопіи. Энопіей звали его прежде, но самъ Эакъ назвалъ въ честь своей матери—Эгиной. Собирается народъ, желая видѣть столь славнаго мужа. На встрѣчу Миносу выходятъ Теламонъ, младшій Теламона—Пелей и третій сынъ Эака-Фокъ. Плетется отъ старческой дряхлости и самъ Эакъ и спрашиваетъ Миноса, зачѣмъ пріѣхалъ онъ. Вспом-

нилъ Миносъ про свое отцовское горе, вздохнулъ, и такъ отвѣчалъ Эаку повелитель ста городовъ: «прошу тебя, помоги мнѣ въ войнѣ, начатой за сына, прими участіе въ благочестивой войнѣ, молю тебя, утѣшь умершаго!»—«Напрасно просишь ты у меня того, что моему городу не слѣдуетъ дѣлать», отвѣчалъ Миносу внукъ Азопа,—«нѣтъ ни одной земли болѣе дружественной съ Кекропомъ, чѣмъ наша: мы въ союзѣ съ нею!» Опечаленнымъ уходитъ Миносъ, говоря: «дорого же обойдется тебѣ твой союзъ!» Лучше пригрозить войною, чѣмъ, ведя ее, истощать свои силы, думаетъ Миносъ.

Ликтійскій флотъ еще можно было видѣть съ энопійскихъ стѣнъ, какъ показывается плывущій на всѣхъ парусахъ корабль изъ Аттики и входитъ въ дружественную гавань. На кораблѣ ѣхалъ съ порученіями отъ родины Кефалъ. Юные сыновья Эака долго не видали его, но всетаки узнали, поздоровались съ нимъ и повели его во дворецъ своего отца.

Величаво шествуетъ герой, еще сохраняющій слѣды прежней своей красоты, съ вѣтвью родной маслины въ рукахъ. Съ-права и съ-лѣва престарѣлаго Кефала окружаютъ болѣе молодые, чѣмъ онъ, сыновья Палланта—Клитъ и Бутъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій начались разговоры: Кефалъ передаетъ порученіе Аѳинянъ, проситъ отъ ихъ имени помощи, напоминая о союзѣ и дружбѣ, существовавшей между ними, и говоритъ, что Миносъ замышляетъ овладѣть всею Ахаіею. Итакъ, когда Кефалъ своимъ краснорѣчіемъ помогъ возложенному на него порученію, Эакъ, взявшись лѣвою рукою за ручку скипетра, сказалъ: «не просите помощи, Аѳины, но получите ее и, не сомнѣваясь, своими считайте тѣ войска, которыя находятся на этомъ островѣ. Всего у меня довольно при такомъ состояніи моего государства, достаточно силенъ я, хватитъ у меня войска и для врага. Слава богамъ, счастлива моя жизнь, нельзя не признаться въ этомъ!» — «Пусть такъ и будетъ, желаю, чтобы умножался гражданами твой городъ», говоритъ Кефалъ, «я, право, радовался, когда прибылъ сюда:

тогда навстрѣчу (515) мнѣ вышло столько красивой, отборной молодежи. Но среди ихъ я не нахожу многихъ, которыхъ видѣлъ когда-то, при первомъ посѣщеніи вашего города». Вздохнулъ Эакъ и такъ началъ говорить печальнымъ голосомъ: «печальна была вначалѣ моя жизнь, счастлива — впослѣдствіи. О, еслибъ я могъ говорить вамъ о счастливой жизни, не вспоминая о несчастной! Теперь я разскажу вамъ все по порядку, (520), не утомлю васъ длинными околичностями: кости да прахъ остались отъ тѣхъ, о которыхъ ты заботливо вспоминаешь. Сколько славныхъ мужей погибло въ моемъ царствѣ! Ужаснымъ моромъ обрушился на народъ несправедливый гнѣвъ Юноны: возненавидѣла она землю, названную именемъ ея соперницы.

Пока (525) думали, что бѣдствіе прекратится,—скрыта была причина ужаснаго зла—то боролись противъ него лекарствами, но смерть одолѣвала искусство, и оно лежало побѣжденнымъ. Сначала небо наводнило землю густымъ мракомъ, а облаками сгустило надъ нею разслабляющій зной. Когда же (530) четыре раза соединились рога луны, сдѣлалось полнолуніе, и четыре же раза она снова ущербилась, тогда началъ дуть своимъ смертоноснымъ дыханіемъ теплый Австръ. Говорятъ, зараза появилась даже въ рѣкахъ и озерахъ, — многія тысячи змѣй ползали (535) по невоздѣлываемымъ полямъ и ядомъ своимъ заражали воду. Сила внезапной болѣзни обнаружилась сперва на падежѣ собакъ, птицъ, овецъ, быковъ и дикихъ звѣрей. Дивится бѣдный пахарь, что среди работы издыхаютъ его сильные волы, падаютъ среди борозды. Жалобно блеютъ овцы (540); сама по себѣ вылѣзаетъ на нихъ шерсть, пухнетъ тѣло. Ретивый конь, бывшій нѣкогда въ большой славѣ на ристалищѣ, стонетъ въ своей конюшнѣ, готовясь умереть медленною смертью; забылъ онъ свои побѣды, забылъ про прежнюю славу. Забылъ (545) вепрь про свою лютость; не надѣется олень на быстроту своего бѣга, медвѣди не нападаютъ на тучныя стада: всѣхъ обуяла истома. По лѣсамъ, полямъ и дорогамъ лежатъ разлагающіеся трупы и своимъ смрадомъ заражаютъ

воздухъ. Чудное скажу я: ни собаки, ни жадныя птицы, ни сѣрые волки не дотронулись до нихъ, — разложившись, гніютъ трупы, заражаютъ своими испареніями и разносятъ моръ на далекое пространство... Еще болѣе ужаснымъ бѣдствіемъ обрушилась чума на бѣдныхъ поселянъ; начинаетъ она свирѣпствовать и въ стѣнахъ великаго города. Сначала изсыхаютъ внутренности—краснота свидѣтельствуетъ о скрытомъ воспаленіи, горячимъ становится дыханіе, потомъ распухаетъ пересохшій языкъ. Отъ жаркаго вѣтра больные раскрываютъ свои воспаленные рты и вдыхаютъ ими удушливый воздухъ; не могутъ они терпѣть ни постели, ни одѣяла, но ложатся грудью на твердую землю, и тѣло не дѣлается холоднымъ отъ земли, но земля нагрѣвается отъ тѣла. Некому бороться съ заразой; самихъ врачей уноситъ неумолимая смерть, — вредитъ знахарямъ ихъ искусство. Чѣмъ кто ближе былъ къ больному, чѣмъ усерднѣе ухаживалъ за нимъ, тотъ тѣмъ скорѣе умиралъ. Когда исчезла надежда на спасеніе, когда увидѣли, что болѣзнь прекращается со смертью, то предались разврату; о томъ, нельзя ли чѣмъ либо помочь въ бѣдствіи, не заботятся, да вѣдь нельзя было ничего подѣлать противъ него. Всюду—въ источникахъ, рѣкахъ, широкихъ колодцахъ, не стыдясь, купались больные; но, утоливъ жажду, они умирали отъ пресыщенія: отяжелѣвъ, многіе не могли выйти изъ воды и умирали въ ней: были и такіе, которые пили ту же воду. Такъ надоѣло страдальцамъ лежать на противной постели, что они вскакиваютъ, а если отъ слабости не могутъ подняться, то скатываются на-земь, каждый бѣжитъ изъ своего дома,—каждому онъ кажется нечистымъ: винятъ мѣсто, потому что скрыта причина бѣдствія. Увидѣлъ бы ты, какъ по улицамъ бродили, пока могли еще ходить, полуживые больные. Нѣкоторые заливались слезами, лежа на землѣ, при послѣднемъ издыханіи вращали своими утомленными глазами и, простирая свои руки къ свѣтиламъ мрачнаго неба, умирали одинъ тамъ, другой здѣсь, —гдѣ застала ихъ смерть. Что было у меня

тогда на душѣ? не оставалось ли мнѣ возненавидѣть жизнь и желать раздѣлить участь своего народа? Куда ни обращалъ я свои взоры, — вездѣ валялись люди, словно гнилыя, упавшія съ вѣтокъ яблоки, или желуди — съ расшатаннаго дуба. Видишь красивый храмъ съ широкими ступенями, находящійся противъ насъ? — Онъ посвященъ Юпитеру. Кто понапрасну не возжигалъ ладону на его жертвенникахъ? Сколько разъ испускали духъ на глухихъ къ мольбамъ алтаряхъ супругъ, молясь за супругу, отецъ—за сына; въ рукахъ у нихъ находили часть несожженнаго ладона! Сколько разъ падали отъ невидимой раны приведенные ко храму быки, въ то время, какъ молился жрецъ и лилъ свѣтлое вино между рогами! Когда самъ я приносилъ жертву Юпитеру за себя, отчизну и за троихъ сыновей, то жалобно замычало жертвенное животное, вдругъ упало никѣмъ не пораженное и слегка окрасило кровью вонзенный въ него ножъ. По зараженнымъ внутренностямъ нельзя было узнать истинныхъ велѣній боговъ: ужасная болѣзнь проникла до сердца! Видѣлъ я, что трупы валялись возлѣ священныхъ притворовъ и — чѣмъ мертвецы были еще противнѣе—возлѣ самихъ жертвенниковъ! Нѣкоторые умираютъ, накидывая на себя петлю,—самоубійствомъ кончаютъ съ собою, чтобы не ждать кончины, сами призываютъ грядущую смерть. Не выносятъ съ обычными погребальными обрядами труповъ умершихъ: городскія ворота стали малы для похоронныхъ шествій, мертвецы или лежатъ на землѣ непогребенными, или безъ обрядовъ кладутся на высокіе костры. И нѣтъ ужъ къ мертвымъ никакого уваженія: спорятъ изъ-за костровъ для нихъ и сжигаютъ на чьихъ ни попало. Не слышно плача; не оплаканными скитаются печальныя тѣни дѣтей, юношей и старцевъ; нѣтъ мѣста для могилъ, для костровъ не хватаетъ деревьевъ. Пораженъ былъ я страшнымъ вихремъ бѣдствій и воскликнулъ: «Юпитеръ, если правы рѣчи, что ты любилъ Эгину, дочь Азопа, то мнѣ не стыдно, могучій отецъ, назвать тебя моимъ родителемъ. Такъ отдай же назадъ мой народъ, или и меня

скрой въ могилѣ!» И Юпитеръ далъ мнѣ знакъ своего благоволенія молніею и громомъ.—«Понимаю», вскричалъ я, «и молю тебя, да будетъ это данное тобою знаменіе знакомъ твоей благосклонности!»

Случайно стоялъ неподалеку посвященный Юпитеру дубъ, рѣдкостный по раскидистымъ сучьямъ, выросшій изъ сѣмянъ, привезенныхъ изъ Додоны. Я замѣчаю на немъ большую кучу собирающихъ зерна муравьевъ. Тяжелую ношу тащили они изъ его корня своимъ маленькимъ ртомъ и шли по морщинистой корѣ. Дивясь ихъ многочисленности, я воскликнулъ: «всеблагой отецъ, дай мнѣ столько же гражданъ и насели опустѣлый мой городъ!» Затрясся старый дубъ, безъ вѣтра зашумѣли его вѣтви, и издалъ онъ звукъ. Всѣмъ тѣломъ задрожалъ я отъ сильнаго страха, дыбомъ поднялись мои волосы. Я всетаки поцѣловалъ землю и дубъ и, хоть не вѣрилъ въ чудо, но надѣялся и лелѣялъ въ сердцѣ свое желаніе. Настаетъ ночь; сонъ обнимаетъ мое уставшее отъ заботъ тѣло, и снится мнѣ тотъ же дубъ, чудится, что по прежнему растетъ онъ и что столько же насѣкомыхъ находится на его вѣтвяхъ, что также трясется онъ и стряхиваетъ зерноносный рой на находящуюся внизу землю. Вдругъ муравьи начинаютъ увеличиваться, кажутся больше и больше, поднимаются изъ земли и выпрямляются; пропадаетъ у нихъ худоба, лишнія ноги, черный цвѣтъ, и принимаютъ они видъ человѣческій... Проснулся я и, пробудившись, проклялъ свое видѣніе, и сталъ жаловаться на то, что не помогаютъ мнѣ боги. Но въ моемъ домѣ былъ страшный шумъ, и мнѣ казалось, будто я слышу человѣческіе голоса, отъ которыхъ уже отвыкъ. И вотъ въ то время, какъ я думаю, что и это грезы, подбѣгаетъ ко мнѣ Теламонъ и, отворивъ двери, говоритъ: «выйди, отецъ, ты увидишь больше того, на что надѣялся и чего желалъ!» Я выхожу и вижу такихъ же людей, какихъ видѣлъ въ сновидѣніи; я вглядываюсь и узнаю каждаго изъ нихъ по-одиночкѣ, они же подходятъ и привѣтствуютъ меня, какъ своего царя. Я

благодарю Юпитера, дѣлю между новыми гражданами свой городъ и покинутую хозяевами землю и называю ихъ Мирмидонами! Имя оправдываетъ ихъ происхожденіе, ты видѣлъ этихъ людей (655): тѣ же нравы у нихъ теперь, что были и прежде, — неприхотливы и выносливы они, настойчиво стараются что-либо пріобрѣсть и берегутъ пріобрѣтенное; они ровесники между собою, одинаково храбры. Когда Эвръ, счастливо принесшій тебя, — вѣдь Эвръ (660) принесъ тебя — перемѣнится на Австръ, тогда Мирмидоны пойдутъ съ тобою на войну!»

Въ такихъ и другихъ подобнаго рода разговорахъ они провели день; вечеромъ поужинали, ночью улеглись спать. Уже солнце свѣтило своими золотистыми лучами, а Эвръ все еще дулъ и не давалъ отплыть аѳинскимъ кораблямъ. Къ (665) Кефалу приходятъ дѣти стараго Палланта, и онъ вмѣстѣ съ ними идетъ къ царю. Царь еще крѣпко спалъ, и гостей принимаетъ во дворцѣ сынъ Эака — Фокъ, такъ какъ братъ его, Теламонъ, набиралъ на войну мужей. Фокъ (670) ведетъ Кекропянъ въ роскошные внутренніе покои дворца и самъ садится вмѣстѣ съ ними. Видитъ Фокъ, что внукъ Эола держитъ въ своей рукѣ дротикъ, сдѣланный неизвѣстно изъ какого дерева, — остріе его было золотое. Занявъ немного гостей обыденными разговорами, Фокъ говоритъ: «люблю я (675) охотиться въ лѣсахъ на дикихъ звѣрей, однако до сихъ поръ не могу понять, изъ какого дерева сдѣланъ дротикъ. Конечно, еслибъ онъ былъ ясеневый, то былъ бы желтый, еслибъ изъ корна, то—сучковатый, и я не знаю, изъ какого онъ дерева, но красивѣе этого дротика я не видѣлъ (680)».

Въ отвѣтъ на это говоритъ одинъ изъ актейскихъ друзей Фока: «свойство этого дротика еще чуднѣе, чѣмъ его видъ: попадаетъ онъ, во что бы имъ ни метнуть, нельзя бросать имъ на-удачу, окровавленнымъ возвращается дротикъ, — никто не приноситъ его назадъ!» Тогда (685) молодой внукъ Нерея начинаетъ обо всемъ разспрашивать, — отчего у дротика это свойство, къ чему это оружіе и кто его подарилъ ему? Кефалъ

отвѣчаетъ на вопросы Фока, но стыдится разсказать, за что получилъ онъ въ награду дротикъ, и молчитъ. Потомъ, проливъ слезы, такъ начинаетъ говорить Кефалъ, вспомнивъ о потерѣ супруги: «сынъ богини, кто могъ бы повѣрить, что это (690) оружіе заставитъ меня проливать слезы, а я долго буду плакать изъ-за него, если долгая жизнь назначена мнѣ судьбою. Сгубилъ меня дротикъ вмѣстѣ съ милою супругою: лучше бъ было мнѣ никогда не имѣть такого подарка! У похищенной Оритіи—быть можетъ ты слышалъ объ Оритіи (695)—была сестра Прокрида. Еслибъ ты захотѣлъ сравнить красоту и характеръ обѣихъ сестеръ, то быть похищенной болѣе заслуживала Прокрида; съ нею соединилъ меня бракомъ отецъ ея Эрехтей и любовь. Меня называли счастливцемъ, и я былъ имъ. Но не такъ было угодно богамъ, а то я, пожалуй, былъ бы счастливъ и до сей поры. Второй (700) мѣсяцъ шелъ послѣ моей свадьбы, какъ меня, разставлявшаго тенета рогатымъ оленямъ, раннимъ утромъ увидѣла съ вершины вѣчно-зеленаго Гиметта прогонявшая сумракъ румяная Аврора и похитила противъ воли. Съ позволенія (705) богини я буду разсказывать по правдѣ: хоть и красиво было румяное лице Авроры, хоть и въ ея власти рубежи дня и ночи, хоть и пьетъ она росу, — я всетаки любилъ Прокриду. Прокрида была у меня на сердцѣ, Прокрида была постоянно на устахъ. Я сталъ говорить Аврорѣ о святости брака, о своемъ недавнемъ совокупленіи съ Прокридою, о недавней женитьбѣ, о первыхъ (710) обѣтахъ, данныхъ на одинокомъ теперь ложѣ, и тронулъ богиню. «Перестань печалиться, неблагодарный», сказала она, «Прокрида будетъ твоею, но, если можетъ предчувствовать мое сердце, ты не хотѣлъ бы считать ее своею». Разгнѣвавшись на Прокриду, Аврора отпустила меня. На пути я начинаю обдумывать слова богини. И сталъ я безпокоиться (715), не нарушила ли Прокрида супружескихъ обязанностей. Красота и годы жены допускали возможность прелюбодѣянія, нравственность же ея не допускала этого. Но вѣдь я былъ въ отсутствіи, но вѣдь и та, отъ которой я

шелъ, подавала примѣръ соблазна... Всего боимся мы, влюбленные! Я рѣшаюсь испытать справедливо ли мое опасеніе. Аврора усиливаетъ мою тревогу и измѣняетъ — я чувствовалъ это—мой видъ. Неузнанный прихожу я въ посвященныя Палладѣ Аѳины и вхожу въ свой домъ. Ничего не было въ немъ подозрительнаго, — чистъ онъ былъ и горевалъ о своемъ отсутствующемъ хозяинѣ. Съ трудомъ, съ помощью тысячи продѣлокъ, добился я свиданія съ дочерью Эрехтея. Обомлѣлъ я, увидѣвъ Прокриду, почти что хотѣлъ отступиться отъ своего намѣренія испытывать ея вѣрность, съ трудомъ удержался, чтобы не сказать Прокридѣ правды, чтобы не разцѣловать ея, что и слѣдовало бы мнѣ сдѣлать. Печальна была Прокрида, но ни одна женщина не могла бы быть красивѣе ея печальной; пылала Прокрида любовью къ отсутствующему мужу. Представь себѣ, Фокъ, какъ красива была она, если къ ней такъ шла даже печаль! Что мнѣ сказать, какъ не то, что столько разъ мои попытки разбивались о ея строгую нравственность, что столько разъ говорила Прокрида: «одному Кефалу принадлежу я, для него одного берегу я свои утѣхи, гдѣ бы онъ ни былъ». Какой разумный человѣкъ не удовольствовался бы вполнѣ подобнымъ испытаніемъ вѣрности Прокриды? А я не удовольствовался и продолжалъ настаивать на свое же горе и, когда, обѣщаясь заплатить Прокридѣ за ночь, сталъ увеличивать плату, то добился того, что Прокрида начала наконецъ колебаться. — «Ловко провели измѣнницу», восклицаю я, «въ видѣ любовника я—твой настоящій мужъ, уличилъ тебя, обманщицу!» Ни слова не сказала Прокрида, но убитая стыдомъ, только молча ушла она изъ ненавистнаго ей жилища и отъ коварнаго мужа. Оскорбилась Прокрида и, презрѣвъ изъ-за меня всѣхъ мужчинъ, стала бродить по горамъ, подражая Діанѣ своимъ занятіемъ. Тогда, въ одиночествѣ, сильнѣй полюбилъ я Прокриду, извинялся предъ нею, сознавался въ своемъ грѣхѣ, признавался, что и я могъ бы подобнымъ образомъ впасть въ преступленіе, если бы мнѣ предлагали столько подарковъ. Когда я со-

знался въ своей винѣ, то Прокрида, отмстивъ прежде оскорбленное свое цѣломудріе, возвратилась ко мнѣ, и въ согласіи проводили мы блаженные годы. Разъ Прокрида подарила мнѣ собаку, какъ будто мало того, что отдалась сама. Даря собаку Прокридѣ, подруга ея, Киноія, сказала: «всѣхъ опередитъ она на бѣгу!» Вмѣстѣ съ тѣмъ Прокрида подарила мнѣ и дротикъ, тотъ, который ты видишь у меня въ рукѣ. Ты спрашиваешь, что случилось съ первымъ подаркомъ: слушай про чудо — ты изумишся ему.

Сынъ Лая разгадалъ, благодаря своему уму, непонятную его предкамъ загадку, и низверженною лежала статуя таинственной, уже не помнившей о своихъ темныхъ прорицаніяхъ богини. Конечно, ты догадываешся, что могучая Ѳемида отмстила за себя: на аонійскія Ѳивы немедленно ниспослано было ею другаго рода наказаніе—множество поселянъ стало бояться звѣря, такъ какъ онъ умерщвлялъ скотъ и ихъ самихъ.

Пришли мы, сосѣдняя молодежь, и окружили облавою широкое поле. Но быстрый звѣрь своими прыжками легко перескакивалъ чрезъ сѣти выше края разставленныхъ тенетъ. Собакъ спустили съ привязи, но звѣрь ускользалъ отъ ихъ преслѣдованія, летѣлъ не тише быстрой птицы. Съ громкими криками просятъ меня спустить моего Лелапа—такъ звали подаренную мнѣ собаку, — а она ужъ давно пыталась сорваться съ непускавшей ее веревки, и натягивая ее своею шеею. Едва спустили Лелапа, какъ ужъ и не могли замѣтить, гдѣ онъ: свѣжіе слѣды виднѣлись на пыли, а самъ песъ исчезъ изъ глазъ. Ни копье, ни пущенная изъ раскачанной пращи пуля, ни легкая стрѣла гортинскаго лука не летѣли быстрѣе Лелапа. Среди поля возвышался крутой холмъ. Взобравшись туда, я сталъ любоваться необыкновенною травлею: хитрый звѣрь, казалось, то попадался, то вырывался изъ самыхъ зубовъ собаки, не по прямому пути бѣжалъ онъ и не сворачивалъ въ сторону, но кружился, обманывая чутье преслѣдовавшаго врага, чтобы не дать ему возможности напасть. Насѣдаетъ Лелапъ; съ одинаковою скоростью преслѣдуетъ звѣря и, такъ и

кажется, что схватываетъ его, но лишь по-пусту кусаетъ ртомъ своимъ воздухъ. Приходилось прибѣгнуть къ дротику. Пока я раскачивалъ его своею правою рукою, пока старался вдѣть въ ремень свои пальцы, я отвернулся, потомъ снова взглянулъ (790) въ ту же сторону и увидѣлъ въ полѣ—о диво! — двѣ мраморныхъ статуи: можно было подумать, что одна изъ нихъ бѣжитъ, другая—лаетъ на нее. Конечно, богъ захотѣлъ,—если только какой-либо присутствовалъ при этомъ—чтобы никто не побѣдилъ изъ состязавшихся въ бѣгѣ!» Сказавъ это, Кефалъ смолкъ.— «Но чѣмъ же виновенъ предъ тобою твой дротикъ?» спрашиваетъ Кефала Фокъ (795), и тотъ такъ начинаетъ говорить: «счастье было началомъ моего горя, Фокъ, и прежде всего я разскажу тебѣ о немъ. О, какъ пріятно вспомнить, сынъ Эака, о той блаженной порѣ, когда въ первые годы законнаго брака я былъ счастливъ своею женою, она—мужемъ! Взаимно (800) дѣлили мы свои заботы и взаимно любили другъ друга! Не предпочла бы Прокрида любви Юпитера житью со мною, но не было и той, которая могла бы соблазнить меня, будь она хоть сама Венера: взаимная любовь горѣла въ нашихъ сердцахъ! Едва солнце озаряло горныя вершины своими первыми лучами, какъ я, словно юноша, уходилъ въ лѣсъ охотиться (805) и не бралъ съ собою ни слугъ, ни коней, ни чуткихъ псовъ, не таскалъ и узловатыхъ тенетъ: меня оберегалъ мой дротикъ. Когда же правая рука моя утомлялась отъ охоты на звѣрей, тогда я искалъ прохладной тѣни и (810) вѣтерка, который вѣялъ бы изъ прохладной долины. Среди зноя искалъ я легкаго вѣтерка и ждалъ Авры.—Помнится мнѣ, что она освѣжала меня усталаго. Такъ призывалъ я ее: «Авра, приди ко мнѣ на помощь, проникни, желанная, въ мою грудь, уменьши, — какъ (815) ты это дѣлаешь,—зной, который палитъ меня!» Случалось, что я прибавлялъ и нѣсколько ласковыхъ словъ: «ты для меня великая отрада», говорилъ я — «ты освѣжаешь меня и нѣжишь, заставляешь любить лѣсъ и уединенныя мѣста, всегда ловлю я своими устами твое дыханіе (820)». Кто-то подслушалъ эти за-

гадочныя рѣчи и ошибочно вообразилъ, будто Аврою, которую я такъ часто призывалъ, зовутъ нимфу, и рѣшилъ, что я люблю ее. Тотчасъ глупый доносчикъ про несуществующее преступленіе отправляется къ Прокридѣ и шепоткомъ разсказываетъ ей про то, что онъ слышалъ. Любовь легковѣрна: при вѣсти объ этомъ убитая горемъ Прокрида внезапно упала, долго не могла придти въ себя и, очнувшись, стала называть себя несчастной и обиженной судьбою. Стала Прокрида жаловаться на мою измѣну; тревожитъ ее несуществующее преступленіе, боится она того, чего нѣтъ, боится имени несуществующей соперницы и горюетъ несчастная, словно у нея есть она на самомъ дѣлѣ. Но Прокридой нерѣдко овладѣвало сомнѣніе: думаетъ она, бѣдная, что ее обманули, не хочетъ вѣрить доносчику, не хочетъ обвинять своего мужа въ измѣнѣ, пока не увидитъ ея своими глазами.

На слѣдующій день, когда заря разогнала мракъ, я вышелъ изъ дому и пошелъ въ лѣсъ. Отдыхая послѣ удачной охоты, я говорилъ: «приди ко мнѣ, Авра, уменьши мою усталость!» Когда я говорилъ это, мнѣ вдругъ почудилось, будто я слышу какой то шорохъ, но я все-таки продолжалъ: «приди, дорогая!» Когда-же снова послышался легкій шумъ отъ упавшей съ дерева вѣтки, то я подумалъ, что тамъ звѣрь, и метнулъ своимъ мѣткимъ дротикомъ. То была Прокрида. «Горе мнѣ», восклицаетъ она, раненая въ грудь. Когда узналъ я голосъ вѣрной супруги, то опрометью, словно безумный, подбѣжалъ къ ней. Еле живую нашелъ я Прокриду; забрызгано было кровью ея раскинутое платье, и—горе мнѣ, несчастному!—она вытаскивала изъ своей раны мой подарокъ. Бережно поднялъ я своими руками тѣло, болѣе дорогое для меня, чѣмъ собственное, и, разорвавъ платье на груди Прокриды, перевязалъ имъ страшную рану, желая унять кровь. Сталъ я умолять Прокриду не винить меня въ ея смерти. Обезсилѣвъ и уже умирая, Прокрида промолвила нѣсколько словъ: «нашимъ брачнымъ союзомъ, богами свѣта и тьмы заклинаю тебя, если я

хоть сколь-нибудь заслужила тебѣ,—не вводи ты Авры въ нашу брачную горницу. Заклинаю тебя въ томъ любовью, причиною моей смерти, любовью, остающеюся во мнѣ даже и теперь, когда я умираю!» Такъ говорила она, и тутъ только понялъ я, что имя Авры ввело Прокриду въ заблужденіе. Сталъ я успокоивать ее, но мало было въ томъ толку. Кровью истекаетъ Прокрида, и вмѣстѣ съ тѣмъ покидаютъ ее и безъ того слабыя силы, но, пока можетъ еще смотрѣть на что нибудь Прокрида, она смотритъ на меня, на моихъ глазахъ испускаетъ, бѣдная, свой духъ, но умираетъ, какъ бы успокоившись, съ безмятежнымъ выраженіемъ въ лицѣ!»

Со слезами разсказывалъ объ этомъ мужественный Кефалъ. Но вотъ входитъ Эакъ съ двумя своими сыновьями и множествомъ вооруженныхъ воиновъ, которыхъ Кефалъ и принялъ подъ свое начальство.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Скилла.—Дедалъ и Икаръ.—Пердикъ.—Мелеагръ и его сестры.—Эхинады.—Перимела.—Филемонъ и Бавкида.—Эризихтонъ и Местра.

Ужъ Люциферъ, прогоняя мракъ, предвѣщалъ наступленіе свѣтлаго дня. Стихъ Эвръ; встаетъ сырой туманъ. Тихій Австръ даетъ уѣхавшимъ сыновьямъ Эака и Кефалу попутное плаваніе: быстро несутся они и, раньше, чѣмъ ожидали, достигаютъ желанной пристани.

Въ это время Миносъ опустошаетъ землю Лелеговъ и пытается овладѣть городомъ Алкитоя, гдѣ царствуетъ Низъ. У него на головѣ, среди почтенныхъ сѣдинъ, росъ блестящій, какъ-бы пурпуровый волосъ, оплотъ великаго царства. Шесть разъ нарождалась луна, а военное счастье не склоня-

лось еще ни на чью сторону; долго колебалась побѣда между тою и другою стороною.

Дворецъ царя Низа былъ окруженъ издававшею звукъ стѣною: говорятъ, будто сынъ Латоны вложилъ въ нее свою золотую лиру, и отъ того камни стали издавать звукъ. Въ мирное время не рѣдко приходила туда дочь Низа и бросала въ звучащую стѣну маленькими камешками, въ военное — дѣва часто любовалась на кровавыя боевыя схватки. Такъ какъ война затянулась, то дочь Низа уже успѣла узнать вооруженіе и колесницы непріятельскихъ вождей, ихъ наружность и колчаны кидонской работы. Лучше другихъ знала дѣва въ лице сына Европы и знала его даже болѣе, чѣмъ слѣдовало. Надѣвалъ ли Миносъ на голову пернатый шлемъ, онъ былъ красивъ въ немъ по мнѣнію дочери Низа, бралъ-ли онъ блиставшій золотомъ щитъ,—по ея мнѣнію шелъ къ нему и щитъ; металъ-ли Миносъ съ размаху тяжелое копье—дѣва восхищалась его ловкостью и силой, натягивалъ-ли онъ огромный лукъ, вложивъ въ него стрѣлу,—дочь Низа увѣряла, что такимъ бываетъ вооруженный лукомъ Фебъ. Когда-же красавецъ Миносъ, снявъ шлемъ, открывалъ свое лице, садился на бѣлаго, покрытаго вышитою попоною коня и сдерживалъ его пѣнящуюся морду,—дочь Низа едва владѣла собою, дѣлалась, словно безумною: завидовала она копью, которое держалъ Миносъ, завидовала и вожжамъ, которыми онъ правилъ. Страстно желала-бы дѣва — если-бъ только можно было—пробраться во вражескій станъ, страстно желала-бы она броситься съ высокаго дворца въ гносскій лагерь или отворить врагу обитыя мѣдью городскія ворота, или сдѣлать все, что ни захотѣлъ-бы Миносъ. Сидя, смотрѣла дочь Низа на бѣлый шатеръ диктейскаго царя и говорила: «не знаю, радоваться-ли мнѣ, или печалиться изъ за того, что идетъ ужасная война: съ одной стороны жаль, что Миносъ воюетъ съ тою, которая влюблена въ него, но съ другой стороны, развѣ я увидѣла-бы его, не случись войны? Миносъ могъ-бы

кончить ее, женившись на мнѣ, и имѣлъ-бы во мнѣ подругу жизни и залогъ мира. Если мать твоя, красавецъ, была похожа на тебя, то немудрено, что богъ влюбился въ нее. О, трижды счастлива была-бы я, если-бъ могла подняться птицею въ воздухъ и проникнуть въ станъ гносскаго царя: призналась-бы я въ своей любви къ нему, спросила-бы, какое хочетъ онъ взять за мною приданое, только не разрушалъ-бы онъ роднаго города, а то пусть лучше разстроится мой желанный бракъ, чѣмъ завладѣю я сердцемъ Миноса чрезъ измѣну. Но вѣдь много побѣжденныхъ не рѣдко находили утѣшеніе въ милости къ нимъ кроткаго побѣдителя... Мстя за убійство своего сына, Миносъ, конечно, правъ, силенъ правотою своего дѣла, да еще защищаетъ его оружіемъ — мы, по моему мнѣнію, будемъ побѣждены! Итакъ, если нашему городу суждено погибнуть, то почему его ворота откроетъ Миносу военное счастье, а не моя любовь? Пріятнѣе было-бы и Миносу одержать побѣду безъ бою, лишней траты времени и безъ кровопролитія. Я, Миносъ, конечно не боюсь, чтобы какой нибудь безумецъ поразилъ тебя въ сердце, потому-что кто такъ безсердеченъ,—развѣ только тотъ, кто не знаетъ тебя—что рѣшится метнуть въ тебя роковое копье? Одобряю я свое намѣреніе; рѣшено,—я отдамся Миносу и, какъ-бы въ приданое за собою, предамъ отчизну, но вмѣстѣ съ тѣмъ покончу войну. Однако одного желанія съ моей стороны не достаточно: городскія ворота охраняетъ стража, а ключи отъ нихъ у отца; его лишь одного боюсь я, несчастная, одинъ лишь онъ мѣшаетъ исполнить мнѣ мое намѣреніе! Пусть-бы боги лишили меня отца! Но, конечно, въ подобномъ случаѣ всякій самъ себѣ богъ, и счастье измѣняетъ намѣреніямъ лишь людей нерѣшительныхъ... Другая, объятая такою-же страстью, какъ и я, давно-бы радовалась гибели всего того, что мѣшало ея любви, а развѣ найдется кто нибудь рѣшительнѣе меня?—Вѣдь я дерзнула-бы дѣйствовать огнемъ и мечемъ, хотя въ подобномъ случаѣ нѣтъ надобности ни въ огнѣ, ни въ

мечѣ,—мнѣ нужно достать отцовскій пурпурный волосъ: онъ мнѣ дороже золота, онъ сдѣлаетъ меня счастливой обладательницей предмета моего желанія!»

Такъ говорила дѣва. Поднималась наводящая великія заботы ночь. Смѣлою сдѣлалъ мракъ дочь Низа. Раньше всѣхъ улеглись и заснули тѣ, которые устали отъ дневныхъ заботъ. Тихо входитъ дѣва въ отцовскую спальню и—о ужасъ!—отрѣзаетъ у своего отца завѣтный волосъ. Взявъ съ собою добычу, преступница отворила городскія ворота и, пробравшись сквозь ряды враговъ, пришла къ Миносу — такъ была она увѣрена въ своей услугѣ!—и обратилась къ изумленному царю съ такою рѣчью: «любовь къ тебѣ побудила меня совершить преступленіе. Я, Скилла, дочь царя Низа, предаю тебѣ боговъ моей родины и своихъ, но не прошу себѣ никакой награды, кромѣ твоей любви: возьми пурпурный волосъ, какъ залогъ моей любви къ тебѣ, и вѣрь,—я отдаю тебѣ теперь не волосъ, но жизнь отцовскую!». И дѣва, отдавая подарокъ, протянула Миносу свою преступную правую руку. Отскочилъ Миносъ отъ протянутой руки, ужаснулся неслыханнаго рода злодѣянію и отвѣчалъ Скиллѣ: «позоръ нашего времени, да изгонятъ тебя боги изъ принадлежащей имъ вселенной, да отринутъ тебя суша и море! Я-же, конечно, не допущу, чтобы колыбель Юпитера, Критъ, мое владѣніе, опозорило такое чудовище!» Такъ говорилъ справедливый законодатель Миносъ и, заключивъ съ побѣжденными врагами миръ, велѣлъ рубить привязи обитыхъ мѣдью кораблей и садиться въ нихъ гребцамъ.

Когда увидѣла Скилла, что корабли вышли въ море, увидѣла, что мужественный Миносъ не наградилъ ее за измѣну, то страшно разгнѣвалась, истощивъ свои мольбы. Распустивъ волосы и простирая руки, въ бѣшенствѣ воскликцала Скилла: «куда бѣжишь ты, кого я любила болѣе родины, болѣе отца; куда бѣжишь ты, безсердечный, бросивъ ту, которая оказала тебѣ услугу, — вѣдь ты побѣдилъ, благодаря

моей-же измѣнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ услугѣ? Не тронули тебя ни оказанная тебѣ мною услуга, ни моя любовь къ тебѣ, ни то, что всю мою надежду я возложила на тебя одного!.. Куда идти мнѣ покинутой? На родину? — она покорена, а если и предположить, что уцѣлѣла, то недоступна для меня вслѣдствіе моей измѣны (115); показаться на глаза отцу, котораго я предала тебѣ? За мою услугу возненавидѣли меня мои сограждане; глядя на нихъ, и сосѣди: закрытъ для меня весь свѣтъ, чтобы доступенъ былъ одинъ лишь Критъ. А если ты и туда не пускаешь, неблагодарный, покидаешь меня, то не (120) Европа твоя мать, но угрюмыя Сирты, тигрицы Арменіи, волнуемая Австромъ Харибда! И не Юпитера сынъ ты,— мнимый быкъ не обманывалъ твоей матери, — глупую басню разсказываютъ про твое происхожденіе!—настоящій дикій быкъ былъ твоимъ отцемъ (125), быкъ, никогда не ухаживавшій за телкой! Отецъ Низъ, накажи меня!.. Радуйся моему горю, только-что преданный мною городъ,— я сознаюсь, что заслужила это, сознаюсь, что достойна смерти! Но пусть меня убьетъ хоть кто нибудь изъ тѣхъ, кому я, несчастная, сдѣлала зло, а то зачѣмъ тебѣ мстить (130) за то преступленіе, благодаря которому ты одержалъ побѣду,—вѣдь своимъ преступленіемъ противъ родины и отца я услужила тебѣ? Вполнѣ достойна тебя твоя прелюбодѣйная жена, подъ видомъ деревянной коровы обманувшая свирѣпаго быка и родившая двуобразное существо Слышишь-ли то, что говорю я? Или вѣтеръ попусту разноситъ мои слова (135), какъ несетъ онъ твои корабли, неблагодарный! Нѣтъ ничего удивительнаго, что Пазифая предпочла тебѣ быка: въ лютости ты превзошелъ его! Горе мнѣ, бѣдной: спѣшитъ уѣхать Миносъ—весла съ шумомъ разсѣкаютъ воду, и, увы, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ покидаетъ меня и мою родину. Ничего (140) не подѣлаешь ты, Миносъ,—напрасно позабылъ ты о моей услугѣ: на-перекоръ тебѣ понесусь я съ тобою, вцѣплюсь въ кривую корабельную корму и понесусь по безбрежному морю!»

Только что успѣла сказать это Скилла, какъ кинулась въ воду, поплыла за кораблями — любовь придала ей силы — и ненавистнымъ спутникомъ повисла на кормѣ корабля гносскаго царя. Когда увидѣлъ Скиллу ея отецъ,—онъ только что превратился въ желтокрылаго морскаго орла и уже парилъ въ воздухѣ—то устремился на дочь, чтобы разорвать ее своимъ клювомъ. Отъ страха Скилла оборвалась съ кормы, но, казалось, будто ее подхватилъ легкій вѣтерокъ, чтобъ не дать упасть ей въ море. Птицей стала превращенная Скилла, чепурой зовутъ ее; отъ рыжихъ волосъ получила Скилла свое имя.

Сто быковъ принесъ Миносъ въ жертву Юпитеру, когда, сойдя съ корабля, вышелъ на куретскую землю. Украсилъ царь свой дворецъ, повѣсивъ въ немъ вражескіе доспѣхи. Между тѣмъ въ семьѣ Миноса увеличивались непріятности: рожденіемъ невиданнаго двуобразнаго чудовища обнаружилась преступная связь его жены. Миносъ рѣшился удалить его изъ своего обширнаго дворца и запереть въ мрачномъ зданіи.

Славный своею изобрѣтательностью въ зодчествѣ Дедалъ принимается за работу: одинаковыхъ комнатъ онъ не дѣлаетъ, но обманываетъ глазъ сходствомъ множества извилистыхъ ходовъ. Какъ струится во Фригіи свѣтловодный Меандръ и въ извилистомъ своемъ теченіи несется то впередъ, то назадъ; какъ въ своемъ бѣгѣ встрѣчается онъ съ катящимися на встрѣчу ему его-же волнами и катитъ свои чудныя воды то въ источники, то въ открытое море: такъ и Дедалъ устроиваетъ множество сбивчивыхъ ходовъ и, даже самъ, съ трудомъ можетъ найти выходъ своего зданія — такъ оно было мудрено. Съ тѣхъ поръ, какъ Дедалъ заперъ полу-быка полу-человѣка, чудовище два раза успѣло напиться актейской крови. Чрезъ девять лѣтъ дань была потребована въ третій разъ, но чудовище было убито. Когда сынъ Эгея, благодаря помощи дочери Миноса, вторично отперъ не открывавшуюся раньше, трудно находимую дверь лабиринта, отперъ ее,

благодаря распущенному клубку нитокъ, то похитилъ дѣву и, приплывъ къ Діи, безъ состраданія бросилъ Аріадну на его берегу. Либеръ влюбился въ покинутую и горько жаловавшуюся дочь Миноса и помогъ ей. А для того, чтобы имя Аріадны вѣчно сохранило прекрасное созвѣздіе, богъ снялъ со своей головы вѣнецъ и бросилъ его къ небу. Летитъ вѣнецъ по свѣтлому воздуху, и драгоцѣнные камни его на лету обращаются въ яркіе огни и остаются на мѣстѣ. Въ видѣ вѣнца-же находится онъ между колѣнопреклоненнымъ созвѣздіемъ Никса и созвѣздіемъ Дракона.

Между тѣмъ Дедалу опротивѣлъ Критъ и долгое изгнаніе: любилъ онъ свою родину, отъ которой его отдѣляло море. «Пусть Миносъ запираетъ для меня море и землю,— для меня, конечно, открыто небо, я убѣгу по воздуху. Пусть всѣмъ владѣетъ Миносъ, но только не воздухомъ», говорилъ Дедалъ и сталъ размышлять о невѣдомомъ искусствѣ, — о томъ, какъ-бы измѣнить законы природы. По порядку начинаетъ Дедалъ прилаживать перья, сперва самыя мелкія, потомъ болѣе длинныя, такъ что можно было подумать, будто они выросли на горѣ. Почти такъ-же постепенно слагалась изъ неравныхъ тростинокъ пастушеская свирѣль. Потомъ Дедалъ среднія перья скрѣпилъ нитками, а нижнія—воскомъ. Скрѣпивъ такимъ образомъ крылья, Дедалъ далъ имъ небольшой изгибъ, чтобы болѣе похожи были они на птичьи. Сынъ Дедала, Икаръ, стоялъ тутъ-же и, не подозрѣвая, что берется за то, что потомъ погубитъ его, рѣзвясь, то ловилъ летавшія отъ вѣтра перья, то мялъ своими руками желтый воскъ и своею шаловливостью мѣшалъ дивной работѣ отца. Когда художникъ кончилъ свою работу, то самъ прикрѣпилъ къ своимъ плечамъ два крыла и, взмахнувъ ими, поднялся на воздухъ. «Икаръ», говорилъ Дедалъ, уча своего сына, «молю тебя, лети по срединѣ, чтобы въ случаѣ, если ты полетишь ниже, чѣмъ слѣдуетъ, твоихъ крыльевъ не смочила-бы вода, если выше—не спалило

бы ихъ солнце: лети между водою и солнцемъ. Прошу тебя, не смотри ты на Боота или Гелику, ни на обнаженный мечъ Оріона, а слѣдуй за мною!» Тутъ-же Дедалъ научилъ сына летать и прикрѣпилъ къ его плечамъ непривычныя для человѣка крылья. Въ то время, какъ старецъ хлопоталъ и давалъ наставленія своему сыну, слезы текли по его щекамъ, дрожали отцовскія руки. Поцѣловалъ Дедалъ своего сына, поцѣловалъ въ послѣдній разъ. Поднялся онъ на крыльяхъ на воздухъ и полетѣлъ впереди, боясь за своего спутника, словно птица, вылетѣвшая на воздухъ изъ высокаго гнѣзда, — за своего нѣжнаго дѣтеныша. Проситъ Дедалъ своего сына не отставать, учитъ его опасному искусству, а самъ машетъ своими крыльями и смотритъ на сыновнія. Рыбакъ, ловившій рыбу гибкою удочкою, пастухъ, опиравшійся на посохъ, пахарь — на свой плугъ, всякій изъ нихъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на Дедала и его сына, принимая ихъ за боговъ, которые одни могутъ летать по воздуху. И ужъ влѣвѣ отъ нихъ остался посвященный Юнонѣ Самосъ, влѣвѣ Делосъ и Паросъ, правѣе былъ Лебинтъ и обильная медомъ Калимна, какъ вдругъ сынъ Дедала началъ увлекаться своимъ смѣлымъ полетомъ, отсталъ отъ своего вожатаго и, желая приблизиться къ небу, поднялся выше, чѣмъ слѣдовало. Отъ близости палящаго солнца размягчился связывавшій перья пахучій воскъ и растаялъ. Однѣми только руками замахалъ Икаръ; лишившись крыльевъ, не могъ онъ держаться въ воздухѣ и, призывая имя отца, упалъ въ синее море, отъ него получившее свое имя. А бѣдный отецъ — въ тоже время и не отецъ — восклицалъ: «Икаръ, Икаръ, гдѣ ты, въ какой сторонѣ искать мнѣ тебя? Икаръ», восклицалъ Дедалъ и увидѣлъ на водѣ перья... Проклялъ онъ свои затѣи и похоронилъ сына. Именемъ погибшаго Икара и названа та земля.

Изъ грязной канавы увидѣла крикливая куропатка, какъ Дедалъ опускалъ въ могилу тѣло своего несчастнаго

сына, захлопала крыльями и крикомъ выразила свою радость. Эта единственная въ своемъ родѣ птица, превратившаяся (240) въ нее недавно, вѣчно будетъ изобличать тебя, Дедалъ. Сестра Дедала отдала ему въ ученье своего сына, двѣнадцати лѣтняго способнаго мальчика, не подозрѣвая того, какова будетъ его судьба. Мальчикъ, взявъ (245) за образецъ рыбій хребетъ, нарѣзалъ на кускѣ твердаго желѣза рядъ острыхъ зубьевъ и изобрѣлъ пилу. Онъ же первый соединилъ однимъ винтомъ двѣ желѣзныхъ пластинки, но не оставилъ между ними равнаго разстоянія, такъ что одинъ конецъ былъ неподвиженъ, другой описывалъ кругъ. Позавидовалъ Дедалъ (250) своему племяннику, сбросилъ его съ посвященнаго Минервѣ Акрополя и солгалъ, будто мальчикъ свалился самъ. Спасла его покровительница даровитыхъ людей — Паллада и превратила въ птицу. Взмахнула птица крылами и поднялась на воздухъ; прежній недюжинный умъ перешелъ у птицы въ крылья и (255) ноги; имя-же у ней осталось то-же, что и прежде. Но куропатка все таки не летаетъ высоко, не вьетъ себѣ гнѣзда на вѣтвяхъ деревъ и высокихъ горныхъ вершинахъ: низко надъ землею летаетъ она, въ поляхъ несетъ свои яица,—помня о быломъ, боится упасть съ высоты.

Уже (260) скиталецъ Дедалъ поселился въ Сициліи; не слышно стало и о Кокалѣ, по просьбѣ старца поднявшемъ за него оружіе; ужъ и Аѳины, благодаря подвигу Тезея, перестали платить ужасную дань. Вѣнками украшены ихъ храмы; всѣ взываютъ къ воинственной Минервѣ, Юпитеру (265) и прочимъ безсмертнымъ, чтутъ ихъ, принося обѣтныя жертвы, дары и воскуряя въ кадильницахъ ѳиміамъ. Далеко по городамъ Аркадіи разнесла молва имя Тезея, и его помощи въ большой бѣдѣ стали просить народы, живущіе даже въ благословенной Ахаіи: смиренно молилъ о ней Тезея (270) и приведенный въ ужасъ Калидонъ, хоть у него былъ Мелеагръ, молилъ принять участіе въ охотѣ на вепря, орудіе гнѣва мстительной Діаны.

Говорятъ, будто Эней приносилъ богамъ жертвы въ благодарность за урожайный годъ: Церерѣ — начатки плодовъ, Ліею — вино, русокудрой Палладѣ Минервѣ — масло. Начиная съ боговъ земледѣлія, всѣхъ безсмертныхъ почтилъ Эней богатыми жертвами, — одни только жертвенники дочери Латоны обошелъ онъ, не воскурялъ на нихъ ѳиміама. Умѣютъ гнѣваться и боги! «Не пройдетъ это безнаказанно», говоритъ Діана, «скажутъ, что меня оскорбили, но не скажутъ, что я не отмстила за это!» И наслала оскорбленная богиня на царство Энея вепря-мстителя. Меньше его быки не только изъ Сициліи, но даже изъ обильнаго лугами Эпира; огнемъ горятъ налитые кровью глаза вепря, недвижна его длинная шея; словно острія копій, стоитъ щетина; съ глухимъ шумомъ падаетъ съ его сильныхъ ногъ горячая пѣна; клыки у вепря, словно у индѣйскихъ слоновъ; пламя пышетъ изъ пасти, и отъ его дыханія сгараетъ трава. Въ траву топчетъ вепрь только что взошедшій посѣвъ; то на горе земледѣльцу губитъ и спѣлую жатву, губитъ заколосившуюся рожь: напрасно ждетъ гумно, напрасно ждетъ житница желаннаго хлѣба. Поникли длинные грозды спѣлаго винограда, вмѣстѣ съ вѣтвями — ягоды вѣчно-зеленой маслины. Ломаетъ вепрь и скотъ: не могутъ защитить отъ него стадъ ни пастухъ, ни псы, ни сердитые быки. Разбѣгаются и люди; только въ стѣнахъ города считали они себя въ безопасности, пока не собралась съ Мелеагромъ толпа отборной, жаждущей славы молодежи: двое сыновей Тиндарея,—одинъ—отличавшійся въ кулачномъ бою, другой—въ верховой ѣздѣ, строитель перваго судна — Язонъ, счастливый дружбой съ Пиритоемъ Тезей, двое сыновей Тестія, дѣти Афарея—Линкей и быстроногій Идасъ, Кеней—въ то время ужъ не женщина—, отважный Левкиппъ, славный копьеметатель Акастъ, Гиппотой, Дріасъ, сынъ Аминтора—Фениксъ, двое дѣтей Актора и изгнанный изъ Элиды Филей. Пришелъ и Теламонъ съ отцемъ славнаго Ахилла, неустрашимый Эвритій съ сыномъ Ферета и потомкомъ Гіанта — Іолаемъ, непобѣдимый

въ бѣгѣ Эхіонъ, Нарикіецъ Лелегъ, Панопей, Гилей, отважный Гиппазъ, еще юный Несторъ и тѣ, которыхъ послалъ Гиппокоонтъ изъ древнихъ Амиклъ, тесть Пенелопы съ Парразійцемъ Анкеемъ, вѣщій сынъ Ампика, еще не испытавшій измѣны супруги сынъ Эклея и Тегеянка, краса лѣсовъ Линкея. Блестящая пряжка застегивала на плечѣ платье Аталанты; просто были причесаны ея волосы — заплетены въ одну косу; съ лѣваго плеча свѣшивался звонкій, съ украшеніями изъ слоновой кости, колчанъ, на лѣвомъ-же плечѣ былъ у ней и лукъ. Такъ одѣвалась Аталанта; судя по ея лицу, можно было сказать про нее: юноша съ дѣвичьими или дѣва съ мужскими чертами лица! Какъ увидѣлъ Аталанту калидонскій герой, такъ и влюбился въ нее, но, противъ воли божества, не признался дѣвѣ въ своей любви къ ней. «О, счастливъ тотъ, кого изберетъ она себѣ въ мужья», сказалъ Мелеагръ. Сказать болѣе не позволили герою ни время, ни его скромность: тогда кипѣли приготовленія къ страшному бою.

Былъ густой лѣсъ, который не рубило ни одно поколѣніе смертныхъ. Вслѣдъ за равниною начинался онъ и смотрѣлъ на покатыя пашни. Когда пришли туда охотники, то одни изъ нихъ начали разставлять сѣти, другіе — спускать со своръ собакъ, третьи — ходить по горячимъ слѣдамъ звѣря, желая найти свою смерть. Въ долинѣ была ложбина, куда стекали ручейки дождевой воды. Дно ложбины поросло гибкимъ ивнякомъ, зыбкою осокой, любящимъ болото ситомъ, ракитникомъ и низкимъ трубчатымъ камышемъ. Словно молнія изъ столкнувшихся тучъ, выскочилъ оттуда и бурно понесся въ толпу своихъ враговъ поднятый вепрь. Отъ его напора валятся деревья, и отъ ихъ паденія раздается по лѣсу гулъ. Вскрикнули охотники; правою рукою крѣпко схватились они за сверкавшія своими желѣзными наконечниками длинныя копья и выставили ихъ впередъ. Яростно несется вепрь и разсѣеваетъ всѣхъ надоѣдавшихъ ему своимъ лаемъ собакъ, напавъ на нихъ сбоку. Прежде всѣхъ метнулъ свое копье Эхіонъ и

промахнулся: неглубоко въ кленовый стволъ вонзилось оно; слѣдующее копье угодило бы звѣрю въ спину, — куда имъ и мѣтили—еслибъ пустили его не съ такою силою: копье перелетѣло; метнулъ его Пегазецъ Язонъ. «За то, что я чтилъ и чту тебя, Фебъ», восклицаетъ сынъ Ампика, «исполни мою просьбу: не дай промахнуться моему копью!» На сколько было можно, богъ исполнилъ его просьбу—ударилось копье въ вепря, но не ранило его: Діана сняла съ летѣвшаго копья наконечникъ, и въ звѣря попало одно тупое древко. Разозлился вепрь, заблестѣлъ, словно молнія: сверкаютъ его глаза; изъ груди пышетъ пламя. Какъ летитъ пущенный изъ тугонатянутаго лука камень, когда его мечутъ или въ стѣну города, или въ наполненныя воинами башни: такъ несется вепрь на охотниковъ и въ стремительномъ бѣгѣ своемъ наноситъ имъ раны: повалилъ онъ Эвпалама и Пелагона, прикрывавшихъ правое крыло. Друзья подобрали павшихъ. Не избѣжалъ смертельной раны и сынъ Гиппокоонта—Энезимъ: испугался онъ вепря и хотѣлъ бѣжать, но звѣрь ранилъ его въ колѣно, и Энезимъ испустилъ духъ. Быть можетъ, не видать бы троянской войны и Пилосцу, но онъ воткнулъ въ землю свое копье, оперся на него, влѣзъ на сукъ ближайшаго дерева и сталъ съ безопаснаго мѣста смотрѣть на врага, отъ котораго спасся. А разъяренный звѣрь сталъ точить свои клыки о стволъ дуба, грозилъ Нестору смертью. Наточивъ свое оружіе, вепрь сдѣлался смѣлымъ и кривымъ своимъ клыкомъ ранилъ въ бедро могучаго сына Актора.

Но вотъ выѣхали на бѣлоснѣжныхъ коняхъ двое красавцевъ братьевъ-близнецовъ, еще не превращенныхъ въ небесныя созвѣздія; оба они махали по воздуху своими тяжелыми копьями. И Діоскуры ранили бы вепря, если бы онъ не убѣжалъ въ чащу лѣса, въ непроходимую его часть, гдѣ нельзя было ни попасть въ него копьемъ, ни въѣхать на конѣ. Теламонъ погнался за звѣремъ, но, горячо преслѣдуя его, не поостерегся, запнулся за корень дерева и упалъ ничкомъ. Въ то время,

какъ подымалъ его Пелей, Тегеянка быстро наложила на тетиву стрѣлу и пустила ее изъ изогнутаго лука. Около уха звѣря впилась стрѣла, разсѣкла его кожу, и щетину вепря обагрило нѣсколько капель крови. Но не такъ восхищалась мѣткостью своей стрѣльбы Аталанта, какъ Мелеагръ. Говорятъ, будто онъ первый увидѣлъ кровь на звѣрѣ и, указывая на нее, сказалъ Аталантѣ: «достойно похвалятъ тебя за твое мужество!» Покраснѣли мужчины, стали ободрять другъ друга, вдохнули въ себя мужество и безо всякаго порядка стали метать свои копья. Но изъ-за множества ихъ нельзя ранить звѣря: другъ о друга ударяются копья и не долетаютъ. Тутъ на свою же бѣду закипѣлъ гнѣвомъ вооруженный сѣкирой Аркадянинъ Анкей. «Взгляните друзья», воскликнулъ онъ, «на сколько оружіе мужчины мѣтче оружія женщины, только разступитесь. Пусть хоть сама дочь Латоны, Діана, станетъ защищать вепря своимъ оружіемъ, — я всетаки умерщвлю его своею правою рукою и противъ воли богини!» Такъ говорилъ, хвастаясь, раздраженный Анкей, обѣими руками схватился за свою сѣкиру и замахнулся. Бросился вепрь на смѣльчака и глубоко въ животъ Анкею — смертельны раны въ это мѣсто — всадилъ оба клыка. Умеръ Анкей; вмѣстѣ съ ручьями крови вывалились его внутренности, и кровью ихъ напиталась земля. Потрясая могучей рукою здоровую рогатину, пошелъ на врага сынъ Иксія Пиритой. «Остановись ты, который мнѣ дороже меня самого, часть души моей», издали говоритъ Пиритою стоявшій вблизи его сынъ Эгея, — «храбрость свою можно показать и не такъ близко: безумная отвага сгубила Анкея»! Такъ говорилъ Тезей и пустилъ свое тяжелое съ мѣднымъ наконечникомъ копье. Сильно раскачалъ его Тезей, и попало бы копье въ цѣль, еслибъ не засѣло въ суку зеленѣвшаго дуба. Бросилъ свое копье и сынъ Эзона, но оно, сверхъ ожиданія Язона, убило ни въ чемъ неповинную собаку — попало ей въ животъ, а изъ него вошло въ землю. Не одинаково удачные удары нанесла рука

сына Энея; два копья (415) пустилъ онъ: одно вошло въ землю, другое — прямо въ спину вепря. Въ то время, какъ метался звѣрь, какъ свивался онъ въ кольца и вмѣстѣ съ ручьями крови изрыгалъ шипящую пѣну, — ранившій звѣря Мелеагръ дразнилъ своего врага и вонзилъ ему подъ лопатку блестящую рогатину.

Веселыми криками выражаютъ свою радость (420) товарищи Мелеагра и спѣшатъ пожать правую руку побѣдителя. Дивясь, смотрятъ они на огромнаго, растянувшагося на такомъ пространствѣ звѣря, думаютъ, что еще опасно дотронуться до него, но всетаки каждый погружаетъ свое копье въ кровь вепря. Наступилъ Мелеагръ (425) на голову грознаго звѣря и сказалъ: «возьми, Нонакринянка, принадлежащую тебѣ по праву добычу и раздѣли со мною славу побѣды»! И тотчасъ подалъ онъ Аталантѣ усаженную колючею щетиною шкуру вепря и его голову, вооруженную огромными клыками. Пріятенъ дѣвѣ (430) и подарокъ, и тотъ, кто далъ его. Прочіе же охотники стали завидовать Аталантѣ, и вся толпа ихъ зашумѣла. Сильнѣй всѣхъ кричатъ, грозя кулаками, сыновья Тестія: «убирайся прочь, женщина, не отбивай у насъ славы побѣды, не надѣйся понапрасну (435) ни на свою красоту, ни на своего горячаго обожателя!» И они отнимаютъ у Аталанты даръ Мелеагра, у него самого — право даренья. Не снесъ этого сынъ Марса; въ страшномъ гнѣвѣ заскрежеталъ онъ зубами и воскликнулъ: «знайте вы, непризнающіе заслугъ другихъ, что угрозы вовсе не то, что дѣло!» И вонзилъ Мелеагръ преступный свой мечъ въ сердце (440) Плексиппа, вовсе не ожидавшаго этого; не далъ сынъ Энея долго раздумывать и Токсею, который не зналъ, что ему дѣлать, — хотѣлъ онъ и отмстить за брата, но и боялся его участи, — и снова обагрилъ свой мечъ въ теплой крови родственника мечъ, неостывшій послѣ перваго убійства.

Жертвенные дары (445) въ храмы боговъ несла Алтея въ благодарность за побѣду сына, когда увидѣла, что несутъ трупы ея братьевъ. Стала она бить себя въ грудь, воплями огла-

сила городъ и свои вышитыя золотомъ одежды смѣнила на траурныя. Но, когда Алтея узнала виновника смерти своихъ братьевъ, то вовсе перестала рыдать (450): ея печаль смѣнилась жаждой мщенія. Было полѣно, которое бросили въ огонь три сестры, въ то время, какъ дочь Тестія лежала, разрѣшившись отъ бремени сыномъ. Прядя роковую нить жизни, онѣ сказали: «до тѣхъ поръ будешь ты жить, новорожденный (455), пока не сгоритъ это полѣно!» Проговоривъ такое предсказаніе, богини ушли, а мать Мелеагра выхватила изъ огня горѣвшую головню, и залила ее свѣтлою водою. Долгое время хранили головню во внутреннихъ покояхъ дворца; берегли ее, берегла и она твои, юноша, годы. Вынесла (460) головню мать Мелеагра, велѣла наносить дровъ и щепы и, сложивъ ихъ въ кучу, поднесла опасный для нихъ огонь. Четыре раза порывалась Алтея бросить въ пламя головню и четыре раза удерживалась отъ своего намѣренія: чувство матери и сестры боролись въ ней, два различныхъ чувства волновали ея сердце. И то (465) лице Алтеи блѣднѣло отъ сознанія замышляемаго ею преступленія, то отъ страшнаго гнѣва наливались кровью ея глаза, и лице ея то походило на грозящее чѣмъ-то ужаснымъ, то можно было думать, что въ немъ выражается состраданіе и, когда лютый жаръ сердца изсушалъ слезы Алтеи, онѣ появлялись снова (470). Какъ челнокъ, гонимый и вѣтромъ, и противнымъ теченіемъ, испытываетъ на себѣ силу того и другаго, по прихоти обоихъ ихъ уносится въ невѣдомую даль: такъ и дочь Тестія волнуютъ различныя чувства, и то стихаетъ въ ней гнѣвъ, то, стихнувъ, подымается снова. Однако чувство сестры начинаетъ (475) въ Алтеѣ брать верхъ надъ чувствомъ матери, и, чтобы успокоить тѣни братьевъ, она рѣшается на благочестивый, по ея мнѣнію, поступокъ. Но, когда сильнѣй разгорѣлся роковой огонь, дочь Тестія сказала: «этотъ костеръ сожжетъ мое сердце!» Держа въ рукѣ своей роковую головню, несчастная преступница встала предъ (480) погребальными жертвенниками своихъ братьевъ и воскликнула: «вы, Эвмениды,

ужасныя богини-мстительницы, взгляните на мою жертву. Мщу я, совершаю преступленіе, но смерть должно искупить смертью, къ злодѣянію нужно прибавить злодѣяніе, къ трупамъ—трупъ: пусть нечестивая семья моя погибнетъ подъ гнетомъ бѣдствій! Будетъ ли счастливецъ Эней радоваться побѣдѣ сына, осиротѣлый Тестій—горевать? Пусть ужъ лучше горюютъ они оба! Вы, тѣни только что убитыхъ братьевъ, вы, новые духи, взгляните на мое жертвоприношеніе; какъ великую жертву смерти, примите моего преступнаго сына! Горе мнѣ, на что рѣшаюсь я? Братья, простите матери: не хватаетъ у меня силы исполнить свое намѣреніе! Согласна я, Мелеагръ достоинъ смерти, но не помирюсь съ тѣмъ, что погублю его я! Стало быть, Мелеагръ не будетъ наказанъ, будетъ жить, гордясь своей побѣдой и удачами, и станетъ царемъ калидонскимъ, а вы останетесь холодными тѣнями, горстью праха? Я, конечно, не позволю быть этому — пусть погибнетъ злодѣй и унесетъ съ собою въ могилу надежду своего отца, надежду родины, пусть онъ погубитъ ее! Но куда дѣлось мое материнское сердце, священный долгъ родителей; зачѣмъ десять мѣсяцевъ терпѣла я столько страданій? О, еслибъ ты умеръ ребенкомъ, какъ только родился; зачѣмъ я помѣшала этому! По моей милости жилъ ты, умрешь по своей винѣ, — получай награду за свое злодѣяніе, умри, дважды спасенный мною,—первый разъ при рожденіи, второй, когда я выхватила изъ огня головню, — умри ты или меня схорони съ братьями! Хочу я исполнить свое намѣреніе, но не могу,—что мнѣ дѣлать?.. То тѣни братьевъ у меня передъ глазами, картина ужасной ихъ смерти, то трогаетъ мое сердце любовь къ сыну, имя «мать»!.. О, я, несчастная! Ужасна ваша побѣда, братья, но вы всетаки побѣдили! Когда успокою я васъ, то послѣдую за вами!» Такъ говорила Алтея и, отвернувшись, дрожащею рукою бросила въ средину пламени роковую головню. Когда послѣднюю, противъ ея воли, охватило пламя,—на самомъ-ли дѣлѣ, или такъ послышалось Алтеѣ,—она жалобно вздохнула.

Сгараетъ отъ того пламени ничего не подозрѣвающій и находящійся въ отсутствіи Мелеагръ: чувствуетъ онъ, что невидимый огонь жжетъ его внутренности, но мужественно переноситъ онъ страшную боль. Лишь о томъ скорбитъ сынъ Алтеи, что безславною смертью приходится умирать ему; завидуетъ онъ смерти Анкея. Слабымъ голосомъ, со стономъ зоветъ Мелеагръ своего престарѣлаго отца, братьевъ, любимыхъ своихъ сестеръ, супругу, зоветъ, быть можетъ, и мать!.. Увеличивается пламя отъ головни, увеличиваются и страданія Мелеагра; потомъ они утихаютъ. Когда же сгорѣла головня, умеръ Мелеагръ; въ легкій воздухъ отлетѣла незамѣтно его душа, бѣлымъ пепломъ покрылось обуглившееся тѣло.

Скорбитъ гордый Калидонъ; горюютъ въ немъ старый и малый, простой народъ и знать; распустивъ свои волосы, горюютъ и жены, живущія въ калидонскомъ Эвенѣ. Пепломъ посыпалъ сѣдины и лице свое старый отецъ Мелеагра. Распростершись по землѣ, клянетъ онъ свою долгую жизнь. Мать-же Мелеагра, сознавъ всю тяжесть вины своей, умерла, пронзивъ грудь свою мечемъ. Если-бъ богъ далъ мнѣ сотню сладкозвучныхъ устъ, сильно развитое воображеніе, если-бъ далъ онъ мнѣ всѣ дары музъ, то и тогда не могъ-бы я изобразить горя бѣдныхъ сестеръ Мелеагра; не убравъ свои волосы, до́-синя бьютъ онѣ свои груди и, пока былъ предъ ними трупъ брата, стараются согрѣть его, не отходятъ отъ Мелеагра, цѣлуютъ его трупъ, цѣлуютъ погребальный одръ. Когда-же трупъ обратился въ пепелъ, онѣ берутъ пепелъ и прижимаютъ его къ своей груди, припадаютъ къ братней могилѣ, цѣлуютъ имя его, вырѣзанное на могильномъ камнѣ, обливаютъ его слезами. Наконецъ дочь Латоны, довольная гибелью дома Партаона, всѣхъ ихъ, кромѣ Горгоны и невѣстки извѣстной Алкмены, превратила въ птицъ и подняла на воздухъ. Вмѣсто рукъ длинныя крылья дала Діана превращеннымъ сестрамъ Мелеагра, твердымъ сдѣлала ихъ носъ и велѣла летать по воздуху.

Въ это время Тезей, принявъ участіе въ калидонской охотѣ, шелъ со своими друзьями къ посвященному Тритоніи городу брата Эрехтея. *Вздувшійся* отъ дождей Ахелой загородилъ дорогу, остановилъ шедшаго Тезея. «Войди въ мой домъ, славный Кекропянинъ (550)», сказалъ ему богъ, «не ввѣряйся жаднымъ волнамъ: ни по чемъ имъ уносить и громадныя деревья; со страшнымъ шумомъ катятъ онѣ упавшіе обломки скалъ. Видѣлъ я, какъ волны уносили съ противоположнаго отъ меня берега рѣки крѣпкіе хлѣва вмѣстѣ со скотиной, и тутъ не помогала (555) быку его сила, коню—его быстрыя ноги. Много и юношей поглотила въ своемъ крутящемся водоворотѣ эта рѣка, отъ тающихъ горныхъ снѣговъ обращающаяся въ потокъ. Безопасно отдохнешь ты у меня, пока не потечетъ въ своемъ обыкновенномъ руслѣ, пока не омелѣетъ она». Согласился сынъ Эгея на просьбу бога и сказалъ ему: «я не откажусь отъ твоего гостепріимства, воспользуюсь и твоимъ совѣтомъ (560), Ахелой!» И Тезей воспользовался тѣмъ и другимъ. Онъ вошелъ въ жилище бога, сдѣланное изъ ноздреватой пемзы, а не изъ легкаго туфа. Полъ жилища былъ устланъ влажнымъ и мягкимъ мхомъ, потолокъ — украшенъ различными красноватыми раковинами. Ужъ солнце прошло двѣ трети своего пути, когда на ложе возлегли (565) Тезей и его спутники: рядомъ съ Тезеемъ возлежалъ сынъ Иксія, противъ послѣдняго—сынъ трезенскаго царя, Лелегъ, въ волосахъ котораго ужъ изрѣдка пробивалась сѣдина. Этихъ-то мужей и нѣкоторыхъ другихъ почтилъ акарнанскій богъ подобнаго рода приглашеніемъ, да и самъ онъ былъ радъ такимъ гостямъ. Тотчасъ (570) *босоногія* нимфы разставили столы, уставили ихъ яствами, а по окончаніи обѣда поставили предъ гостями кубки цѣльнаго вина. Въ это время славный герой Тезей сталъ смотрѣть на разстилавшееся вдали море и спросилъ Ахелоя: «скажи мнѣ, что это (575) за мѣстность и какъ называется этотъ островъ», — онъ указалъ на него пальцемъ — «хоть ихъ видно нѣсколько?»—«Островъ, который мы видимъ,

не одинъ», отвѣчалъ Тезею рѣчной богъ, «—ихъ пять; тебѣ они не видны изъ-за далекаго разстоянія. Чтобы не дивиться вамъ дѣлу оскорбленной Діаны, знайте, острова эти были наядами. Когда онѣ приносили въ жертву (580) десять тельцовъ, то позвали боговъ полей и, забывъ обо мнѣ, стали водить веселые хороводы. Вздулся я, понесся такъ быстро, какъ никогда; разсвирѣпѣли и мои воды. Сталъ я отрывать лѣса отъ (585) лѣсовъ, пашни отъ пашенъ, а вмѣстѣ съ землею далеко въ море унесъ я и вспомнившихъ наконецъ обо мнѣ нимфъ. Волны моей рѣки и моря размыли ту длинную землю, раздѣлили ее на столько частей, сколько Эхинадскихъ острововъ видишь ты среди моря. Но вотъ вдали, какъ ты и самъ замѣчаешь, виднѣется одинокій, дорогой для меня островъ (590): Перимелой зовутъ его мореходцы. Такъ звали и ту дѣвушку, влюбившись въ которую, я лишилъ ее дѣвственности. Разсердился на Перимелу отецъ ея, Гипподамъ, и сбросилъ съ утеса въ море свою беременную дочь. Подхватилъ (595) я Перимелу, поддерживалъ ее, когда она поплыла, и воскликнулъ: «помоги (600), Нептунъ, богъ, вооруженный трезубцемъ, ты, которому досталось по жребію сопредѣльное съ небомъ царство текучей воды, помоги, молю тебя, тонущей дѣвѣ, спаси ее отъ лютаго гнѣва отца или ужъ обрати ее въ островъ!» Пока говорилъ я, молодое тѣло плывшей нимфы покрылось землею, и (610) Перимела превратилась въ красивый островъ».

Смолкъ рѣчной богъ. Всѣ дивились чудному дѣлу; одинъ лишь не чтившій боговъ, дерзкій сынъ Иксія сталъ смѣяться надъ вѣрившими этому. «Вздоръ разсказываешь ты, Ахелой», сказалъ Пиритой, «слишкомъ ужъ могучи по твоему мнѣнію боги (615), если они могутъ измѣнять людской образъ и давать новый!» Всѣ изумились и не похвалили Пиритоя за подобныя рѣчи. Прежде всѣхъ сталъ на это возражать ему Лелегъ, какъ человѣкъ зрѣлый и умомъ, и лѣтами: «Неизмѣримо, безконечно могущество безсмертныхъ, и исполняется то, чтобы ни захотѣли они сдѣлать. Чтобы (620) ты болѣе

увѣрился въ томъ, я скажу тебѣ, что на одномъ холмѣ во Фригіи растетъ дубъ, не по-далеку отъ него—липа; оба они обнесены невысокой оградой. Я самъ видѣлъ это мѣсто, такъ какъ Питтей посылалъ меня во фригійское царство, нѣкогда находившееся подъ властью его отца Пелопса. Недалеко отъ того мѣста есть болото, нѣкогда обитаемая земля; теперь (625) тамъ водится лишь множество утокъ да живущихъ по болотамъ гагаръ. Въ эту-то мѣстность пришелъ въ образѣ смертнаго Юпитеръ, пришелъ съ отцемъ и снявшій свои крылья жезлоносный внукъ Атланта. Множество домовъ обошли боги, ища себѣ мѣста отдыха, и множество домовъ заперли предъ ними свои двери; въ одномъ лишь домѣ приняли боговъ. Домъ тотъ, правда, былъ не великъ (630), крытъ соломой да болотнымъ тростникомъ, но за то въ немъ жили богобоязненная старуха Бавкида и ровесникъ ей — Филемонъ; въ этой хижинѣ сочетались они бракомъ въ своей юности, въ ней-же и состарѣлись, не скрывая своей бѣдности и терпѣливо перенося ее. Напрасно (635) сталъ-бы ты искать въ томъ домѣ господъ и слугъ: изъ двухъ лицъ состояла вся семья; другъ другу и приказывали они, и повиновались. Итакъ, когда боги подошли къ скромной хижинѣ, нагнувшись, вошли въ нее чрезъ низкія двери, старый Филемонъ поставилъ предъ ними скамью, на которую (640) хлопотливая Бавкида накинула грубое покрывало, и пригласилъ боговъ прилечь. Потомъ старуха разрыла теплую еще золу, раздула вчерашній огонь, развела его, подбросивъ листьевъ и бересты, старческимъ своимъ дыханіемъ довела огонь до пламени и, взявъ (645) съ крыши колотой лучины и сухаго хворосту и разломавъ его на мелкія части, подложила подъ небольшой котелъ. Затѣмъ Бавкида стала обчищать овощи, которыя ея мужъ нарвалъ въ только что политомъ огородѣ, а Филемонъ двурогою вилой снялъ висѣвшій на закоптѣлой перекладинѣ давно сохранявшійся копченый окорокъ, отрѣзалъ отъ него лучшую (650) часть и, отрѣзавъ ее, сталъ варить въ кипяткѣ.

Покуда готовился обѣдъ, старики коротаютъ время въ разговорахъ съ гостями. Было у Филимона съ Бавкидой повѣшенное на гвоздь за кривую ручку буковое корыто; въ него налили теплой воды, и боги омыли свои ноги. Среди хижины стояла кровать съ ивовыми брусьями и ножками. Старики положили (655) на нее тюфякъ изъ мягкой осоки и покрыли его одѣяломъ, которое постилали только въ праздники; но и это одѣяло было просто и ветхо, — шло оно къ ивовой кровати. Возлегли (660) боги. Старуха подобрала свое платье и, трясясь, поставила предъ ними столъ; но у него качалась третья ножка. Бавкида подложила черепокъ и сравняла ее. Когда поверхность стола стала ровною, старуха вытерла его зеленою мятой. Ставитъ Бавкида на столъ двуцвѣтную ягоду дѣвственной Минервы, собранныя осенью и сохранившіяся (665) въ жидкомъ соку своемъ вишни, дикій цикорій; ставитъ и рѣдьку, творогъ, яйца въ смятку, все въ глиняныхъ сосудахъ. Потомъ старуха ставитъ глиняную-же чашу для вина и сдѣланные изъ бука, натертые воскомъ стаканы (670). Немного погодя, Бавкида вынула изъ печи горячія кушанья и принесла молодаго вина; его она отодвинула нѣсколько въ сторону, чтобъ очистить мѣсто для новыхъ блюдъ. Были тутъ и орѣхи, и смоквы въ перемежку съ сушеными финиками, сливы (675), душистыя яблоки въ широкихъ корзинахъ и прямо съ лозъ собранный золотистый виноградъ. Между этими блюдами стоялъ желтый медъ. Ко всему этому старики прибавили ласковыя лица и искреннее, посильное радушіе.

Между тѣмъ они замѣчаютъ, что такъ часто осушаемая чаша съ виномъ снова наполняется сама собою (680), что вина прибываетъ. Поражены этимъ невиданнымъ чудомъ Бавкида и струсившій Филемонъ: съ молитвою поднимаютъ они къ небу свои руки, начинаютъ извиняться предъ богами за скудное угощеніе. Одинъ только гусь, сторожъ маленькой хижины, былъ у нихъ. Хозяева хотѣли принести его (685) въ жертву своимъ божественнымъ гостямъ; но быстрокрылая

птица только измучила дряхлыхъ стариковъ: долго ускользала она отъ нихъ и, казалось, хотѣла наконецъ искать защиты у самихъ боговъ. Тѣ не велѣли его убивать. «Мы боги», сказали они, «и заслуженно поплатятся ваши негостепріимные сосѣди, но васъ не коснется это бѣдствіе, только, выйдя изъ своего дома, идите вслѣдъ за нами и взберитесь вмѣстѣ на вершину холма!» Повинуются Филемонъ и Бавкида: опираясь на посохъ, долго силятся они взобраться на склонъ холма. Когда-же старики были на такомъ разстояніи отъ его вершины, какое можетъ пролетѣть когда-нибудь пущенная изъ лука стрѣла, то оглянулись и увидѣли, что уцѣлѣла одна лишь ихъ хижина,—все остальное потонуло въ болотѣ. Пока дивились этому старики, пока тужили они объ участи своихъ сосѣдей, убогая ихъ хижина, тѣсная даже для двоихъ хозяевъ, обращается въ храмъ: колоны замѣняютъ разсохи, въ золото обращается соломенная крыша, золоченою становится она; виднѣются художественной работы двери; мраморомъ устланъ полъ хижины. Съ ласковыми словами обратился тогда къ Филемону и Бавкидѣ сынъ Сатурна: «честный старикъ и ты, его жена, достойная хорошаго мужа, скажите мнѣ, чего вы хотите?» Немного поговорилъ Филемонъ съ Бавкидой и сказалъ богамъ свое общее желаніе: «хотимъ мы», говорилъ онъ, «быть служителями при вашемъ храмѣ, ходить за нимъ, а такъ какъ мы жили въ согласіи, то пусть и умремъ въ одинъ и тотъ-же часъ, но пусть не придется ни мнѣ увидѣть могилы жены, ни ей—моей!» И небожители исполнили ихъ желаніе: до самой своей смерти были старики стражами храма. Разъ, когда стояли они, утомленные долгою жизнью, на священныхъ ступеняхъ храма и разговорились о судьбѣ этой мѣстности, Бавкида увидѣла, что Филемонъ сталъ покрываться листьями, а старый Филемонъ замѣтилъ, что стала зеленѣть и Бавкида. И ужъ надъ ихъ холодѣвшими лицами выростало дерево, а старики все еще, пока было можно, переговаривались другъ съ другомъ. «Про-

щай», одновременно сказали супруги, и въ одно время кора скрыла ихъ сомкнувшіяся уста. И до сей поры еще жители Тіаны показываютъ въ своей землѣ растущія деревья, прежде двое смертныхъ. Объ этомъ разсказывали мнѣ не одни заслуживающіе довѣрія старики, — имъ не было основанія лгать мнѣ—самъ я видѣлъ вѣнки, висѣвшіе на вѣтвяхъ тѣхъ деревьевъ и, повѣсивъ свѣжій, сказалъ: «заботятся боги о благочестивыхъ людяхъ: тѣ, которые чтили ихъ, сами становятся предметомъ почитанія!»

Смолкъ Лелегъ. Всѣмъ—въ особенности Тезею —понравился разсказъ; по-сердцу былъ и разскащикъ. А такъ какъ сынъ Эгея захотѣлъ еще послушать про чудныя дѣянія боговъ, то калидонскій богъ оперся на локоть и обратился къ герою съ такими словами: «есть, храбрецъ, и такія существа, наружность которыхъ была измѣнена разъ, и которыя остались въ своемъ новомъ видѣ, но есть и такія, которыя могутъ превращаться въ различные предметы, какъ ты, Протей, житель окружающаго землю моря: то юношею видѣли тебя, то львомъ, то буйнымъ вепремъ, то змѣемъ, къ которому страшно было приступиться; то рога дѣлали тебя похожимъ на быка; то тебя можно было видѣть камнемъ, а то и деревомъ. Превратившись въ свѣтлую воду, ты былъ то рѣкою, то дѣлался враждебнымъ водѣ огнемъ.

Обладаетъ тою же способностью принимать разные виды и супруга Автолика, дочь Эризихтона. Отецъ ея не чтилъ безсмертныхъ, не приносилъ имъ жертвъ на алтаряхъ. Разсказываютъ, что Эризихтонъ велѣлъ даже вырубить рощу, посвященную Церерѣ, дерзко занесъ топоръ на старыя деревья. Росъ въ рощѣ огромный, крѣпкій дубъ, одинъ — цѣлая роща. Вѣтви дерева были украшены лентами, памятными дощечками, вѣнками—знаками изъявленія благодарности отъ того, кто получилъ желаемое. Не рѣдко водили подъ тѣмъ дубомъ свои веселые хороводы дріады; часто, взявши другъ дружку за руки, бѣгали онѣ вокругъ его ствола. Пятнадцать локтей въ

обхватѣ былъ дубъ; на столько ниже его были остальныя деревья (750), на сколько сами они были выше росшей подъ ними травы. Но сынъ Тріопа по той-то причинѣ и не пощадилъ дерева, а велѣлъ своимъ слугамъ топорами подрубить священный дубъ. Когда же преступный Эризихтонъ увидѣлъ, что слуги не рѣшаются исполнить его приказаніе, то вырвалъ топоръ изъ рукъ одного изъ нихъ и воскликнулъ: «пусть упадетъ на землю своею зеленѣющею вершиною это любимое богиней дерево, будь оно не (755) только деревомъ, а хоть самой богиней!» Такъ сказалъ онъ и наискось ударилъ дерево своимъ топоромъ. Затрясся и застоналъ дубъ, посвященный Деоѣ. Одновременно начали темнѣть на немъ листья и желуди; потемнѣли (760) и длинныя вѣтви. Когда же Эризихтонъ преступною своею рукою сдѣлалъ на деревѣ зарубину, изъ прорубленной коры потекла кровь. Такъ струится она, брызнувъ изъ перерѣзанной шеи огромнаго жертвеннаго быка, когда животное убиваютъ предъ алтаремъ бога. Всѣ присутствовавшіе остолбенѣли (765); изъ всѣхъ ихъ нашелся одинъ, который рѣшился предупредить святотатство, вырвать у Эризихтона острый топоръ. Ѳессаліецъ поглядѣлъ на смѣльчака. «Получи награду за свое благочестіе», воскликнулъ онъ, вмѣсто дерева ударилъ топоромъ раба и отрубилъ ему голову. Когда Эризихтонъ снова началъ рубить дубъ, изъ него раздался (770) голосъ: «въ этомъ деревѣ жила я, любимая нимфа Цереры; умирая, я предсказываю, что ты поплатишся за свой поступокъ: это утѣшаетъ меня въ моей смерти!» Но Эризихтонъ упорствуетъ въ своемъ поступкѣ, и расшатанное отъ безчисленныхъ ударовъ (775), пригнутое веревками исполинское дерево наконецъ падаетъ, поваливъ множество другихъ. Скорбятъ о гибели дуба и его нимфы, сестры Дріады: въ черныхъ одеждахъ печально приходятъ онѣ къ Церерѣ, умоляя ее наказать Эризихтона. Согласилась (780) на это красавица-богиня; закачавъ своею головою, потрясла она поля, обремененныя спѣлою жатвой. Возбуждающее состраданіе наказаніе замышляетъ Эризихтону

Церера — если только онъ стоилъ чьего-либо состраданія за свой поступокъ:—хочетъ она отдать его на терзаніе гибельному Голоду. Но, такъ какъ самой богинѣ нельзя (785) придти къ нему,—судьба не судила обилію сходиться съ голодомъ — то она призываетъ одну изъ живущихъ въ горахъ пугливыхъ богинь-ореадъ и говоритъ ей: «Въ глубинѣ холодной Скиѳіи есть угрюмая, безплодная земля, гдѣ не растетъ ни хлѣбовъ, ни деревьевъ: располагающій къ бездѣйствію Холодъ (790), Страхъ, Дрожь, да исхудалый Голодъ обитаютъ тамъ. Вели же ему проникнуть въ преступное сердце святотатца: пусть и множество яствъ не утолитъ голода Эризихтона, пусть побѣдитъ онъ и меня! А чтобы тебя не испугала столь дальняя дорога, возьми (795) мою колесницу и запряги въ нее драконовъ—въ ней ты поѣдешь высоко по воздуху!» И Церера дала нимфѣ свою колесницу. Получивъ ее, та поднялась на воздухъ и прибыла въ Скиѳію, къ вершинѣ покрытой льдомъ горы — Кавказомъ зовутъ ее—и распрягла тамъ драконовъ. На покрытомъ каменьями полѣ ореада увидѣла Голодъ, предметъ своихъ исканій. Ногтями (800) и зубами щипалъ онъ тощую траву. Всклокочены были волосы богини; глаза—впалы; блѣдно было ея лице, губы побѣлѣли отъ голода, зубы были грязны; кожа присохла, и сквозь нее виднѣлись внутренности; сухія кости торчали въ кривыхъ ляжкахъ; вмѣсто живота было его (805) мѣсто; можно было думать, что грудь виситъ и держится лишь за позвоночный хребетъ; отъ худобы число суставовъ увеличилось: выдались колѣнныя чашки, лодыжки высовывались, словно громадные наросты. Когда ореада издали—подойти ближе она не посмѣла — увидѣла Голодъ (810), то передала ему порученіе Цереры. Немного спустя, нимфа получила отвѣтъ и, хоть на далекомъ разстояніи была она отъ него, хоть только что успѣла прибыть туда, она всетаки проголодалась. Высоко взмахнувъ вожжами, ореада погнала драконовъ обратно въ Гемонію. Исполнилъ Голодъ повелѣніе Цереры,—хоть она постоянно противодѣйствовала ему (815)—въ вихрѣ прилетѣлъ

онъ по воздуху къ указанному ему жилищу, вошелъ прямо въ покои святотатца, обѣими руками обнялъ глубоко спавшаго Эризихтона,—была ночь—дышетъ (820) на мужа, дышетъ ему въ ротъ, грудь и лице, разливаетъ голодъ въ безкровныхъ жилахъ. Исполнивъ приказаніе Цереры, Голодъ покинулъ плодоносный край и возвратился въ свое бѣдное жилище—знакомую пещеру.

Еще слабый сонъ тихо вѣялъ надъ Эризихтономъ своими крыльями, а ужъ онъ и во снѣ сталъ подражать ѣдѣ: двигалъ пустымъ своимъ ртомъ (825), стучалъ зубами, какъ будто ѣлъ, но вмѣсто пищи по-пусту глоталъ чистый воздухъ. Когда же сынъ Тріопа проснулся, то почувствовалъ ужасный голодъ: свирѣпствуетъ онъ въ его алчномъ ртѣ и огромномъ чревѣ. И тотчасъ (830) требуетъ Эризихтонъ того, что производитъ море, земля и воздухъ. Столы покрываются яствами, а онъ все жалуется на голодъ, среди ѣды хочетъ ѣсть, и того, чего хватило бы для цѣлаго города, чего хватило бы для цѣлаго народа, мало для одного человѣка; и чѣмъ болѣе ѣстъ Эризихтонъ, тѣмъ болѣе онъ хочетъ ѣсть. И, какъ (835) море принимаетъ въ себя рѣки всей вселенной, не насыщаясь своими водами, но поглощая и чужія, какъ всепожирающій огонь никогда не отказывается отъ пищи, а истребляетъ множество дровъ, и, чѣмъ болѣе ихъ подбрасываютъ ему, тѣмъ болѣе онъ пожираетъ, ненасытнѣе дѣлается отъ пищи: такъ (840) и нечестивый Эризихтонъ ѣстъ всякія яства и въ то же время проситъ ѣсть: всякая снѣдь для него позывъ къ пищѣ; постоянно находится у него свободное мѣсто въ желудкѣ. Чтобъ утолить свой голодъ, наполнить ненасытимое чрево, Эризихтонъ ужъ прожилъ отцовское богатство, но и тогда (845) не прошелъ его неутолимый, ужасный голодъ, попрежнему пылала алчность въ ненасытимомъ горлѣ. Въ концѣ концевъ, когда сынъ Тріопа прожралъ все свое богатство, у него осталась одна дочь, достойная лучшаго отца. Неимущій Эризихтонъ продалъ и ту. Благородная дѣвушка не хотѣла служить своему новому господину и, прости-

рая руки къ сосѣднему морю, воскликнула: «спаси (850) меня отъ неволи, ты, который обезчестилъ меня, — это будетъ тебѣ наградой отъ меня!» Такъ говорила Местра. Вспомнилъ про то Нептунъ и не презрѣлъ мольбы дѣвы. Хоть хозяинъ и смотрѣлъ на Местру, богъ всетаки измѣнилъ ея наружность, превратилъ ее въ мужчину въ одеждѣ рыбака. Посмотрѣлъ хозяинъ на Местру (855) и сказалъ: «эй, рыбакъ, подъ небольшою приманкою скрывающій насаженный крючекъ, пусть стихнетъ для тебя море, пусть довѣрчива будетъ къ тебѣ живущая въ водѣ рыба, пусть не замѣтитъ она никакого другаго крючка, кромѣ того, который будетъ предъ нею,—скажи мнѣ не видалъ ли ты бѣдно одѣтой съ распущенными волосами дѣвушки, стоявшей на этомъ берегу (860), я самъ видѣлъ ее на взморьѣ, да и слѣдовъ впереди не замѣтно?» Увидѣла Местра, что пригодился ей даръ бога и, радуясь, что ее спрашиваютъ о ней же самой, отвѣчала своему хозяину: «кто-бъ ни былъ ты, извини меня,—предавшись вполнѣ своему ремеслу, я не отводилъ въ сторону съ воды (865) своихъ глазъ. Чтобы ты былъ болѣе увѣренъ въ томъ, клянусь тебѣ богомъ моря, — да поможетъ онъ моему лову—что на этомъ берегу уже давно, кромѣ меня, не стояло ни одной женщины!» Повѣрилъ обманутый (870) хозяинъ и пошелъ назадъ по песчаному берегу, Местра же приняла свою прежнюю наружность. Когда отецъ дѣвы узналъ, что она можетъ измѣнять свой видъ, то часто продавалъ внучку Тріопа въ неволю. Местра же, превращаясь то въ лошадь, то въ птицу, то въ быка, а то и въ оленя, уходила и, хоть и не справедливо, но всетаки содержала своего алчнаго отца. Но, когда Эризихтонъ, благодаря своей ужасной (875) болѣзни, прожилъ все свое имущество, а свѣжей пищи изъ-за необычайной прожорливости у него не хватило, то сталъ онъ ѣсть даже свое тѣло, уменьшалъ его, несчастный! Но что я толкую о постороннихъ? — я самъ, юноши, когда угодно, могу измѣняться (880) въ новые виды, хоть эта возможность и ограниченная— то бываю я въ томъ видѣ, какъ теперь, то дѣлаюсь змѣемъ, то

могучимъ,—рогатымъ, пока было можно—вожакомъ стада: теперь, какъ ты самъ видишь, на одной сторонѣ моего лба нѣтъ рога!» Сказавъ это, Ахелой вздохнулъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Геркулесъ.—Галантида.—Дріопа.—Кавнъ и Библида.—Ифисъ и Іанта.

Сынъ Нептуна сталъ спрашивать бога, о чемъ вздохнулъ онъ и почему на лбу его сломанъ одинъ рогъ. Обвилъ калидонскій богъ камышемъ свои неубранные волоса и такъ отвѣчалъ Тезею: «грустную обязанность налагаешь ты на меня: какой побѣжденный захочетъ разсказывать про свои битвы? Но я всетаки разскажу все по порядку: не такъ стыдно было мнѣ оставаться побѣжденнымъ, какъ пріятно то, съ кѣмъ пришлось мнѣ вступить въ борьбу, — велико мое утѣшеніе, что славный мужъ побѣдилъ меня. Можетъ статься, ты слышалъ о Деянирѣ; когда-то красавицей-дѣвушкой была она, предметомъ зависти для многочисленныхъ искателей ея руки. Войдя съ ними въ домъ того, кого я желалъ имѣть своимъ тестемъ, я сказалъ: «будь мнѣ зятемъ, сынъ Партаона!» То же сказалъ и внукъ Алкея; предъ двумя нами отступили остальные женихи. Геркулесъ сталъ говорить Энею, что свекромъ его супруги будетъ Юпитеръ, что въ приданое за собою онъ даетъ свои славные подвиги. И Геркулесъ сталъ разсказывать о томъ. какъ исполнилъ онъ порученія своей мачехи. «Богу не слѣдуетъ уступать смертному», возразилъ я,—Геркулесъ еще не былъ богомъ—«ты знаешь, Эней, что я богъ извилистой рѣки, текущей въ твоемъ царствѣ. Не пришлецъ, прибывшій изъ чужой земли, будетъ твоимъ зятемъ, но твой-же землякъ, житель твоего-же царства. Лишь-бы не проигралъ я изъ-за того, что меня любитъ царственная Юнона и что мнѣ не приходи-

лось совершать подвиговъ, исполняя въ наказаніе чьи-либо повелѣнія. Что-же касается до того, что ты, сынъ Алкмены, хвастаешся своимъ происхожденіемъ, знай, что Юпитеръ мнимый отецъ твой, или-же, если и настоящій, то благодаря лишь своему преступленію: ты можешь считать его своимъ только изъ за прелюбодѣйства твоей матери; выбирай одно изъ двухъ: или Юпитеръ мнимый отецъ твой, или ты родился, благодаря грѣху Алкмены!» Въ то время, какъ я говорилъ это, Геркулесъ уже давно сердито посматривалъ на меня и, плохо скрывая свой ярый гнѣвъ, воскликнулъ: «моя рука сильнѣе моихъ словъ: побѣждай меня своимъ краснорѣчіемъ, въ то время какъ я усмирю тебя силой!» И Геркулесъ сталъ яростно наступать на меня. Уступить ему мнѣ было стыдно: я только что показалъ свое краснорѣчіе... Сбросилъ я съ тѣла зеленую одежду, выставилъ впередъ руки и, прижавъ локти къ своей могучей груди, держалъ ихъ насторожѣ, словомъ приготовился къ бою. Сынъ-же Алкмены, взявъ въ руку песку, кинулъ имъ въ меня, но и самъ въ свою очередь покрылся желтымъ пескомъ. И то старался Геркулесъ схватить меня за голову, то за дрожавшія колѣни, то можно было думать, что вотъ-вотъ Геркулесъ схватитъ меня, а онъ только дразнилъ меня. Моя дородность защищала меня, и напрасно силился сынъ Алкмены сбить меня съ ногъ. Такъ, благодаря своей крѣпости, остается цѣла плотина, о которую съ страшнымъ шумомъ разбиваются волны. Мы немного отдохнули, а потомъ снова стали биться. Рѣшившись не уступать другъ другу, мы стали въ такомъ положеніи: нога примыкала къ ногѣ, весь выдавшись впередъ своею грудью, я доставалъ пальцами до пальцевъ Геркулеса, лбомъ—до его лба. Случалось мнѣ видѣть, какъ дрались могучіе быки, когда побѣдителя ждала награда—красивѣйшая изо всего стада телка: съ нетерпѣніемъ глядитъ стадо на бой, не зная, на чью долю выпадетъ такое счастье. Три раза хотѣлъ внукъ Алкея оттолкнуть меня, напиравшаго на него грудью, но безуспѣшно,

на четвертый разъ онъ вырвался таки изъ моихъ объятій, высвободилъ свои стиснутыя руки, оттолкнулъ меня рукою и, сбивъ съ ногъ, всею тяжестью — я твердо рѣшился говорить правду—налегъ мнѣ на грудь. Вѣрите-ли, или нѣтъ,—мнѣ нѣтъ цѣли ложью добывать себѣ славы — я думалъ, что меня давила обрушившаяся гора. Хоть и съ трудомъ, я все-же высвободилъ свои сильно вспотѣвшія руки, съ трудомъ освободилъ свою грудь отъ ужасныхъ объятій. Но Геркулесъ не далъ мнѣ и вздохнуть, не далъ собраться съ силами, а схватилъ меня за голову. Тутъ-то наконецъ я упалъ на землю, лицемъ уткнулся въ песокъ. Уступая сыну Алкмены въ силѣ, я сталъ искать себѣ помощи въ способности измѣнять свой видъ и, желая уйти отъ храбреца, превратился въ огромнаго змѣя. Засмѣялся Тиринѳянинъ, потѣшаясь надъ моею хитростію, когда я сталъ свиваться въ кольца и со страшнымъ шипѣньемъ высунулъ свое раздвоенное жало. — «Еще съ пеленокъ умѣлъ я бороться со змѣями», воскликнулъ онъ. «Если ты, Ахелой, и больше другихъ змѣй, то какъ малъ ты змѣемъ въ сравненіи съ лернейской гидрой: раны приносили ей пользу, ни одну изъ ста головъ ея нельзя было отрубить безнаказно, чтобъ не становилась она опаснѣе отъ двухъ новыхъ наростовъ. Сладилъ я и съ гидрой, изъ отрубленныхъ головъ которой выходили новыя змѣи, которая становилась сильнѣй отъ потери крови,—одолѣвъ, я убилъ ее. Что-же, подумай, будетъ съ тобою, прикинувшимся змѣемъ и защищающимся чужимъ оружіемъ, скрываясь въ ненадежномъ образѣ?» Такъ говорилъ Геркулесъ и, словно цѣпью, стиснулъ рукою мое горло. Я задыхался—словно клещи сжали и давили его — и старался высвободить горло изъ рукъ Геркулеса. Итакъ мнѣ побѣжденному оставалось принять свой третій видъ сердитаго быка: я сталъ быкомъ и возобновилъ бой. Своими могучими руками Геркулесъ схватилъ меня за лѣвой бокъ; я пустился бѣжать, а онъ, вцѣпившись, не выпускалъ меня, схватилъ за крѣпкій рогъ, пригнулъ къ землѣ и повалилъ на вяз-

кій песокъ. И (85) этого сыну Алкмены было мало: въ то время какъ онъ держалъ крѣпкій рогъ, онъ сломалъ его своею могучею рукою и отбросилъ отъ моей обезображенной головы. Наяды посвятили его богамъ, наполнили яблоками и душистыми цвѣтами, и рогъ мой сталъ называться *рогомъ изобилія*». Такъ говорилъ Ахелой, и одна (90) изъ прислуживавшихъ нимфъ, подпоясанная подобно Діанѣ, съ распущенными волосами, вошла въ комнату и въ богато-украшенномъ рогѣ принесла множество осеннихъ плодовъ и новое блюдо — спѣлыя яблоки. Насталъ день, и, когда солнце первыми лучами освѣтило горныя вершины, молодые люди ушли отъ Ахелоя, не дождавшись, пока утихнетъ (95) погода на рѣкѣ, пока улягутся ея волны, пока вполнѣ успокоится она. Ахелой-же скрылъ въ глубинѣ водъ свое некрасивое лице съ обезображеннымъ лбомъ.

Бога смирило то, что онъ лишился только своего украшенія, — все остальное было у него цѣло, и безобразіе своей головы сталъ онъ прикрывать то ивовымъ вѣнкомъ, то (100) камышевымъ,—тебя же, дерзкій Нессъ, любовь къ той же Деянирѣ сгубила: быстрая стрѣла впилась тебѣ въ спину. Возвращаясь обратно въ свой родной городъ, сынъ Юпитера подошелъ съ юною супругою къ водамъ быстраго Эвена. Разлившись отъ зимнихъ снѣговъ, рѣка была шире (105) обыкновеннаго; въ ней было больше водоворотовъ, словомъ, она стала непроходимѣе. Къ боявшемуся не за себя, но за жену, Геркулесу подошелъ силачъ Нессъ, знавшій броды Эвена. «Внукъ Алкея», сказалъ онъ, «я исполню свою должность, перенесу Деяниру (110) на тотъ берегъ, а ты постарайся переплыть рѣку самъ!» Отдалъ Аоніецъ Нессу поблѣднѣвшую отъ страха, боявшуюся и воды, и самого носильщика Калидонянку, а потомъ перебросилъ на другую сторону рѣки палицу и кривой лукъ, — такъ какъ они мѣшали ему плыть—и, не снимая тяжелаго колчана и львиной шкуры, сказалъ: «коли (115) я ужъ приступилъ къ дѣлу, то переплыву рѣку!» И Геркулесъ не колеблется, не

ищетъ мѣста, гдѣ рѣка была бы спокойнѣе, не хочетъ довѣриться прихоти ея теченія. Ужъ онъ вышелъ на берегъ, когда, поднимая брошенный лукъ, услыхалъ крикъ жены. «Куда бѣжишь ты, дерзкій, напрасно надѣешся на быстроту своихъ ногъ», кричитъ Геркулесъ кентавру, намѣревавшемуся уйти со своею добычею, «тебѣ говорю я, двуобразный Нессъ, послушайся меня, не похищай того, что не принадлежитъ тебѣ! Если ужъ ты не имѣешь уваженія ко мнѣ, то колеса отца твоего могли бы удержать тебя отъ преступныхъ объятій съ Деянирой. Но ты всетаки не убѣжишь, хоть и надѣешься на помощь своихъ лошадиныхъ ногъ: убью я тебя, хоть и не погонюсь за тобой!» И Геркулесъ осуществилъ это на дѣлѣ: пустилъ онъ стрѣлу, и на лету пронзила она спину бѣглеца; высунулся изъ его груди ея искривившійся наконечникъ. Когда Нессъ вынулъ стрѣлу, изъ обоихъ отверстій раны брызнула кровь, смѣшанная съ ядомъ страшной лернейской гидры. Кентавръ зачерпнулъ этой крови. «Не умру же я неотмщеннымъ», сказалъ онъ про себя и подарилъ Деянирѣ, которую хотѣлъ-было похитить, свою одежду, смоченную теплою кровью, кровью, какъ средствомъ, будто бы возбуждающимъ любовь.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Слава о подвигахъ великаго Геркулеса разнеслась по землѣ, и ненависть къ нему мачехи прекратилась. Въ Эхаліи готовился онъ принести жертву кенейскому Юпитеру въ благодарность за побѣду, когда до тебя, Деянира, дошла шумная молва,—молва, которая любитъ къ истинѣ примѣшивать ложь, которая изъ малой дѣлается огромной,—будто сынъ Амфитріона влюбился въ Іолу. Повѣрила этому любившая Геркулеса Деянира. Испугавшись одного слуха о новой любви своего супруга, она сперва поплакала и слезами облегчила, бѣдная, свое горе, но вскорѣ потомъ сказала: «и зачѣмъ я плачу? Радоваться будетъ моя соперница, глядя на эти слезы: нужно поскорѣй дѣлать что-нибудь противъ Іолы,—вѣдь она придетъ сюда—дѣлать, пока еще можно, пока другая женщина не вошла въ мою брачную

горницу. Жаловаться-ли мнѣ, или молчать, возвратиться-ли въ Калидонъ, или оставаться здѣсь, бѣжать-ли изъ дому, или бороться съ соперницей—сдѣлать большее я не въ силахъ.... Что будетъ, если помня, что я твоя сестра, Мелеагръ, я вдругъ (150) задумаю совершить преступленіе, докажу, что̀ можетъ сдѣлать несправедливо-оскорбленная женщина, — убью свою соперницу?..» Разныя мысли овладѣвали сердцемъ Деяниры. Наконецъ она рѣшилась послать мужу одежду, пропитанную кровью Несса, чтобы снова возжечь въ Геркулесѣ угасавшую любовь. И Деянира, не зная, что говоритъ, разсказала ничего не подозрѣвавшему (155) Лиху про свое горе и стала ласково просить, бѣдная, передать мужу свой подарокъ. Ничего не подозрѣвая, герой взялъ пропитанную ядомъ лернейской гидры одежду и надѣлъ ее себѣ на плечи. Когда же Геркулесъ сталъ воскурять на разгоравшемся огнѣ ѳиміамъ и молиться предъ мраморнымъ жертвенникомъ, возливая на него изъ чаши вино (160), героя сталъ жечь страшный ядъ; разогрѣвшись отъ пламени, онъ глубоко проникъ въ его тѣло. Пока могъ Геркулесъ, онъ со свойственнымъ ему мужествомъ подавлялъ стоны, но, когда отъ боли истощилось его терпѣніе, онъ опрокинулъ жертвенникъ и огласилъ (165) своими воплями лѣсистую Эту. И тотчасъ хотѣлъ Геркулесъ сорвать съ себя смертоносную одежду, но, гдѣ отставала она, тамъ — противно разсказывать мнѣ—сдирала кожу или прилипала къ тѣлу такъ, что оторвать ее не было никакой возможности, или обнажала истерзанное тѣло, обнажала старыя кости. Даже (170) кровь, струившаяся изъ тѣла Геркулеса, шипѣла, какъ шипитъ иногда раскаленная полоса желѣза, когда опустятъ ее въ холодную воду, шипѣла и пузырилась отъ жгучаго яда. Истощилось терпѣнье героя: неутолимый жаръ изсушаетъ его грудь, темный потъ выступаетъ по всему его тѣлу, стучатъ изсохшія жилы, отъ невидимаго гніенія (175) костный мозгъ обращается въ жидкость. «Наслаждайся моими мученіями, дочь Сатурна», восклицаетъ Геркулесъ, протягивая къ небу свои руки,

«смотри, безсердечная, со своихъ высотъ на мою смерть, насыть свое каменное сердце или же, если надо мною сжалится и врагъ,—а я врагъ твой—возьми у меня изнемогшую отъ жестокихъ страданій, ненавистную и данную для совершенія подвиговъ жизнь: смерть будетъ для меня даромъ, а моей мачехѣ прилично будетъ дать мнѣ такой подарокъ! Вѣдь кто же, какъ не я, убилъ Бузирида, осквернявшаго жертвенники кровью чужеземцевъ, кто лишилъ чудовищнаго Антея помощи со стороны его матери? Не заставили меня содрогнуться ни трехголовый иберійскій пастухъ, ни трехголовый же Керберъ. Не вы ли, мои руки, сломили рогъ у сильнаго быка; вашихъ подвиговъ свидѣтельница Элида, воды Стимфала, лѣса Партенія. Благодаря вашей же силѣ, досталъ я украшенный золотомъ термодонтскій поясъ и яблоки, охраняемыя неусыпнымъ дракономъ. Не могли бороться со мною ни кентавры, ни вепрь, опустошавшій Аркадію; не помогло гидрѣ и то, что она становилась страшнѣе, когда отрѣзали ей голову, увеличивали ея силы. Что же, когда я увидѣлъ, что конюшни ѳракійскихъ коней наполнены растерзанными трупами людей и что кони потолстѣли отъ человѣческой крови, развѣ я не сломалъ конюшенъ и не убилъ коней вмѣстѣ съ ихъ хозяиномъ? Тѣ же руки задушили огромнаго немейскаго льва, ими же поддерживалъ я небо. Уставала давать мнѣ приказанія гнѣвная супруга Юпитера, самъ я не усталъ отъ трудовъ!...» Но боль становится невыносимой; невозможно бороться съ нею ни доблестью, ни оружіемъ: глубоко въ сердце Геркулеса проникаетъ алчный огонь и распространяется по всему тѣлу. «А Эврисѳей еще живъ! Находятся же послѣ того люди, вѣрящіе въ боговъ», восклицаетъ страждущій герой и идетъ на вершину Эты. Такъ идетъ тигрица, отъ которой убѣжалъ охотникъ, вонзивъ въ нее копье. Можно было слышать, какъ Геркулесъ то стоналъ, то дрожалъ, то силился изорвать на себѣ всю одежду, то въ бѣшенствѣ ломалъ кустарники и простиралъ свои руки къ горамъ или къ отцевскому небу. Но

вотъ онъ увидѣлъ Лиха, отъ испуга спрятавшагося въ пещерѣ. «Не ты ли, Лихъ, принесъ мнѣ гибельный подарокъ, не ты ли виновенъ будешь въ моей смерти?» воскликнулъ Геркулесъ, вымещая на рабѣ свои страданія и все бѣшенство. Дрожитъ тотъ, блѣднѣетъ (215) отъ страха и начинаетъ робко оправдываться. Но, пока Лихъ говорилъ и хотѣлъ обнять колѣна внука Алкея, тотъ схватилъ его, помахалъ имъ раза три-четыре, и сильнѣй, чѣмъ камень изъ пращи, рабъ полетѣлъ въ Эвбейскій заливъ. На лету Лихъ отвердѣлъ въ воздухѣ, какъ (220), говорятъ, застываетъ дождь отъ холоднаго вѣтра, вслѣдствіе чего образуются легкія снѣжинки, которыя, отвердѣвъ, принимаютъ видъ шаровидной градины: такъ и Лихъ, брошенный въ воздухъ могучими руками, поблѣднѣлъ и похолодѣлъ отъ страха, и обратился въ (225) холодный камень, на зрѣлище поколѣньямъ людей. Даже и до нынѣ изъ водъ глубокаго залива выдается небольшой утесъ, очертаніемъ похожій на человѣка; боятся ходить по нему мореходцы—словно утесъ что-либо чувствуетъ—и зовутъ его Лихомъ.

Срубивъ деревья (230), росшія на крутой Этѣ и сложивъ изъ нихъ костеръ, ты, славный сынъ Юпитера, лукъ свой и просторный колчанъ со стрѣлами, которымъ суждено было во второй разъ увидѣть троянское царство, подарилъ тому, кто услужилъ тебѣ, поджегъ костеръ — сыну Пеанта. Когда костеръ охватило алчное пламя, ты, Геркулесъ, бросаешь на него (235) шкуру немейскаго льва, подъ голову подкладываешь палицу и ложишся на костеръ съ такимъ же выраженьемъ въ лицѣ, съ какимъ возлежалъ украшенный вѣнками на пиру, средь полныхъ чашъ вина.

Ужъ сильное пламя съ трескомъ охватывало и лизало отовсюду тѣло того, кто спокойно (240) лежалъ, не обращая на него никакого вниманія. Боги стали бояться за защитника земли. Замѣтилъ это сынъ Сатурна, Юпитеръ, и ласково сказалъ безсмертнымъ: «вашъ страхъ за моего сына радуетъ меня боги, и я ото всего сердца поздравляю себя. съ тѣмъ, что

благодарные мои подданные считаютъ меня своимъ правителемъ и отцемъ, — вслѣдствіе вашей любви ко мнѣ нечего бояться и моему сыну. И хоть Геркулесъ заслужилъ эту любовь своими необыкновенными подвигами, я всетаки отъ себя благодарю васъ за любовь къ нему. Но пусть сердца друзей моего сына не сжимаются отъ напраснаго страха, — не думайте о кострѣ на Этѣ: тотъ, кто побѣждалъ все, побѣдитъ, какъ вы увидите, и огонь. Геркулесъ почувствуетъ, что пламя пожретъ въ немъ только то, что ему досталось со стороны матери: что же перешло въ него отъ меня, то безсмертно, вѣчно, того не истребитъ огонь. Ту часть, которая страдала на землѣ, я перенесу на небо, въ полной увѣренности, что мой поступокъ обрадуетъ всѣхъ безсмертныхъ. Но если кто-либо изъ нихъ будетъ недоволенъ тѣмъ, что Геркулесъ вдругъ станетъ богомъ, кто не захотѣлъ-бы вознаградить его такимъ образомъ, — тотъ пусть знаетъ, что сынъ Алкмены достоинъ этого, пусть помирится съ этимъ, хотя бы и противъ воли!» Согласились боги; видно было, что даже и царственная супруга Юпитера первыя слова его выслушала спокойно, но послѣднія не понравились ей: непріятенъ былъ намекъ богинѣ.

Между тѣмъ огонь пожралъ все, что только могъ, и образъ Геркулеса сталъ отъ этого неузнаваемъ: ничего материнскаго не осталось въ немъ, осталось только то, что перешло къ нему отъ Юпитера. Какъ блеститъ и зеленѣетъ новою своею чешуею помолодѣвшій змѣй, вмѣстѣ со старой кожей сбросившій и свою дряхлость: такъ, разставшись съ тѣломъ, блеститъ лучшею своею частью и Тиринѳянинъ; начинаетъ онъ какъ-бы увеличиваться и дѣлаться грознымъ вслѣдствіе своего божественнаго величія. И всемогущій отецъ поднялъ Геркулеса на своей четырех-конной колесницѣ на темное облако, помѣстилъ его среди лучистыхъ звѣздъ.

Тяжело стало Атланту. Но не утихъ еще гнѣвъ суроваго сына Стенелея, Эврисѳея, — ненависть свою къ отцу онъ вы-

мѣщаетъ на дѣтяхъ. Сильно страдала Арголидянка, старуха Алкмена; не знала она, когда кончится ея горе, кто будетъ разсказывать всему міру объ извѣстныхъ подвигахъ ея сына, кто разскажетъ и про ея смерть. Жила она съ Іолою. По волѣ Геркулеса любившій дѣву благородный Гиллъ женился на Іолѣ и совокупился съ нею. Однажды такъ стала говорить Іолѣ Алкмена: «пусть, по крайней мѣрѣ, хоть помогутъ тебѣ боги и дадутъ скорѣе разрѣшиться отъ бремени, когда, доносивъ ребенка, ты станешь призывать покровительницу робкихъ рожѣницъ, или то, чѣмъ мучиться такъ, какъ мучилась я по милости Юноны. Уже солнце вступало въ десятый знакъ зодіака, когда пришло мнѣ время родить многострадальнаго Геркулеса. Отъ потугъ мнѣ стало растягивать матку; тѣ страданія, которыя я переносила, были такъ сильны, что можно было думать, будто я беременна Юпитеромъ. Ужъ не могла я долѣе выносить болей: даже и теперь, когда говорю я, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, и въ одномъ воспоминаніи есть доля страданій. Семь дней и ночей мучилась я, обезсилѣла отъ боли и, простирая къ небу руки, стала громко призывать Луцину и близнецовъ Никсовъ. Луцина хоть и пришла, но она была заранѣе подкуплена, чтобы пожертвовать моею жизнью въ угоду несправедливой Юнонѣ. Когда богиня услыхала мои стоны, то сѣла на стоявшій передъ дверьми жертвенникъ, правую свою ногу заложила на лѣвую и, сложивъ руки крестомъ, стала останавливать мои роды: тихо говорила она свои заклинанія, и они остановили мои было начавшіеся роды. Трудно приходилось мнѣ, и внѣ себя отъ боли я понапрасну осыпала бранью несправедливаго Юпитера, говорила, что лучше желала бы умереть; жалуясь, я говорила такъ, что тронула-бы даже камни. Пришли ко мнѣ матери-Кадмеянки и стали молиться, утѣшая меня, страдалицу.

Была тутъ и одна моя служанка изъ простонародья, бѣлокурая Галантида; скоро умѣла она исполнять приказанья и

была любима за свою услужливость. Галантида поняла, что въ томъ дѣлѣ замѣшана Юнона. Безпрестанно то входя, то выходя изъ комнаты, она увидѣла, что Луцина все еще сидитъ на жертвенникѣ, обхативъ руками свои колѣни. «Кто-бы ни была ты», говоритъ богинѣ Галантида, «поздравь мою госпожу: Арголидянка Алкмена разрѣшилась отъ бремени; мольбы роженицы услышаны!» Вскочила могучая богиня родовъ и въ недоумѣніи опустила свои сложенныя руки; тогда мнѣ стало легче, и я родила. Говорятъ, будто Галантида стала надсмѣхаться надъ обманутой Луциной, и разгнѣванная богиня схватила насмѣшницу за волосы, а когда та хотѣла было встать, Луцина не дала ей сдѣлать этого и прежде всего руки у дѣвушки измѣнила въ ноги. Осталось въ ней прежнее проворство, не измѣнялся цвѣтъ тѣла, но видъ не тотъ, что прежде; а такъ какъ Галантида помогла роженицѣ своимъ лживымъ языкомъ, то она и родитъ имъ и по привычкѣ живетъ въ нашихъ жилищахъ!»

Такъ говорила Алкмена, со вздохомъ вспоминая о своей прежней служанкѣ. Тогда съ такими словами обратилась къ опечаленной матери Геркулеса ея невѣстка: «на тебя, мать, производитъ впечатлѣніе превращеніе даже чужихъ тебѣ людей, а что, если я разскажу тебѣ про чудную судьбу моей сестры, хоть горькія слезы и мѣшаютъ мнѣ говорить. Дріопа, самая красивая изъ Эхалидянокъ, была у матери единственной дочерью—я у отца была отъ другой его жены. Когда Дріопу обезчестилъ и изнасиловалъ богъ, живущій въ Дельфахъ и Делосѣ, на ней женился Андремонъ; счастливцемъ называли такого мужа. Было озеро, отлогіе берега котораго, обросшіе миртовыми деревьями, походили на покатый берегъ моря. Сюда-то и пришла не предчувствовавшая своей участи Дріопа и, что всего обиднѣе, пришла плести вѣнки, желая посвятить ихъ нимфамъ. На груди Дріопа держала и кормила теплымъ своимъ молокомъ дорогую ношу—ребенка, которому не было еще и года. Не

(340) подалеку отъ озера росъ водяной лотосъ, цвѣты котораго похожи на тирскій пурпуръ; цвѣтокъ долженъ былъ вскорѣ принести плоды. Тутъ Дріопа сорвала цвѣтокъ лотоса, чтобы дать поиграть имъ своему ребенку; тоже самое хотѣла сдѣлать и я,—я была вмѣстѣ съ сестрою — когда увидѣла, что изъ цвѣтка падаютъ (345) капли крови и что лепестки его шевелятся, какъ-бы отъ сильнаго страха. Это случилось, конечно, потому, что — какъ намъ ужъ поздно разсказали потомъ поселяне — въ цвѣтокъ тотъ превратилась, сохранивъ свое имя, одна нимфа, по имени Лота, спасаясь отъ безстыдника Пріапа. Не знала этого сестра и, когда она въ испугѣ хотѣла было идти (350) назадъ, къ озеру, чтобы помолиться нимфамъ, то увидѣла, что ея ноги опуталъ корень дерева. Дріопа хотѣла вырвать его, но только раскачала его верхушку. Нѣжная кора обхватила сперва ноги сестры, а потомъ мало-по-малу и весь ея животъ. Увидя это, Дріопа стала рвать на себѣ волосы, и ея руки стали полны листьевъ (355): листья покрывали всю ея голову. Сынъ Дріопы, Амфисъ— такъ назвалъ его дѣдъ, Эвритъ, — почувствовалъ, что сосцы его матери затвердѣли, что въ нихъ нѣтъ молока, какъ онъ ни сосалъ ихъ. Я была свидѣтельницей плачевной участи Дріопы, но не (360) могла помочь тебѣ, сестра; что только было можно, я обхватила дерево и не давала рости его стволу и вѣтвямъ. И мнѣ самой, признаться, хотѣлось скрыться подъ тою-же корою. Но вотъ приходятъ мужъ Дріопы, Андремонъ, съ ея бѣднымъ отцемъ и начинаютъ искать сестру. Когда они стали спрашивать меня о Дріопѣ, я указала (365) имъ на лотосъ. Жарко начинаютъ они цѣловать дерево и, припавъ къ его корню, остаются безъ движенія. Всѣ части твоего тѣла, кромѣ лица, превратились въ дерево, милая сестра, и изъ листьевъ, образовавшихся изъ тѣла несчастной, закапали слезы. Но, пока Дріопѣ было можно говорить (370), она такъ жаловалась на свою судьбу: «если вѣрятъ несчастнымъ, то клянусь богами, что я не совершала никакого пре-

ступленія, безъ вины наказана я. Непорочно жила я, если-же лгу, то пусть изсохну и потеряю свою листву, пусть сожгутъ меня, срубивъ топоромъ. Отнимите отъ дерева моего ребенка, дерева, въ которое превратилась его мать, и отдайте его кормилицѣ. Пусть чаще пьетъ онъ молоко подъ моимъ деревомъ, пусть играетъ подъ нимъ! Когда же ребенокъ мой будетъ говорить, то пусть, привѣтствуя свою мать, печально скажетъ: «въ это дерево превращена моя мать!» Но пусть онъ не подходитъ къ озерамъ, пусть не рветъ съ деревьевъ цвѣтовъ, пусть всѣ ихъ считаетъ за тѣла богинь. Прощай, милый супругъ, прощай, сестра, и ты, отецъ! Если вы любили меня, то не давайте рѣзать моей листвы ни острой косѣ, ни ощипывать ея скоту. Приподнимитесь и, пока можно, поцѣлуйте меня; приподнимите и моего малютку: самой мнѣ нельзя наклониться къ вамъ. Не могу я больше говорить — ужъ моя бѣлая шея постепенно обростаетъ молодою корою, а надъ головою выростаетъ вершина дерева. Отнимите свои руки отъ моихъ умирающихъ глазъ: и безъ вашей услуги закроетъ ихъ ползущая сверху кора»... И въ тоже время Дріопа перестала говорить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жить. Но долго было тепло молодое дерево—моя превращенная сестра»...

Въ то время, какъ Іола разсказывала этотъ печальный случай, Алкмена утирала своею рукою слезы дочери Эврита, но и сама она плакала. Новое зрѣлище сразу прекратило ея скорбь: въ высокихъ дверяхъ комнаты стоялъ Іолай. Незамѣтный пушекъ покрывалъ его щеки, вновь помолодѣло его лице—онъ былъ почти мальчикъ. Подобный подарокъ сдѣлала Іолаю дочь Юноны, Геба, уступивъ просьбамъ своего мужа. Когда богиня хотѣла было поклясться, что такого подарка она не сдѣлаетъ впредь никому, Ѳемида удержала ее. «Въ Ѳивахъ началась уже междоусобная война», сказала богиня, «никому, кромѣ Юпитера, нельзя побѣдить Капанея; падутъ въ единоборствѣ родные братья, заживо увидитъ прорицатель свою тѣнь въ нѣдрахъ разверзшейся земли. Сынъ

отмстить матери за своего отца и, благодаря своему поступку, будетъ въ одно время и благочестивъ и преступенъ. Гонимый бѣдами, лишившись разума и крова, онъ не найдетъ покоя отъ Эвменидъ (410) и тѣни матери, пока его супруга не выпроситъ себѣ роковаго золотаго ожерелья, пока его родные не вонзятъ ему въ бокъ флегійскаго меча. Тогда-то наконецъ дочь Ахелоя, Каллироя, станетъ умолять могучаго Юпитера прибавить нѣсколько лѣтъ ея юнымъ сыновьямъ, чтобы (415) скорѣе отмстить за убійство своего мужа. Согласится Юпитеръ на эту просьбу, прежде времени окажетъ милость своей падчерицѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ невѣсткѣ,—изъ малолѣтнихъ сдѣлаетъ ея дѣтей мужами!»

Лишь только успѣла сказать это вѣщая прорицательница Ѳемида, какъ изъ среды боговъ раздались разныя восклицанія. И (420) стали роптать безсмертные, отчего не могутъ и они оказать подобной милости другимъ людямъ. Дочь Палланта жалуется, что мужъ ея старикъ; сѣтуетъ кроткая Церера, что начинаетъ покрываться сѣдинами Язій; Мульциберъ проситъ молодости Эрихтонію; забота за будущее безпокоитъ (425) и Венеру, и она начинаетъ просить молодости Анхизу,—словомъ у всякаго бога находится свой любимецъ. Усиливался бурный ропотъ изъ-за любимцевъ, пока Юпитеръ не обратился къ безсмертнымъ съ такою рѣчью: «зачѣмъ шумите вы, если хоть сколько нибудь уважаете меня? Или каждый изъ васъ считаетъ себя столь сильнымъ, что можетъ идти и противъ рока (430)? По волѣ судьбы возвращена Іолаю его прежняя молодость, по волѣ судьбы, а не по чьему-либо желанію или могуществу, должны помолодѣть и дѣти Каллирои. Чтобы не сердиться вамъ, знайте, что рокъ управляетъ и мною. Если-бъ я могъ измѣнить предопредѣленіе судьбы, то не (435) согнулся бы отъ старости сынъ мой, Эакъ, вѣчно молодъ былъ бы Радамантъ и любимецъ мой, Миносъ; не боятся его изъ-за безпомощной старости, да и правитъ онъ не такъ справедливо, какъ прежде». Слова Юпитера произвели на боговъ впечатлѣніе, и ни одинъ

изъ нихъ не рѣшился роптать, когда (440) увидѣлъ, что состарѣлись даже Радамантъ, Эакъ и Миносъ. Пока послѣдній былъ *молодъ*, онъ однимъ именемъ своимъ заставлялъ трепетать сильные народы, — теперь же Миносъ безпомощенъ: боится (445) онъ сына Дейоны, Милета, гордящагося юношескою силой да отцемъ своимъ Фебомъ. Миносъ знаетъ, что Милетъ возсталъ противъ твоей власти, но не рѣшается изгнать его изъ родины. Ты же, Милетъ, добровольно бѣжишь изъ нея, быстро несешся на кораблѣ по Эгейскому морю и въ Азіи строишь городъ, получившій имя въ честь основателя.

Въ то время, какъ ты бродилъ тамъ (450), осматривая заливъ своей новой родины, ты познакомился съ красавицей Кіаной, дочерью извилистаго Меандра, и она родила тебѣ близнецовъ—Библиду и Кавна. На Библидѣ видно, какъ дѣвушки любятъ все, что только можно: Библида (455) страстно любила брата своего Кавна, внука Аполлона, но любила не такъ, какъ слѣдовало бы, не такъ, какъ сестра брата. Дѣвушка сперва не замѣчала своей страсти, не считала грѣхомъ часто цѣловать брата, обвиваться руками вкругъ его шеи. Долго обманывалась (460) Библида призракомъ своего родственнаго чувства, любовь овладѣвала ею постепенно. Разодѣтою ходила дочь Милета, когда хотѣла видѣться съ братомъ, старалась показаться ему какъ можно красивѣе, если же у Кавна была женщина прелестнѣе, то тогда Библида начинала ее ненавидѣть. Но сама она не можетъ еще дать отчета въ своихъ чувствахъ, въ своей страсти (465), не высказывала никакого желанія, но сердце ея бушевало. И то называетъ Библида Кавна своимъ супругомъ, то ненавистно ей кровосмѣшеніе, то хочетъ она, чтобы братъ называлъ ее лучше Библидой, чѣмъ сестрою. Днемъ дѣва не могла представить въ своемъ воображеніи исполненія своего порочнаго желанія, но, забывшись въ сладкомъ снѣ, она нерѣдко (470) видѣла предметъ своей любви, видѣла даже, что совокуплялась съ братомъ, и краснѣла, хоть и спала. Когдаже Библида просыпалась, то долго молчала и снова представ-

ляла сонъ въ своемъ умѣ. Противоположныя мысли овладѣвали Библидой. «О я, несчастная», говорила дѣва, «что бы ни обѣщало мнѣ видѣніе таинственной ночи, я не хочу, чтобы оно исполнилось на-яву. Но что же предвѣщаетъ мнѣ этотъ сонъ? Кавнъ, правда, красавецъ въ моихъ ко всему другому холодныхъ глазахъ, и нравится онъ мнѣ, и могла бы я любить его, не будь онъ мнѣ братомъ. А Кавнъ былъ бы мнѣ подъ пару, еслибъ не было помѣхи, что я прихожусь ему сестрою. Пусть чаще снятся мнѣ сны, подобные тому, лишь бы только ничего подобнаго не случилось со мной на яву: во снѣ никто не видитъ моего грѣха, а я испытываю наслажденіе какъ бы на самомъ дѣлѣ. Клянусь тобою, быстрокрылый Купидонъ, и твоею нѣжною матерью Венерой, какъ сладко было мнѣ тогда, что за чудная нѣга охватывала меня; я лежала въ какой-то истомѣ! Какъ пріятно и вспомнить объ этомъ, хоть и коротко было удовольствіе, словно ночь завидовала нашему счастью! О, еслибъ можно было мнѣ, Кавнъ, выйти за тебя за-мужъ, перемѣнивъ свое имя, то какою славною невѣсткой была бы я твоей матери, какимъ славнымъ зятемъ былъ бы ты, Кавнъ, моему отцу! Пусть бы сдѣлали боги, чтобы все у насъ было общее съ тобою, кромѣ предковъ: я бы хотѣла, чтобы родъ твой былъ древнѣе моего. Не знаю, красавецъ, кого ты сдѣлаешь матерью, но мнѣ, которой судьбою суждено, къ несчастію, имѣть однихъ съ тобою родителей, ты будешь не болѣе, какъ братомъ; одно у насъ будетъ общее—препятствіе къ браку. Итакъ, что же предвѣщаетъ мнѣ мой сонъ, что значатъ мои грезы? Да и имѣютъ ли сны какое нибудь значеніе?.. Боги счастливѣе насъ: вѣдь они женились на своихъ сестрахъ, — такъ Сатурнъ взялъ себѣ въ жены сестру свою Опу, Океанъ — Тефію, царь Олимпа—Юнону. Но боги имѣютъ особое право. Такъ зачѣмъ же я хочу розные съ нашими обычаи безсмертныхъ примѣнить къ людямъ? Или изгоню я изъ своего сердца преступную любовь, или, если это мнѣ не удастся, пусть умру я преждевременно, пусть положатъ

мой трупъ на погребальномъ одрѣ, пусть братъ поцѣлуетъ меня хотя мертвую! Но (505) на то, что я замыслила, нужно согласіе обоихъ насъ. Положимъ, что я и люблю Кавна; а что, если онъ сочтетъ это за преступленіе?... Но вѣдь сыновья Эола не испугались брака со своими сестрами. Да къ чему я приплела ихъ сюда, зачѣмъ беру съ нихъ примѣръ? Куда стремлюсь я? Прочь удались отъ меня, преступная любовь, я стану любить брата такъ (510), какъ слѣдуетъ сестрѣ, но, еслибъ самъ Кавнъ первый влюбился въ меня, я, пожалуй, и не устояла бы противъ его страсти. Такъ значитъ мнѣ слѣдуетъ самой обратиться къ Кавну съ просьбою, чтобы не получить отказа? Но сможешь ли ты сказать ему объ этомъ, сможешь ли признаться? Буду въ состояніи, если заставитъ (515) любовь, если же не посмѣю сказать того Кавну отъ стыда, то признаюсь въ тайной любви къ нему въ роковомъ письмѣ...» На томъ и порѣшила Библида, эта мысль овладѣла ея колебавшимся сердцемъ. На бокъ повернулась дѣва на своей постели, оперлась на лѣвую руку и сказала: «пусть прочтетъ Кавнъ мое признаніе въ безумной любви къ нему! Горе (520) мнѣ, на что рѣшаюсь я, что за страсть овладѣла моимъ сердцемъ!» И дрожащею рукою Библида стала писать задуманное письмо. Въ правой она держитъ грифель, въ лѣвой—чистую вощанку. Стала дѣва писать и задумалась. И то напишетъ она письмо, то сотретъ его, снова напишетъ и опять сотретъ, то передѣлаетъ его, то неприличнымъ покажется ей оно, то понравится. То возьметъ Библида вощанки, то положитъ ихъ, положитъ и снова (525) возьметъ, не зная, чего хочетъ, то не понравится ей ея прежнее рѣшеніе. Рѣшимость и стыдъ видны на лицѣ Библиды. «Сестра» написала было она, но рѣшилась стереть слово «сестра» и послѣ подобнаго рода исправленій написала Кавну такого рода письмо: «это письмо посылаетъ тебѣ та влюбленная въ тебя, которая (530) будетъ счастлива лишь съ тобою, но открыть свое имя ей стыдно. И, если ты спросишь, чего хочу я, я скажу тебѣ, что желала бы, чтобы ты испол-

нилъ мое желанiе и не зная моего имени, узналъ бы, что оно «Библида» не прежде, какъ навѣрно суждено будетъ исполниться моему желанiю. Неужели тебѣ не говорили о страданiяхъ моего сердца цвѣтъ и худоба моего лица, почти всегда заплаканные глаза, вздохи, вырывавшiеся безо всякой причины, мои несчетныя объятiя, поцѣлуи, которые — тебѣ, быть можетъ, случалось замѣтить это—вовсе не походили на сестрины. Но, хоть и сильно страдала я сама своимъ сердцемъ, хоть пылала въ немъ любовь—боги свидѣтели, я сдѣлала все, чтобы хоть сколько-нибудь излечиться отъ этой болѣзни, долго пыталась я избѣжать опасныхъ стрѣлъ Купидона и вынесла ужасныхъ страданiй больше, чѣмъ можетъ ихъ вынести, съ чѣмъ и ты согласишся, дѣвушка. Но я должна сознаться, что побѣждена, —должна робко просить тебя исполнить мое желанiе; одинъ ты можешь спасти и погубить влюбленную въ тебя,—выбирай одно изъ двухъ, объ этомъ проситъ тебя не врагъ твой, но та, которая и безъ того близкая къ тебѣ, желаетъ быть еще ближе, соединиться съ тобой еще болѣе крѣпкими узами. Пусть старые люди читаютъ законы, пусть они знаютъ по нимъ, что позволено дѣлать, что свято и что преступно, пусть они и блюдутъ ихъ постановленiя: наши годы—пора безразсудной любви; не знаемъ мы еще, что намъ можно дѣлать, и думаемъ, что можно все, слѣдуя при этомъ примѣру всемогущихъ боговъ. Не посмотримъ мы ни на суроваго отца, ни на уваженiе къ доброму имени, ни на страхъ. Но, если бы намъ нужно было бояться, то тайныя наши любовныя продѣлки мы прикроемъ братскою любовью: вѣдь мнѣ можно свободно говорить съ тобою наединѣ, обнимать и цѣловаться съ тобою при людяхъ. Чегожъ недостаетъ намъ? Сжалься надъ моимъ признанiемъ въ любви къ тебѣ и знай, что я не призналась бы въ ней, еслибъ не побуждало къ тому ея жгучее пламя; не будь причиной того, что-бъ на моей гробницѣ написали, что виновникомъ моей смерти—ты...»
Больше писать было нечего, и Библида перестала писать на

исписанной вощанкѣ (565); послѣднія слова умѣстились у ней съ боку. Тотчасъ запечатала дѣва свое преступное письмо перстнемъ, омочивъ его слезами: пересохло у ней во рту. Потомъ, раскраснѣвшись отъ стыда, Библида позвала одного изъ своихъ рабовъ. Когда послѣдній оробѣлъ, дѣва ласково сказала (570) ему: «вѣрный слуга, снеси это письмо къ моему....» и, спустя долгое время, добавила «брату!» Выпало письмо изъ рукъ Библиды, когда она отдавала его рабу. Смутилась дѣва отъ худой примѣты, но письмо всетаки послала. Улучивъ удобное время, рабъ подошелъ къ своему господину и ловко передалъ ему содержавшее тайну письмо. Внезапно вспыхнулъ гнѣвомъ внукъ Меандра, бросилъ (575) полупрочтенную рукопись и, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не ударить испуганнаго раба, сказалъ ему: «бѣги, пока можно, низкій пособникъ преступной любви. Убилъ бы я тебя, еслибъ не опозорила меня твоя смерть!» Въ страхѣ убѣжалъ (580) рабъ и передалъ своей госпожѣ суровыя рѣчи Кавна. Поблѣднѣла Библида, получивши отказъ; отъ страха ледяная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Но, когда воротилась къ дѣвѣ память, то воротилась вмѣстѣ съ тѣмъ и злоба. «И (585) по-дѣломъ мнѣ», такъ черезъ силу говорила Библида, «зачѣмъ я безразсудно призналась Кавну въ своей любви, зачѣмъ поторопилась написать въ письмѣ тѣ слова, которыя не слѣдовало бы и говорить — мнѣ напередъ нужно было бы испытать сердце брата двусмысленнымъ намекомъ; чтобы онъ, какъ корабль, шелъ за мною, я должна бы раньше узнать, глядя на парусъ (590), съ какой стороны дуетъ вѣтеръ, и безопасно пускаться въ море, а теперь я понеслась на всѣхъ парусахъ, не узнавъ, откуда дуетъ вѣтеръ. И вотъ налечу я на скалы, потону въ безбрежномъ океанѣ, не имѣя возможности повернуть своихъ парусовъ. Даже (595) предзнаменованія ясно запрещали мнѣ признаваться въ любви: такъ, когда я велѣла отнести письмо, оно выпало у меня изъ рукъ, обмануло мои надежды. Тотъ ли день не задался мнѣ, или мнѣ слѣдовало бы оставить свое намѣ-

реніе?... Но не лучше ли бы перемѣнить день? — Вѣдь самъ богъ предостерегалъ меня, давалъ ясныя знаменія (600), если ужъ я сама была безумна. Я должна была поговорить съ Кавномъ сама, не писать ему письма, а признаться въ своей страсти лично. Кавнъ видѣлъ бы мои слезы, видѣлъ бы лице любящей его, и я могла бы высказать болѣе, чѣмъ можно было передать въ письмѣ. И противъ воли (605) брата могла бы я обвиться руками вкругъ его шеи; а еслибъ онъ оттолкнулъ меня, я притворилась бы умирающей, обняла бы его ноги и, припавъ къ нимъ, стала бы умолять Кавна не губить меня, — словомъ я сдѣлала бы то, что, взятое порознь, не могло бы смягчить черстваго сердца, но смягчило бы взятое вмѣстѣ. Быть можетъ (610), въ чемъ-нибудь виноватъ тутъ и посланный мною рабъ,—онъ, пожалуй, поступилъ неловко, подошелъ не во время, не выждалъ удобнаго случая, когда Кавнъ не былъ ничѣмъ не занятъ. Это-то и повредило мнѣ—вѣдь развѣ Кавнъ сынъ тигрицы, развѣ его сердце изъ твердаго камня или крѣпкаго желѣза, или (615) изъ стали, развѣ онъ сосалъ молоко львицы? Будетъ онъ мой, снова примусь я за него и ужъ не отстану отъ своего намѣренія до тѣхъ поръ, пока буду жива Еслибъ можно было мнѣ загладить свой поступокъ!... Первымъ моимъ дѣломъ было бы ничего не предпринимать, вторымъ — покончить съ тѣмъ, что ужъ начато. Но, хоть (620) Кавнъ и не въ силахъ сдѣлать, чтобы я отстала отъ своего желанія, онъ всетаки всегда будетъ помнить о моихъ дерзкихъ предложеніяхъ. Но изъ того, что я ото всего отстану, легко можно думать, что я или испытывала его, или строила ему козни, а то такъ навѣрно подумаетъ, что я отдалась во власть не того бога, который всего болѣе жегъ и жжетъ мое сердце (625), но похоти. Наконецъ я не могу смыть своего позора: я писала къ Кавну, добивалась его любви,—позорны мои желанія; хоть и ничего необыкновеннаго не сдѣлала я, но ужъ не могу назваться невинною. Что остается мнѣ сдѣлать, то много помогаетъ моему желанію, мало уменьшаетъ мою вину». Такъ го-

ворила (630) Библида. Сожалѣя о своей прежней попыткѣ, она рѣшается снова попытать счастья,—такъ разстроены были ея перемѣнчивыя мысли — но на свои безчисленныя приставанья хочетъ, бѣдная, получать лишь постоянные отказы. Не видя конца приставаньямъ, Кавнъ бѣжалъ изъ родины и отъ грѣха и на чужбинѣ основалъ новый городъ. Говорятъ, послѣ того (635) убитая горемъ дочь Милета помѣшалась, разорвала свою одежду, зарыдала и въ изступленіи стала бить руками свою грудь. Ужъ яснымъ становится безуміе Библиды: она сознается, что надѣялась жить съ братомъ въ преступной связи, но получила отъ него отказъ. Покинула (640) дѣва родину, опротивѣвшій ей домъ и пошла разъискивать бѣжавшаго брата. Всякій разъ, какъ исмарскія вакханки, возбуждаемыя тобою, сынъ Семелы, съ тирсами въ рукахъ справляли повторяющіяся чрезъ три года твои празднества, бубасскія жены слышали, какъ голосила Библида по широкимъ полямъ. Потомъ она ушла оттуда и стала бродить по области Карійцевъ (645) и воинственныхъ Лелеговъ и по Ликіи. Уже Библида прошла Крагъ, Лимиру и воды Ксанѳа, прошла и извергавшую изъ груди пламя Химеру, грудь и пасть у которой были львиныя, хвостъ—какъ у змѣи. Нигдѣ не было тѣни, и ты, Библида, утомившись отъ поисковъ, въ изнеможеніи легла (650) головою на жесткую землю. Лежишь ты, скрывъ свое лице въ опавшей листвѣ. Мало ли пытались поднять тебя своими нѣжными руками лелегскія нимфы, мало ли совѣтовали онѣ тебѣ умѣрить твою страсть, старались утѣшить твое глухое къ мольбамъ сердце: безмолвно (655) лежитъ Библида; въ зеленой травѣ спрятала она свои ноги, ручьемъ текутъ по лугу твои слезы. Говорятъ, наяды собрали эти слезы въ источникъ, который никогда не могъ бы изсякнуть, — да и чѣмъ же больше могли онѣ помочь Библидѣ? Какъ падаютъ капли смолы изъ прорубленной коры дерева, какъ (660) брызжетъ изъ нѣдръ земли тягучая нефть, какъ отъ дуновенья нѣжащаго зефира таетъ на солнцѣ ледъ: такъ же быстро превращается въ источникъ

и обезсилѣвшая отъ слезъ внучка Феба, Библида; изъ-подъ темнаго дуба, въ долинѣ, вытекаетъ онъ и еще донынѣ сохраняетъ имя (665) своей госпожи.

Быть можетъ, говоръ объ этомъ чудѣ и разнесся-бы по стоградному Криту, если-бъ не случилось чрезъ нѣсколько времени другаго дива, болѣе близкаго Криту, — превращенія Ифиса. Въ сосѣднемъ съ гносскимъ фестійскомъ царствѣ родился (670) нѣкогда Лигдъ, человѣкъ незнатнаго рода, но свободный. Состояніемъ своимъ, какъ и происхожденіемъ, онъ не могъ похвалиться, но зато жилъ честно и безупречно. Разъ, когда беременной женѣ Лигда пришло уже время родить, онъ сказалъ ей: «у меня два желанія (675): чтобы ты менѣе мучилась родами и чтобы родила сына,—дочь содержать дороже, а къ тому-же судьба не дала мнѣ богатства. По этому, если случится,—отъ чего да спасутъ меня боги — что ты родишь дѣвочку, то забудь всякую жалость и — противно и стыдно мнѣ говорить тебѣ это — убей ее!» Такъ говорилъ (680) Лигдъ и при этомъ горько заплакалъ и онъ, и та, которая говорила съ нимъ. Хоть до послѣдней минуты умоляла Телетуза своего мужа не приводить ее въ отчаяніе, но напрасно: Лигдъ упорно стоялъ на своемъ. Уже съ трудомъ (685) ходила Телетуза,— донашивала она свой плодъ—какъ въ полночь, въ сновидѣніи предъ ея ложемъ стала — на самомъ дѣлѣ было это или такъ показалось женѣ Лигда, неизвѣстно — окруженная своею свитой дочь Инаха. Чело ея украшали рога въ видѣ луны со звѣздами, игравшими яркими золотистыми лучами, и (690) царская корона. Вмѣстѣ съ Изидой пришелъ и песъ Анубъ, праведная Бубаста, пестрый аписъ и тотъ, кто утишаетъ говоръ, водворяетъ молчаніе своимъ пальцемъ; были тамъ и систры, и Озирисъ, котораго ищутъ, но найти всего никогда не могутъ, и чужеземная змѣя, полная снотворнаго яда. Когда (695) Телетуза какъ-бы очнулась, она на-яву услыхала, что богиня сказала ей: «забудь про свои тяжелыя думы, любимица моя, Телетуза: когда ты родишь при помощи Луцины, то принимай

смѣлѣе, кто-бъ у тебя ни родился, — я богиня-помощница. Ты молилась мнѣ, и я помогу тебѣ, не раскаешся ты, что чтила неблагодарное божество!» Такъ говорила Изида и ушла изъ спальни Телетузы. Радостно вскочила Критянка съ постели и, простирая съ мольбою свои руки къ яркимъ звѣздамъ, просила, чтобы исполнился ея сонъ. Когда боли Телетузы усилились, плодъ самъ собою вышелъ на свѣтъ. Жена Лигда родила дѣвочку, но скрыла это отъ ничего не подозрѣвавшаго мужа и велѣла воспитывать ее какъ мальчика. Всѣ повѣрили такой лжи, такъ какъ сообщницей въ этомъ дѣлѣ была одна кормилица. Отецъ уплатилъ кормилицѣ по условію за сына, которому онъ далъ имя дѣда, а послѣдняго звали Ифисомъ. Рада была мать, что сыну дали такое имя, потому что оно было общее—и мужское, и женское, такъ что въ этомъ отношеніи обмана не было, не было и подлога, заглаженнаго безгрѣшною ложью. Одѣвалась Ифисъ какъ мальчикъ, лицемъ-же она походила и на дѣвочку, и на мальчика, не дурна была для того и для другаго.

Между тѣмъ ребенку пошелъ тринадцатый годъ, и отецъ сосваталъ за тебя, Ифисъ, бѣлокурую Іанту, дочь Диктейца Телеста, отъ рожденія самую красивую изъ дѣвушекъ Теста. И годами, и красотою равна была тебѣ Іанта, да и первымъ житейскимъ правиламъ, зачаткамъ воспитанія, учили васъ тѣ же учителя, оттого то любовь и закралась въ сердца той и другой; обѣ онѣ страдали ею, но ихъ надежды были различны. Іанта ждетъ лишь того часа, когда наступитъ ея рѣшенная свадьба,—за мущину считаетъ она Ифиса, думаетъ, что онъ будетъ ея мужемъ. Ифисъ же въ отчаяніи, что не можетъ любить той, съ которою могъ-бы жить счастливо; тѣмъ самымъ увеличиваетъ онъ свою любовь и, будучи самъ дѣвицею, любитъ дѣвицу. «Какой исходъ остается мнѣ», чуть не плача восклицаетъ Ифисъ, «если я узналъ мученія подобной чудовищной, необычайной, никѣмъ не испытанной любви? Если ужъ боги не хотятъ сжалиться надо мною, то пусть-бы они погубили меня; если-же не хотятъ моей

смерти, то избрали-бы, по крайней мѣрѣ, обыкновенный, простой родъ наказанія! Развѣ корова ухаживаетъ за коровою, лошадь за лошадью,—баранъ любитъ овцу, за оленемъ ходитъ его самка. Тоже происходитъ и среди птицъ; словомъ между всѣми животными нѣтъ ни одной самки, которая любила-бы тоже самку. Лучше-бы ужъ не родиться мнѣ на свѣтъ!.. Хоть и не всѣ чудовища родились въ Критѣ, однако на немъ дочь Солнца полюбила быка. Но вѣдь она была женщина, а тотъ самецъ?... Моя-же любовь, если сказать правду, чудовищнѣе той... Пазифая всетаки надѣялась насладиться и, благодаря хитрости, подъ видомъ коровы вступила въ связь съ быкомъ,—тамъ былъ обольститель, хотя и обманутый, здѣсь же, пусть соберутся мудрецы хоть со всего свѣта, пусть прилетитъ на восковыхъ своихъ крыльяхъ хоть самъ Дедалъ,—что подѣлаютъ они? Развѣ могутъ они даже и наукою превратить меня изъ дѣвочки въ мальчика, развѣ могутъ измѣнить и тебя, Іанта? Итакъ крѣпись, не робѣй, Ифисъ, погаси въ своемъ сердцѣ безнадежную, безумную любовь! Подумай, кѣмъ родилась ты, и не обманывай себя, желай возможнаго, люби то, что должна любить женщина. Надежда зарождаетъ любовь, надежда и питаетъ ее,—у тебя нѣтъ этой надежды, благодаря твоему полу. Ни присмотръ, ни ревность мужа, ни суровость отца не мѣшаютъ тебѣ обнять «милую»: сама Іанта не откажетъ мнѣ въ моей просьбѣ. Пусть употребляютъ всѣ усилія, пусть помогаютъ тебѣ боги и люди,—тебѣ всетаки нельзя обладать Іантою, ты не можешь быть счастливой. Всѣ мои желанія исполнились по настоящее время, все, что можно было, дали мнѣ благіе боги; и, чего желала я, хочетъ мой отецъ, хочетъ сама Іанта, хочетъ и мой будущій тесть, не хочетъ лишь природа, болѣе могучая, чѣмъ всѣ они; одна она вредитъ мнѣ. Вотъ наступитъ желанный день, зажгутся брачные свѣтильники, ужъ моею станетъ Іанта, но мнѣ не достанется обладать ею: въ водѣ будемъ мы жаждать. Зачѣмъ придутъ на тотъ обрядъ богиня брака, Юнона, и Гименей?—Не будетъ тутъ того, кто женился-бы,

такъ какъ мы обѣ идемъ за-мужъ!» Смолкла Ифисъ. Не менѣе ея волнуется (765) и другая дѣвушка, но она молитъ о томъ, чтобы скорѣе наступала ея свадьба. Но, чего хочетъ Іанта, того боится Телетуза: то старается она выиграть время, ссылаясь на мнимую болѣзнь дочери, то на предзнаменованія и видѣнія. Когда-же запасъ выдумокъ Телетузы весь истощился, то послѣ отсрочекъ назначена была (770) свадьба. Одинъ день оставался до нея. Сняла жена Лигда повязку со своей головы и дочери, распустила волосы и, обхвативъ жертвенникъ Изиды, восклицала: «молю тебя, помоги (775) мнѣ, Изида, успокой меня ты, чтимая въ Паретоніи, Мареотѣ, Фаросѣ и семиисточномъ Нилѣ! Я видѣла тебя прежде, видѣла твои украшенія; все знаю я—и звуки трубъ твоей свиты, звуки систровъ; памятливымъ сердцемъ своимъ исполнила я твою волю. Вѣдь по твоей волѣ (780) и милости видитъ свѣтъ моя дочь, по твоей милости меня не мучатъ угрызенія совѣсти,—сжалься-же надъ обѣими нами, помоги!» Такъ говорила Телетуза и рыдала. Вдругъ ей почудилось, будто жертвенникъ богини закачался,—онъ закачался и на самомъ дѣлѣ—будто заскрипѣли двери храма, какъ у луны, засіяли рога Изиды, зазвучалъ ея звонкій систръ. Ушла мать изъ храма; она, правда, не (785) успокоилась вполнѣ, но все-таки обрадовалась благопріятному предзнаменованію. Слѣдомъ за матерью шла и Ифисъ, но шаги ея были больше обыкновеннаго; пропала у дѣвушки прежняя бѣлизна въ лицѣ, увеличились ея силы, суровѣе стало выраженіе лица, короче непричесанные волосы. Больше (790) силы стало у Ифиса, чѣмъ бываетъ у женщины,—словомъ, прежняя женщина, ты стала мущиною. Несите-же въ храмы дары и ликуйте безъ боязни въ сердцѣ! И принесли они въ храмы дары, и сдѣлали на нихъ надпись; надписью-же былъ короткій стихъ:

Мужемъ дары тѣ принесъ, въ которыхъ обѣтъ далъ, но женщиной Ифисъ.

Когда на слѣдующій (795) день солнце освѣтило своими лучами пространную землю, на брачный пиръ вмѣстѣ съ Юно-

нею и Гименеемъ пришла и Венера, — юный Ифисъ бралъ себѣ въ жены Іанту.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Орфей и Эвридика.—Кипарисъ.—Гіацинтъ. — Керасты.—Пропетиды.— Пигмаліонъ.—Мирра.—Гиппоменъ и Аталанта.—Адонисъ.

Надѣвъ на себя хламиду шафраннаго цвѣта, Гименей ушелъ съ пира и полетѣлъ по безпредѣльному небу, направляясь къ землѣ Киконовъ. Напрасно призывалъ Орфей бога: Гименей присутствовалъ, правда, на его бракѣ, но не принесъ собою ни брачныхъ пѣсней, ни веселаго взора, ни счастливыхъ предзнаменованій: факелъ Гименея трещалъ во все время бракосочетанія, испускалъ ѣдкій дымъ и не загорался, какъ ни махали имъ. То, что случилось впослѣдствіи, было еще ужаснѣе предзнаменованій. Умерла молодая жена Орфея—ужалила ее въ ногу змѣя, въ то время какъ она ходила по травѣ съ толпою наядъ. Когда родопскій пѣвецъ вволю наплакался по Эвридикѣ подъ далекимъ небомъ, онъ рѣшился сойти тенарскимъ ущельемъ въ Стиксъ, чтобы увидать хоть тѣнь своей супруги. Пробираясь между множествомъ воздушныхъ, почтенныхъ погребеньемъ призраковъ, онъ подошелъ къ Персефонѣ и царю мрачнаго царства тѣней. Ударивъ по струнамъ такъ запѣлъ имъ Орфей: «боги подземнаго міра, вамъ подвластно все, что родится смертнымъ. Если можно говорить вамъ въ глаза правду, то скажу вамъ, что я сошелъ сюда не затѣмъ, чтобы посмотрѣть мрачный Тартаръ, не затѣмъ, чтобы связать трехголоваго, усѣяннаго змѣями чудовищнаго сына Медузы,—за женою пришелъ я: она наступила на змѣю, та ужалила ее, сгубила Эвридику въ цвѣтущихъ годахъ. Хотѣлъ я молча переносить свое горе и, признаться, пробовалъ, но любовь одолѣла меня. На землѣ хорошо извѣстенъ

этотъ богъ, знаютъ-ли его здѣсь, не знаю, но, всетаки, думаю, что знаютъ: и васъ соединила бракомъ любовь, если не вымышлено древнее преданіе о похищеніи... Этими полными ужаса мѣстами, огромнымъ хаосомъ (30), глубокимъ молчаніемъ вашего царства заклинаю васъ, возвратите Эвридикѣ ея рано угасшую жизнь: все подвластно вамъ, и, не много поживши, рано-ли, поздно-ли мы нисходимъ въ одно мѣсто, всѣ стремимся туда, — это наше послѣднее жилище, вы правите самымъ огромнымъ изъ царствъ надъ людьми (35)! Будетъ вамъ принадлежать и Эвридика, когда насладится она счастливою жизнію. Какъ милости, прошу я у васъ, дайте ей насладиться жизнію. Если-же судьба не сжалится надъ моею женою, я не выйду отсюда, и вы утѣшитесь смертью двоихъ насъ!»

Такъ (40) пѣлъ Орфей и въ ладъ своей пѣсни ударялъ по струнамъ. Зарыдали безкровныя тѣни; пересталъ Танталъ ловить убѣгавшую отъ него воду, остановилось колесо Иксія; перестали орлы клевать печень Титія, дочери Бела—черпать воду; даже ты, Сизифъ, сѣлъ на свой камень. Говорятъ, впервые заплакали тогда (45) растроганныя пѣснею Эвмениды.

Не въ силахъ были отказать просьбѣ Орфея ни супруга властителя подземнаго царства, ни онъ самъ,—призвали они Эвридику. Среди недавно прибывшихъ тѣней стояла она и изъза раны шла медленно. Получилъ Эвридику (50) родопскій пѣвецъ Орфей съ условіемъ не оглядываться назадъ до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ онъ съ нею изъ авернской долины, иначе милость боговъ ни къ чему не послужитъ. Въ нѣмомъ молчаніи пошли они во мракѣ по длинному скату, окутанному густымъ туманомъ. Ужъ не (55) далеко отъ поверхности земли находился Орфей съ своею супругою, какъ тутъ любящій, боясь, какъ-бы не отстала отъ него Эвридика, и вмѣстѣ съ тѣмъ страстно желая взглянуть на нее, оглянулся, и Эвридика тотчасъ исчезла. Простеръ Орфей свои руки, желая удержать и ее, и самъ удержаться, но схватилъ только легкій воздухъ. Умирая во

второй разъ, Эвридика ужъ не жаловалась на своего мужа: за одно ей можно было сѣтовать на Орфея, за то, что онъ слишкомъ горячо любилъ ее. Едва могъ разслышать пѣвецъ послѣднее «прости» Эвридики, какъ она снова возвратилась на то же мѣсто, откуда вышла.

Оцѣпенѣлъ Орфей отъ вторичной потери супруги, оцѣпенѣлъ, какъ тотъ трусъ, который, увидѣвъ трехголоваго съ цѣпью на средней шеѣ пса, не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не измѣнился его прежній видъ, пока не превратился онъ въ камень, или какъ Оленъ, принявшій на себя чужую вину, желавшій самъ казаться преступнымъ; теперь онъ вмѣстѣ съ тобою, бѣдная Летея, гордившаяся своею красотою, оба вы, нѣкогда вѣрныя другъ другу сердца, стали камнями, которые лежатъ на обильной источниками Идѣ. Напрасно умолялъ Орфей перевести его въ Тартаръ, желая вторично сойти туда,— не пустилъ его Харонъ. Семь дней печально сидѣлъ голодный Орфей на берегу Стикса: заботы, скорбь да слезы были ему пищей. Жалуясь на жестокость боговъ Эреба, пѣвецъ воротился на высокій Родопъ и Гемъ, гдѣ бушуютъ вѣтры. Ужъ въ третій разъ оканчивалъ титанъ свой путь, заключенный между Морскими Рыбами, а Орфей все избѣгалъ любовныхъ похожденій съ женщинами, вслѣдствіе-ли своего горя, или обѣщанія, неизвѣстно. А много женщинъ страстно хотѣли сойтись съ поэтомъ и много ихъ горевало, получивъ въ томъ отказъ. Орфей научилъ Ѳракійцевъ переносить любовь свою на нѣжныхъ юношей,— научилъ ихъ до возмужалости наслаждаться лучшимъ временемъ жизни, — коротка весна юности...

Былъ холмъ, на вершинѣ котораго была ровная площадка, обросшая зеленою травою. Тамъ не было тѣни, но, когда божественный пѣвецъ сѣлъ на то мѣсто и ударилъ по звучнымъ струнамъ, явилась и тѣнь. Собрались хаонійскія деревья, рощи геліадъ, высоковершинный каштанъ, мягколистная липа, букъ и дѣвственный лавръ, ломкій орѣшникъ, годный на древки копій ясень, стройная ель, усыпанный желудями дубъ, краси-

вый яворъ и разноцвѣтный кленъ; туда-же пришли и растущія по берегамъ рѣкъ ивы, любящій воду лотосъ, вѣчно-зеленый самшитъ, красивый тамарискъ, двуцвѣтная мирта и приносящій темныя ягоды тисъ. Явился и ты, вьющійся плющъ, вмѣстѣ съ виноградными лозами обвиваемый ими ильмъ, дикіе ясни и пихты, отягченная красными плодами вишня, медленно-растущія, побѣдныя награды — пальмы, одѣтыя иглами, съ косматыми верхушками сосны, любимыя деревья матери боговъ, такъ какъ въ него превращенъ былъ, лишившись человѣческаго образа, любимецъ Кибелы, Аттій.

Былъ среди множества этихъ деревьевъ и пирамидальный кипарисъ; мальчикомъ былъ онъ прежде, любимцемъ того бога, который нятягиваетъ своими руками и струны киѳары, и тетиву лука. Нимфамъ, живущимъ на Картеѣ, былъ посвященъ огромный олень. Благодаря своимъ далеко выдававшимся, широкимъ рогамъ, онъ доставлялъ себѣ тѣнь одною лишь головою. Вызолочены были рога животнаго; съ его плечъ спускалось обмотанное вокругъ тонкой шеи, украшенное драгоцѣнными камнями, ожерелье. Около лба на маленькомъ ремешкѣ болтался серебряный бубенчикъ; такой-же величины жемчужныя серьги красовались въ обоихъ ушахъ оленя надъ впалыми висками. Олень былъ ручной: смѣло входилъ онъ въ жилища, постоянно позволялъ себя гладить кому-угодно, даже чужимъ. Но больше другихъ любилъ оленя ты, Кипарисъ, косскій красавецъ: ты водилъ его на новыя пастбища, къ прозрачнымъ водамъ источника. И то обвивалъ ты рога животнаго разными цвѣтами, то, усѣвшись на спину, весело разъѣзжалъ на немъ то туда, то сюда, словно на смирномъ конѣ, правя пурпурнымъ недоуздкомъ.

Становилось жарко; былъ полдень. Отъ солнечнаго зноя нагрѣлись и кривые клещи рѣчнаго рака. Утомившись, олень лежалъ на лугу и упивался прохладою въ тѣни деревьевъ. Тутъ-то юный Кипарисъ неосторожно ткнулъ оленя своимъ острымъ дротикомъ. Увидѣвъ, что животное умираетъ отъ ужас-

ной раны, Кипарисъ самъ твердо рѣшился умереть. Какъ ни утѣшалъ отрока Фебъ, какъ ни увѣщевалъ онъ Кипариса грустить не такъ сильно, принимая во вниманіе, что̀ оплакиваетъ онъ,—отрокъ все плакалъ и просилъ у боговъ послѣдней милости—вѣчно проливать слезы. Когда обезсилѣлъ Кипарисъ отъ безпрестаннаго плача, его тѣло стало зеленѣть и волосы, недавно ниспадавшіе на бѣлый лобъ, превратились въ хвои и, окрѣпнувъ, поднялись къ звѣздному небу своею стройною вершиною. Вздохнулъ опечаленный богъ и воскликнулъ: «ты заставилъ меня плакать по тебѣ, ты-же будешь плакать о другихъ, будь неразлученъ со скорбящими!»

Собравъ вкругъ себя такое множество деревьевъ, пѣвецъ сидѣлъ среди стаи звѣрей и птицъ. Когда Орфей вволю наигрался на лирѣ, онъ заключилъ, что хоть звуки ея и различны, но сливаются въ одну мелодію, и запѣлъ слѣдующее: «мать моя, муза, вдохнови меня начать пѣснь о дѣяніяхъ Юпитера, во власти котораго все. Его силу я нерѣдко воспѣвалъ и прежде, но въ болѣе звучныхъ пѣсняхъ; я пѣлъ, какъ погибли Гиганты, какъ сверкали побѣдныя молніи на флегрейскихъ поляхъ,—теперь меньше дѣла моей лирѣ: я буду воспѣвать юношей, любимцевъ боговъ, буду воспѣвать и дѣвушекъ, пораженныхъ молніями въ наказаніе за свои преступныя страсти.

Царь надъ богами нѣкогда страстно влюбился въ Фригійца Ганимеда. Нужно было подумать Юпитеру, чей видъ ему удобнѣе было-бы принять, чѣмъ собственный; онъ нашелъ, что всего достойнѣе превратиться ему въ ту птицу, которая одна только въ состояніи нести его перуны. И Юпитеръ, разсѣкая воздухъ поддѣльными крыльями, быстро похитилъ Троянца. Теперь Ганимедъ наполняетъ чаши боговъ и, противъ воли Юноны, подноситъ Юпитеру нектаръ.

И тебя, сынъ Амиклы, Фебъ перенесъ-бы на небо, если-бъ не помѣшала тому твоя печальная участь. На сколько можно, ты всетаки безсмертенъ: лишь только весна смѣнитъ зиму, и Овенъ взойдетъ на небѣ вмѣсто Рыбъ, ты всякій разъ

появляешся тогда, и изъ твоего зеленаго пестика показывается цвѣтокъ. Болѣе, чѣмъ кого другаго, любилъ тебя мой отецъ, и безъ своего защитника оставались Дельфы, середина земли, когда богъ часто посѣщалъ лежавшую на Эвротѣ неукрѣпленную Спарту (170). Не прельщали Аполлона ни игра на киѳарѣ, ни охота: самъ себя не помнилъ онъ, охотно таскалъ сѣти, водилъ собакъ, бродилъ по опаснымъ горнымъ ущельямъ,—постоянною дружбою съ Гіацинтомъ поддерживалъ онъ свою любовь.

Ужъ солнце было въ серединѣ между наступающей и прошедшей ночью (175), отстояло на одинаковомъ разстояніи отъ обѣихъ, когда богъ и юноша сняли съ себя одежду и, намазавшись густымъ оливковымъ масломъ, стали состязаться въ метаніи широкаго диска. Сперва изо всей силы бросилъ его вверхъ Фебъ, и дискъ своею тяжестью разрѣзалъ встрѣчныя тучи. Спустя долгое время, дискъ упалъ (180) на твердую землю: богъ показалъ и свое искусство, и силу. Увлекшись игрою, неразумный Тенарецъ опрометью бросился поднимать дискъ, но тотъ отскочилъ отъ твердой земли и попалъ тебѣ, Гіацинтъ, въ (185) лице. Поблѣднѣлъ самъ богъ, какъ и ты, юноша; подхватилъ онъ падавшее тѣло и то согрѣвалъ его, какъ-бы желая заживить ужасную рану, то старался съ помощью травъ продлить твою угасавшую жизнь. Но безполезно искусство бога: неизлечима была рана. Какъ, быстро увядая, опускаютъ въ политомъ саду свои тяжелыя головки фіалки, макъ или желтая полосатая лилія, если (190) кто-либо надломитъ ихъ, какъ безсильно клонятся они къ землѣ своей верхушкой: такъ лежитъ безсильно опустивъ свою голову, и умирающій Гіацинтъ; въ тяжесть она (195) юношѣ и склонилась ему на плечо. «Въ цвѣтущихъ годахъ обманчивой юности умеръ ты, сынъ Эвала», восклицаетъ Фебъ; «и я свидѣтель и виновникъ твоей смерти. Ты заставляешь страдать меня, ты моя жертва: отъ моей руки суждено было умереть тебѣ, я твой убійца. Но въ чемъ (200) однако виновенъ я?—Развѣ можно ставить въ вину нашу игру, развѣ можно называть любовь мою преступною? О, если-бъ

можно было мнѣ умереть за тебя или съ тобою!... Но, такъ какъ мнѣ нельзя сдѣлать этого изъ-за воли судьбы, то будь-же ты вѣчно со мною, вѣчно живи въ моихъ благодарныхъ устахъ! Про тебя буду играть я на лирѣ, о тебѣ будутъ пѣть мои пѣсни, и новый цвѣтокъ своею надписью будетъ выражать мою скорбь. Наступитъ время, когда въ тотъ-же цвѣтокъ превратится храбрѣйшій герой, и тѣ-же слова будутъ читать на его лепесткахъ". И вотъ въ то время, какъ говорилъ это Аполлонъ своими правдивыми устами, кровь Гіацинта, струившаяся по землѣ и окрашивавшая траву, перестала быть кровью: ярче тирскаго пурпура возникъ изъ нея цвѣтокъ; похожъ былъ-бы онъ на лилію, если-бъ былъ не пурпуроваго, а серебристаго цвѣта, какъ та. И этого мало Фебу: онъ захотѣлъ еще почтить Гіацинта и изобразилъ на лепесткахъ цвѣтка свои вздохи. AI AI написано на гіацинтѣ, слова скорбѣвшаго бога. Гордится Спарта рожденіемъ въ ней Гіацинта, чтитъ она его и донынѣ, уважая обычаи предковъ: ежегодно совершаетъ Спарта празднество въ честь юноши.

Но, если-бы тебѣ случилось спросить богатый рудниками Аматунтъ, хотѣлъ-ли бы онъ считаться родиною дочерей Пропета, онъ сказалъ-бы, что нѣтъ, такъ-же, какъ и о тѣхъ, у которыхъ на лбу выросли нѣкогда два крѣпкихъ рога, отчего ихъ и назвали «Керастами». Передъ ихъ домомъ стоялъ жертвенникъ «покровителя странниковъ» Юпитера. На томъ жертвенникѣ совершалось множество убійствъ. Если-бъ какой-нибудь пришлецъ взглянулъ на него и увидѣлъ, что онъ забрызганъ кровью, то подумалъ-бы, что на жертвенникѣ закалали телятъ-сосуновъ или аматунтскихъ овецъ, но на немъ убивали чужеземцевъ. Опротивѣли тѣ ужасныя жертвы благой Венерѣ, и она рѣшилась покинуть свои любимые города на Офіузѣ. «Но въ чемъ провинились передо мною любимыя мною мѣста и города, чѣмъ виноваты они?»—воскликнула богиня, «ужъ я лучше накажу нечестивую семью изгнаніемъ или смертью, или чѣмъ-нибудь среднимъ между смертью и изгна-

ніемъ, а подобнаго рода наказаніе не есть-ли превращеніе?» Въ то время, какъ (235) Венера раздумывала, во что превратить Керастъ, она взглянула на ихъ рога и рѣшилась оставить ихъ,—превратила огромныхъ коровъ въ сердитыхъ быковъ.

Безстыдныя дочери Пропета осмѣлились отвергать божественность Венеры и потому, говорятъ, на зло ей стали продавать свое красивое тѣло (240) всякому встрѣчному. Когда онѣ лишились чести, кровь застыла въ ихъ лицахъ, и дочери Пропета превратились въ твердые камни разной величины.

Видя, какъ позорно жили дочери Пропета, Пигмаліонъ возненавидѣлъ пороки, которыми природа въ избыткѣ надѣлила женское (245) сердце, и жилъ холостякомъ, безъ супруги; долго оставалось одинокимъ его брачное ложе. Между тѣмъ, благодаря своему дивному дарованію, Пигмаліону удалось выточить изъ бѣлоснѣжной слоновой кости статую, и притомъ онъ сдѣлалъ ее такою красавицей, какою не была ни одна женщина. Влюбился Пигмаліонъ въ свое произведеніе! Лице статуи было такое-же, какъ у настоящей дѣвушки (250); за живую можно было-бы принять ее и подумать, что зашевелилась-бы она, если-бъ тому не помѣшала стыдливость: до того искусство нельзя было принять за искусство! Дивится Пигмаліонъ и пылаетъ къ статуѣ любовью, какъ къ живому существу. Не рѣдко дотрогивался онъ руками до своего произведенія, пробуя, не живое-ли оно существо (255), а не статуя изъ слоновой кости и не хотѣлъ вѣрить, чтобы это была статуя. Цѣлуетъ ее Пигмаліонъ и думаетъ, что и она отвѣчаетъ ему тѣмъ-же; говоритъ со статуею, обнимаетъ ее. Думаетъ художникъ, что, дотрогиваясь до тѣла статуи, онъ причиняетъ ей боль, и боится, чтобы не посинѣла она. И то ласково говоритъ Пигмаліонъ со своимъ произведеніемъ, то приноситъ ему любезные дѣвамъ подарки (260)— раковины, гладкіе камешки, маленькихъ птичекъ, цвѣты съ тысячью разныхъ красокъ, лиліи, росписные мячи и слезы, падающія съ превращенныхъ въ деревья дочерей Гелія. Одѣваетъ Пигмаліонъ статую въ красивыя одежды, надѣваетъ ей на паль-

цы кольца, украшенныя драгоцѣнными камнями, на шею—длинное ожерелье, въ уши (265)—легкія серьги, на грудь—ленты. Все идетъ къ статуѣ, но не менѣе прекрасною казалась она и безъ одежды. Кладетъ ее Пигмаліонъ на свое окрашенное сидонскимъ пурпуромъ ложе, называетъ супругою, укладываетъ ея склонившуюся головку на мягкія подушки, словно думаетъ что статуя чувствуетъ это.

Насталъ праздникъ (270) чтимой по всему Криту Венеры. Отъ удара по бѣлоснѣжной шеѣ падаютъ коровы съ кривыми золочеными рогами; задымился на жертвенникахъ ладанъ. Принеся жертву, Пигмаліонъ сталъ предъ жертвенникомъ Венеры и робко проговорилъ: «о боги, если вы всемогущи, то молю васъ, пусть будетъ (275) у меня жена»...—сказать «дѣвица изъ слоновой кости» онъ не рѣшился—«похожая на статую изъ слоновой кости!» Поняла красавица Венера, лично присутствовавшая на своемъ праздникѣ, въ чемъ состояло желаніе Пигмаліона, и въ знакъ божеской милости трижды вспыхнулъ на жертвенникѣ огонь и поднялся къ небу.

Когда (280) Пигмаліонъ пришелъ домой, онъ пошелъ къ своей призрачной дѣвѣ и сталъ цѣловать ее, возлегши на ложѣ. Теплою показалась она Пигмаліону. Снова склонился художникъ надъ своею статуей и сталъ трогать руками ея грудь. Нѣжнѣе стала отъ прикосновенія кость статуи, исчезла въ ней прежняя твердость, подавалась она и осѣдала подъ пальцами. Такъ становится мягче отъ солнца гиметтскій воскъ (285); его мнутъ руками, благодаря чему онъ идетъ на разныя издѣлія. Изумляясь и не рѣшаясь предаваться обманчивой радости, влюбленный Пигмаліонъ боится ошибиться и нѣсколько разъ дотрогивается руками до предмета своей любви: онъ былъ живымъ существомъ—подъ испытующими пальцами художника бились жилы. Тогда (290) Пафосецъ сталъ горячо благодарить Венеру. Наконецъ-то привелось цѣловать ему живую дѣву, и она чувствовала эти поцѣлуи,—покраснѣла, робко подняла къ верху свои глаза и увидала небо и любящаго ее человѣка. Богиня

пришла на устроенную ею свадьбу (295). Чрезъ девять мѣсяцевъ жена Пигмаліона родила ему Пафа, именемъ котораго названъ островъ Кипръ.

Былъ у жены Пигмаліона и другой сынъ; счастливцемъ можно было бы назвать его, не будь у него дѣтей. Дѣти, уйдите отсюда, родители, станьте по-одаль: ужасна (300) будетъ моя пѣсня!.. Если же вы повѣрите тому, что случилось, то вѣрьте и наказанію. И, если природа и позволила произойти подобному преступленію, я всетаки радуюсь (305) за ту землю, которая далека отъ той, гдѣ совершилось оно. Но пусть будетъ богата инбиремъ, корицею, костомъ, пусть производитъ текущій изъ дерева ладанъ и разные меда и Панхея, только бы не (310) производила она мирры—недостойно такой извѣстности это дерево! Самъ Купидонъ отказывается отъ того, что ранилъ тебя, Мирра, своею стрѣлою, защищаетъ онъ свой свѣтильникъ отъ подобнаго обвиненія: одна изъ трехъ сестеръ-богинь навѣвала тебѣ *любовь своимъ* тусклымъ факеломъ или шипящими ядовитыми змѣями! Преступно ненавидѣть своего отца, но и любить его такъ (315), какъ ты, — еще преступнѣе. Отовсюду приходили просить твоей руки, Мирра, знатнѣйшіе вельможи; молодежь всего Востока ревнуетъ тебя другъ къ другу — одного изо всѣхъ выбирай ты себѣ въ мужья и изо всѣхъ выкинь лишь одного! Понимаетъ то и сама Мирра, борется она съ своею чудовищной страстью. «На что рѣшаюсь я, что замышляю», говоритъ дѣва сама съ собою (320), «вы, боги, и ты, богиня любви къ роднымъ, заклинаю васъ священными правами родителей, не дайте совершиться преступленію, удержите меня отъ грѣха, если то грѣхъ. Но, пожалуй, и нельзя осудить мою любовь изъ-за родственныхъ узъ, — вѣдь совокупляются же безъ всякаго разбора прочія (325) животныя; нѣтъ ничего неестественнаго телкѣ лежать подъ своимъ отцемъ; дочь коня становится ему женою, козелъ ложится на тѣхъ же дѣтей, которымъ онъ далъ жизнь, даже птица зачинаетъ отъ того, отъ кого родилась сама... Счастливы тѣ, кому можно это дѣлать

Изъ зависти (330) выдумали люди такіе дурные законы, что то, что природа позволяетъ дѣлать, они, какъ бы завидуя, запрещаютъ. Но, говорятъ, будто есть народы, среди которыхъ вступаютъ въ бракъ мать съ сыномъ, дочь—съ отцемъ, и такимъ образомъ родственныя связи при взаимной любви дѣлаются еще сильнѣе. Несчастна я, что не пришлось мнѣ родиться въ тѣхъ краяхъ,—здѣсь родиться судила мнѣ судьба (335). Но зачѣмъ я говорю про одно и то же?—Прочь отъ меня, запретныя думы,—достоинъ онъ любви, но какъ отецъ. Стало быть, не будь я дочерью славнаго Кинира, я вышла бы за него замужъ; теперь же онъ не мой, хотя и слишкомъ близокъ ко мнѣ: эта самая близость и вредитъ мнѣ (340),—будь я Киниру чужая, я скорѣе достигла бы своей цѣли! Рѣшилась бы я бѣжать далеко отсюда, покинуть родину, лишь бы не дѣлать грѣха, но преступная страсть удерживаетъ отъ этого меня, влюбленную! Такъ и глядѣла бы я Киниру въ лице, прикасалась бы къ нему, разговаривала бы съ нимъ, цѣловала бы его, если ужъ мнѣ нельзя надѣяться на бо̀льшее. Да развѣ можешь ты ожидать чего-либо бо̀льшаго (345), преступная дѣва?—Или ты не понимаешь, что смѣешся и надъ законами, и надъ столькими именитыми людьми? Или ты будешь соперницей своей матери, любовницей отца, сестрою своего сына, матерью брата? И ты не боишся страшныхъ змѣеволосыхъ сестеръ, которыхъ (350) чуютъ сердца преступниковъ и которые видятъ, какъ машутъ онѣ предъ ихъ лицами своими страшными свѣтильниками? Пока невинно твое тѣло, не мысли о грѣхѣ, не оскверняй преступною связью могучихъ законовъ природы. Подумай только, захочетъ ли того Киниръ, и твой замыселъ рушится самъ собою: твой отецъ богобоязненъ, исполняетъ законы (355). О, какъ бы я хотѣла, чтобы и въ немъ бушевали тѣ же страсти, что и во мнѣ!»

Такъ говорила Мирра, а Киниръ, который не зналъ, что дѣлать ему съ такимъ множествомъ знатныхъ жениховъ его дочери, сталъ называть ихъ поименно, спрашивая Мирру, кого изъ

нихъ хочетъ она выбрать себѣ въ мужья. Сперва дѣва молчала, потомъ пристально посмотрѣвъ на отца, покраснѣла, и глаза ея наполнились горючими слезами. Кинпръ, приписывая это дѣвичьей робости, сталъ увѣщевать Мирру не плакать, утеръ дѣвѣ слезы и поцѣловалъ ее. Страстно обрадовалась Мирра тому поцѣлую и, когда отецъ спросилъ, за кого хочетъ она выйти замужъ, отвѣчала ему: «за того, кто похожъ на тебя!» Не понявъ смысла этихъ словъ, Кинпръ похвалилъ свою дочь,—«всегда люби такъ своего отца», сказалъ онъ. При словѣ «люби», дѣва потупила свои глаза, какъ бы сознаваясь въ своей грѣшной любви.

Была полночь. Сонъ объялъ людей, уставшихъ отъ заботъ. Не спитъ лишь дочь Кинира,—неукротимою любовью къ отцу пылаетъ она, борется съ ужасною страстью. И то хочетъ Мирра все бросить, то надѣется сойтись съ отцемъ, то начинаетъ стыдиться своего намѣренія, то снова мучится страстью, не зная, что дѣлать. Какъ качается во всѣ стороны подрубленное топорами огромное дерево, ожидая послѣдняго удара и оставляя въ недоумѣніи, куда упадетъ оно: такъ колеблется во всѣ стороны и разстроенное разными невзгодами сердце человѣка, поддается оно любому вліянію. Кромѣ смерти нѣтъ средства успокоенія отъ любви, и Мирра рѣшается умереть. Привязала она къ дверной перекладинѣ свой поясъ и приподнялась на цыпочки, намѣреваясь удавиться. «Прости, милый Кинпръ, и знай, что ты причина моей смерти», прошептала дѣва и всунула свою голову въ крѣпкую петлю. Но, говорятъ, будто шепотъ Мирры услыхала ея вѣрная кормилица. Встала старуха и растворила двери. Видя орудія насильственной смерти, кормилица въ одно и тоже время и закричала, и ударила себя въ грудь, разорвала на ней одежду, потомъ перервала петлю и вынула изъ нея Мирру. Сперва старуха вволю наплакалась, наобнималась съ нею, потомъ стала спрашивать дѣву, что заставило ее повѣситься. Молчитъ Мирра, словно нѣмая, недвижно смотритъ въ землю, сердясь

на то, что открыли (390) ея попытку умереть насильственною смертью. Не отстаетъ старуха: обнаживъ свою сѣдую голову и изсохшую грудь, она заклинаетъ Мирру ради того, что она воспитала и вскормила ее съ колыбели, разсказать ей причину горя.

Отвернулась дѣва отъ приставашей къ ней старухи и вздохнула. Но, твердо рѣшившись разузнать обо всемъ, кормилица стала обѣщать не (395) только что никому не говорить объ этомъ: «говори мнѣ только одну правду», продолжаетъ она, «и дай случай помочь тебѣ: хоть и стара я, но еще не лѣнива. Если ты влюблена, я знаю помогающія при этомъ заклинанія, если испорчена кѣмъ нибудь,—я очищу тебя ворожбою, если прогнѣвила ты боговъ, — я умилостивлю ихъ священными жертвами. Что (400) придумать мнѣ еще?—Приданое твое вполнѣ цѣло, мать и отецъ живы...» При словѣ «отецъ» Мирра глубоко вздохнула. Хотя кормилица даже и тогда не догадалась, что въ этомъ словѣ кроется преступленіе, однако поняла, что дѣва въ кого-то влюблена. Неотступно (405) стала старуха умолять Мирру во всемъ открыться ей, прижала рыдавшую дѣву къ своей старческой груди и, обнявъ ее своими старческими руками, такъ стала говорить Миррѣ: «я вижу, ты влюблена; въ такомъ случаѣ не бойся — я готова услужить тебѣ, и отецъ никогда не узнаетъ объ этомъ (410)!...» Въ ужасѣ отскочила Мирра отъ груди кормилицы, уткнулась въ подушки и воскликнула: «молю тебя, уйди прочь, пощади мою несчастную стыдливость!» Но старуха не отставала. «Отойди или перестань спрашивать про мое горе», сказала Мирра,—«преступленье имя тому, о чемъ хочешь ты узнать!» Ужаснулась старуха, подняла (415) она свои дрожавшія отъ старости и страха руки, съ мольбой упала къ ногамъ своей питомицы и то ласково, то съ угрозами стала говорить Миррѣ, что скажетъ отцу про ея попытку удавиться, если она не признается ей, услужитъ—, если откроетъ, кого она полюбила. Подняла дѣва свою голову и оросила грудь (420) кормилицы горючими слезами. И то хочетъ Мирра открыться ей, то удерживается; закрыла дѣва одеждой свое за-

рдѣвшееся отъ стыда лице и воскликнула: «о, счастлива своимъ мужемъ моя мать!» Только и сказала дѣва. Вздохнула она, увидя, что отъ ужаса у кормилицы похолодѣло тѣло, дыбомъ встали на головѣ ея растрепанные сѣдые волосы. Долго уговаривала старуха Мирру забыть, если можно, ея ужасную любовь. Хоть и сознавалась дѣва, что ей говорили правду, но рѣшилась лучше умереть, чѣмъ потушить въ себѣ пламя любви. «Живи», воскликнула кормилица, «обладай своимъ милымъ....» — сказать «отцемъ» она не посмѣла—и замолчала, обѣщаніе же свое подтвердила клятвой.

Настало время, когда благочестивыя жены справляютъ ежегодный праздникъ въ честь Цереры. Надѣвъ на себя бѣлоснѣжныя одежды, онѣ приносятъ богинѣ зачатки плодовъ и колосяные вѣнки; въ эти девять ночей имъ запрещены любовныя сношенія съ мужчинами. Въ толпѣ женъ находится и царица, жена Кинира, дочь Кенхрея; — она исполняетъ съ ними таинственныя священнодѣйствія. Итакъ, когда на ложѣ Кинира не было его достойной супруги, къ опьянѣвшему царю подошла, воспользовавшись случаемъ, употребившая во зло свою услужливость кормилица Мирры и стала говорить ему, что его горячо любятъ, имени же той не сказала, но восхищалась ея красотою. «Ровесница она Миррѣ», отвѣчала кормилица, когда царь спросилъ ее о лѣтахъ дѣвушки. Получивъ приказаніе привести ее и возвратясь къ себѣ, старуха воскликнула: «радуйся, моя питомица, — мы побѣдили!» Но не ото всего сердца радовалась бѣдная дѣвушка, затосковала она отъ предчувствія; однако Мирра и радовалась: такъ колебался ея умъ!

Была ночь. Боотъ повернулъ свою криводышлую телѣгу въ середину Тріоновъ, когда Мирра пошла совершать свое преступленіе. Не было видно на небѣ красавицы луны, мрачныя тучи совсѣмъ затмили звѣзды: темна была ночь. Ты, Икаръ, и ты, Эригона, прославившаяся священной любовью къ отцу, первые скрыли свой ликъ. Трижды спотыкалась Мирра, триж-

ды предостерегалъ ее своимъ ужаснымъ крикомъ зловѣщій филинъ—предзнаменованія совѣтовали дѣвѣ итти назадъ, но она шла; темная ночь уменьшала ея стыдъ. Лѣвою рукою Мирра держится за кормилицу, правою—ощупью ищетъ невидную изъ-за мрака дорогу. Ужъ дѣва подходитъ къ спальнѣ Кинира, открываетъ ея двери и входитъ. Подкосились и задрожали ноги Мирры, поблѣднѣло и похолодѣло у ней лице,—пала духомъ шедшая дѣва. И, чѣмъ ближе къ преступленію, тѣмъ больше боится она, раскаявается въ своей безумной попыткѣ; хотѣла бы Мирра, если можно, неузнанною воротиться назадъ. Пока дѣва раздумывала, старуха схватила ее за руку и притащила къ высокой кровати. «Возьми ее, Киниръ», сказала кормилица, отдавая Мирру, «—она твоя», и подвела къ нему его жертву. Со своею же дочерью возлегъ на ложе сладострастный отецъ.... Успокоивая Мирру, разсѣевая ея дѣвичью робость, онъ, быть можетъ, говорилъ ей, глядя на ея молодость: «дочь моя!» Быть можетъ и Мирра называла Кинира «отецъ мой!» Тогда не доставало только имени ихъ преступленію. Потерявъ невинность, нечестивая дѣва вышла изъ отцевской спальни и понесла во чревѣ ужасный плодъ, зачала на свою голову. Въ слѣдующую ночь преступленіе повторилось, но не кончилось оно съ нею. Когда же, послѣ стольких совокупленій, Киниръ, страстно желая узнать наконецъ свою любовницу, вошелъ въ спальню со свѣчею, онъ увидалъ свою преступную дочь!... Ни слова не сказалъ онъ отъ горя и выхватилъ изъ висѣвшихъ на бедрѣ ноженъ блестящій мечъ. Убѣжала Мирра; только мракъ темной ночи спасъ ее отъ смерти.

Покинула дѣва обильную пальмами Аравію и Панхею, стала бродить по широкимъ полямъ. Девять разъ успѣла народиться луна, когда усталая Мирра легла отдохнуть въ землѣ Савеевъ: она едва носила плодъ своего чрева. Тогда, не зная, кому молиться, боясь смерти и скучая жизнью, такъ стала молиться Мирра: «если кто-либо изъ васъ, боги, прощаетъ каю-

*

щихся, то сознаюсь я, что по-дѣломъ наказана такъ тяжело. Измѣните-же мой видъ, избавьте меня и отъ жизни, и отъ смерти, не пускайте ни въ одно царство, чтобы живою не оскорблять мнѣ живыхъ, мертвою—мертвыхъ!» Какой-то богъ услышалъ грѣшницу, услышалъ быть можетъ, ея послѣднія слова, такъ какъ ноги говорившей покрыла земля, сквозь надтреснувшіе ногти проросъ кривой корень дерева, основа длиннаго ствола. Деревомъ стала Мирра; въ соки превратилась кровь, протекавшая въ ея мозгу, руки—въ длинныя вѣтви, пальцы—въ маленькія; какъ кора, затвердѣла кожа. Ужъ дерево, выростая, охватило животъ беременной Мирры, скрыло ея грудь готовилось скрыть и шею. Не вынесла дѣва медленной смерти: присѣла она, опустила въ кору свою голову, чтобы скрыло ее на встрѣчу ползущее дерево. И хоть утратила Мирра вмѣстѣ съ тѣломъ свои прежнія чувства, однако, она всетаки плакала; точились горючія слезы и изъ дерева. Цѣнны онѣ; «миррою» названы въ честь ихъ хозяйки и вѣчно будутъ напоминать о Миррѣ...

Между тѣмъ преступно зачатое дитя росло въ деревѣ и искало пути, откуда бы можно было ему выйти на свѣтъ, освободивъ свою мать. Вздулся скрытый въ деревѣ животъ беременной Мирры; тяжело было матери отъ своего плода, но нельзя было ей выразить словами своихъ страданій, нельзя было роженицѣ призвать Луцину. Но дерево замѣнило мать: оно какъ-бы вздулось, изогнулось, то и дѣло стонало, было влажно отъ струившихся по немъ слезъ. Подошла къ страдавшему дереву кроткая Луцина, обхватила его руками и стала произносить облегчающія роды заклинанія. Треснула кора дерева, и изъ отверстія выпало живое существо. Вскрикнулъ ребенокъ. Наяды положили его на мягкую траву и умастили его тѣло материнскими слезами. Красота малютки привела-бы въ восторгъ даже Зависть. На крылатыхъ Амуровъ, какихъ рисуютъ на картинахъ, похожъ былъ Адонисъ; для совершеннаго сходства или ему слѣдовало-бы дать легкій колчанъ, или отнять его у тѣхъ боговъ.

Быстро и незамѣтно мчится летучее время; скоротечнѣе его нѣтъ ничего (520): тотъ, кто былъ сыномъ своей сестры и дѣда, кто раньше скрытъ былъ въ деревѣ, при самомъ рожденіи былъ красивѣйшимъ ребенкомъ. Потомъ онъ сталъ отрокомъ, потомъ молодымъ человѣкомъ, красотой котораго увлеклись другіе: понравился Адонисъ Венерѣ,—выместилъ онъ на богинѣ любовь своей матери. Однажды носящій колчанъ (525) сынъ Венеры, цѣлуя свою мать, нечаянно слегка задѣлъ ея грудь высунувшеюся стрѣлою. Раненая богиня оттолкнула своего сына рукою, но ея рана была глубже, чѣмъ казалась,—не замѣтила ее сперва и сама богиня. И вотъ плѣненная красотою юноши богиня забыла Киѳеру (530); уже не посѣщаетъ она омываемаго глубокимъ моремъ Пафа, изобилующаго рыбой Книда, богатаго рудниками Аматунта, забыла она и небо: Адонисъ для нея милѣе неба. Возлѣ себя держитъ богиня юношу, съ нимъ однимъ ходитъ она. Прежде богиня всегда любила понѣжиться среди прохлады, теперь-же бродитъ она, подобно Діанѣ, подобравъ до колѣнъ свое платье, по (535) горамъ, по лѣсамъ, по обросшимъ терновникомъ утесамъ, атукаетъ псовъ, но не на лютыхъ звѣрей, а на быстроногаго зайца, круторогихъ оленей, на ланей; не пускаетъ она ихъ на лютаго вепря, хищнаго (540) волка, вооруженнаго когтями медвѣдя; избѣгаетъ богиня встрѣтиться и съ упившимся кровью домашнихъ животныхъ львомъ. И тебѣ, Адонисъ, совѣтуетъ Венера—если-бъ только могли принести пользу ея совѣты!—избѣгать этихъ звѣрей. «Можно показать свою удаль, когда они побѣгутъ», говоритъ она, «противъ ихъ лютости не поможетъ тебѣ твоя смѣлость! Не кидайся (545), юноша, безразсудно въ опасности и не дразни звѣрей, которымъ дала защиту сама природа, чтобъ не пришлось мнѣ горевать изъ-за твоей удали. Не тронутъ взоровъ и сердецъ лютыхъ львовъ и щетинистыхъ вепрей твоя молодость и красота, за которую влюбилась въ тебя Венера; какъ молніей (550), бьютъ ярые вепри своими кривыми клыками, страшна сила и ярость рыжихъ львовъ,—не люблю я этихъ звѣрей».—Когда Адонисъ

сталъ спрашивать богиню, почему это, она отвѣчала: «я скажу тебѣ, и ты удивишся чудному и старому сказанію, какъ наказаны были одни люди. Устала-же я отъ непривычки охотиться... Вотъ кстати (555) манитъ насъ подъ свою тѣнь тополь,—ляжемъ подъ нимъ на траву,—мнѣ хочется отдохнуть тутъ съ тобою, Адонисъ!» Богиня прижалась къ юношѣ и, склонивъ свою головку на его грудь, такъ начала она, прерывая свою рѣчь поцѣлуями:

«Можетъ быть (560), ты слышалъ о нѣкоей дѣвѣ, побѣждавшей на состязаніи въ бѣгѣ быстроногихъ мущинъ,—разсказы эти были не выдумка: Аталанта всегда выходила побѣдительницею. Нельзя было сказать, красотою-ли славилась она, или быстротою своихъ ногъ. Когда дѣва стала вопрошать оракула выйдетъ ли она за мужъ, онъ отвѣтилъ:

Замужъ не выходи, Аталанта, о будущемъ мужѣ не думай;
Если-же этого ты не избѣгнешь, то и своей головы не снесешь!

Испугавшись изрѣченія бога, Аталанта стала жить дѣвственницей, въ густомъ лѣсу, а когда множество жениховъ стало назойливо приставать къ ней, она отбила у нихъ охоту искать ея руки слѣдующимъ ужаснымъ условіемъ: «только тотъ будетъ обладать мною», сказала Аталанта, «кто опередитъ (570) меня на бѣгу, въ бѣгѣ состязайтесь со мною: перегнавшій меня будетъ въ награду моимъ мужемъ, подѣлится ложемъ со мною, отставшій—умретъ въ наказаніе; таково условіе состязанія!» Правда, оно было жестоко, но, не смотря и на такія условія, явилось множество искателей руки Аталанты: такъ сильно обаяніе красоты!

Былъ (575) на бѣгу и Гиппоменъ; смотрѣлъ онъ на опасное состязаніе. «Неужели станетъ кто-нибудь добывать себѣ жену съ такимъ рискомъ», говорилъ онъ и порицалъ безумную любовь юношей. Но, когда Аталанта откинула свое покрывало, Гиппоменъ увидѣлъ ея тѣло такъ близко, какъ увидѣлъ бы его ты или я, будь мы женщинами. Увидѣвъ лице дѣвы, Гиппоменъ остолбенѣлъ (580) и, поднявъ руки, воскликнулъ: «простите меня тѣ, кого осуждалъ я,—не видѣлъ я еще той награды, которой вы добивались!»

И вмѣстѣ съ восторгомъ зажглась въ немъ любовь: завистливо боится и хочетъ Гиппоменъ, чтобъ ни одинъ юноша не опередилъ Аталанты. «Но почему и мнѣ не попытать счастья, не посостязаться съ Аталантой», сказалъ Гиппоменъ, — «смѣлымъ богъ владѣетъ!» Такъ разсуждалъ самъ съ собою Гиппоменъ, когда мимо его, словно птица, пронеслась Аталанта. Хоть юному Аонійцу и казалось, что дѣва летитъ, какъ скиѳская стрѣла, однако онъ дивился болѣе красотѣ Аталанты. Дѣйствительно, тотъ бѣгъ придавалъ ей прелесть: встрѣчный вѣтерокъ отбрасывалъ отъ быстрыхъ ногъ дѣвы доходившую до пятъ тунику; по бѣлоснѣжной спинѣ раскинулись волосы; наколѣнники были обшиты красивой лентой. Такимъ-же розовымъ цвѣтомъ окрасилось дѣвственное тѣло Аталанты, какой искусственно происходитъ отъ висящаго надъ бѣлымъ преддверіемъ пурпурнаго покрывала. Въ то время, какъ чужеземецъ любовался на это, Аталанта побѣдительницей добѣжала до самаго дальнаго столба, и ее торжественно увѣнчали вѣнкомъ. Вздыхаютъ побѣжденные и несутъ условленное наказаніе.

Но не испугался юный Гиппоменъ участи, ожидающей несчастныхъ, — вошелъ онъ въ ихъ толпу и, смотря на дѣву воскликнулъ: «зачѣмъ ищешь ты легкой побѣды—побѣдить безсильныхъ,—ты попробуй посостязаться со мною. Если я останусь побѣдителемъ, тебѣ не стыдно будетъ уступить такому человѣку, какъ я,—вѣдь отецъ мой Мегарей, сынъ Онхеста, дѣдомъ Мегарея былъ Нептунъ: стало быть, я прихожусь правнукомъ повелителю моря; да и доблестью я не ниже, чѣмъ происхожденіемъ. Итакъ, если ты побѣдишь Гиппомена, то этой побѣдой пріобрѣтешь себѣ великую и вѣчную славу!»

Нѣжно смотрѣла на говорившаго Гиппомена дочь Схенея и колебалась, лучше-ли уступить ей юношѣ, или побѣдить его. «Какой богъ, враждебный красавцамъ, хочетъ погубить его, велитъ съ опасностью для его дорогой жизни добиваться брака со мною», разсуждала Аталанта, «—по моему мнѣнію я не стою такъ много. Не красота Гиппомена трогаетъ меня, — хоть и

могла-бы тронуть и она—но то, что онъ еще мальчикъ,—не его самого жаль мнѣ, а его молодости. А что сказать мнѣ про его мужество, про сердце, не боящееся смерти; что сказать про то, что по рожденью онъ считается въ четвертомъ колѣнѣ отъ бога морей, что сказать про любовь ко мнѣ Гиппомена, про то, что онъ такъ высоко цѣнитъ бракъ со мною, что умретъ, если злой рокъ откажетъ ему въ этомъ? Уходи, чужеземецъ, пока можно, не мысли о кровавой свадьбѣ: опасенъ бракъ со мною! Любая женщина выйдетъ за тебя за-мужъ; полюбитъ тебя и умная дѣвушка. Но зачѣмъ боюсь я за тебя, погубивъ прежде многихъ? Берегись! Или пусть-же умретъ онъ, если надоѣла ему жизнь, такъ какъ смерть стольких искателей моей руки не вразумила его. Стало быть, Гиппоменъ погибнетъ за то, что онъ хотѣлъ жить со мною, въ награду за свою любовь незаслуженно лишится жизни? Правда, меня станутъ ненавидѣть за эту побѣду, но я не буду виновна въ томъ. О, если-бъ ты отступился отъ состязанія со мною, или, если ты безуменъ, то хоть обогналъ-бы меня! Но что-за дѣвичья красота у тебя, мальчикъ!... Бѣдный Гиппоменъ, не хотѣлось-бы мнѣ, чтобы ты увидѣлъ меня,—тебѣ нужно было-бы жить, и, будь я счастливѣе, не откажи мнѣ въ супружествѣ злая судьбина, одинъ былъ-бы ты, съ кѣмъ я подѣлила-бы мое брачное ложе!...» Такъ говорила Аталанта; словно новичекъ, не знаетъ она, что ей дѣлать: любитъ дѣва и не замѣчаетъ, что любитъ, — впервые спозналась она съ Купидономъ. Но толпа и старый отецъ Аталанты ужъ требуютъ начинать обычный бѣгъ. «Молю тебя, Киѳерея, присутствуй при моемъ отважномъ предпріятіи, поддержи любовь, которую ты зажгла во мнѣ!» въ испугѣ воскликнулъ тогда, призывая меня, потомокъ Нептуна, Гиппоменъ. Независтливый вѣтерокъ донесъ до меня эту жаркую мольбу. Признаться, она тронула меня, и Гиппомену не пришлось ждать долго моей помощи.

Есть одно поле, лучшее во всемъ Кипрѣ; туземцы зовутъ его тамазскимъ. Это поле посвятили мнѣ маститые старцы

и велѣли, какъ даръ, отдать моему храму. По срединѣ поля блестѣло дерево: изъ золота была его листва, свѣтлымъ золотомъ отливались вѣтви. Пришлось мнѣ сходить туда. Я сорвала три золотыхъ яблока и понесла ихъ въ рукѣ. Незамѣтно для другихъ, кромѣ Гиппомена, я отдала ихъ ему и научила, что дѣлать съ ними. Трубы подали знакъ къ состязанію. Выдавшись грудью впередъ, выскочили изъ-за перилъ оба противника и понеслись такъ быстро, что ногами едва касались песка. Можно было думать, что они побѣжали-бы по морю, не замочивъ своихъ ногъ, и по верхушкамъ колосьевъ созрѣвшей нивы. Крики и похвалы зрителей придавали юношѣ бодрости. «Приналягъ теперь, Гиппоменъ», кричали ему, «спѣши, напрягай всѣ свои силы, бѣги шибче и побѣдишь!» Неизвѣстно, сынъ-ли Мегарея радовался больше этимъ восклицаніямъ, или дочь Схенея. О, сколько разъ медлила Аталанта, хотя могла уже перегнать Гиппомена, какъ неохотно обогнала она юношу, на лице котораго она смотрѣла такъ долго! Жаркое дыханіе выходило изъ устъ утомленнаго Гиппомена, а цѣль была еще далеко. Тогда-то наконецъ потомокъ Нептуна бросилъ одно изъ трехъ яблоковъ. Изумилась дѣва, въ сторону уклонилась она, желая схватить блестящій плодъ, и подняла катившееся яблоко. Обогналъ Аталанту Гиппоменъ; рукоплесканіями огласились мѣста для зрителей. Но дѣва ускорила бѣгъ, наверстала потерянное время и снова перегнала юношу. Гиппоменъ бросилъ второе яблоко. Аталанта опять остановилась, но снова обогнала юношу. Цѣль бѣга была не далеко. «Теперь помоги, богиня, давшая мнѣ дары», воскликнулъ Гиппоменъ и изо всей силы бросилъ блестящее яблоко, бросилъ въ сторону, въ широкое поле. Казалось, дѣва раздумывала, поднять-ли ей яблоко, или нѣтъ? Я стала побуждать ее поднять, увеличила вѣсъ брошеннаго плода, словомъ задержала Аталанту тяжелою ношей и этой остановкой. Но, чтобы мой разсказъ не показался длиннѣе самого бѣга, я скажу тебѣ, что Гиппоменъ обогналъ дѣву, и, какъ побѣдитель, взялъ

ее себѣ въ жены. Неужели я не заслужила, Адонисъ, благодарственной жертвы! Быстро разгнѣвалась я. Скорбя отъ нанесенной мнѣ обиды и боясь, что меня станутъ оскорблять и въ будущемъ, я стала раздумывать о примѣрномъ наказаніи Гиппомена и Аталанты, настроивать себя противъ его и его супруги.

Гиппоменъ и Аталанта проходили мимо храма, окруженнаго густымъ лѣсомъ; храмъ этотъ выстроилъ нѣкогда по обѣту славный Эхіонъ и посвятилъ матери боговъ. Совершивъ далекій путь, они рѣшились отдохнуть. И вотъ тутъ-то Гиппоменомъ овладѣло страстное желаніе совокупиться съ женою: возбудило его мое божество. Возлѣ храма былъ уединенный, слабо освѣщаемый уголокъ, похожій на пещеру; крыша его была изъ природной пемзы. Изстари, благодаря вѣрованію, уголокъ тотъ считался священнымъ: жрецы убирали туда всѣ изветшалыя деревянныя статуи боговъ. Туда то и вошелъ Гиппоменъ, и своимъ преступленьемъ оскорбилъ святыню. Отвратили боги свои глаза, а увѣнчанная башнею мать боговъ раздумывала, не потопить-ли преступныхъ въ водахъ Стикса. Но наказаніе это показалось Кибелѣ легкимъ, и вотъ нѣжныя шеи Гиппомена и Аталанты вдругъ обростаютъ желтою гривой, ихъ пальцы загибаются въ когти; руки становятся ногами, въ груди собирается вся сила, и хвостомъ своимъ они начинаютъ мести песокъ. Свирѣпъ ихъ взглядъ; рычатъ они вмѣсто того, чтобы говорить; вмѣсто жилищъ живутъ въ лѣсахъ,—львами стали Гиппоменъ и Аталанта, страшны они для другихъ, но слушаются узды Кибелы. Этихъ звѣрей, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ тѣхъ, которые не убѣгаютъ отъ охотника, а встрѣчаютъ его грудью, ты не трогай, мой милый, ради меня, чтобы твоя отвага не была гибельна для обоихъ насъ!» Такъ увѣщевала богиня Адониса и поднялась на воздухъ въ колесницѣ своей, запряженной лебедями.

Но не внялъ совѣтамъ Венеры отважный Адонисъ. Однажды его псы, преслѣдуя вепря по горячему слѣду, выгнали

его изъ логовища. Когда звѣрь хотѣлъ убѣжать изъ лѣса, юный сынъ Кинира ранилъ его въ бокъ. Быстро вырвалъ вепрь кривымъ клыкомъ орошенный своею кровью дротикъ и яростно (715) погнался за испуганнымъ и искавшимъ убѣжища Адонисомъ, всадилъ ему въ пахъ оба клыка и повалилъ умирающаго на желтый песокъ.

Въ легкой своей колесницѣ, запряженной лебедями, ѣхала Киѳерія по воздуху. Еще не достигла она Кипра, но издали услыхала стоны умиравшаго и повернула (720) въ ту сторону бѣлокрылыхъ птицъ. Когда увидала богиня съ высоты небесной бездыханное, забрызганное своей кровью тѣло юноши, то спрыгнула съ колесницы и въ одно время стала рвать платье на груди и свои волосы, бить руками не заслужившую того грудь. «Но не все будетъ въ твоей власти (725)», воскликнула Венера, гнѣваясь на рокъ, «вѣчно буду я оплакивать тебя, Адонисъ; ежегодно увядая, ты заставишь меня снова плакать по тебѣ. Въ цвѣтокъ превратится твоя кровь, — вѣдь если тебѣ, Персефона (730), можно было нѣкогда превратить одну женщину въ душистую мяту, то ты не будешь завидовать мнѣ, если и я превращу сына Кинира!» Такъ говорила богиня и оросила кровь Адониса благовоннымъ нектаромъ. Смѣшавшись съ нимъ, кровь вздулась, какъ вздуваются во время дождя прозрачные водяные пузырьки. Не прошло (735) еще и цѣлаго часа, какъ изъ крови Адониса возродился цвѣтокъ одного цвѣта съ пунійскимъ гранатомъ, гдѣ зерна скрываются подъ твердою кожицей. Но коротко время его цвѣтенія, не крѣпко держится цвѣтокъ на стеблѣ, вредитъ ему его излишняя легкость: сопменный ему вѣтеръ сшибаетъ его головку.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Орфей.—Мидасъ.—Дедалій и Хіона.—Кеикъ и Алкіона.—Эзакъ.

Въ то время, какъ ѳракійскій пѣвецъ привлекалъ своими пѣснями деревья, звѣрей и скалы, съ высокаго холма увидали пѣвшаго и игравшаго на лирѣ Орфея (5) прикрывшія свои груди шкурами звѣрей неистовыя Вакханки. «А, вотъ здѣсь тотъ, кто презираетъ насъ», воскликнула одна изъ нихъ, распустивъ по легкому вѣтру свои волосы, и бросила свой тирсъ въ вѣщія уста пѣвца Аполлона. Но обвитый листьями тирсъ сдѣлалъ уколъ, а не рану. Другая (10) бросила въ пѣвца камнемъ, но, покуда летѣлъ по воздуху камень, онъ былъ очарованъ пѣніемъ и звуками лиры и, словно моля за свою дерзость, упалъ къ ногамъ Орфея. Однако увеличивается бѣшеный шумъ, растетъ, не зная мѣры: настало царство ужасной Эринны! Всякаго рода (15) оружіе было очаровано пѣніемъ Орфея, но громкіе крики Вакханокъ, звуки берекинтскихъ флейтъ съ изогнутымъ рогомъ и бубенъ, рукоплесканія и восклицанія въ честь Вакха заглушили звуки киѳары. Тогда-то наконецъ обагрились скалы кровью заглушеннаго пѣвца. Но (20) еще раньше Менады растерзали множество птицъ, гадовъ и стаи звѣрей, привлеченныхъ пѣніемъ Орфея, истребили блестящую свиту пѣвца. Какъ слетаются птицы, случайно увидя днемъ заблудившуюся сову (25), какъ на утреннемъ представленіи въ циркѣ бросаются собаки на свою жертву-оленя: такъ сходятся потомъ и Вакханки, поднимая на пѣвца свои окровавленныя руки. Бросаются Менады на Орфея и бьютъ его не для того предназначенными, обвитыми листьями тирсами; однѣ изъ нихъ кидаютъ въ него комья земли, другія — отломанные отъ дерева сучья, третьи (30)—каменья. Явилось у бѣснующихся и оружіе—случилось, что не подалеку отъ того мѣста волы пахали плугомъ необработанную землю, а сильные поселяне разбивали ее, ожидая плода отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ. Завидя толпу Менадъ, поселяне разбѣжались, оставивъ

орудія (35) своего труда; въ безпорядкѣ лежать на опустѣвшемъ полѣ бороздники, тяжелые заступы и длинныя мотыки. Схвативъ ихъ, изступленныя жены разорвали грозныхъ своими рогами быковъ и снова помчались убивать Орфея. А тотъ въ то время, поднявши руки, сталъ увѣщевать Вакханокъ и впервые напрасно (40): не тронулись преступницы рѣчами поэта и умертвили его. Тѣми устами, которымъ внимали скалы, которыхъ слушали дикіе звѣри, клянусь Юпитеромъ, отлетѣла и душа бездыханнаго поэта!

Горько плакали по тебѣ, Орфей, птицы, стаи звѣрей, холодныя скалы; плакали по тебѣ (45) и лѣса, не рѣдко внимавшіе твоимъ пѣснямъ: поникнувъ верхушкою, стоятъ потерявшія листву деревья. Говорятъ, будто и рѣки переполнились отъ слезъ; въ мрачныя черныя платья одѣлись наяды, а дріады распустили свои волосы. Повсюду разбросано тѣло (50) Орфея, голову-же и лиру его Вакханки бросили, Гебръ, въ твои воды, и—диво!—пока плыли онѣ по рѣкѣ, лира, какъ-бы жалуясь, издавала какіе-то печальные звуки, что-то грустное лепеталъ мертвый языкъ; печально отзывались имъ берега рѣки. Ужъ останки пѣвца проплыли родную рѣку и (55), выйдя въ море, пригнаны были теченіемъ къ Метимнѣ, на Лесбосѣ. На чужомъ берегу лежала голова Орфея; съ распущенныхъ волосъ ея каплями падала вода. Тутъ хотѣлъ-было растерзать голову свирѣпый драконъ, но явился Фебъ и усмирилъ чудовище: твердою, какъ холодный камень, сдѣлалъ онъ (60) его раскрытую пасть и тамъ, гдѣ была она, стало широкое отверстіе. Въ подземное царство сошла тѣнь Орфея и снова узнала всѣ тѣ мѣста, которыя видѣла раньше. Бродя по жилищу благочестивыхъ людей, пѣвецъ нашелъ Эвридику и горячо обнялъ ее. То вмѣстѣ прогуливаются они тамъ, то (65) Орфей опережаетъ свою жену, то она его, но ужъ не боится пѣвецъ оглянуться назадъ, не боится потерять свою Эвридику!

Не оставилъ Лієй безнаказнымъ преступленіе Вакханокъ. Горюя о смерти соучастника своихъ таинствъ, богъ немедленн-

превратилъ въ деревья всѣхъ Эдонянокъ, участвовавшихъ въ преступленіи, извилистымъ корнемъ прикрѣпилъ ихъ къ землѣ. Укоротилъ Вакхъ пальцы на ногахъ слѣдовавшихъ за нимъ Вакханокъ, воткнулъ ихъ концы въ твердую землю. Какъ трепетно бьется и лишь затягиваетъ петлю своимъ движеніемъ птица, когда ногою попадетъ она въ силокъ, незамѣтно поставленный хитрымъ птицеловомъ, и понимаетъ, что что-то удерживаетъ ее: также тщетно пытались бѣжать и страшно перепуганныя Вакханки, когда каждая изъ нихъ приросла къ землѣ. Но длинный корень держитъ ихъ, не пускаетъ, хоть онѣ и пытаются вырваться. И въ то время, какъ Менады недоумѣвали, куда дѣлись ихъ пальцы, ноги и руки, онѣ увидѣли, что ихъ нѣжныя ноги превратились въ дерево: желая въ ужасѣ ударить себя по бедрамъ, онѣ ударяли по дереву. Деревомъже стали ихъ груди и плечи, простертыя-же руки можно было принять за настоящія вѣтви и не ошибиться въ своемъ предположеніи.

Но Вакху мало и этого: онъ покинулъ даже самую страну и съ лучшею свитою пошелъ къ виноградникамъ любимаго имъ Тмола, къ Пактолу, хотя послѣдній въ то время не былъ еще золотоноснымъ, не возбуждалъ зависти дорогимъ своимъ пескомъ. Вакха сопровождала его обычная свита изъ Сатировъ и Вакханокъ, но въ числѣ ихъ не было Силена: шатавшагося и отъ старости, и отъ вина, его поймали фригійскіе поселяне и, связавъ вѣнками, привели къ царю Мидасу, котораго, какъ и Кекропянина Эвмолпа, Ѳракіецъ Орфей посвятилъ въ тайны оргій. Лишь только Мидасъ узналъ спутника Вакха и соучастника его оргій, то задалъ въ честь прибытія такого гостя роскошный пиръ, продолжавшійся безпрерывно десять дней и ночей. На одиннадцатый день, когда Люциферъ уже разогналъ рои высокихъ звѣздъ, царь весело отправился въ Лидію, на одно поле, и передалъ Силена его юному питомцу. Радуясь, что получилъ своего воспитателя, богъ въ благодарность далъ Мидасу слово исполнить его желаніе и пред-

ложилъ ему—хотя и напрасно—назначить себѣ награду. Злоупотребивъ милостью Вакха, царь сказалъ ему: «сдѣлай, чтобы все то, къ чему ни прикоснусь я, обращалось-бы въ чистое золото!» Кивнулъ Либеръ (105) головою въ знакъ согласія на желанье Мидаса, обѣщалъ ему гибельный даръ, но пожалѣлъ, что царь не пожелалъ себѣ лучшаго.

Весело пошелъ Берекинтянинъ, радуясь своей бѣдѣ, и сталъ испытывать силу обѣщаннаго Вакхомъ дара, дотрогиваясь до отдѣльныхъ предметовъ. Едва вѣря себѣ, Мидасъ сломилъ зеленѣющую вѣтку съ небольшаго дуба, и вѣтка стала золотою, поднялъ (110) съ земли камень, и камень заблисталъ, какъ золото, дотронулся до кома земли, и отъ чудодѣйственнаго прикосновенія онъ сталъ кускомъ золота. Сорвалъ Мидасъ спѣлые колосья ржи, и колосья превратились въ золотые, подержалъ онъ въ своей рукѣ сорванное съ дерева яблоко, и можно было подумать, что это даръ дочерей Геспера. Если царь дотрогивался (115) до высокихъ дверей,—двери, казалось, испускали отъ себя лучи, даже, когда Мидасъ вымылъ свои руки въ свѣтлой водѣ, струи ея, стекавшія съ рукъ, могли бы обмануть даже Данаю. Едва можетъ Мидасъ обнять свои надежды, представляя себѣ все золотымъ. Передъ веселымъ царемъ слуги поставили столы, заставленные (120) яствами, въ томъ числѣ и сушеными плодами. Тогда бралъ-ли Мидасъ въ руку хлѣбъ—хлѣбъ твердѣлъ, хотѣлъ-ли онъ съ жадностью разжевать пищу, его зубы сжимали пластинку золота, смѣшивалъ (125)-ли царь посвященное виновнику дара вино со свѣтлою водою, видно было, что въ его ротъ текло тягучее золото. Испуганный невиданной бѣдою, Мидасъ, богачъ и въ тоже время бѣднякъ, страстно желалъ-бы убѣжать отъ своего богатства, сталъ ненавидѣть то, чего недавно желалъ. Никакое изобиліе пищи не можетъ утолить голода Мидаса,—жгучая жажда сушитъ (130) его горло и по-дѣломъ мучится онъ отъ ненавистнаго золота. «Прости меня, Леней,—согрѣшилъ я предъ тобою», воскликнулъ тогда Мидасъ, поднявъ къ небу свои сверкавшія золотомъ руки, «но,

молю тебя, сжалься, избавь меня отъ благовиднаго наказанія!» Кроткое божество, Вакхъ, простило сознававшагося въ своей ошибкѣ, освободило царя отъ той милости, которую обѣщалось оказать ему. «Чтобы тебѣ не оставаться покрытымъ золотомъ, чего ты глупо пожелалъ, иди», сказалъ Вакхъ, «къ рѣкѣ, протекающей вблизи славныхъ Сардъ, иди по горамъ вверхъ по ея теченію, пока не дойдешь до истока. Тогда окуни свою голову и тѣло въ пѣнистой водѣ истока тамъ, гдѣ онъ всего шире, и вмѣстѣ съ тѣмъ смой свою вину!» Согласно повелѣнію царь пришелъ къ истоку Пактола. Свойство производить золото сошло съ человѣка и перешло къ рѣкѣ. И еще до-нынѣ, получивъ золотоносную силу въ древнія времена, земля та изобилуетъ золотомъ; отливаются имъ берега омываемые водами Пактола.

Возненавидѣлъ Мидасъ свои богатства и сталъ жить въ лѣсахъ и поляхъ по примѣру Пана, всегда обитающаго въ горныхъ пещерахъ. Но прежнее тупоуміе осталось при царѣ; снова, какъ и раньше, оно должно было повредить тому, кто имѣлъ его. Глядя на море, далеко виднѣется очень трудный для восхожденія Тмолъ; на далекое пространство раскинулся онъ двумя своими скатами: съ одной стороны Тмолъ доходитъ до Сардъ, съ другой—до маленькихъ Гипепъ. Хвастаясь тамъ своею игрою предъ юными нимфами и насвистывая имъ веселыя пѣсни на склеенной воскомъ свирѣли, Панъ дерзнулъ игру Аполлона поставить ниже своей и явился на неравное состязаніе, судьею котораго былъ выбранъ богъ горы Тмола. Судья, болѣе старый, чѣмъ его гора, сѣлъ на свое мѣсто и сталъ снимать вѣнокъ со своей головы, чтобы было удобнѣе слушать; только дубовый вѣнокъ украшалъ темные волосы бога, и съ его впалыхъ щекъ свѣшивались желуди. Взглянувъ на бога скота, Тмолъ сказалъ: «судья готовъ!» Заигралъ Панъ на пастушьей свирѣли и своею варварскою игрою привелъ въ восторгъ Мидаса, который случайно присутствовалъ при состязаніи. Потомъ священный Тмолъ и боги лѣсовъ обратили свои взоры

на Феба. Аполлонъ (165) украсилъ свои русые волосы вѣнкомъ изъ парнасскаго лавра; своею окрашенной тирскимъ пурпуромъ мантіей мететъ онъ землю; въ лѣвой рукѣ у бога лира, украшенная драгоцѣнными камнями и индѣйскою слоновою костью, въ другой—смычекъ: въ самой позѣ Аполлона видѣнъ артистъ. Когда-же богъ искусною рукою заигралъ (170) на лирѣ, Тмолъ былъ очарованъ ея сладкими звуками и объявилъ, что свирѣль Пана уступаетъ лирѣ Аполлона. Всѣ согласились съ приговоромъ бога священной горы; порицаетъ и называетъ его пристрастнымъ одинъ лишь Мидасъ. Не потерпѣлъ делосскій богъ, чтобъ уши глупца были человѣческими (175): удлиннилъ онъ ихъ, одѣлъ бѣлою шерстью, концы ихъ сдѣлалъ мягкими и далъ возможность шевелить ими. Всѣ части тѣла Мидаса остались человѣческими, въ отношеніи только одной наказанъ онъ и получилъ уши лѣниво выступающаго осла.

Конечно, Мидасъ (180) захотѣлъ скрыть свой позоръ и рѣшился отъ стыда обвить свою голову пурпуровой тіарой. Но это не укрылось отъ раба, который обыкновенно обрѣзалъ мечемъ длинные волосы Мидаса. Такъ какъ рабъ побоялся разсказать о томъ, какъ удалось ему увидѣть безобразіе царя, но и не (185) хотѣлъ смолчать объ этомъ, то, желая открыть кому-нибудь тайну, онъ ушелъ, вырылъ въ землѣ ямку и сталъ тихо говорить надъ ней, какія уши видѣлъ онъ у своего повелителя. Шепча это надъ ямой, рабъ зарылъ ее землею, скрылъ свой доносъ и тихо ушелъ, заровнявъ яму. На томъ мѣстѣ поднялась густая (190) роща изъ зыбкаго камыша; чрезъ годъ, когда камышъ вполнѣ выросъ, онъ выдалъ раба-земледѣльца: покачиваясь отъ тихаго вѣтерка, онъ повторялъ зарытыя слова и выдавалъ, что̀ за уши у царя Мидаса.

Отмщеннымъ ушелъ съ Тмола сынъ Латоны и, пролетѣвъ по свѣтлому воздуху, прибылъ въ царство Лаомедонта, находившееся по ту сторону узкаго (195) моря Геллы, дочери Нефелы. Вправо отъ Сигейскаго, влѣво отъ Ретейскаго моря находился старый жертвенникъ, посвященный Паномфейскому

Зевсу. Съ того мѣста впервые увидалъ Аполлонъ, какъ Лаомедонтъ (200) окружалъ стѣнами юную Трою, увидалъ и то, какъ медленно подвигалась требовавшая большихъ усилій работа и какихъ большихъ затратъ требовала она. Принявъ вмѣстѣ съ носящимъ трезубецъ властелиномъ бурнаго моря человѣческій видъ, Аполлонъ сталъ строить стѣны фригійскому царю, условившись получить за работу золотомъ. Кончена (205) работа, но царь отказывается отъ уплаты и къ довершенію своего вѣроломства присоединяетъ ко лжи клятвопреступленіе. «Не спущу я тебѣ этого», сказалъ Лаомедонту властелинъ моря и устремилъ всѣ подвластныя ему воды къ берегамъ алчной Трои, изъ суши сдѣлалъ море, лишилъ (210) земледѣльцевъ ихъ богатства, водою покрылъ ихъ пашни. Но и это наказаніе показалось Нептуну малымъ: онъ велѣлъ принести въ жертву морскому чудовищу царскую дочь, но Алкидъ спасъ дѣву, прикованную къ твердой скалѣ, и потребовалъ обѣщаннаго въ награду знаменитаго коня. Когда Геркулесу было отказано въ наградѣ за столь славный подвигъ, онъ взялъ дважды (215) нарушившую клятву Трою и разрушилъ ея стѣны. Не ушелъ безъ награды и соучастникъ похода, Теламонъ, ему досталась въ жены Гезіона; другой соучастникъ, Пелей, былъ уже извѣстенъ своимъ бракомъ съ богиней и гордился именемъ своего дѣда не менѣе, чѣмъ именемъ тестя, такъ какъ не одному Пелею изъ братьевъ выпало на долю (220) быть внукомъ Юпитера, одному быть мужемъ богини.

«Зачнешь ты, богиня водъ», говорилъ Ѳетидѣ старый Протей, «и родишь сына, который, возмужавъ, затмитъ дѣянія своего отца, и будетъ славнѣе его». Поэтому, хоть (225) и страстно влюбленъ былъ Юпитеръ въ морскую нимфу Ѳетиду, онъ все-таки не соединялся съ нею, боясь, чтобы въ мірѣ не явилось что-либо сильнѣе Юпитера. Вмѣсто себя онъ велѣлъ идти въ объятія дѣвственной богини внуку своему, сыну Эака.

Есть въ Гемоніи заливъ, берега котораго, изогнувшись въ видѣ криваго серпа, образуютъ мысы (230); будь тамъ море

глубже, можно было-бы устроить гавань, но оно лишь не глубоко покрываетъ песокъ. Берега залива были каменисты, такъ что на нихъ не оставалось слѣдовъ ногъ; идти было легко— камни не обростали водорослями. Былъ тамъ лѣсокъ изъ приносящихъ двуцвѣтныя ягоды миртъ. Въ глубинѣ его находилась (235) пещера; трудно было рѣшить, природная-ли она, или искусственная, но скорѣе искусственная. Часто отправлялась ты туда, Ѳетида, обнаженною, сидя на взнузданномъ дельфинѣ. Въ ту-же пещеру вошелъ и Пелей и засталъ тамъ тебя крѣпко спавшею. Такъ какъ ты не обращала вниманія на усиленныя просьбы Пелея, то онъ, готовясь употребить насиліе (240), обѣими руками обхватилъ твою шею. Смѣльчакъ достигъ-бы своей цѣли, если-бъ ты не прибѣгла къ своимъ обычнымъ чарамъ, не измѣняла-бы то и дѣло своего вида. То становилась ты птицею, но Пелей не выпускалъ тебя и въ этомъ видѣ, то густымъ деревомъ—сынъ Эака виснулъ и на деревѣ. Въ третій (245) разъ ты обратилась въ пеструю тигрицу; испугался Пелей тигрицы и выпустилъ тебя. Потомъ онъ до тѣхъ поръ выливалъ въ море чаши вина, до тѣхъ поръ приносилъ въ жертву божествамъ водъ внутренности животныхъ и воскурялъ въ честь ихъ ѳиміамъ, пока не вышелъ изъ глубины моря карпатскій прорицатель и не сказалъ Пелею: «сынъ Эака (250), ты добьешся желаннаго брака съ Ѳетидой, только незамѣтно опутай богиню крѣпкими узловатыми сѣтями, когда она будетъ лежать въ забытьи въ прохладной пещерѣ. Не вдавайся въ обманъ, когда Ѳетида будетъ принимать сотню разныхъ видовъ,—жми ее, кто-бъ ни была она, пока богиня не приметъ своего прежняго вида!» Сказавъ (255) это, Протей скрылся въ морѣ; плескъ волнъ заглушилъ его послѣднія слова.

Книзу спускался Титанъ; онъ ѣхалъ, погружая свою колесницу въ Геспорійское море, когда прекрасная дочь Нерея вышла изъ воды и отправилась въ пещеру, обычное мѣсто своего отдыха. Едва (260) Пелей успѣлъ опутать тѣло дѣвы, какъ она стала измѣнять свой видъ, пока не увидала что она связана,

а руки ея раскинуты въ разныя стороны. Вздохнула тогда Θетида. «Не безъ помощи бога справился ты со мною», сказала она и отдалась Пелею. Достигнувъ своей цѣли, смѣльчакъ сталъ обнимать сознавшуюся дѣву, и Θетида забеременѣла великимъ Ахилломъ.

Гордился Пелей и сыномъ, и супругою, и всѣмъ былъ-бы счастливъ онъ, если-бъ только могъ снять съ себя вину въ убійствѣ Фока. Какъ виновнаго въ смерти брата, сына Эака изгнали изъ дому и родины, и онъ нашелъ себѣ пріютъ въ Трахинѣ. Этимъ царствомъ кротко правилъ, не проливая крови, сынъ Люцифера, Кеикъ, лице котораго отливало отцевскимъ блескомъ. Въ то время Кеикъ, ни въ чемъ не похожій на своего брата, горько плакалъ по немъ. Когда убитый горемъ и уставшій отъ пути сынъ Эака подошелъ къ Трахинѣ и вошелъ въ городъ съ немногими спутниками, — свои стада овецъ и крупнаго скота Пелей оставилъ не подалеку отъ городскихъ стѣнъ, въ тѣнистой долинѣ — то при первой возможности явился къ царю Кеику. Протягивая съ мольбою свои обвитыя шерстяными лентами руки, Пелей говоритъ, какъ его зовутъ и чей онъ сынъ. Не сказалъ сынъ Эака лишь о своемъ преступленіи; придумавъ ложный разсказъ о своемъ бѣгствѣ, Пелей проситъ Кеика пріютить его въ городѣ или въ его окрестностяхъ. «Пелей, я готовъ услужить даже простому человѣку, не то что тебѣ», ласково говоритъ царь Трахины сыну Эака, «—гостепріимно мое государство, къ тому-же расчитывать на мое расположеніе даютъ тебѣ важныя обстоятельства: твое славное имя и то, что дѣдъ у тебя Юпитеръ. Не проси меня, —ты получишь все, о чемъ просишь, всѣмъ, что видишь ты, распоряжайся, какъ своимъ. О, если-бъ ты встрѣтился со мною въ лучшее время!» И Кеикъ заплакалъ. Пелей и его товарищи стали спрашивать трахинскаго царя, изъ-за чего онъ такъ сильно горюетъ? «Вы, быть можетъ, думаете», началъ говорить имъ Кеикъ, «что та птица, которая живетъ хищничествомъ и пугаетъ всѣхъ пернатыхъ, была прежде птицею? — Нѣтъ, то былъ человѣкъ, такой-же настойчивый, какъ и храбрый на

войнѣ и дерзкій,—онъ былъ братъ мой; звали его Дедаліемъ; отцемъ у него былъ тоже тотъ, кто предвѣщаетъ наступленіе зари, послѣднимъ исчезаетъ на небосклонѣ. Я люблю жить въ мирѣ, стараюсь ладить съ сосѣдями, брату-же моему нравились кровавыя войны. Но зато, принявъ новый видъ, хищничествомъ своимъ, которое отдавало ему во власть царей съ ихъ народами, онъ пугаетъ теперь лишь голубокъ Тизбы.

У Дедалія была дочь Хіона, чудная красавица; много мущинъ искали ея руки, и въ четырнадцать лѣтъ Хіона была невѣстой. Случилось такъ, что Фебъ и сынъ Маи, возвращаясь одинъ изъ своихъ Дельфъ, другой съ горы Киллены, въ одно время увидѣли Хіону, въ одно время и влюбились въ нее. Аполлонъ рѣшился придти къ дѣвѣ и объясниться ей въ любви ночью, но Меркурій не дремалъ, — онъ коснулся своимъ жезломъ до лица Хіоны и усыпилъ ее. Когда-же она заснула отъ могучихъ чаръ бога, тотъ изнасиловалъ ее. Настала ночь. Звѣзды усѣяли небо. Фебъ принялъ на себя видъ старухи и тоже испыталъ наслажденіе, но не первый. Когда Хіонѣ пришло время родить, изъ сѣмени хитраго крылоногаго бога родился у ней сынъ Автоликъ, воръ на всѣ руки, который не уступалъ въ плутняхъ своему отцу, изъ черпаго дѣлалъ бѣлое, изъ бѣлаго—черное, отъ Феба-же—Хіона родила двойни—славный пѣвецъ и игрокъ на киѳарѣ—Филаммонъ. Но какая польза въ томъ, что дочь Дедалія родила двойни, угодила обоимъ богамъ, что могуществевъ ея отецъ, что звѣздный богъ былъ ея дѣдомъ?—развѣ мало кому вредитъ слава. Хіонѣ она дѣйствительно повредила—дочь Дедалія осмѣлилась унижать Діану, находить недостатки въ ея красотѣ. Страшно разгнѣвалась богиня. «Похвалятъ меня по крайней мѣрѣ за мои дѣла», воскликнула она и тотчасъ-же, натянувъ свой лукъ, пустила изъ него стрѣлу, наконечникъ которой пронзилъ языкъ виновной Хіоны. Онѣмѣлъ онъ у ней; напрасно силилась дѣва выговорить хоть одно слово, — въ усиліяхъ своихъ она истекла кровью и умерла. Тогда, обнимая бѣдную Хіону, я оплакивалъ ее, какъ

дядя, вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшалъ милаго брата. Но, оплакивая свою умершую дочь, отецъ на мои слова утѣшенія (330) обращалъ такъ-же мало вниманія, какъ скалы на ревъ моря. Когда-же Дедалій увидѣлъ Хіону на кострѣ, онъ четыре раза порывался броситься въ пламя, и четыре раза успѣвали удержать его. Тогда братъ пустился бѣжать со всѣхъ ногъ и, словно молодой быкъ, котораго ужалили (335) въ шею оводы, помчался по непроходимымъ дорогамъ. Уже тогда мнѣ показалось, что Дедалій бѣжитъ быстрѣе, чѣмъ человѣкъ; можетъ статься, подумалъ я, у него на ногахъ выросли крылья. Итакъ, братъ обогналъ всѣхъ насъ и, страстно желая смерти, достигъ вершины Парнасса. Сжалился Аполлонъ надъ Дедаліемъ, когда (340) онъ бросился съ высокой скалы, и превратилъ его въ птицу, сдержалъ на лету внезапно выросшими крыльями. Кривой клювъ съ кривыми-же когтями далъ богъ моему брату, оставилъ ему прежнюю храбрость и силу бо̀льшую въ сравненіи съ величиною. Ястребомъ сталъ теперь Дедалій; всѣхъ птицъ бьетъ (345) онъ, ни одной не даетъ спуску: скорбя самъ, заставляетъ скорбѣть и другихъ!»

Въ то время, какъ сынъ Люцифера разсказывалъ про чудо, случившееся съ его братомъ, въ комнату вбѣжалъ, запыхавшись отъ сильнаго бѣга, пастухъ, Фокеецъ Анеторъ. «Пелей, Пелей», вскричалъ онъ, «я принесъ тебѣ вѣсть о несчастьи (350)!» Пелей велѣлъ Анетору разсказать, въ чемъ состоитъ оно. Недоумѣваетъ и боится и самъ трахинскій царь. «Въ полдень пригналъ я», сталъ разсказывать пастухъ, «усталыхъ быковъ къ извилистому берегу моря. Одни изъ нихъ (355) легли на желтый песокъ и, лежа, смотрѣли на широкое море, другіе лѣниво прохаживались взадъ и впередъ; нѣкоторые, вытянувъ шеи, купались въ морѣ. Не подалеку отъ морскаго берега находился храмъ; ни мраморомъ, ни золотомъ не обращалъ онъ на себя вниманія, а (360) густыми деревьями старой тѣнистой рощи. Храмъ этотъ посвященъ богамъ—Нерею и его дочерямъ, какъ разсказывалъ намъ рыбакъ, сушившій на берегу сѣти. Возлѣ этого храма

было болото, поросшее густымъ ивнякомъ и образовавшееся отъ морскихъ приливовъ. Вдругъ оттуда раздался страшный трескъ и шумъ, напугавшій поди и жителей сосѣднихъ мѣстъ, и изъ ивняка выскочилъ огромный звѣрь—волкъ; покрыта пѣной и окровавлена была его страшная пасть, огнемъ горѣли налившіеся кровью глаза. Хоть звѣрь свирѣпѣлъ и отъ бѣшенства, и отъ голода, но бѣшенство въ немъ было сильнѣе, потому что, убивая быковъ, онъ не заботился о пищѣ, не хотѣлъ утолить своего страшнаго голода: волкъ, словно врагъ, рѣзалъ да рѣзалъ все стадо. Нѣкоторые изъ насъ, защищая его, были страшно искусаны и умерли. Берегъ и море вблизи его покраснѣли отъ крови; въ болотѣ ревѣла скотина. Время дорого; положеніе такое, что нельзя много раздумывать, одно только остается намъ сдѣлать —собраться всѣмъ, взять съ собою оружіе и идти въ бой», закончилъ пастухъ. Пелея не смутила вѣсть о несчастіи — онъ вспомнилъ о своемъ преступленіи и догадался, что то бѣдствіе наслала овдовѣвшая дочь Нерея, желая почтить тѣнь убитаго Фока. Этскій царь велѣлъ своимъ людямъ вооружиться, взять страшныя копья и хотѣлъ было самъ идти вмѣстѣ съ ними. Но супруга Кеика, Алкіона, испугавшись шума, выбѣжала изъ своей комнаты. Царица еще не успѣла причесать своихъ волосъ, распустила косу, кинулась мужу на шею, съ плачемъ стала просить его послать вмѣсто себя кого-нибудь другаго, щадя одну жизнь, сохранить двѣ. «Не бойся, прекрасная, любвеобильная царица», говоритъ Алкіонѣ сынъ Эака, «я вполнѣ благодаренъ Кеику за его готовность, я хочу не сражаться съ невиданнымъ чудовищемъ, но умилостивить богиню моря!»

Былъ высокій маякъ, на вершинѣ котораго горѣлъ огонь, отрадный для усталыхъ мореходцевъ. Пелей со спутниками взошли туда и увидѣли распростертыхъ по берегу, ревущихъ быковъ, увидѣли и губителя-звѣря; окровавлена была его морда, кровью забрызгана длинная шерсть. Тогда Пелей простеръ руки къ далекому морю и сталъ молить лазурную Псамату,

чтобы она простила и помогла ему. Но та не тронулась (400) мольбами Эакова сына: прощенье супругу испросила у ней Ѳетида. Но волка, разлакомившагося кровью, нельзя было удержать отъ ужасной рѣзни до тѣхъ поръ, пока онъ, впившись въ шею израненой телки, не превратился въ мраморную статую. Все (405), кромѣ цвѣта, осталось у звѣря: цвѣтъ камня говорилъ, что волкъ уже не живой, что его нечего бояться. Но рокъ не судилъ бѣглецу Пелею поселиться и въ этой землѣ: скитаясь, изгнанникъ пришелъ въ землю Магнетовъ, и тамъ Гемоніецъ Акастъ очистилъ его отъ убійства.

Между тѣмъ (410) Кеикъ, встревоженный и глубоко огорченный несчастіями, случившимися съ братомъ и послѣ того, рѣшился сходить вопросить утѣшеніе рода человѣческаго—священный оракулъ кларосскаго бога: преступный Форбантъ со своими Флегійцами сдѣлалъ дельфійскій храмъ неприступнымъ. О своемъ намѣреніи (415) Кеикъ прежде всего разсказалъ тебѣ, вѣрная Алкіона. Внезапная дрожь пробѣжала по ея тѣлу; словно воскъ, поблѣднѣло лице, по щекамъ царицы потекли слезы. Три раза силилась Алкіона сказать слово и три раза лишь орошала лице свое слезами. «Въ чемъ провинилась я предъ тобою, мой милый, что ты измѣнился сердцемъ», говорила она, прерывая рыданіями (420) свои нѣжныя жалобы, «гдѣ твоя прежняя постоянная любовь ко мнѣ? Или ты ужъ можетъ быть счастливъ одинъ, въ разлукѣ съ Алкіоной? Ужъ ты рѣшаешся ѣхать въ далекое путешествіе, ужъ я стала милѣе для тебя въ отсутствіи? Когда-бъ я знала (425), что ты отправишся въ дорогу сухимъ путемъ, я только-бы печалилась, но еще не боялась, мое горе было-бы безъ страха, но страшитъ меня море, мрачный видъ его пучины; недавно видѣла я выброшенныя на берегъ доски съ разбитаго корабля, часто читала надписи на гробницахъ, гдѣ нѣтъ покойниковъ. Не (430) надѣйся понапрасну въ своемъ сердцѣ на своего тестя, внука Гиппота, который запираетъ въ пещеру буйные вѣтры, по своей волѣ утишаетъ море: какъ только выпустятъ вѣтры, они взвол-

нуютъ море, и ничѣмъ нельзя утишить ихъ, — въ ихъ власти любая (435) земля, любое море; они даже гонятъ тучи на небѣ и, яростно сталкиваясь съ ними, заставляютъ ихъ высѣкать яркія молніи. Чѣмъ больше я знаю вѣтры, — а я хорошо знаю ихъ, такъ какъ ребенкомъ часто видѣла ихъ въ жилищѣ своего отца,—тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что ихъ нужно бояться. Но, если ты твердо рѣшился ѣхать, милый (440) супругъ, то возьми съ собою и меня—по крайней мѣрѣ обоихъ насъ будутъ качать волны, и я не буду бояться ничего, кромѣ того, что испытаю сама; вмѣстѣ испытаемъ мы всякія опасности, вмѣстѣ понесемся по широкому морю!» Тронули эти рѣчи и слезы звѣздорожденнаго (445) супруга дочери Эола, потому что и самъ онъ любилъ Алкіону не менѣе, чѣмъ она его. Но не хочетъ Кеикъ отложить своего предпріятія, поѣздки по морю, не хочетъ и раздѣлять опасностей съ Алкіоной. Къ своимъ словамъ Кеикъ прибавилъ такого (450) рода утѣшеніе—одно оно успокоило любящую женщину: «хоть и тяжела мнѣ всякая разлука съ тобою, но, клянусь тебѣ лучами отцевскаго свѣтила, я буду дома, прежде чѣмъ успѣетъ дважды народиться луна, если только не задержитъ меня воля боговъ!» Обнадеживъ Алкіону подобными обѣщаніями на счетъ своего возвращенія, Кеикъ тотчасъ (455) же велѣлъ вытащить судно изъ дока, оснастить его и спустить въ море. Когда Алкіона увидѣла судно, то опять задрожала и заплакала, словно чуяла будущее. Обняла она, бѣдная, своего мужа, грустно сказала (460) ему послѣднее «прости» и безъ чувствъ упала на землю. Въ то время, какъ Кеикъ хотѣлъ было помедлить, сильные гребцы налегли своею мощною грудью на два ряда веселъ и въ тактъ стали разсѣкать волны моря. Открыла Алкіона свои заплаканные глаза и прежде всего увидала мужа: на изогнутой кормѣ стоялъ онъ, дѣлалъ женѣ знаки рукою (465), и на тѣ знаки отвѣчала ему Алкіона. Когда судно стало все больше и больше отдаляться отъ берега, когда глаза царицы не могли уже различить лицъ моряковъ, она, пока было можно, слѣдила взорами за убѣгавшимъ судномъ; когда-

же оно удалилось еще на бо̀льшее разстояніе, и его нельзя было видѣть, жена Кеика все-таки смотрѣла на флагъ (470), развѣвавшійся на высокой мачтѣ. Когда-же ужъ не стало видно и флага, Алкіона печально пошла въ свою осиротѣлую спальню и легла на ложе. Войдя въ комнату и увидя ложе, Алкіона снова зарыдала, вспомнивъ, что она одна, безъ мужа.

Кеикъ со спутниками вышелъ изъ гавани. Вѣтеръ сталъ пошевеливать канатами; матросы перестали грести (475), привязали къ верхушкѣ мачты райны и распустили всѣ паруса, чтобы дулъ на нихъ попутный вѣтеръ. Не менѣе, покрайней мѣрѣ не болѣе половины пути проѣхало судно по морю; далеко были оба берега, когда (480) къ ночи море стало пѣниться отъ огромныхъ волнъ; яростнѣе задулъ пронзительный Австръ. «Скорѣй снимайте высокія райны», кричитъ кормчій, «и плотнѣй привязывайте къ нимъ паруса!» Кормчій отдаетъ приказъ, но его заглушаетъ встрѣчный вѣтеръ; ревъ моря не (485) даетъ разслышать ничьего голоса. Однако одни матросы сами стали поспѣшно убирать весла, другіе—укрѣплять бортъ судна, третьи—свивать паруса; нѣкоторые стали черпать изъ судна воду, выливать море въ море, другіе убирать райны. Все это дѣлалось безо всякаго порядка, а между тѣмъ усиливалась грозная (490) буря, — со всѣхъ сторонъ сталкиваются между собою вѣтры и вздымаются грозныя волны. Боится самъ кормчій: не знаетъ онъ, въ какомъ состояніи находится судно, не знаетъ, что приказывать, что запрещать,—такъ велика опасность, такъ безсильно передъ нею человѣческое искусство! Вотъ (495) раздаются крики людей, скрипъ канатовъ; съ шумомъ набѣгаютъ волны другъ-на-друга; на небѣ грохочетъ громъ. Волны, вздымаясь, кажется хотятъ достигнуть до неба,—до нависшихъ тучъ долетаютъ ихъ брызги. И то желтый, одного съ ними цвѣта (500), песокъ вздымаютъ со дна волны, то чернѣе водъ Стикса; то утихнутъ онѣ, то снова забѣлѣютъ шипящею пѣной. Въ свою очередь тоже дѣлается и съ самимъ трахинскимъ судномъ: то, поднявшись вверхъ, оно, словно съ вершины горы,

глядитъ на долину, въ глубь Ахеронта, то (505), когда опустится внизъ, а кругомъ его встанутъ воды, кажется, будто изъ адской бездны смотритъ на далекое небо, то страшно трещитъ, когда волна ударитъ его въ бортъ, трещитъ не тише полуразрушенной башни, потрясаемой отъ времени до времени ударами железнаго тарана или баллисты. Какъ (510) идутъ грудью на выставленную впередъ рогатину свирѣпые львы, разъяряясь на бѣгу еще болѣе: такъ шли на палубу судна и вздымаемыя порывистымъ вѣтромъ волны и покрыли ее. Ужъ, лишившись связки изъ воска, распадается обшивка нижней части судна,—открывается широкая щель (515), дающая дорогу смертоноснымъ водамъ. Вотъ изъ разверзшихся облаковъ начинаетъ лить проливной дождь, — подумаешь, все небо хочетъ соединиться съ моремъ, а разъяренное море достичь до неба. Паруса взмокли отъ дождя; съ водами неба смѣшиваются воды моря (520). Мрачно небо, а темная ночь становится еще темнѣй отъ мрака бури и своего. Но эту тьму прорѣзываютъ и освѣщаютъ яркія молніи, ихъ огнемъ свѣтится вода; ужъ она (525) проникаетъ въ пазы судна. Какъ храбрѣйшій изо всего войска воинъ то и дѣло бросается къ стѣнамъ защищаемаго города и, воспламеняемый любовью къ славѣ, достигаетъ, наконецъ, своей цѣли и изъ множества своихъ товарищей вскакиваетъ на стѣну одинъ: такъ, когда огромныя волны девять разъ разбивались о бока судна, поднялся и стремительно покатился болѣе огромный (530), чѣмъ другіе, десятый валъ и не прежде пересталъ онъ осаждать разбитое судно, пока не взошелъ какъ-бы на его стѣны. Такимъ образомъ часть моря еще пыталась проникнуть въ судно, часть-же уже была внутри его. Всѣ матросы трепещутъ, какъ (535) трепещутъ жители города, когда одни изъ враговъ подкапываются подъ городскія стѣны извнѣ, а другіе овладѣли ею внутри. Безсильно искусство; всѣ пали духомъ. Сколько катится волнъ, столько, кажется, несется и вторгается смертей. Одни матросы плачутъ, другіе—цѣпенѣютъ отъ страха, третьи завидуютъ умершимъ (540); этотъ молится богамъ, простирая

руки къ небу, котораго не видитъ, молитъ ихъ о помощи; тому приходятъ на умъ братья и родители, другому — семейство и дѣти; словомъ, каждому то, что у него осталось дома. Объ Алкіонѣ думаетъ Кеикъ, другихъ мыслей у него нѣтъ на сердцѣ, и, хоть объ ней одной (545) тоскуетъ онъ, но въ тоже время и радуется тому, что съ нимъ нѣтъ супруги. И хотѣлъ-бы Кеикъ взглянуть еще разъ на берега отчизны, въ послѣдній разъ кинуть взоры на свое жилище, но не знаетъ, гдѣ оно: такъ клокочетъ море, клокочетъ, словно водоворотъ. Черныя тучи заволокли все (550) небо и своею нависшею тѣнью удвоили мракъ ночи. Ломаются корабельныя мачты отъ напора вихря, смѣшаннаго съ дождемъ, ломается и руль, а волна, гордясь своимъ успѣхомъ, поднялась, словно побѣдительница, и изогнулась, смотря съ презрѣньемъ на другія волны. Если-бъ кто-нибудь сдвинулъ со своего мѣста (555) Аѳонъ или Пиндъ и бросилъ ихъ цѣликомъ въ широкое море, то они упали-бы стремглавъ съ силою не меньшею чѣмъ та волна, которая своимъ страшнымъ ударомъ потопила судно. Вмѣстѣ съ нимъ погрузилась въ пучину и большая часть экипажа, не могли они вынырнуть на воздухъ и погибли. Нѣсколько человѣкъ ухватилось за обломки (560) судна; держится за нихъ своею рукою, которою держалъ скипетръ, и самъ Кеикъ. Тестя и отца призываетъ онъ на помощь и, увы, напрасно, но чаще повторяетъ пловецъ имя Алкіоны: о ней вспоминаетъ онъ, ее представляетъ въ своемъ воображеніи. И хочетъ (565) Кеикъ, чтобы къ очамъ Алкіоны пригнали волны его тѣло, чтобы руки милой схоронили его трупъ. Пока плылъ Кеикъ, онъ всякій разъ, какъ только волны давали ему открыть ротъ, призывалъ отсутствующую супругу и самимъ волнамъ нашептывалъ ея имя. Но вотъ изъ морской пучины поднялась черная волна, разбила корабельные обломки и покрыла голову Кеика. Мраченъ былъ Люциферъ (570) въ ту ночь, его не было видно, а такъ какъ не могъ онъ уйти съ неба, то скрылъ свой ликъ густыми облаками.

Между тѣмъ дочь Эола, не зная о своемъ страшномъ горѣ,

считала ночи и то торопилась кончить (575) одежды, которыя надѣлъ-бы ея супругъ, то тѣ, которыя надѣнетъ сама она. Но напрасно ждала Алкіона возвращенія Кеика! Хоть передъ всѣми безсмертными воскуряла ѳиміамъ благочестивая царица, однако всего чаще посѣщала она храмъ Юноны. Стоя у жертвенника, она молилась за своего погибшаго мужа, молилась, чтобы (580) невредимымъ воротился онъ, чтобъ не увлекся другою женщиной. Но изо всѣхъ этихъ просьбъ могла быть исполнена только послѣдняя...

Не могла богиня Юнона выносить долѣе моленія царицы за ея умершаго супруга. «Ирида (585), вѣрная исполнительница моихъ повелѣній», говоритъ Юнона, не желая, чтобы нечистыя руки прикасались къ ея жертвеннику, «иди скорѣй во дворецъ снотворнаго бога и вели ему, чтобы въ сновидѣніи предсталъ предъ Алкіоной призракъ погибшаго Кеика, коворый возвѣстилъ-бы ей правду о своей смерти!» Такъ говорила Юнона, и Ирида (590), надѣвъ на себя тысячецвѣтную одежду, радугою прорѣзала небо и, исполняя приказаніе богини, отправилась въ скрытое облаками жилище бога сна.

Не подалеку отъ земли Киммеріянъ, въ желобоватой горѣ, находится глубокая пещера, жилище и убѣжище бога сна. Никогда не заглядываетъ туда лучъ солнца (595), ни при восходѣ, ни въ полдень, ни при закатѣ; смѣшанный съ мглою туманъ поднимается изъ земли и наполняетъ то мѣсто полумракомъ. Украшенный гребнемъ пѣтухъ не возвѣщаетъ тамъ утра своимъ пѣніемъ; не нарушаютъ тишины своимъ лаемъ чуткіе псы или еще болѣе чуткіе гуси. Не (600) слышно тамъ рева звѣрей и скота; вѣтерокъ не качаетъ вѣтвей деревьевъ; не слышно и людскаго говора: глубокая тишина царствуетъ тамъ. Однако изъ-подъ подошвы горы течетъ съ журчаніемъ источникъ Лета; вода стучитъ камешками и навѣваетъ этимъ дремоту. Передъ (605) входомъ въ пещеру цвѣтетъ пышный макъ и тѣ безчисленныя травы, изъ сока которыхъ богиня прохладной ночи добываетъ сонъ и разсѣваетъ его по объятой сумракомъ землѣ.

Нѣтъ въ жилищѣ Сна ни одной двери, чтобы не скрипѣли онѣ, поворачиваясь на петляхъ, нѣтъ при нихъ ни одного привратника. Въ глубинѣ пещеры стоитъ высокое ложе изъ чернаго дерева; на немъ постланъ пуховикъ одного цвѣта съ кроватью, покрытый темнымъ одѣяломъ: тамъ лежалъ самъ богъ сна, раскинувшись отъ нѣги. Всюду возлѣ него, въ разныхъ видахъ, лежали въ разныхъ положеніяхъ безтѣлесныя сновидѣнія; ихъ было столько, сколько колосьевъ приноситъ нива, сколько листьевъ бываетъ на деревьяхъ, сколько песчинокъ въ прибрежномъ пескѣ. Когда пришла туда дѣва Ирида, раздвинувъ рукою лежавшіе на дорогѣ сны, то блескомъ своей одежды освѣтила жилище бога. Съ трудомъ поднялъ Сонъ свою голову, открылъ смыкавшіеся отъ дремоты глаза и снова закрылъ ихъ; снова закачалась голова бога и подбородкомъ стала ударять въ грудь. Наконецъ Сонъ проснулся, оперся на локоть и сталъ спрашивать Ириду,—онъ узналъ богиню—зачѣмъ пришла она. «О Сонъ, успокоеніе всего существующаго», говоритъ ему Ирида, «Сонъ, кротчайшій изъ боговъ, миръ души, тотъ, отъ кого бѣгутъ заботы, ты, который освѣжаешь усталое отъ дневныхъ тревогъ тѣло и снова дѣлаешь его способнымъ къ труду, пошли, Сонъ, къ Алкіонѣ, живущей въ Геркулесовой Трахинѣ, призракъ, который принялъ бы настоящій видъ ея царственнаго супруга, сдѣлавшись потерпѣвшимъ кораблекрушеніе: такъ приказываетъ тебѣ Юнона!» Исполнивъ свое порученіе, Ирида удалилась—не могла она выносить долѣе удушливаго воздуха, побѣжала, когда почувствовала, что ее начинаетъ одолѣвать дремота, и по той-же радугѣ, по которой шла недавно, воротилась домой.

Богъ-же сна разбудилъ изъ множества своихъ сыновей искусно принимающаго видъ другихъ Морфея. Никто другой не умѣлъ лучше его исполнять приказанія своего отца—принимать чужую походку, видъ и голосъ; ту же одежду, какую носилъ тотъ человѣкъ, надѣвалъ и Морфей; онъ говорилъ даже его любимыя поговорки. Морфей принималъ лишь человѣческій видъ, но у Сна былъ другой сынъ—тотъ превращался въ звѣ-

рей, птицъ и огромныхъ змѣй; боги звали его (640) Икеломъ, смертные—Фобеторомъ. Искусство третьяго сына Сна, Фантаза, было различно отъ прочихъ: ловко превращался онъ въ землю камень, воду, дерево, словомъ во всѣ неодушевленные предметы. Эти сыновья Сна являются ночью (645), царямъ и героямъ, остальные—народу, черни. Обходитъ братьевъ старый богъ сна и выбираетъ для исполненія приказанія дочери Тавманта изо всѣхъ ихъ одного Морфея. Потомъ богъ въ сладкой истомѣ снова опустилъ свою голову и пропалъ въ высокомъ пуховикѣ.

Полетѣлъ Морфей (650); не шумятъ его крылья во мракѣ ночи. Быстро прибылъ онъ въ столицу Гемоніи, снялъ свои крылья и сталъ Кеикомъ. Принявъ его видъ, Морфей посинѣлъ, словно мертвецъ, и обнаженнымъ сталъ у изголовья своей вѣрной супруги (655). Видно было, что влажна была его борода, а съ мокрыхъ, отяжелѣвшихъ волосъ текла вода. Склонился тогда Морфей надъ ложемъ Алкіоны и съ рыданіями говорилъ ей: «узнаешь ли ты Кеика, моя бѣдная супруга, или мое лице исказилось отъ смерти? Всмотрись, ты увидишь (660) вмѣсто своего мужа его тѣнь: погибъ я, Алкіона, не помогли мнѣ твои молитвы, не жди понапрасну моего возврата. Въ Эгейскомъ морѣ дождливый Австръ настигъ мой корабль; въ разныя стороны кидали его огромныя волны и разбили: утонулъ я, напрасно повторяя (665) твое имя. Объ этомъ слышишь ты не отъ лживаго вѣстника, не отъ пространной молвы—самъ я, потерпѣвшій крушеніе, разсказываю тебѣ про мою смерть. Встань же скорѣй и пролей слезы, надѣнь траурное платье, не попусти, чтобъ неоплаканнымъ (670) сошелъ я въ призрачный Тартаръ!» Морфей говорилъ это такимъ голосомъ, который Алкіона могла признать за голосъ мужа; казалось, непритворно плакалъ онъ и дѣлалъ тѣ же жесты, что и Кеикъ. Застонала и зарыдала Алкіона, въ забытьи (675) замахала она руками и, силясь обнять мужа, ловила воздухъ. «Подожди», восклицаетъ она, «куда бѣжишь ты, пойдемъ вмѣстѣ!...» Очнулась Алкіона, испугавшись своего крика и призрака мужа, и

сперва посмотрѣла, не стоитъ ли онъ тамъ, гдѣ она только что видѣла его. На крикъ царицы вбѣжали слуги и внесли (680) огонь. Когда нигдѣ не нашла Алкіона своего мужа, то стала она бить свое лице, разодрала на груди одежду и ударяла себя въ грудь. Не хотѣла Алкіона распускать своихъ волосъ и стала рвать ихъ. «Не стало, не стало Алкіоны», восклицала царица, когда кормилица стала распрашивать ее о причинѣ горя, «—погибла она съ (685) милымъ Кеикомъ. Не утѣшайте меня: мой мужъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и погибъ,—я видѣла и узнала его, простирала руки, желая удержать его, когда онъ удалялся, — то былъ призракъ, но призракъ живой, настоящій. Правда, если вглядѣться, то лице его не имѣло обычной (690) прежней своей красоты: блѣденъ и нагъ показался Кеикъ мнѣ бѣдной; съ волосъ его еще текла вода.... На этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ онъ, несчастный», и Алкіона искала, не оставилъ ли Кеикъ послѣ себя какихъ-нибудь слѣдовъ... «Вотъ что чуяло мое вѣщее сердце», продолжала царица, «когда я просила тебя не покидать меня, не (695) ѣздить по морю. Да, я хотѣла, чтобы, идя на смерть, ты и меня взялъ съ собою,—для меня гораздо лучше было идти съ тобою: никогда не разлучались мы при жизни, не разлучились бы и по смерти!... Теперь же (700) я гибну заочно, заочно качаютъ меня волны, въ морѣ тону я, хоть и не была на морѣ! Черствѣе самого моря было бы мое сердце, если-бъ я рѣшилась долѣе влачить свою жизнь, если-бъ пыталась пережить такое горе! Но я не буду бороться съ нимъ, бѣдный супругъ, и не разстанусь съ тобою; теперь, по крайней мѣрѣ (705), буду твоею спутницей. Если не въ одной могилѣ, не въ одной урнѣ будетъ покоиться нашъ прахъ, то хоть подъ одною плитой, если не вмѣстѣ со мною будутъ покоиться твои кости, то хоть рядомъ написаны будутъ наши имена!» Не могла болѣе говорить Алкіона отъ скорби; при каждомъ словѣ она била себя въ грудь, и изъ бичуемой груди вырывались стоны.

Было утро (710). Печально вышла Алкіона изъ своего дворца на берегъ моря и отъискала то мѣсто, гдѣ прощалась она

съ мужемъ. «Здѣсь на берегу Кеикъ снялся съ якоря, здѣсь, уѣзжая, онъ поцѣловалъ меня», говорила Алкіона, идя по берегу. Вспомнивъ обо всемъ, что произошло на томъ мѣстѣ, супруга Кеика взглянула на свѣтлое море и увидѣла, что далеко плыветъ по нему что-то похожее на человѣческое тѣло; что̀ было это, сразу нельзя было замѣтить, когда же гонимый волнами трупъ сталъ понемногу приближаться, то было ясно, что это человѣческое тѣло, хотя оно еще находилось на далекомъ разстояніи. Не знала Алкіона, чье это было тѣло, но, такъ какъ то былъ утопленникъ, то смутилась царица отъ зловѣщаго предзнаменованія. «О, какъ несчастенъ, кто бы ты ни былъ», воскликнула она, хоть жалѣла человѣка неизвѣстнаго ей, «несчастна и твоя жена, если есть она у тебя!» Между тѣмъ гонимое волнами тѣло приближалось; чѣмъ болѣе всматривается въ него Алкіона, тѣмъ болѣе и болѣе падаетъ она духомъ. Ужъ трупъ прибило къ берегу, ужъ царица разсматриваетъ, чей онъ, и увидала, что то былъ ея супругъ. «Т, онъ», восклицаетъ Алкіона и начинаетъ терзать свое лице, рвать волосы и платье. «Такимъ-то возвратился ты ко мнѣ, бѣдный мой супругъ», говоритъ царица, простирая къ Кеику свои дрожащія руки...

Выдавалась въ море плотина, сдѣланная руками человѣка; она прежде всего смиряла ярость пучины и ослабляла прибой волнъ. Вскочила на плотину несчастная Алкіона—удивительно, какъ могла она сдѣлать это!—и, превратившись въ птицу, полетѣла, тихо разсѣкая воздухъ своими молодыми крыльями и касаясь ими поверхности водъ. Пока летѣла Алкіона, она своимъ тонкимъ носикомъ издала трескучій, похожій на горькую жалобу крикъ. Когда же коснулась она нѣмаго, безжизненнаго трупа Кеика, то обняла похолодѣвшее тѣло любимаго человѣка молодыми своими крыльями, напрасно силясь поцѣловать его клювомъ. Почувствовалъ ли это Кеикъ, о волны ли подняли, какъ казалось, его голову, смертные не знали навѣрно. Но Кеикъ чувствовалъ. Сжалились наок-

нецъ боги надъ Кеикомъ и Алкіоной и обоихъ ихъ превратили въ птицъ. Одинакова была ихъ судьба, но и тогда не перестали они любить другъ друга; и въ птицахъ остался брачный союзъ: совокупляясь, выводятъ они дѣтей; семь тихихъ зимнихъ дней (745) сидитъ Алкіона въ своемъ пловучемъ гнѣздѣ,—тогда спокойно море: Эолъ крѣпко стережетъ вѣтры, дѣлая море тихимъ ради своихъ внуковъ.

Какой-то старикъ любовался (750), какъ зимородки парами летали по широкому морю и хвалилъ ихъ за любовь, сохраненную до конца жизни. Случившійся вблизи сосѣдъ его—а, можетъ быть, и самъ онъ—сказалъ, показывая на длинноногаго нырка: «вонъ и та голенастая птица, которая, какъ ты видишь, летаетъ надъ моремъ, изъ царскаго рода. Если разобрать по порядку (755) непрерывающуюся родословную Эзака, то можно найти, что въ числѣ его предковъ были Илъ, Ассаракъ, похищенный Юпитеромъ Ганимедъ, старый Лаомедонтъ и Пріамъ, которому суждено было видѣть паденіе Трои. Эзакъ былъ братъ Гектора. Не случись съ нимъ чуда въ ранней юности, быть можетъ (760), онъ былъ бы славенъ не менѣе Гектора, хотя послѣдняго родила дочь Диманта, Эзака же, говорятъ, родила тайно въ лѣсу на Идѣ Алексироя, дочь двурогаго Граника. Эзакъ ненавидѣлъ города, удалился изъ пышнаго дворца, сталъ жить въ пустынныхъ (765) горахъ и скромныхъ деревняхъ и только изрѣдка ходилъ на собранія Троянъ. Но не черствое, не незнавшее любви сердце было у юноши: часто гонялся онъ по всѣмъ лѣсамъ за Гесперіей, дочерью Кебрена, и однажды увидѣлъ, что она, распустивъ (770) по плечамъ свои волосы, сушитъ ихъ на солнцѣ, сидя на берегу отцовской рѣки. Замѣтивъ Эзака, нимфа помчалась, словно испуганный олень отъ сѣраго волка, словно рѣчная утка отъ ястреба, напавшаго на нее въ то время, когда она отошла далеко отъ озера. Гонится Троянецъ за нимфою; онъ мчится за нею движимый любовью, она же въ страхѣ бѣжитъ отъ него. Но вотъ (775) таившаяся въ травѣ ехидна вонзила въ ногу бѣглянки свое кривое жало;

ядъ остался въ ранѣ, и вмѣстѣ съ жизнью кончилось и бѣгство Гесперіи. Внѣ себя отъ горя обнялъ юноша бездыханное тѣло и воскликнулъ: «о, какъ я раскаяваюсь, какъ раскаяваюсь я, что преслѣдовалъ тебя, но я не думалъ, что такою цѣною куплю свою побѣду!.. Двое насъ погубило тебя; бѣдную: змѣя ужалила тебя, но причиной тому я. Я сталъ бы виновнѣе ехидны, если бъ не искупилъ твоей смерти своею смертью!» Такъ говорилъ Эзакъ и бросился въ море со скалы, которую съ глухимъ шумомъ подмывали волны. Сжалилась надъ нимъ Теѳія: осторожно подхватила она падавшаго и, когда онъ поплылъ по морю, превратила его въ птицу, спасла отъ смерти, которой онъ страстно желалъ. Разсердился влюбленный, что его насильно заставили жить, спасли душу, желавшую выйти изъ тлѣннаго тѣла: лишь только на плечахъ Эзака появились молодыя крылья, онъ взлетѣлъ кверху и во второй разъ съ вышины бросился въ море, но перья ослабили силу паденія. Разсвирѣпѣлъ Эзакъ, стремглавъ бросился въ море и безъ конца сталъ нырять въ немъ, желая умереть. Исхудалъ юноша отъ любви,—длинными стали его голенастыя ноги, шея и голова далеки отъ туловища. Любитъ Эзакъ воду, и имя свое получилъ отъ того, что ныряетъ въ ней.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Кикнъ.—Кеней.—Периклименъ.

Старый Пріамъ оплакивалъ Эзака, не зная, что онъ живъ и превращенъ въ птицу; напрасно почтилъ его погребальными почестями и Гекторъ со своими братьями. При совершеніи печальнаго обряда не было лишь Париса, который вскорѣ украль себѣ жену, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергъ свою родину

продолжительной войнѣ. Множество кораблей, силы всей земли Пелазговъ, вожди которой поклялись дѣйствовать единодушно, поплыло къ Троѣ. Скоро пробилъ-бы для нея часъ мщенія, еслибъ-бъ сильные вѣтры не преградили отправлявшимся въ походъ кораблямъ пути по морю, не задержали-бы ихъ въ Беотіи, въ рыбообильной Авлидѣ. Греки готовились по обычаю своихъ отцевъ принести жертву Юпитеру. Когда старый жертвенникъ накалился отъ запылавшаго на немъ огня, Данайцы увидѣли, что на яворъ, росшій не подалеку отъ того мѣста, гдѣ они приносили жертву, ползетъ лазуревый драконъ. На верхушкѣ дерева было гнѣздо съ восемью птичками; голодный драконъ схватилъ и съѣлъ ихъ вмѣстѣ съ маткою, летавшею вокругъ жертвъ. Всѣ остолбенѣли. Но правдивый прорицатель, сынъ Тестора, воскликнулъ: «радуйтесь, Пелазги,—мы побѣдимъ; падетъ Троя, но намъ будетъ много работы: девять птицъ предвѣщаютъ девятилѣтнюю войну!» Драконъ-же, обвившись вокругъ зеленыхъ вѣтвей дерева, въ такомъ-же положеніи изъ змѣя превратился въ камень.

На Аонійскомъ морѣ все еще дулъ порывистый вѣтеръ; войско не могло отправиться въ путь. Нашлись такіе, которые думали, будто Нептунъ хочетъ спасти Трою, такъ какъ онъ окружалъ этотъ городъ стѣнами. Но не то думалъ сынъ Тестора; онъ зналъ навѣрно и говорилъ, что разгнѣванную богиню-дѣвственницу можно умилостивить одною лишь дѣвственной кровью. Когда благо народа заглушило любовь отца, долгъ отца склонился предъ долгомъ царя, — передъ жертвенникомъ Діаны стала готовая пролить свою кровь непорочная Ифигенія. Плакали, глядя на нее, жрецы; сжалилась надъ нею и богиня; облакомъ скрыла она дѣву отъ взоровъ присутствовавшихъ и среди шума при приготовленіи къ жертвоприношенію, среди восклицаній молящихся, замѣнила, говорятъ, микенскую царевну ланью. Такимъ образомъ, когда гнѣвъ Діаны и Феба смягченъ былъ достойною ихъ жертвою, стихла и буря. Попутный вѣтеръ понесъ множество кораблей; но много при-

шлось вынести Грекамъ, пока не высадились они на песчаный берегъ Фригіи.

Въ серединѣ земли, между землею, моремъ и небомъ, на рубежѣ трехъ царствъ природы, есть одна мѣстность: все видно оттуда, какъ-бы далеко что ни находилось; каждый звукъ долетаетъ до чуткихъ ушей: тамъ живетъ Молва; вершину горы избрала она себѣ жилищемъ; множество входовъ и отверстій устроила богиня въ своемъ домѣ, но ни одной двери. День и ночь открыто жилище Молвы, построенное изъ звонкой мѣди; все гудитъ оно; всѣ звуки отдаются въ немъ, повторяетъ оно, что слышало. Шумно въ домѣ и внутри, и во всякомъ углу, но въ немъ не слышно криковъ, а слышенъ тихій говоръ, похожій на ропотъ волнъ моря, если прислушаться къ нему издали, или на замирающіе раскаты грома, когда Юпитеръ столкнетъ вѣтры съ черными тучами. Въ прихожей множество жаднаго до новостей народа; онъ входитъ и уходитъ. Тысячи Слуховъ, на-половину правдивыхъ, на-половину ложныхъ, ходятъ тамъ, изъ устъ въ уста переходятъ искаженными чужія слова. Болтаютъ праздные люди, слышанное передаютъ другимъ, шире становится сплетня,—каждый разскащикъ къ слышанному прибавитъ что-нибудь новое. Встрѣтишь тамъ Легковѣріе, непростительное Заблужденіе, Разочарованіе, искаженный Страхъ, быстро вспыхивающій Гнѣвъ и подозрительный Шепотъ. Обо всемъ знаетъ Молва, что дѣлается на небѣ, морѣ и землѣ, обо всемъ старается она вывѣдать, что творится въ мірѣ.

Богиня разнесла вѣсть, что къ Троѣ плыветъ на корабляхъ сильное греческое войско. Не врасплохъ засталъ городъ вооруженный врагъ: Трояне не давали ему высадиться, защищали свою родину, и ты, Протезилай, первый палъ по волѣ судьбы отъ копья Гектора. Дорого стоила Данаямъ завязавшаяся битва; убивъ Протезилая, Гекторъ выказалъ свою храбрость, но и Фригійцы узнали въ кровавомъ бою ахейскую доблесть. Вскорѣ берега Сигея обагрились кровью; Кикнъ, сынъ Нептуна, умертвилъ множество героевъ, но и Ахиллъ, стоя на

колесницѣ, валилъ своимъ острымъ пеліонскимъ копьемъ цѣлые ряды (75) враговъ, искалъ онъ среди нихъ Кикна или Гектора и встрѣтился съ Кикномъ: Гектору суждено было пасть въ десятый годъ войны. Тогда погналъ Ахиллъ бѣлоснѣжныхъ коней своихъ, направилъ колесницу на врага и, потрясая копьемъ, воскликнулъ: «кто-бъ ни былъ (80) ты, юноша, утѣшся предъ смертью, что падешь отъ руки Гемонійца Ахилла!» Такъ говорилъ онъ и тотчасъ-же бросилъ въ Кикна свое тяжелое копье. Хоть и мѣтко было пущено копье, хоть и не уклонилось оно въ сторону, однако остріе его не сослужило службы, такъ какъ (85) только притупилось отъ удара, отскочило отъ груди Кикна. «Сынъ богини», воскликнулъ Кикнъ, «—я и прежде слышалъ о твоей славѣ — что дивишся ты тому, что я не раненъ»,— Ахиллъ дѣйствительно дивился этому—«не украшенный рыжею конскою гривою шлемъ, который ты видишь на мнѣ, не выпуклый щитъ, который ношу я въ лѣвой рукѣ, защищаютъ (90) меня: изъ-за одной красы ношу я ихъ; для того носитъ ихъ и Марсъ. Я сниму съ себя все, что можетъ служить мнѣ защитой, и всетаки останусь невредимъ: что нибудь да значитъ быть сыномъ не Нереиды, а того, кто повелѣваетъ и Нереемъ съ его дочерьми, и всѣми водами!» Такъ говорилъ (95) Кикнъ и пустилъ свое копье, которому суждено было засѣсть въ выпукломъ щитѣ внука Эака: пробило оно мѣдную обшивку, потомъ девять воловьихъ кожъ и остановилось на десятой. Вырвалъ Ахиллъ дрожавшее копье и въ свою очередь изо всей силы метнулъ имъ въ Кикна, но не ранило копье сына Нептуна, невредимъ (100) стоялъ онъ; не могло копье ранить и въ третій разъ незащищеннаго, подставившаго себя подъ вражьи удары Кикна. Разозлился Ахиллъ, какъ быкъ на широкой аренѣ цирка, когда онъ, желая изорвать своими страшными рогами дразнящій его кусокъ красной ткани, чувствуетъ, что безсильна его ярость. Посмотрѣлъ Ахиллъ, не спалъ-ли (105) наконечникъ его копья, и увидѣлъ, что онъ былъ на мѣстѣ. «Стало быть, ослабли мои руки», воскликнулъ Ахиллъ, «прежнюю свою силу по-напрасну

истратили на одного человѣка?... А вѣрно была у меня сила, когда я одинъ разрушилъ стѣны Лирнеса, или обагрилъ Тенедосъ и Ѳивы Этіона (110) кровью ихъ жителей, когда два раза испыталъ Телефъ силу моего копья, а Каикъ закраснѣлъ и потекъ кровью туземцевъ. Судя по множеству грудъ лежащихъ на берегу убитыхъ мною, я вижу, что сильна была моя десница, сильна она и теперь!» Такъ говорилъ (115) Ахиллъ и, какъ-бы не вѣря своимъ прежнимъ подвигамъ, пустилъ копье въ стоявшаго напротивъ ликійскаго воина Менета; пробило копье панцырь, вмѣстѣ съ нимъ и грудь. Въ то время, какъ Менетъ въ предсмертныхъ мукахъ бился головою о сырую землю, Ахиллъ вырвалъ копье изъ дымившейся раны и (120) воскликнулъ: «вотъ этою рукою, этимъ копьемъ я только что одержалъ побѣду; съ ними-же справлюсь я и съ Кикномъ, пусть и онъ умретъ также какъ Менетъ!» Такъ говорилъ Ахиллъ и бросилъ въ Кикна свое копье. Мѣтко было пущено копье,—въ лѣвое плечо врага ударилось оно, но опять зазвучало и отскочило потомъ, словно отъ стѣны или твердой скалы. Но на томъ мѣстѣ, куда (125) попало въ Кикна копье, Ахиллъ увидѣлъ кровь и обрадовался, хотя напрасно: не раненъ былъ Кикнъ, а обрызганъ кровью Менета. Въ страшномъ гнѣвѣ быстро соскочилъ тогда Ахиллъ съ высокой колесницы и вступилъ съ безпечнымъ врагомъ въ рукопашную схватку. Поражая Кикна блестящимъ мечемъ (130), Ахиллъ увидѣлъ, что онъ разсѣкъ щитъ и шлемъ врага, но что тотъ-же мечъ только притуплялся отъ ударовъ по его твердому тѣлу. Потерялъ Ахиллъ терпѣнье; схватилъ онъ свой щитъ и три-четыре раза ударилъ имъ по лицу героя, а рукояткой меча по впалымъ вискамъ. Отступилъ Кикнъ, а Ахиллъ сталъ преслѣдовать своего врага, привелъ его въ замѣшательство, яростно напалъ на него, не давая вздохнуть испуганному (135) противнику. Струсилъ Кикнъ; туманъ застлалъ ему очи. Отступая, Кикнъ наткнулся на лежавшій среди поля камень. Съ большимъ усиліемъ перевернулъ Ахиллъ упавшаго навзничь героя и ударилъ его о-земь. Потомъ (140), упершись въ грудь Кикна

щитомъ своимъ и сильными колѣнками, Ахиллъ затянулъ застежку его шлема; подъ подбородкомъ подвязывалась она и потому сдавила горло Кикна; пересталъ дышать онъ, и отлетѣлъ его духъ. Ахиллъ хотѣлъ снять съ врага доспѣхи, но увидѣлъ, что *они* лежали на землѣ. Въ бѣлую птицу обратилъ Кикна богъ моря и назвалъ ее тѣмъ именемъ, которое носилъ его сынъ при жизни.

Этотъ подвигъ Ахилла, его битва съ Кикномъ, дала возможность отдохнуть нѣсколько дней обѣимъ враждующимъ сторонамъ; обѣ онѣ безоружными стояли другъ противъ друга, но въ тоже время бдительная стража оберегала стѣны и фригійскаго стана, и окопы Аргивянъ. Между тѣмъ наступилъ праздникъ, въ который побѣдитель Кикна, Ахиллъ, рѣшилъ принести въ жертву Палладѣ телицу. Когда онъ положилъ на раскаленный жертвенникъ ея внутренности, къ небу поднялся пріятный богамъ жертвенный дымъ. Жрецы взяли свою часть, остальное отдали для пира. Возлегли вожди на ложахъ и стали вкушать жареное мясо, утоляя виномъ свою жажду, отгоняя имъ заботы. Не увеселяютъ героевъ ни звуки киѳары и пѣсенъ, ни длинная многоячейная буковая флейта: въ разговорахъ проводятъ они ночь, содержаніемъ которыхъ служитъ ихъ доблесть. О своей и вражьей храбрости разсказываютъ вожди; любо имъ по очереди говорить о томъ, какъ часто подвергались они опасностямъ и какъ счастливо избѣгали ихъ. Но о чемъ разсказывать Ахиллу или о чемъ удобнѣе говорить при великомъ Ахиллѣ?—Больше всего толковали о недавней его побѣдѣ надъ Кикномъ. Всѣ дивились тому, что тѣло юноши нельзя было ранить ни однимъ копьемъ, что неуязвимо было оно, и притуплялось о него желѣзо. Дивился тому и самъ внукъ Эака, дивились и Ахейцы. Такъ сказалъ имъ тогда Несторъ: «на своемъ вѣку вы видѣли лишь одного Кикна, противъ котораго безсильно было оружіе, котораго нельзя было сразить никакимъ ударомъ, но я знавалъ когда-то Кенея изъ Перребы, тѣло котораго было не-

уязвимо противъ множества ударовъ, того славнаго Кенея, что жилъ на Отрѣ. Всего удивительнѣе было въ немъ то, что родился онъ женщиною!» Всѣ заинтересовались этимъ необыкновеннымъ чудомъ и стали просить Нестора разсказать о немъ. «Всѣмъ намъ охота послушать тебя, краснорѣчивый старецъ, мудрецъ современный», прибавилъ къ тому Ахиллъ, «разскажи-же, кто былъ Кеней, за что превращенъ былъ онъ, въ чьей рати видалъ ты его, въ какой битвѣ встрѣтился съ нимъ, побѣдилъ-ли кто Кенея, или непобѣдимъ былъ онъ?»

Такъ отвѣчалъ тогда старецъ: «хоть и затемняетъ мою память глубокая старость, хоть и много забылъ я изъ того, что видѣлъ въ молодости, однако бо̀льшую часть я помню. Но ни одно событіе изъ множества тѣхъ, которыя я видѣлъ и въ походѣ, и на родинѣ, не запечатлѣлось такъ глубоко въ моемъ сердцѣ, какъ случай съ Кенеемъ. Если кто въ глубокой старости видѣлъ множество событій, такъ это я: двѣсти лѣтъ прожилъ я, теперь идетъ мнѣ третій вѣкъ. Дочь Элата, Кенея, славилась своею красотою. Самою прелестною изъ Ѳессаліянокъ была дѣвушка,—она приходилась тебѣ землячкою, Ахиллъ, — и много жениховъ изъ сосѣднихъ и принадлежащихъ тебѣ городовъ искали ея руки, но напрасно. Быть можетъ, попытался-бы въ томъ на счастье и Пелей, но онъ или ужъ женился на твоей матери, или далъ слово жениться на ней. Кенея не вышла ни за кого за-мужъ, но, какъ говорила молва, ее обезчестилъ богъ моря, въ то время какъ она одна прогуливалась по морскому берегу. Когда Нептунъ насладился предметомъ своей новой любви, то—это тоже говорила молва — сказалъ Кенеѣ: «проси у меня, чего хочешь, я исполню твое желаніе!» —«Велико оскорбленіе, которое нанесъ ты мнѣ», отвѣчала Кенея, «велико и мое желаніе,— сдѣлай, чтобы я никогда не могла подвергнуться ничему подобному, сдѣлай меня мущиною, — этимъ ты загладишь все!» Когда Кенея говорила послѣднія слова, голосъ ея сталъ грубѣе, его можно было принять за голосъ мущины. Это такъ

(205) и было: богъ глубокаго моря ужъ исполнилъ просьбу Кенеи и кромѣ того сдѣлалъ то, что ее не только нельзя было убить, но даже ранить. Довольный подаркомъ Атракидянинъ ушелъ и сталъ заниматься мужскими работами, поселившись въ Пенейской долинѣ.

Сынъ смѣлаго Иксія, справляя свою свадьбу (210) съ Гипподаміей, пригласилъ на нее и туманнорожденныхъ дикихъ Кентавровъ. Въ темной пещерѣ своей, подъ сѣнью деревьевъ велѣлъ онъ разставить ряды столовъ и сталъ просить гостей возлечь за нихъ. Были тутъ гемонійскіе вельможи, былъ и я. Смутнымъ говоромъ оглашались по праздничному убранные царскіе чертоги; вотъ (215) стали пѣть свадебныя пѣсни; засвѣтился дворецъ огнями. Въ толпѣ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ сидѣла невѣста, сіяя своей красотою. Завидовали мы супружескому счастью Пиритоя, но едва не ошиблись въ своихъ сужденіяхъ. Въ тебѣ, Эвритъ (220), самый суровый изъ суровыхъ Кентавровъ забушевали страсти, какъ отъ вина, такъ и отъ того, что ты увидѣлъ невѣсту; не владѣлъ ты собою и отъ того, что былъ хмѣленъ, а еще болѣе отъ сладострастья. Быстро разстроился пиръ: Кентавры опрокинули столы и потащили изъ женщинъ тѣхъ, которыя понравились имъ или (225) съ которыми они могли сладить. Эвритъ схватилъ новобрачную за волосы и насильно повлекъ ее за собою; все это походило на взятіе города. Воплями женщинъ огласился дворецъ Пиритоя. Мы всѣ вскочили. «Что ты безумствуешь, Эвритъ», первымъ изъ насъ говоритъ Тезей, «какъ смѣешь ты оскорблять Пиритоя, когда я еще живъ,—самъ того не зная, ты въ одномъ оскорбляешь двоихъ!» И, чтобы (230) не тратить попусту словъ, великодушный герой растолкалъ толпу и вырвалъ у буйныхъ Кентавровъ похищенную жену Пиритоя.

Ничего не сказалъ на это дерзкій Эвритъ, — да и не могъ онъ защитить словами своего поступка — но ударилъ по лицу и толкнулъ въ грудь благороднаго защитника Гипподаміи. Недалеко отъ мѣста схватки случайно (235) стояла старинная,

тяжелая, съ выпуклыми украшеніями чаша. Схватилъ высокій сосудъ еще болѣе высокій сынъ Эгея и пустилъ имъ въ лице противника. Опрокинулся Эвритъ на сырой песокъ и сталъ биться (240) на немъ; потоки крови вмѣстѣ съ мозгомъ и виномъ хлынули изъ раны и рта Кентавра. Разсвирѣпѣли двухсоставные Кентавры при видѣ смерти собрата и всѣ одинъ передъ другимъ единодушно воскликнули: «къ оружію, къ оружію!» — вино придавало имъ смѣлости. Битва началась тѣмъ, что полетѣли чаши, хрупкіе кувшины и большія лохани,—вещи годныя раньше для пира, теперь — для кровавой схватки. Амикъ, сынъ Офіона, первый (245) дерзнулъ лишить святилище боговъ его принадлежностей: первый схватилъ онъ со стѣны ярко блиставшій огнями свѣтильникъ, высоко поднялъ его, какъ жрецъ, который заноситъ топоръ, чтобы разрубить имъ бѣлую шею жертвеннаго быка, и пустилъ (250) въ голову Лапиту Келадонту, раздробилъ ему черепъ, обезобразилъ лице героя. Выскочили изъ орбитъ его глаза, раздроблены были его челюсти, носъ подался назадъ и очутился по срединѣ нёба. Вырвалъ изъ стола кленовую ножку Пеллеецъ Пелатъ, повалилъ (255) Амика на землю и вдавилъ ему въ грудь подбородокъ; вмѣстѣ съ черною кровью изрыгнулъ Кентавръ свои зубы. Еще разъ ударилъ его Пелатъ и послалъ къ тѣнямъ Тартара. Ближе всѣхъ къ Пелату стоялъ Гриней. Сердито посмотрѣлъ онъ на дымившійся жертвенникъ и сказалъ: «почему-бы и его не употребить мнѣ въ дѣло?» Поднялъ Кентавръ пылавшій (260) огнемъ огромный жертвенникъ, бросилъ его въ толпу Лапитовъ и убилъ изъ нихъ Брота и Оріона. Оріонъ былъ сынъ Микалы, которая, какъ извѣстно, своими чарами не рѣдко убавляла рога луны, какъ та ни сопротивлялась ей. «Раздѣлаюсь (265) я съ тобою, только-бы нашлось у меня оружіе», сказалъ Гринею Экзадій и вмѣсто оружія схватилъ висѣвшіе на высокомъ сосновомъ суку рога принесеннаго по обѣту въ жертву оленя. Потомъ Экзадій всадилъ вѣтвистые рога въ оба глаза Гринея и выкололъ ихъ; одинъ глазъ остался на рогѣ, другой (270) вытекъ на бороду и по-

висъ на ней, запекшись кровью. Вотъ Ретъ схватилъ съ жертвенника горящую сливовую головню и ударилъ ею въ правый високъ русокудраго Харакса. Быстро, словно сухая солома, вспыхнули (275) охваченные пламенемъ волосы Лапита; страшно зашипѣли они, какъ шипитъ раскаленное до-красна желѣзо, когда кузнецъ, захвативъ его своими кривыми клещами, опускаетъ въ холодную воду; шипитъ и свиститъ желѣзо и въ ней. Взбивъ свои охваченные алчнымъ огнемъ волосы, раненый (280) потушилъ пламя, вытащилъ изъ земли служившую вмѣсто порога каменную плиту, поднять которую могла только лошадь, и взвалилъ ее себѣ на плечи. Но не могъ Хараксъ бросить во врага камнемъ изъ-за его тяжести, уронилъ онъ его и придавилъ громадою стоявшаго вблизи Комета. Ретъ не скрылъ своей радости (285). «Пусть-же такъ храбро дерутся и остальные твои товарищи», воскликнулъ онъ и снова три-четыре раза ударилъ Лапита своею головнею, страшнымъ ударомъ перебилъ ему шейные позвонки, которые и засѣли въ жидкомъ мозгѣ. Побѣдитель (290) напалъ потомъ на Эвагра, Корита и Дріанта. Первымъ изъ нихъ палъ Коритъ, щеки котораго покрывалъ первый пушокъ. «Что за слава тебѣ убивать ребенка?» сказалъ Рету Эвагръ, но не далъ ему продолжать своей рѣчи свирѣпый Кентавръ: всунулъ (295) онъ въ открытый ротъ говорившаго горящую головню; чрезъ ротъ прошла она во внутренности. Махая головнею, Ретъ погнался и за тобою, храбрый Дріантъ, но съ тобою было не то, что съ тѣми: въ шею ликовавшаго при видѣ постоянной смерти враговъ Кентавра вонзилъ ты головню. Застоналъ (300) Ретъ; съ трудомъ вырвалъ онъ изъ своей шеи крѣпко-засѣвшую головню и побѣжалъ, обагренный своею кровью. Глядя на Рета, побѣжалъ и Орней, и Ликабъ, раненый въ правое плечо Медонтъ, побѣжалъ вмѣстѣ съ Пизеноромъ и Тавмантъ, побѣдившій недавно на состязаніи въ бѣгѣ всѣхъ Мермеровъ (305); раненый, онъ бѣжалъ тише другихъ. Побѣжали и Фолъ, и Меланей, и охотникъ на вепрей Абантъ, и гадатель Асболъ, напрасно удерживавшій отъ боя своихъ то-

варищей; онъ даже сказалъ боявшемуся смерти Нессу: «не убѣгай, ты хранишся для стрѣлъ Геркулеса!» Но Эврумантъ, Ликидъ, Арей и Имбрей не избѣгли смерти: всѣхъ ихъ въ грудь поразилъ Дріантъ своею десницею. Спереди раненъ былъ и ты, Креней, хотя побѣжалъ отъ Дріанта: обернулся ты назадъ и былъ пораженъ острымъ мечемъ между глазъ, въ то мѣсто, гдѣ носъ сходится со лбомъ.

Не слыхалъ шума такой схватки совсѣмъ опьянѣвшій Афидъ: сладко, непробудно спалъ онъ, растянувшись на мохнатой шкурѣ осской медвѣдицы и держа въ ослабѣвшей рукѣ недопитую стопу. Когда издали увидѣлъ Форбантъ, что Кентавръ не можетъ взяться за оружіе, то, навивая на руку ремень копья, воскликнулъ: «выпьешь ты вино, но смѣшавъ его съ водами Стикса!» и тотчасъ-же бросилъ въ юношу копье. Въ шею вонзился его наконечникъ, такъ какъ Афидъ лежалъ на спинѣ. Не придя въ сознаніе, умеръ Кентавръ; струею хлынула изъ его горла черная кровь, обагрила ложе и попала даже въ стопу. Видѣлъ я, какъ Петрей силился вырвать изъ земли желуденосный дубъ, но въ то время, какъ Кентавръ, обхвативъ дерево, раскачивалъ его во всѣ стороны, и дубъ сталъ было подаваться,— копье Пиритоя вонзилось Петрею въ бокъ и вмѣстѣ съ крѣпкимъ деревомъ пробило и его напряженную грудь. Говорятъ, что доблестный Пиритой убилъ Лика и Хромія, но не такъ славна была побѣда надъ обоими ими, какъ надъ Диктіемъ и Гелопомъ. Гелопъ былъ убитъ копьемъ, которое пронзило ему оба виска: попало въ правый, вышло въ лѣвый; Диктій-же, убѣгая въ ужасѣ отъ преслѣдовавшаго его сына Иксія, сорвался съ уступа крутой горы, полетѣлъ въ пропасть, сломилъ своимъ тяжелымъ тѣломъ огромный ясеневый сукъ и распоролъ себѣ животъ. Мстителемъ за Диктія явился Афарей: схватилъ онъ съ горы камень и хотѣлъ бросить имъ въ Лапитовъ, но сынъ Эгея напалъ на врага, ударилъ его дубовымъ сукомъ и раздробилъ Кентавру огромныя руки. Не хотѣлъ-ли Тезей добивать безвреднаго врага, некогда-ли было ему, но онъ

вскочилъ на спину исполину Біенору, не привыкшему носить на себѣ никого другаго, колѣнками стиснулъ ему ребра, лѣвою, же рукою схватилъ за волосы и раздробилъ суковатою дубиною голову Біенора, раздробилъ его грозныя уста и крѣпкія височныя кости. Тою-же дубиною Тезей убилъ Недимна, стрѣлка Ликота, Гиппаза, прикрывшаго себѣ грудь длинною бородою, Рифея, который ростомъ былъ выше высокихъ деревьевъ, и Тера, нерѣдко приносившаго домой живьемъ пойманныхъ имъ въ горахъ злыхъ медвѣжатъ.

Не могъ долѣе равнодушно смотрѣть на подвиги Тезея Демолеонтъ: долго силился онъ вырвать съ корнемъ старую сосну, но, не будучи въ состояніи сдѣлать этого, сломалъ ее и бросилъ во врага. Тезей по внушенію Паллады— такъ самъ онъ увѣренъ былъ въ этомъ—уклонился въ сторону отъ летѣвшаго дерева; однако не даромъ пустилъ его Кентавръ: раздробило оно грудь и лѣвое плечо красавца Крантора. Онъ былъ оруженосцемъ твоего отца, Ахиллъ. Аминторъ, царь Долоповъ, побѣжденный на войнѣ сыномъ Эака, далъ ему Крантора въ залогъ мира и дружбы. Когда Пелей увидѣлъ, что его оруженосецъ лежитъ, обезображенный ужасною раной, то воскликнулъ: «справлю-же я, по крайней мѣрѣ, по тебѣ поминки, самый любимый мною юноша, Кранторъ!» Могучею рукою, которой горе придало еще большую силу, пустилъ Пелей въ Демолеонта свое копье; въ позвоночный столбъ вонзилось оно и задрожало, впившись въ кости. Вытащилъ Демолеонтъ древко копья, —да и то съ трудомъ—но его наконечникъ остался въ легкихъ. Сама боль придала силы Кентавру: раненый бросается онъ на врага, хочетъ смять храбреца своими лошадиными копытами, но Пелей прикрылся отъ сильныхъ ударовъ шлемомъ и щитомъ, защитилъ свои плечи и, выставивъ впередъ копье, однимъ ударомъ пронзилъ руки и обѣ груди Демолеонта. Но еще раньше его Пелей убилъ Фрегрея и Гила вздали, Ифиноя съ Кланіемъ — въ рукопашномъ бою. Убитъ былъ вмѣстѣ съ ними и Дорилъ. При-

крывъ свою голову волчьей шкурой, вмѣсто остраго копья онъ держалъ въ рукѣ кривые бычачьи рога, всѣ забрызганные кровью. «Посмотри», сказалъ я Дорилу—воодушевленіе придавало мнѣ силы—«на сколько твои рога уступаютъ моему копью», и бросилъ въ Кентавра свое копье. Такъ какъ не могъ Дорилъ увернуться отъ него, то закрылъ свой подставленный для раны лобъ правою рукою. Копье пробило руку и лобъ. Вскрикнули Кентавры, а покуда Дорилъ не зналъ, что дѣлать, страдая отъ ужасной раны, подскочилъ къ нему Пелей — ближе всѣхъ къ Кентавру стоялъ онъ—и мечемъ своимъ пропоролъ ему брюхо. Побѣжалъ свирѣпый Дорилъ, потащилъ по землѣ свои волочившіяся внутренности, наступилъ на нихъ, оторвалъ ихъ и, запутавшись ногами, упалъ на свое опустѣвшее чрево.

Не спасла тебя, Килларъ, тоже принявшій участіе въ битвѣ, твоя красота, если только мы допустимъ, что Кентавры могутъ быть красивы по природѣ: только что пробивалась у него золотистаго цвѣта борода, съ обоихъ плечъ спадали на спину золотистые-же волосы. Прекрасно было и лице Киллара; его голова, плечи, руки и грудь всего болѣе походили на такія, какія художники даютъ своимъ лучшимъ статуямъ. Таковъ былъ Кентавръ станомъ, какъ человѣкъ, но не безъупречнѣе, не хуже человѣческой красоты была въ немъ красота, какъ коня: шеею и лицомъ Килларъ не уступилъ бы Кастору, къ тому-же какъ удобна была для сидѣнья его спина, какъ высоко поднималась мускулистая грудь! Весь онъ былъ чернѣе темной смолы; только хвостъ да ноги были у Кентавра бѣлаго цвѣта. Много дѣвъ изъ родственнаго Киллару племени добивалось его любви, но удалось это одной Гилономѣ, красивѣе которой не было ни одной изъ полудикихъ женщинъ, живущихъ въ густыхъ лѣсахъ. Ласками, ухаживаніемъ и признаніемъ въ любви она одна овладѣла сердцемъ Киллара. Заботилась Гилонома и о своей красотѣ, сколько это было доступно ея племени: гребнемъ расчесывала свои волосы, то вплетала въ нихъ розмарины, то фіалки или розы, то украшала

ихъ бѣлыми лиліями. Два раза въ день мыла Гилонома свое лице водою горнаго источника, вытекавшаго изъ Пегазскаго лѣса, дважды купалась въ рѣкѣ; лѣвое плечо и бедро свое прикрывала она шкурами только красивыхъ звѣрей. Крѣпко любили другъ друга Киллаpъ и Гилонома: вмѣстѣ бродили они по горамъ, вмѣстѣ вошли въ пещеру, жилище царя Лапитовъ, вмѣстѣ приняли участіе и въ кровавой схваткѣ. Въ лѣвый бокъ, ниже того мѣста, гдѣ грудь смыкается съ шеей, вонзился и ранилъ, Киллаpъ, тебя дротикъ; кто пустилъ его, неизвѣстно. Не велика была рана, но задѣто было сердце, и перестало оно биться, когда вынули изъ раны копье. Быстро подхватила Гилонома тѣло умирающаго; закрывая рану, обняла его своими руками, лицемъ прильнула къ лицу трупа, словно желая удержать отлетѣвшую душу.... Увидя, что Киллаpъ бездыханенъ, Гилонома что-то сказала,—что̀ именно, я не могъ разслышать изъ-за крика—вырвала копье, вонзившееся въ Кентавра, пала на него и умерла, обнимая тѣло своего любимца...

Видѣлъ я и Феокома, который связалъ вмѣстѣ шесть львиныхъ шкуръ и, прикрывъ ими свое человѣческое и конское тѣло, поднялъ пень, который съ трудомъ повезла-бы пара воловъ, бросилъ его въ затылокъ Оленійцу Тектафу и раздробилъ ему черепъ. Густой мозгъ потекъ изо рта, глубокихъ ноздрей, глазъ и ушей Лапита. Такъ течетъ чрезъ дубовую плетенку творогъ, когда надавятъ его рѣдкимъ ситомъ: жидкая часть его стекаетъ внизъ, густая-же проходитъ вверхъ чрезъ частыя отверстія. Когда-же Кентавръ хотѣлъ было снять съ убитаго доспѣхи, я—видѣлъ это твой отецъ—глубоко въ животъ грабителю всадилъ свой мечъ. Отъ моего-же меча пали Хтоній и Телебой. Первый былъ вооруженъ двурогою вилой, послѣдній копьемъ, которымъ онъ ранилъ меня: видишь эту полосу? — до сихъ поръ еще замѣтенъ рубецъ отъ старой раны. Вотъ тогда-бы слѣдовало послать меня брать Пергамъ, тогда-бы могъ я, если не побѣдить, то хоть остановить подвиги славнаго Гектора; но въ то время Гектора или вовсе

не было, или-же былъ онъ ребенкомъ, — теперь-же одолѣла меня старость! Разсказывать-ли что тебѣ о Перифантѣ, побѣдителѣ Кентавра Пирета, или объ Ампикѣ (450), который вонзилъ въ лице четвероногаго Эхетла одно древко копья, безъ наконечника, о Макареѣ-ли, который хватилъ ломомъ въ грудь Пелетрона Эригдупа и убилъ его? Помню я, какъ Нессъ бросилъ рогатину и всадилъ ее въ пахъ Кимелу. Ты не (455) подумай, что Мопсъ, сынъ Ампика, только предсказывалъ будущее; нѣтъ —отъ копья Мопса палъ Кентавръ Годитъ; напрасно силился онъ сказать слово: къ подбородку былъ пригвожденъ его языкъ, къ горлу подбородокъ. Пятеро враговъ пало отъ руки Кенея—Стифелъ, Бромъ, Антимахъ (460), Элимъ и вооруженный топоромъ Пирактъ. Забылъ я, кто изъ нихъ во что былъ раненъ, но число и имена убитыхъ помню. Вотъ мчится на Кенея великанъ и силачъ Латрей, одѣтый въ доспѣхи, снятые съ убитаго имъ Эматійца Галеза. Не молодъ и не старъ былъ Кентавръ, но сила (465) у него была юношеская; на головѣ его пробивалась сѣдина. Обращая на себя вниманіе щитомъ, мечемъ и македонскою сариссой, Латрей кружился на мѣстѣ. Оборачиваясь то къ своимъ, то къ рядамъ враговъ, и гордо потрясая оружіемъ, онъ сталъ переливать изъ пустаго въ порожнее: «пощадить что-ли тебя (470), Кенеей, потому что для меня ты всегда будешь женщиной, Кеней? говоритъ онъ. «Неужели тебѣ не могло придти въ голову, что ты родилась женщиной, неужели это не напомнило тебѣ, за что̀ награждена ты, какою цѣною превратилась въ мнимаго мущину? Вспомни-же, кѣмъ родилась ты и что вынесла въ своей жизни, да пойди (475) и возьми прялку съ коробкой, начни ткать—война дѣло мужское!»

Въ то время, какъ Латрей поносилъ такъ Кенея, послѣдній поразилъ Кентавра на скаку своимъ копьемъ въ незащищенный бокъ, попалъ въ то мѣсто, гдѣ человѣческое его тѣло переходило въ конское. Забѣсился Латрей отъ боли и бросилъ свою сариссу въ открытое лице юнаго Филленійца, но та отскочила отъ него; такъ (480) отскакиваетъ отъ крыши градъ

или маленькіе камешки, когда кто-нибудь кинетъ ихъ въ тугой бубенъ. Ближе подскочилъ Кентавръ, силясь вонзить свой крѣпкій мечъ въ бокъ Кенею, но не взялъ мечъ и этого мѣста! «Не уйдешь-же ты отъ меня, я убью тебя лезвеемъ, если (485) притупилось остріе», воскликнулъ Латрей и, обхвативъ правою рукою свой большой животъ, ударилъ Кенея лезвеемъ въ бокъ. Одинъ лишь гулъ раздался отъ удара словно о мраморную статую, и въ дребезги разлетѣлся мечъ, прикоснувшись къ тѣлу Кенея. Давъ Кентавру вволю надивиться на неуязвимость своего тѣла, юноша воскликнулъ: «ну, теперь (490) я испытаю крѣпость своего меча на твоемъ тѣлѣ!» и по рукоятку вонзилъ свой смертоносный мечъ въ лопатку Латрея, потомъ весь погрузилъ его въ животъ и повернулъ рукою, въ ранѣ сдѣлалъ рану.

И вотъ свирѣпые Кентавры сбѣгаются со страшнымъ крикомъ и всѣ начинаютъ изо всей силы бросать свои копья (495) въ одного Кенея; но отскакиваютъ отъ него копья; никто не можетъ ранить Элата Кенея, не окровавленнымъ стоитъ онъ.

Это чудо поразило Кентавровъ. «О, какъ великъ позоръ для насъ», восклицаетъ одинъ изъ нихъ, Монихъ, «что цѣлую толпу одолѣлъ одинъ Кеней, едва-ли (500) мущина. Но, если онъ и мущина, то, благодаря своей трусости. Не тѣ-ли мы теперь, чѣмъ былъ онъ прежде? Что пользы намъ въ нашемъ громадномъ ростѣ, на что намъ двойная сила, зачѣмъ отъ природы состоимъ мы изъ двухъ самыхъ сильныхъ животныхъ? Не думаю я, что мать наша богиня, что мы дѣти (505) Иксія,—тотъ дерзнулъ искать любви могучей Юноны, мы—не можемъ сладить съ врагомъ полумужемъ. Нагромоздите-же на него камни, деревья и сверхъ всего горы, закидайте Кенея лѣсами, исторгните живучую душу! Пусть деревья не дадутъ ему дышать,—задушимъ его, если не могли ранить!» Такъ говорилъ (510) Монихъ и, случайно увидѣвъ дерево, сломленное бѣшеннымъ, порывистымъ Австромъ, бросилъ имъ въ страшнаго врага, подалъ примѣръ остальнымъ. Скоро весь Отръ обнажился; не стало на немъ деревьевъ; не стало тѣни и на Пеліонѣ. Придавлен-

ный огромною грудой деревьевъ, Кеней задыхался (515) отъ тяжести, поддерживая всѣхъ ихъ своими могучими плечами. Но, когда Кеней былъ закиданъ выше головы, когда было сдавлено его горло, онъ сталъ постепенно изнемогать. То напрасно силился Кеней выбраться на воздухъ, сбросить съ себя груду деревьевъ, то (520) двигалъ онъ ихъ, и колыхались деревья, какъ колышется во время землетрясенія крутая Ида, на которую мы теперь смотримъ. Неизвѣстно было, умеръ-ли Кеней; нѣкоторые говорили, что груда лѣса задавила героя, и душа его низошла въ пустынный Тартаръ, но сынъ Ампика не соглашался съ этимъ: онъ говорилъ, что замѣтилъ (525), какъ изъ кучи выпорхнула въ свѣтлый воздухъ желтая птица; я ее видѣлъ въ первый разъ и послѣдній. Когда увидѣлъ Мопсъ, что птица медленно пролетаетъ надъ нашимъ станомъ и громко кричитъ, то, слѣдя за ней сердцемъ и взорами, воскликнулъ: «слава (530) тебѣ, Кеней, гордость лапитскаго племени, прежде славный мужъ, теперь безподобная птица!» Скорбь увеличивала нашъ гнѣвъ: досадно стало намъ, что вся вражья сила набросилась на одного столь славнаго мужа, и не прежде перестали мы обагрять свои мечи кровью Кентавровъ, какъ (535) избили бо̀льшую часть изъ нихъ; остальные спаслись бѣгствомъ во мракѣ ночи!»

Кончилъ Пилосецъ разсказъ свой про битву Лапитовъ съ полулюдьми Кентаврами, и не могъ Тлеполемъ не высказать своей скорби о томъ, что Несторъ не упомянулъ о подвигахъ Алкида. «Дивлюсь я, старецъ», сказалъ онъ, «какъ могъ ты забыть подвиги (540) Геркулеса: мнѣ, по крайней мѣрѣ, разсказывая обыкновенно про туманнорожденныхъ Кентавровъ, отецъ приписывалъ славу побѣды надъ ними себѣ!»—«Зачѣмъ заставляешь ты меня вспоминать о моемъ горѣ, снова растравлять рану, зажившую было отъ времени», печально отвѣчалъ Тлеполему Несторъ, «зачѣмъ заставляешь ты меня признаться въ страшной ненависти къ твоему отцу? Онъ (545), правда,—боги свидѣтели тому — совершилъ невѣроятные подвиги, весь міръ

наполнилъ своею славой, но я лучше бы желалъ не говорить о нихъ. Вѣдь не хвалимъ-же мы ни Деифоба, ни Полидаманта, ни даже самого Гектора, — кто же будетъ восторгаться врагомъ? Славный отецъ твой нѣкогда сокрушилъ стѣны Мессены, разрушилъ неповинные города — Элиду и Пилосъ, огнемъ и мечемъ истребилъ и моихъ родныхъ. Оставимъ въ покоѣ другихъ убитыхъ Геркулесомъ: двѣнадцать человѣкъ, красавецъ къ красавцу, было насъ у Нелея; одиннадцать изъ нихъ пало отъ руки твоего отца—спасся одинъ я... Какъ убилъ онъ другихъ, нечего разсказывать, но дивна была смерть Периклимена, которому Нептунъ, родоначальникъ Нелеева дома, далъ способность принимать чей угодно видъ и снова становиться тѣмъ, чѣмъ былъ раньше. Когда братъ мой понапрасну принималъ разные виды, онъ превратился въ любимую птицу царя безсмертныхъ, носящую перуны въ своихъ кривыхъ когтяхъ.

Воспользовавшись силою этой птицы, Периклименъ сталъ бить по лицу героя своими крыльями и царапать его крючковатымъ клювомъ и кривыми когтями. Тогда Тиринѳянинъ натянулъ свой не дающій промаха лукъ и на лету поразилъ стрѣлою брата, унесшагося далеко за облака. Подъ лопатку попала стрѣла,—не опасна была рана, но ослабли нервы, оборванные стрѣлою, и братъ не могъ улетѣть; бодрость покинула его и онъ упалъ на землю. Не въ силахъ былъ Периклименъ взмахнуть своими ослабшими крылами, и стрѣла, не глубоко засѣвшая въ лопаткѣ, ушла глубже, надавленная тяжестью тѣла, и чрезъ лѣвую сторону груди прошла въ горло. Ну, какъ тебѣ кажется, благородный начальникъ родосскаго флота, долженъ-ли я прославлять подвиги твоего отца? Но месть моя за братьевъ ограничится только тѣмъ, что я умолчу о славныхъ дѣяніяхъ Геркулеса; тебя-же я крѣпко люблю». Такъ говорилъ сладкорѣчивый сынъ Нелея; послѣ разсказа старца вожди поднялись съ ложа и, совершивъ вторичное возліяніе Вакху, напослѣдокъ легли спать.

Скорбитъ отцевское сердце бога, своимъ трезубцемъ смиряющаго воды, скорбитъ о томъ, что Кикнъ превращенъ въ птицу. Возненавидѣлъ Нептунъ лютаго Ахилла, но долго таилъ въ своемъ сердцѣ недостойную бога злобу. Уже почти десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ началась война, когда Нептунъ обратился къ юному Сминтейцу съ такою рѣчью: «неужели не скорбишь ты, самый любимый мною изъ дѣтей брата, когда взглянешь на готовыя ежечасно упасть стѣны Трои, которыми ты по-напрасну ограждалъ ее вмѣстѣ со мною? Неужели не скорбишь ты о гибели столькихъ тысячь защитниковъ ея твердынь? Не говоря о другихъ, неужели не вспоминаешь ты смерть Гектора, влачимаго вокругъ стѣнъ роднаго Пергама? А между тѣмъ лютый, болѣе ужасный, чѣмъ сама война, разрушитель нашихъ трудовъ — Ахиллъ, до сихъ поръ еще живъ! Попадись онъ мнѣ, такъ узналъ-бы силу моего трезубца; но, такъ какъ мнѣ нельзя встрѣтиться съ врагомъ въ битвѣ, то порази его тайно незримою стрѣлою!» Согласился делосскій богъ на просьбу Нептуна и, слѣдуя влеченію своего сердца и желанію дяди, одѣлся облакомъ и прибылъ въ станъ троянскій. Тамъ увидѣлъ онъ въ бою Париса, изрѣдка пускавшаго стрѣлы въ ахейскихъ воиновъ. Открывшись сыну Пріама, Аполлонъ сказалъ ему: «зачѣмъ тратишь ты стрѣлы, убивая простыхъ воиновъ?—Если ты любишь свой народъ, то порази Ахилла, отмсти за убитыхъ братьевъ!» Такъ говорилъ делосскій богъ и, указывая на сына Пелея, мечемъ своимъ разившаго Троянцевъ, натянулъ лукъ Париса и вѣрною рукою пустилъ въ Ахилла смертоносную стрѣлу.

Одному этому могъ порадоваться старый Пріамъ послѣ смерти Гектора!... Итакъ, ты, Ахиллъ, побѣдитель столькихъ героевъ, убитъ трусливымъ похитителемъ замужней Гречанки! Ужъ если и суждено было тебѣ пасть отъ робкой руки, то лучше захотѣлъ-бы ты погибнуть отъ термодонтской сѣкиры. Уже пламя охватило славнаго внука Эака, грозу Фри-

гійцевъ, честь и славу Пелазговъ вождя непобѣдимаго на войнѣ, — тотъ-же богъ вооружилъ его, тотъ-же и сжегъ. Ужъ прахомъ сталъ герой, и отъ славнаго Ахилла осталась горсть пепла, которая не вполнѣ наполнила даже маленькую урну... Но слава сына Пелея безсмертна: весь міръ наполняетъ она. Эта мѣра соотвѣтствуетъ славѣ героя, въ этомъ отношеніи Ахиллъ равенъ себѣ, и ни почемъ ему призрачный Тартаръ. Даже щитъ Ахилла — чтобы знать, чей онъ,— вызываетъ вражду, и за обладаніе оружіемъ берутся за оружіе. Не дерзаютъ требовать щита ни сынъ Тидея, ни сынъ Оилея, Аяксъ, ни младшій изъ Атридовъ, ни старшій изъ нихъ, вождь Грековъ, ни другіе: лишь сыны Теламона и Лаерта съ самоувѣренностью добиваются этой чести. Правнукъ Тантала отклонилъ отъ себя щекотливую обязанность быть судьею, обязанность, могущую возбудить ненависть: онъ велѣлъ аргосскимъ вождямъ сѣсть по срединѣ своего лагеря, предоставилъ рѣшить споръ всѣмъ.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

Аяксъ. — Гекуба. — Мемнонъ. — Дочери Анія.

Вмѣстѣ усѣлись вожди; сзади ихъ встали воины. Изъ среды вождей поднялся владѣлецъ семикожнаго щита—Аяксъ. Худо скрывая свой гнѣвъ, сердито взглянулъ онъ на берега Сигея, гдѣ стояли корабли Грековъ, и, указывая на нихъ рукою, воскликнулъ: «о, Юпитеръ, неужели мнѣ придется защищать свои права предъ этими кораблями, неужели моимъ противникомъ будетъ Улисъ? — Не онъ ли бѣжалъ передъ факеломъ Гектора, котораго я отразилъ и прогналъ отъ этихъ кораблей! Должно быть, состязаться съ помощью краснорѣчія безопаснѣе, чѣмъ показывать свою силу въ бою. Я не мастеръ говорить красно, онъ—сражаться; на сколько я силенъ въ суровомъ военномъ дѣлѣ, на сколько дорогъ въ войскѣ, на столько опасенъ Улисъ своимъ краснорѣчіемъ. Но я думаю, Пелаз-

ги, что нѣтъ нужды разсказывать вамъ о моихъ подвигахъ, — вы знаете ихъ, Улисъ же пусть разскажетъ про свои: онъ совершалъ ихъ безъ свидѣтелей, одна лишь ночь видѣла ихъ. Я признаюсь, что прошу себѣ большой награды, но соперникъ мой уменьшаетъ ея цѣну: Аяксу нѣтъ основанія гордиться, получивъ то, на что расчитывалъ Улисъ, какъ бы велико оно ни было. Улисъ уже теперь получилъ награду въ этомъ состязаніи: если онъ и будетъ побѣжденъ въ немъ, то про него скажутъ, что онъ состязался со мною. Я же, если и усомниться въ моей храбрости, могу похвастаться своимъ знатнымъ происхожденіемъ: я сынъ Теламона, который подъ начальствомъ мужественнаго Геркулеса взошелъ на стѣны Трои, который на пагасскомъ кораблѣ ѣздилъ въ Колхиду. Теламонъ былъ сыномъ Эака, который судитъ молчаливыя тѣни усопшихъ тамъ, гдѣ возится съ тяжелымъ камнемъ сынъ Эола, Сизифъ. Могучій Юпитеръ признаетъ Эака своимъ сыномъ, не отказывается отъ него. Итакъ, Эакъ приходится правнукомъ Юпитеру. Но мое происхожденіе было бы ни причемъ, Ахейцы, если-бъ я не приходился роднею славному Ахиллу: онъ былъ моимъ братомъ, я прошу наслѣдства послѣ брата. Зачѣмъ сынъ Сизифа, коварствомъ и пронырствомъ похожій на своего извѣстнаго отца, навязывается въ родственники потомкамъ Эака? За то ли не отдадутъ мнѣ оружія, что я прежде Улиса, безо всякаго принужденія, пошелъ на войну? Неужели болѣе достойнымъ окажется тотъ, кто взялся за оружіе послѣднимъ, кто уклонялся отъ похода, притворяясь безумнымъ, пока сынъ Навплія, болѣе смѣтливый, чѣмъ Улисъ, не открылъ, на свою бѣду, выдумки труса и не заставилъ его взяться за оружіе, чего тотъ такъ избѣгалъ? Неужели оружіе достанется всего скорѣе тому, кто не хотѣлъ за него браться, неужели я буду лишенъ чести получить наслѣдство послѣ родственника за то только, что первый предоставилъ себя опасностямъ? Настоящее ли, мнимое ли было безуміе Улиса, лучше было бы, если-бъ ему повѣрили: никогда не пришелъ бы къ фригійскимъ

твердынямъ этотъ человѣкъ, зачинщикъ всякой подлости, и ты, сынъ Пеанта, не былъ бы въ укоръ намъ покинутъ на Лемносѣ! Говорятъ, теперь ты, Филоктетъ, скрываясь въ лѣсной пещерѣ, своими стонами трогаешь камни и молишь сыну Лаэрта того, чего заслужилъ онъ, и, если только существуютъ боги, молишь не напрасно! Итакъ, теперь тотъ, кто поклялся идти вмѣстѣ съ нами на войну, одинъ изъ вождей, получившій въ наслѣдство стрѣлы Геркулеса, увы! страдаетъ отъ болѣзни и голода, питается птицами и одѣвается въ ихъ перья, тратитъ на охоту за дичью тѣ стрѣлы, отъ которыхъ суждено погибнуть Троѣ! Но, если Филоктетъ живъ, то потому только, что не поѣхалъ вмѣстѣ съ Улисомъ. Хотѣлъ бы и несчастный Паламедъ оставаться лучше дома: живъ былъ бы онъ или, по крайней мѣрѣ, умеръ бы своею смертью. Мстя Паламеду за обличеніе своего притворнаго безумія, Улисъ выдумалъ, будто тотъ хочетъ измѣнить дѣлу Данайцевъ, и доказалъ свое ложное обвиненіе тѣмъ, что указалъ Грекамъ золото, которое самъ раньше зарылъ. Такимъ образомъ Улисъ или изгнаніемъ, или убійствами ослабилъ силы Ахеянъ: такія средства употребляетъ Улисъ, такъ опасенъ онъ! Положимъ, онъ краснорѣчивѣе честнаго Нестора, однако не добьется, чтобы я не вмѣнилъ ему въ вину того, что онъ покинулъ Нестора: преданъ былъ дряхлый старецъ своимъ товарищемъ, Улисомъ, когда отсталъ изъ-за раны своего коня. Что это не выдумано мною, хорошо знаетъ сынъ Тидея, который остановилъ Улиса, когда его то и дѣло звалъ по имени Несторъ, остановилъ и дружески сталъ упрекать за трусливое бѣгство. Справедливо судятъ боги о дѣлахъ смертныхъ: вотъ и тотъ, кто не помогъ товарищу, самъ сталъ взывать о помощи, но, какъ покинулъ другихъ, такъ былъ покинутъ и самъ: самъ произнесъ судъ надъ собою. Сталъ Улисъ звать товарищей; я прибѣжалъ и увидѣлъ, что онъ дрожитъ и поблѣднѣлъ отъ страха, боится предстоящей смерти. Выставилъ я впередъ свой огромный щитъ и прикрылъ имъ лежавшаго Улиса, спасъ

отъ смерти труса: не велика моя заслуга! Если ты не намѣренъ бросать состязаться со мною, то пойдемъ снова на то мѣсто; считай меня врагомъ, представь, что ты раненъ и будь такимъ же трусомъ, какъ и тогда,—спрячься за свой щитъ и, прикрываясь имъ, сразись со мною! — Но (80), когда я спасъ Улиса, который будто бы такъ обезсилѣлъ отъ ранъ, что не могъ стоять, то онъ цѣлехонекъ пустился бѣжать! Показался Гекторъ; вмѣстѣ съ нимъ приняли участіе въ битвѣ и боги. Куда кидался онъ, тамъ трепетали не только такіе, какъ ты, Улисъ, но даже и храбрецы: такъ грозенъ былъ Гекторъ! Огромный камень бросилъ я вблизи во врага (85), одерживавшаго побѣду въ кровавой битвѣ, и свалилъ его наземь. Когда же Гекторъ сталъ вызывать любаго на единоборство, одинъ я не испугался его. Вы молились за меня, Ахейцы, и боги услышали ваши молитвы: не могъ побѣдить меня Гекторъ, если вы хотите знать, чѣмъ кончился (90) тотъ поединокъ! Вотъ, по волѣ Юпитера, Троянцы пошли съ мечемъ и огнемъ на флотъ Данаевъ. Куда дѣлся тогда краснобай Улисъ? Конечно, я прикрылъ своею грудью множество кораблей, залогъ возврата вашего на родину, — отдайте же мнѣ доспѣхи хоть за спасеніе столькихъ кораблей! Говоря откровенно (95), гораздо больше чести этимъ доспѣхамъ, нежели мнѣ: моя слава неразлучна съ вашей, и не Аяксъ добивается доспѣховъ, а они хотятъ принадлежать Аяксу. Пусть Итакіецъ сравнитъ мои подвиги со своими: смерть Реза, труса Долона, похищеніе Пріамова сына Гелена и Палладія, — ничего изъ этого не происходило днемъ (100), ничего не обошлось безъ Діомеда. Разъ, ужъ если вы отдадите эти доспѣхи за такія ничтожныя услуги, то подѣлите ихъ, и бо́льшая часть будетъ принадлежать Діомеду. Да и зачѣмъ Итакійцу оружіе?—Тайкомъ, всегда безъ оружія, обдѣлываетъ онъ свои дѣлишки, хитростью обманываетъ неосторожнаго врага: одинъ (105) яркій блескъ золотаго шлема откроетъ твои умыслы, выдастъ тебя, когда ты гдѣ-нибудь притаишся. Но голова Дулихійца даже не выдержитъ столь тяжелаго шлема

Ахилла, его пеліонское копье будетъ слишкомъ тяжело для слабыхъ рукъ, да и щитъ (110) героя, на которомъ вырѣзано изображеніе обширнаго міра, не прилично держать трусу въ его назначенной для мошенничества лѣвой рукѣ. Зачѣмъ же ты, глупецъ, просишь дара, который тебѣ не по-силамъ?—Если Ахейцы ошибочно отдадутъ тебѣ доспѣхи Ахилла, то не грозою для врага, а его добычею будутъ они. Нельзя тебѣ будетъ и (115) бѣжать, трусъ изъ трусовъ, потому что придется нести такую тяжесть. Вспомни и то, что твой щитъ, такъ рѣдко бывавшій въ бою, цѣлъ, мой же пробитъ безчисленными ударами копій и ожидаетъ смѣны. Наконецъ (120), что толку въ словахъ,—покажемъ себя на дѣлѣ: бросьте доспѣхи героя въ середину враговъ, велите ихъ достать оттуда и дайте въ награду тому, кто принесетъ ихъ обратно!»

Кончилъ свою рѣчь сынъ Теламона, и неясный говоръ раздавался въ рядахъ воиновъ вслѣдъ за его словами, пока не явился (125) сынъ Лаэрта. Потупивъ глаза свои въ землю, онъ чрезъ нѣсколько времени поднялъ ихъ на вождей и началъ свою нетерпѣливо ожидаемую рѣчь—въ его увлекающемъ краснорѣчіи была особенная прелесть: «если-бъ мои и ваши молитвы, Пелазги, были услышаны богами, намъ не пришлось-бы колебаться, рѣшая споръ о наслѣдствѣ такого героя: ты (130), Ахиллъ, обладалъ-бы своими доспѣхами, мы—тобою. Но, такъ какъ злая судьбина отказала въ этомъ мнѣ съ вами», — тутъ Улисъ, какъ-бы плача, утеръ рукою свои глаза—«то кому-же всего скорѣе можетъ достаться наслѣдство послѣ великаго Ахилла какъ не тому, кто привелъ Данайцамъ великаго Ахилла?.. Лишь-бы только Аяксу (135) не принесло пользы кажущееся, а на самомъ дѣлѣ свойственное ему тупоуміе, мнѣ-же не повредилъ-бы мой умъ, который всегда приносилъ вамъ пользу,—мое краснорѣчіе,—если только есть оно у меня—краснорѣчіе, теперь защищающее обладателя имъ, а подъ часъ и васъ, пусть будетъ безпристрастно: не каждый отказывается отъ своего добра. Едва-ли можно гордиться своимъ происхожденіемъ (140), своими

предками или тѣмъ, чего мы не сдѣлали сами. Но, если ужъ Аяксъ сказалъ, что онъ правнукъ Юпитера, то родоначальникъ и моего рода тоже Юпитеръ; даже въ томъ-же колѣнѣ, какъ и Аяксъ, происхожу я отъ него: отецъ мой—Лаэртъ, отецъ Лаэрта—Аркезій, у Аркезія—Юпитеръ; никто изъ нихъ не былъ ни преступникомъ, ни изгнанникомъ. Съ другой стороны, по матери, я тоже знатнаго происхожденія отъ килленскаго бога, боги—родоначальники моего рода и со стороны отца, и со стороны матери. Но я прошу спорныхъ доспѣховъ Ахилла не потому, что я знатнаго происхожденія по матери, не потому, что отецъ мой не обагрялъ своихъ рукъ въ крови брата: по заслугамъ нашимъ цѣните вы дѣло, лишь-бы только не поставлено было Аяксу въ заслугу то, что Теламонъ и Пелей были братья,—присуждая эти доспѣхи, вы награждайте за храбрость, не принимая во вниманіе родственныхъ отношеній. А если ужъ нужно искать самаго близкаго наслѣдника Ахиллу, то живъ отецъ его Пелей и сынъ Пирръ. Причемъ-же тутъ Аяксъ?—Отнесите эти доспѣхи во Фтію или Скиросъ. Не меньше правъ на полученіе наслѣдства, чѣмъ Аяксъ, имѣетъ двоюродный братъ Ахилла—Тевкръ. Но развѣ онъ проситъ себѣ доспѣховъ, а если бы и просилъ, то неужели получилъ-бы ихъ? Такъ какъ теперь дѣло идетъ объ одних только подвигахъ, то мнѣ придется, конечно, сказать, что я совершилъ ихъ больше, чѣмъ можно хотя кратко передать на словахъ; но я стану разсказывать по порядку. Мать Ахилла, дочь Нерея, зная напередъ, что ея сынъ умретъ раньше времени, если отправится подъ Трою, и желая спасти Ахилла, нарядила его въ дѣвичье платье и провела всѣхъ, въ томъ числѣ и Аякса. Я-же выбралъ товаровъ для женщинъ и скрылъ въ нихъ оружіе, чтобы порадовалось ему сердце героя. Еще не успѣлъ онъ взглянуть на женскіе наряды, какъ схватилъ щитъ и копье. «Сынъ богини», сказалъ я Ахиллу, «тебѣ суждено погубить Пергамъ,—что-же ты колеблешся разрушить стѣны славной Трои?» Въ моихъ рукахъ оказался юноша, и я далъ возможность герою совершить геройскіе подвиги. Стало

быть, подвиги Ахилла мои подвиги: я ранилъ въ бою копьемъ Телефа и, побѣдивъ, спасъ, когда онъ сталъ просить пощады; я разрушилъ Ѳивы; знайте, что я взялъ Лесбосъ, Тенедосъ, Хризу, Киллу, города посвященные Аполлону, и Спросъ; будьте увѣрены, что мною разрушены и сравнены съ землею стѣны Лирнессы. Не говоря о другомъ, кто-же, какъ не я, привелъ вамъ того, кто убилъ грознаго Гектора, — благодаря мнѣ, нѣтъ на свѣтѣ славнаго Гектора. Я прошу оружія Ахилла въ обмѣнъ за то, благодаря которому я нашелъ Ахилла: я далъ его ему живому и послѣ смерти прошу обратно. Когда за оскорбленіе, нанесенное одному человѣку, вступились всѣ Данайцы, въ эвбейской Авлидѣ собралось множество ихъ кораблей. Долго ждали они попутнаго вѣтра, но его не было или онъ былъ противный. Оракулъ далъ грозный отвѣтъ: велѣлъ Агамемнону принести въ жертву разгнѣванной Діанѣ его невинную дочь. И слышать не хотѣлъ объ этомъ отецъ, разсердился онъ на самихъ боговъ: онъ былъ царь, но и отецъ... Я своимъ краснорѣчіемъ уговорилъ Агамемнона пожертвовать чувствомъ нѣжнаго отца для общаго блага; я—да проститъ кающагося сынъ Атрея—признаюсь теперь, какъ-бы защищалъ щекотливое дѣло передъ враждебными мнѣ судьями! Но благо народа, обида, нанесенная брату, и верховная власть, принадлежавшая Агамемнону, заставили его искупить свою честь кровью дочери. Я-же былъ посланъ къ матери Ифигеніи, которая не слушалась ничьихъ совѣтовъ и была обманута хитростью. Если-бы за этимъ пошелъ сынъ Теламона, то еще до сихъ поръ корабли наши не могли-бы отправиться въ путь изъ-за того, что не было попутнаго вѣтра! Какъ смѣлый ораторъ, я былъ отправленъ въ твердыни Иліона. Когда я вошелъ во дворецъ царя славной Трои— онъ еще былъ полонъ героевъ—,то безъ страха изложилъ порученіе, данное мнѣ цѣлой Греціей и сталъ обвинять Париса, требуя отъ него вмѣстѣ съ Еленою и похищенную имъ добычу. Тронулъ я своею рѣчью Пріама и его родственника, Антенора; но Парисъ съ братьями и сообщниками едва не подняли на меня

своихъ дерзновенныхъ рукъ—ты самъ знаешь это, Менелай,—въ тотъ день я съ тобою впервые спознался съ опасностью! Долго было-бы мнѣ разсказывать, сколько пользы принесъ я словомъ и дѣломъ во все время продолжительной войны. Послѣ первыхъ битвъ враги на долго заперлись въ стѣнахъ города,—намъ нельзя было сражаться съ ними въ полѣ; наконецъ, на десятый годъ пришлось таки биться. Что-же дѣлалъ въ то время ты, Аяксъ, ничего не видѣвшій, кромѣ битвъ, чѣмъ ты былъ полезенъ? Но, если ты спросишь, что дѣлалъ я, то знай-же — я устроивалъ засады врагамъ, окопалъ рвомъ нашъ лагерь, убѣждалъ союзниковъ терпѣливо переносить скуку затянувшейся войны, училъ ихъ, какъ добывать продовольствіе и оружіе для войска, шелъ туда, гдѣ во мнѣ нуждались. Но вотъ, по волѣ Юпитера, царь Агамемнонъ, обманутый сновидѣніемъ, велѣлъ бросить начатую войну. Агамемнонъ могъ оправдывать свое повелѣніе, опираясь на того, кто далъ его. Но противился-ли этому Аяксъ, требовалъ-ли онъ разрушенія Пергама, дѣлалъ-ли то, что былъ въ силахъ,—сражался ли? Почему онъ не останавливалъ уходившихъ, почему не взялся за оружіе, не подалъ примѣра нестройной толпѣ?—Вѣдь для Аякса, если только онъ не хвастаетъ, это не стоило никакого труда! Да развѣ самъ-то Аяксъ не бѣжалъ?—Я видѣлъ, со стыдомъ видѣлъ, какъ ты показалъ тылъ и хотѣлъ позорно сѣсть на свой корабль!—«Что вы дѣлаете, друзья», тотчасъ воскликнулъ я, «что за безумная мысль пришла вамъ въ голову—уходить изъ-подъ на половину взятой Трои? Съ чѣмъ, кромѣ позора, поѣдете вы на родину на десятый годъ войны?» Такъ, или приблизительно такъ, говорилъ я; само горе сдѣлало меня краснорѣчивымъ, и я обратно вернулъ бѣглецовъ отъ кораблей. Сынъ Атрея сталъ потомъ созывать своихъ поблѣднѣвшихъ отъ страха товарищей,—Аяксъ даже и тутъ не осмѣлился раскрыть своего рта: вмѣсто него дерзнулъ поносить вождей бранью Терситъ, но опять таки, благодаря мнѣ, не безнаказно. Я воодушевился и сталъ убѣждать испуганныхъ вои-

новъ идти на врага, напоминая имъ объ ихъ прежней доблести. Съ тѣхъ поръ всѣ подвиги, которые на первый взглядъ *кажется совершилъ Аяксъ, совершилъ я*, воротивъ назадъ бѣглеца. Наконецъ кто изъ Данаевъ похвалитъ тебя или возьметъ себѣ въ товарищи?—Между тѣмъ мнѣ повѣрялъ свои тайны сынъ Тидея, меня выбралъ онъ себѣ въ товарищи и всегда полагался на Улиса. Что нибудь да значитъ, что изо всѣхъ тысячь Грековъ Діомедъ выбралъ одного меня. Мнѣ пришлось идти съ нимъ не по жребію: по своей волѣ пошелъ я, не обращая вниманія на опасности—ночь и враговъ, и убилъ Фригійца Долона, вышедшаго на то же, на что и мы, но убилъ не прежде, какъ заставилъ разсказать обо всемъ, вывѣдалъ, что замышляли противъ насъ коварные Троянцы. Все узналъ я, не зачѣмъ *было мнѣ больше соглядатайничать*, и ужъ могъ бы я съ обѣщанной славою воротиться назадъ. Но, не довольствуясь этимъ, я проникъ въ палатку Реза и въ самомъ станѣ убилъ его вмѣстѣ со спутниками: такимъ образомъ я, побѣдитель, раздѣлался съ врагомъ, достигъ своей цѣли и сѣлъ въ колесницу Реза, какъ-бы празднуя веселый тріумфъ. Вы-же отказываетесь дать мнѣ доспѣхи того человѣка, коней котораго Долонъ просилъ себѣ въ награду за одну ночь: самъ Аяксъ былъ милостивѣе ко мнѣ! Говорить-ли мнѣ о томъ, какъ я убилъ своимъ мечемъ воиновъ Ликійца Сарпедона?.. Много крови пролилъ я, покончивъ съ сыномъ Гиппаза, Кераномъ, съ Аласторомъ, Хроміемъ, Алкандромъ, Галіемъ, Ноемономъ, Пританомъ; вмѣстѣ съ Херсидамантомъ убилъ я Тоона, Харопа и злосчастнаго Эннома. А сколько менѣе славныхъ мужей пало отъ моей руки подъ стѣнами города? Есть у меня, граждане, и раны, раны, почетныя по самому мѣсту! — Не слушайте вздора, вотъ взгляните», — Улисъ распахнулъ рукою свою одежду — «на эту грудь, которая всегда трудилась для вашего блага! Сынъ-же Теламона въ теченіи столькихъ лѣтъ не пролилъ ни капли крови за своихъ друзей: на тѣлѣ его нѣтъ ни одной раны. Но что пользы и въ томъ, если Аяксъ

говоритъ, что онъ сражался, защищая флотъ Пелазговъ отъ Троянцевъ и Юпитера? — Я согласенъ, онъ сражался,— хулить хорошее не въ моей привычкѣ—но пусть Аяксъ одинъ не присвоиваетъ того, что принадлежитъ всѣмъ, пусть онъ хоть сколько-нибудь отдастъ справедливость и вашей доблести: отъ готовыхъ сгорѣть вмѣстѣ съ защитникомъ кораблей отразилъ Троянъ внукъ Актора, надѣвъ для безопасности доспѣхи Ахилла. Аяксъ воображаетъ тоже, будто онъ одинъ осмѣлился сразиться съ Гекторомъ, забывъ о царѣ Агамемнонѣ, другихъ вождяхъ и мнѣ,—по порядку Аяксъ былъ девятымъ, но судьба была благосклонна къ нему: его предпочли остальнымъ.

Но чѣмъ, храбрецъ, кончилось ваше состязаніе? — Гекторъ не получилъ ни одной раны. О, я, несчастный! какъ больно становится мнѣ, когда я принужденъ вспомнить тотъ день, въ который палъ Ахиллъ, надежда Ахеянъ! Однако ни сильное горе, ни страхъ не помѣшали мнѣ поднять съ земли тѣло героя и унести его. На этихъ, на этихъ плечахъ, повторяю, вынесъ я тѣло Ахилла вмѣстѣ съ его доспѣхами, получить которые я теперь добиваюсь. Хватитъ у меня силы носить такую тяжесть, за то есть у меня и сердце, которое, безъ сомнѣнія, будетъ признательно за оказанную вами честь. Конечно, лазурная мать Ахилла просила Вулкана за своего сына не для того, чтобы даръ бога, высокохудожественное произведеніе, надѣлъ на себя грубый, ничего не чувствующій солдатъ! Вѣдь онъ не пойметъ, что на щитѣ вычеканены изображенія моря, земли и далекаго звѣзднаго неба, Плеядъ и Гіадъ, не погружающейся въ Океанъ Медвѣдицы, разныхъ городовъ и блестящаго мечами Оріона, а между тѣмъ проситъ себѣ доспѣховъ Ахилла, украшеній которыхъ не понимаетъ. Что сказать мнѣ на то, что Аяксъ обвиняетъ меня, будто я, уклоняясь отъ тяжелой военной службы, слишкомъ поздно принялъ участіе въ рѣшенномъ походѣ?—Аяксъ не понимаетъ, что онъ оскорбляетъ этимъ великодушнаго Ахилла. Если Аяксъ обвиняетъ меня въ притворствѣ, то мы притворялись оба съ Ахилломъ, если —

въ медленности, то я былъ проворнѣе его: меня задерживала любящая жена, Ахилла — милая мать; первое время я посвятилъ имъ, все остальное—вамъ. Я не боюсь, если не съумѣю защитить себя отъ обвиненія общаго съ такимъ великимъ мужемъ.... Однако Ахиллъ былъ проведенъ, благодаря хитрости Улиса, а Улиса не можетъ обмануть Аяксъ. Не будемъ дивиться тому, что глупецъ Аяксъ меня ругаетъ, а васъ укоряетъ въ позорномъ поступкѣ. Если мнѣ было подло оклеветать Паламеда, то честно-ли для васъ осудить его? Но сынъ Навплія не могъ защищаться отъ обвиненія въ столь важномъ и явномъ преступленіи, и вы не только слышали, въ чемъ его обвиняли, но и видѣли: передъ мѣшкомъ съ золотомъ исчезли всѣ сомнѣнія. Не виноватъ я и въ томъ, что сынъ Пеанта брошенъ на родинѣ Вулкана—Лемносѣ. Защищайте-же свои поступки, вѣдь вы согласились на это. Я не стану отрицать того, что уговорилъ Филоктета отдохнуть отъ невзгодъ войны и далекаго пути, попытаться покоемъ утишить его лютую боль. Филоктетъ послушался и остался живъ. Этотъ мой совѣтъ былъ не только искрененъ, но и спасителенъ, а для совѣта достаточно быть искреннимъ. Такъ какъ для разрушенія Пергама предсказатели велятъ привести Филоктета, то не посылайте за нимъ меня: пусть ужъ лучше ѣдетъ сынъ Теламона, пусть онъ своимъ краснорѣчіемъ тронетъ сердце мужа, который злится отъ боли и гнѣва, или пусть, какъ человѣкъ плутоватый, увезетъ его съ помощью какой-нибудь хитрости. Прежде потечетъ назадъ Симоисъ, прежде лишится лѣсовъ своихъ Ида, прежде Ахаія станетъ обѣщать свою помощь Троѣ, чѣмъ принесетъ пользу Данайцамъ тупоумный Аяксъ, когда мой умъ не будетъ радѣть о вашемъ благѣ. Будь ты, упрямецъ Филоктетъ, врагомъ моимъ друзьямъ, царю и мнѣ, проклинай меня, собирай на мою голову тысячи бѣдствій, моли, чтобы представился тебѣ счастливый случай упиться въ гнѣвѣ моею кровью, чтобы я попался въ твои руки, какъ ты былъ въ моихъ,—я всетаки приду къ тебѣ и постараюсь при-

везти тебя съ собою и — да поможетъ мнѣ счастье — возьму твои стрѣлы, какъ (335) взялъ въ плѣнъ дарданскаго прорицателя, какъ узналъ изъ отвѣтовъ боговъ судьбу Трои, какъ изъ вражьяго города похитилъ стоявшее въ храмѣ изображеніе фригійской Минервы. Зачѣмъ-же Аяксъ равняетъ себя со мною?—Вѣдь безъ этого по опредѣленію судьбы нельзя было взять Трои. Гдѣ былъ тогда храбрецъ (340) Аяксъ, куда дѣлась хвастливость этого великаго мужа?—Отчего ты сробѣлъ, а Улисъ не побоялся пройти чрезъ непріятельскую стражу, не побоялся мрака ночи и дерзнулъ не только пройти чрезъ мечи лютыхъ Троянцевъ и проникнуть въ городъ, но и войти въ крѣпость, похитить (345) изображеніе богини изъ ея храма и пронести его сквозь ряды враговъ? Не сдѣлай я этого, сынъ Теламона не носилъ-бы въ лѣвой рукѣ своей щита изъ семи воловьихъ кожъ. Въ ту ночь я побѣдилъ Трою, тогда я завоевалъ Пергамъ тѣмъ, что подготовилъ его взятіе. Полно (350) перемигиваться и шептаться на мой счетъ съ моимъ другомъ, сыномъ Тидея: и онъ раздѣлялъ тогда славу со мною. Но вѣдь и ты не былъ одинокъ, когда бился за флотъ союзниковъ: съ тобою было цѣлое войско, со мною — одинъ Діомедъ. Но, если-бъ онъ не зналъ, что умный человѣкъ выше (355) забіяки и что заслуживаетъ награды не одинъ неукротимый боецъ, то онъ самъ сталъ бы просить себѣ доспѣховъ Ахилла. Ихъ сталъ-бы просить и другой, болѣе скромный Аяксъ, отважный Эврипилъ, сынъ славнаго Андремона; не меньше правъ имѣетъ на нихъ Идоменей и землякъ его, Меріонъ; могъ-бы просить ихъ и младшій изъ братьевъ Атридовъ, такъ какъ (360) и они герои, умѣютъ биться не хуже меня, но они уступили, уважая мой умъ. На войнѣ тебѣ служитъ службу храбрость, умъ-же нуждается въ моемъ руководствѣ; ты дерешся, словно съумасшедшій, я—забочусь о будущемъ. Ты умѣешь сражаться, но время для сраженья назначаемъ (365) мы съ Атридомъ; ты приносишь пользу только своею храбростью, я—умомъ. На сколько кормчій выше гребца, вождь — простаго воина, на столько я выше тебя! Но

во мнѣ есть умъ, который важнѣе храбрости,—а въ немъ-то и вся сила. И вы, вожди, дайте доспѣхи въ награду тому, кто бодрствовалъ за васъ и, присудивъ ихъ мнѣ за мои заслуги, достойно отличите тѣмъ того, кто столько лѣтъ заботился и страдалъ за васъ! Наши бѣдствія уже близятся къ концу: я устранилъ препятствія, поставленныя намъ судьбою, и взялъ гордый Пергамъ, подготовивъ его паденіе. Теперь заклинаю васъ общею для всѣхъ насъ надеждою на гибель твердынь Трои, заклинаю изображеніемъ богини, которое я недавно унесъ у врага, и тѣмъ, что, при первой надобности, будетъ сдѣлано разумно, заклинаю васъ и тѣмъ, что до сихъ поръ еще не совершено, но что слѣдуетъ сдѣлать смѣло и скоро, — не забывайте меня, если думаете, что судьбою суждено сдѣлать еще что-нибудь для гибели Трои! Если ужъ вы не отдадите доспѣховъ мнѣ, то посвятите ихъ ей!» И Улисъ указалъ на таинственное изображеніе Минервы.

Тронуто было рѣчью собраніе вождей. Ясно стало, какую силу имѣетъ краснорѣчіе: краснорѣчивому человѣку досталось оружіе героя. И тотъ, кто одинъ-на-одинъ шелъ на Гектора, кому столько разъ были ни почемъ мечи, огонь и Юпитеръ,—тотъ не сладилъ съ однимъ горемъ: горе побѣдило непобѣдимаго человѣка. Схватилъ Аяксъ свой мечъ и воскликнулъ: «по крайней мѣрѣ, хоть этотъ мечъ принадлежитъ мнѣ! Или и его отниметъ у меня Улисъ? Этимъ мечемъ мнѣ нужно покончить съ собою... Часто обагрялся онъ фригійскою кровью, теперь обагрится кровью своего господина, чтобы никто не могъ побѣдить Аякса, кромѣ Аякса!» Такъ говорилъ онъ и изо всей силы вонзилъ смертоносный мечъ въ свою открытую, ни разу не раненую грудь. Не могъ Аяксъ вытащить глубоко вонзившагося меча: его выперла сама кровь. Кровью зардѣлась земля, и на зеленомъ лугу появился красный цвѣтокъ, такой-же, какой раньше вышелъ изъ крови Эвалова сына. Тѣ-же буквы видны на цвѣткахъ изъ крови юноши и мужа, но на одномъ онѣ означаютъ имя, на другомъ—жалобу.

Побѣдителемъ отплылъ Улисъ на родину Гипсипилы и славнаго Тоанта, островъ, получившій печальную извѣстность случившимся на немъ въ старые годы избіеніемъ мущинъ, отплылъ для того, чтобы достать тиринөскія стрѣлы. Когда Улисъ привезъ ихъ Грекамъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, кончилась, наконецъ, многолѣтняя война: пала Троя вмѣстѣ съ Пріамомъ; несчастная жена его, потерявъ все, утратила даже образъ человѣческій и стала пугать своимъ необыкновеннымъ лаемъ жителей чуждой ей земли.

Иліонъ пылалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ длинный, но узкій Геллеспонтъ становится еще уже. Пожаръ еще не погасъ. Жертвенникъ Юпитера впиталъ въ себя остатокъ крови стараго Пріама; напрасно простирала къ небу свои руки влекомая за волосы главная жрица Феба. Какъ завидную добычу, тащили побѣдители-Греки дарданскихъ женщинъ, обнимавшихъ, пока можно, статуи родныхъ боговъ и остававшихся въ пылавшихъ храмахъ. Астіанактъ былъ сброшенъ съ тѣхъ башенъ, откуда не рѣдко видѣлъ, какъ сражался за него и царство дѣда его отецъ, видѣлъ его по указанію матери. Ужъ задулъ попутный для Грековъ сѣверный вѣтеръ, и отъ его дуновенія зашумѣли паруса; корабельщики велятъ садиться на корабли. «Прости, Троя, мы уѣзжаемъ», восклицаютъ Троянки, цѣлуя землю, и покидаютъ объятый пламенемъ родной городъ. Послѣднею взошла на корабль несчастная Гекуба; средь могилъ дѣтей нашли царицу, и Дулихіецъ силою оттащилъ ее въ то время, какъ она обнимала и цѣловала урны съ дорогимъ для нея прахомъ. Но Гекуба успѣла захватить прахъ одного Гектора и, прижавъ его къ своей груди, унесла съ собою; на могилѣ-же сына, какъ скромную жертву, оставила она свои сѣдые волосы да слезы... Напротивъ Фригіи, гдѣ стояла Троя, лежала область Бистонія. Былъ тамъ пышный дворецъ Полиместора, на житье къ которому тайкомъ отправилъ тебя, Полидоръ, твой отецъ, не желая подвергать сына невзгодамъ фригійской войны. Умно было-бы намѣреніе Пріама,

если-бъ вмѣстѣ съ Полидоромъ онъ не отправилъ и своихъ огромныхъ сокровищъ—преступной добычи и искушенія для алчнаго Полиместора. Когда (435) счастье измѣнило Фригійцамъ, преступный царь ѳракійскій схватилъ мечъ, зарѣзалъ имъ своего питомца и сбросилъ его бездыханное тѣло съ утеса въ омывавшее его море, какъ будто, унеся трупъ, оно могло скрыть и преступленіе. Выжидая, пока (440) утихнетъ море и задуетъ попутный вѣтеръ, сынъ Атрея присталъ къ берегамъ Ѳракіи. Здѣсь внезапно широко разверзлась земля, и изъ нея вышла тѣнь Ахилла. Видъ его былъ такъ-же грозенъ, какъ и при жизни, когда онъ въ гнѣвѣ безразсудно бросился на Агамемнона съ мечемъ. «Вы уѣзжаете, Ахейцы, забывъ (445) обо мнѣ», воскликнулъ онъ, «похоронивъ меня, вы перестали чтить мою доблесть?—Не дѣлайте этого! Чтобы почтить могилу Ахилла, принесите въ жертву его тѣни Поликсену!» Такъ говорилъ Ахиллъ, и друзья его, исполняя волю суровой тѣни, отторгнули (450) дѣву отъ груди матери, которая уже почти въ ней одной находила себѣ отраду. Мужественную болѣе, чѣмъ можетъ быть женщина, но несчастную Поликсену привели къ гробницѣ, чтобы принесть въ жертву грозной тѣни. Когда дѣву поставили возлѣ ужаснаго жертвенника, когда она поняла, что страшною жертвой будетъ она, когда (455) увидѣла, что Неоптолемъ стоитъ съ ножемъ въ рукѣ и пристально смотритъ на нее, то вспомнила Поликсена свой санъ и воскликнула: «проливай скорѣй благородную кровь, не медли! Вонзай мнѣ ножъ или въ горло, или въ грудь», и Поликсена разомъ обнажила и горло, и грудь. «Ясно (460), что Поликсенѣ», продолжала она, «остается или быть чьей-либо рабою, или быть принесенною вами въ жертву какому-нибудь божеству. Одного желала-бы я, чтобы моя мать не знала о моей смерти. Мысль о матери уменьшаетъ мою радость при мысли о смерти, хотя Гекубѣ нужно трепетать не за мою смерть, но за свою жизнь! Одного прошу я отъ васъ (465),—станьте поодаль и не прикасайтесь, если находите справедливой мою просьбу, къ не-

винной дѣвѣ своими мужскими руками, чтобы свободною низойти мнѣ къ тѣнямъ Стикса: кровь свободной женщины пріятнѣе будетъ тому, кого вы хотите умилостивить моею смертью, кто-бы онъ ни былъ. И, если тронетъ кого-нибудь изъ васъ моя послѣдняя просьба (470),—васъ молитъ о томъ не плѣнница, но дочь царя Пріама,—то отдайте матери мой трупъ безъ выкупа; пусть не золотомъ, но слезами получитъ она печальное право погребенія: когда можно было, Гекуба добивалась его золотомъ!..» Такъ безъ слезъ говорила Поликсена, и плакала (475) толпа, невольно зарыдалъ и самъ жрецъ, вонзая мечъ и разсѣкая имъ обнаженную грудь дочери Пріама. Подкосились у ней колѣни, и пала Поликсена на землю; безмятежно было выраженіе ея лица до послѣдней минуты. Даже и тутъ, падая (480), дѣва старалась прикрыть свои стыдливыя части, охранить отъ позора свое цѣломудріе. Троянки подняли Поликсену, стали пересчитывать, сколько жертвъ дала одна только семья Пріама, и оплакивать его дѣтей. О тебѣ скорбятъ онѣ, дѣва, и о тебѣ, что недавно была царицей цвѣтущей области Азіи, а теперь (485) самая незавидная доля добычи. Не роди ты Гектора, не взялъ-бы тебя побѣдитель Улисъ: Гекторъ съ трудомъ нашелъ господина своей матери!... Обняла Гекуба бездыханное тѣло своей мужественной дочери и оросила его слезами, которыя столько разъ проливала она за родину, дѣтей и мужа; хватило у царицы (490) слезъ и для Поликсены. Слезами омыла Гекуба рану дочери, поцѣловала ее и стала бичевать свою привыкшую къ этому грудь. Потомъ царица обтерла запекшуюся кровь съ трупа Поликсены и, терзая свою грудь, восклицала чрезъ силу: «дочь моя, ты—послѣдняя скорбь своей матери! Что еще остается перенести мнѣ? ты убита, дочь (495) моя; я вижу твои раны, мои страданія... Видно для того, чтобы мнѣ не потерять безъ убійства кого-либо изъ дѣтей, убита и ты. А я думала, что ты, какъ женщина, останешся жива, но и женщину убилъ тебя мечъ. Тотъ-же Ахиллъ, гроза (500) Трои, убившій столько твоихъ братьевъ, осиротившій меня, убилъ и

тебя. А когда Ахиллъ палъ отъ стрѣлы Париса и Аполлона, я говорила: теперь, по крайней мѣрѣ, онъ не страшенъ намъ! Но Ахиллъ страшенъ мнѣ и теперь, даже въ могилѣ прахъ его не перестаетъ гнѣваться на нашъ родъ, и мертвецомъ онъ даетъ чувствовать въ себѣ врага. Я была многочадна для внука Эака; разрушенъ огромный Иліонъ, печально кончилось народное бѣдствіе, но всетаки кончилось,—для меня одной стоитъ еще Пергамъ, для меня одной не кончились бѣдствія. Недавно я была могущественнѣйшей царицею, гордилась столькими дѣтьми, зятьями и невѣстками, такимъ мужемъ, а теперь, отторгнувъ отъ могилъ моихъ дѣтей, меня влекутъ въ изгнаніе пищею, въ даръ Пенелопѣ. Она усадитъ меня за прялку и будетъ показывать Итакіянкамъ, говоря: «вотъ мать славнаго Гектора, вотъ супруга Пріама!» Теперь и ты, послѣ всѣхъ утратъ, ты, одна облегчавшая горе матери, принесена въ умилостивительную жертву врагу,—въ жертву ему родила я тебя. Желѣзная что-ли я, что до сихъ поръ еще жива? Чего жду я, для чего щажу свою дряхлую старость? Зачѣмъ вы, жестокіе боги, не пошлете смерти живучей старухѣ?—Или для того, чтобы я видѣла новыя похороны? Кто могъ-бы позавидовать Пріаму послѣ гибели Пергама? Онъ счастливъ, потому, что умеръ и не видалъ, какъ убили тебя, моя дочь: въ одно время Пріамъ умеръ и пересталъ быть царемъ. Думалось мнѣ, что тебя, какъ царскую дочь, почтятъ пышнымъ погребеніемъ, твое тѣло похоронятъ средь гробницъ твоихъ предковъ. Но не то выпало на долю нашему роду: слезы матери да горсть земли на чужбинѣ будутъ тебѣ послѣднею почестью! Всего лишилась я, но есть еще, для кого стоитъ пожить хотя немного—это для Полидора, любимаго сына своей матери; одинъ остался онъ теперь, прежде самый младшій изъ моихъ сыновей, отданный въ ту землю на воспитаніе исмарскому царю. Но чего я жду, не обмою водою страшной раны и забрызганнаго кровью, пролитою въ угоду жестокому человѣку, лица Поликсены?» Такъ говорила Гекуба и, терзая свои сѣ-

дины, старушечьимъ шагомъ поплелась къ берегу моря. «Троянки, дайте мнѣ урну», сказала несчастная, желая зачерпнуть свѣтлой воды, какъ увидала выброшенное на берегъ тѣло Полидора; страшныя раны нанесъ ему Ѳракіецъ своимъ мечемъ. Заголосили Троянки, Гекуба-же онѣмѣла отъ горя. Горе разомъ отняло у царицы даже голосъ и навернувшіяся было слезы. Недвижно стоитъ Гекуба, словно твердая скала, и то впераетъ свои взоры въ землю, то гнѣвно поднимаетъ ихъ къ небу, то смотритъ на лице лежащаго предъ нею сына, то на его раны, въ особенности на его раны: гнѣвомъ вооружается и пылаетъ царица. Лишь только вспыхнула имъ Гекуба, какъ рѣшилась отмстить Полиместору и вся отдалась тому, чтобы придумать ему наказаніе, какъ будто она была еще царицей. Какъ свирѣпѣетъ львица, потерявъ своего сосуна-дѣтеныша, какъ преслѣдуетъ она своего невидимаго врага, найдя его слѣды: такъ и Гекуба, въ которой злоба смѣшалась съ горемъ, забыла свою старость, но не отказалась отъ мести, пошла къ низкому убійцѣ Полиместору и стала просить свиданія съ нимъ, говоря что хочетъ показать царю остальныя скрытыя ею сокровища, которыя онъ отдалъ-бы ея сыну. Повѣрилъ Гекубѣ корыстолюбивый Одризецъ и пришелъ на тайное свиданіе. «Давай скорѣе, Гекуба, сокровища сыну», ласково молвилъ тогда царицѣ Полиместоръ, «—все, что ты дала раньше и что дашь теперь, я передамъ ему, клянусь богами!» Гнѣвно взглянула Гекуба на говорившаго клятвопреступника, и лютая злоба закипѣла въ ея сердцѣ. И вотъ царица бросилась на схваченнаго толпой Троянокъ вѣроломнаго Полиместора, вцѣпилась ему въ глаза и вырвала ихъ—гнѣвъ придалъ ей силы; потомъ Гекуба запустила обагренные кровью убійцы пальцы, но не въ его глаза,—она стала царапать ихъ впадины. Мстя за смерть своего царя, Ѳракійцы стали метать въ Троянокъ стрѣлы и камни. Съ глухимъ ворчаньемъ кинулась Гекуба на упавшій камень и стала кусать его, потомъ раскрыла свой ротъ, но вмѣсто того, чтобы сказать слово, начала лаять.

Есть одна мѣстность, названная (570) въ память превращенья Гекубы. Долго помнила царица о прежнихъ своихъ бѣдствіяхъ и, надрывая сердце, стала выть съ того времени по полямъ Ситоніи. Судьба Гекубы тронула не только родныхъ ей Троянцевъ, но и Пелазговъ; тронула она всѣхъ боговъ, такъ что даже супруга и сестра Юпитера согласилась-бы, что Гекуба не заслужила подобной участи (575).

А вотъ Аврорѣ некогда скорбѣть о печальной участи Трои и Гекубы, хотя богиня была на сторонѣ Троянцевъ: болѣе близкое, семейное горе о смерти Мемнона терзаетъ ея сердце. Увидала (580) румяная мать, какъ палъ ея сынъ на поляхъ фригійскихъ отъ копья Ахилла, увидала, и поблѣднѣлъ розовый утромъ цвѣтъ неба, и заволокли его тучи... Не могла мать глядѣть, какъ клали на костеръ тѣло ея сына: распустила она волосы и, въ чемъ была (585), пошла къ могучему Юпитеру и, не стыдясь припасть къ его колѣнамъ, со слезами говорила: «я ниже всѣхъ боговъ, живущихъ на златоцвѣтномъ небѣ, такъ какъ мои храмы встрѣчаются на землѣ всего рѣже, но я всетаки богиня и пришла не за тѣмъ, чтобы просить (590) у тебя храмовъ съ пылающими жертвенниками или празднествъ въ честь мою. Но, если ты посмотришь, какъ много услугъ оказываю тебѣ я, женщина, прогоняя мракъ съ наступленіемъ дня, то пожалуй и согласишся, что я стою награды. Но не о томъ забочусь я, не въ томъ настроеніи осиротѣлая Аврора, чтобы просить себѣ заслуженной награды: за моего сына, Мемнона, (595) пришла я просить тебя,—напрасно бился герой за своего дядю, въ цвѣтущихъ годахъ палъ онъ — такова воля васъ боговъ—отъ мощной руки Ахилла. Почти-же его чѣмъ-нибудь, молю тебя, великій властитель надъ богами, утѣшь мать въ его смерти, утиши ея страданія!» Юпитеръ (600) въ знакъ согласія кивнулъ головою. Когда обрушился отъ сильнаго пламени высокій костеръ Мемнона, клубы чернаго дыма застлали дневной свѣтъ, какъ застилаетъ его поднимающійся изъ рѣки туманъ, не давая проникнуть сквозь себя лучамъ солнца. Вверхъ по-

летѣла черная зола, собралась въ кучу, сгустилась (605) въ одно тѣло и приняла опредѣленный видъ; цвѣтъ-же и душу получила отъ огня. Легка была зола, легкость замѣняла ей крылья. Сперва она была только похожа на птицу, потомъ замахала крыльями, какъ настоящая птица. Вмѣстѣ съ нею взлетѣло и множество ея сестеръ, происшедшихъ такимъ же образомъ. Три раза (610) облетѣли птицы костеръ, три раза вскрикнули вмѣстѣ; въ четвертый разъ полетѣла ихъ стая и разбилась на-двое. Будто два храбрыхъ народа стали тутъ драться птицы другъ съ другомъ, яростно биться клювомъ и кривыми когтями, до усталости хлестать другъ друга въ грудь крыльями и, словно жертва (615) за умершаго, пали на родной имъ прахъ, помня, что получили жизнь отъ героя. Мемнонидами названы внезапно появившіяся птицы, въ честь того, отъ кого онѣ произошли, и каждый годъ снова затѣваютъ птицы драку, чтобы умереть на отцовскомъ гробѣ. Итакъ (620), когда другіе жалѣли превращенную въ собаку дочь Диманта, сердце Авроры терзало свое горе. И теперь еще плачетъ она по сынѣ и въ видѣ росы разсѣваетъ по всей землѣ свои слезы.

Но судьбою не суждено было погибнуть Троѣ вмѣстѣ со взятіемъ города: сынъ Киѳеріи вынесъ (625) на своихъ плечахъ его боговъ вмѣстѣ съ другою дорогою ношею — отцемъ; только эти драгоцѣнности да сына своего, Асканія, взялъ благочестивый Эней изъ огромныхъ сокровищъ Трои. Въ Антандрѣ изгнанникъ сѣлъ на корабль и поплылъ по морю, миновавъ (630) преступную Ѳракію, обагренную кровью Полидора. При попутномъ вѣтрѣ и хорошей погодѣ Эней присталъ со спутниками къ столицѣ посвященнаго Аполлону Делоса.

Тамъ царствовалъ Аній, который былъ по обычаю и главнымъ жрецомъ Феба. Онъ ввелъ Энея въ храмъ и свой дворецъ, показалъ ему городъ, знаменитый священный источникъ и тѣ два дерева, за которыя нѣкогда держалась Латона (635) во время родовъ. Воскуривъ оиміамъ и заливъ его виномъ, пришельцы по обычаю принесли въ жертву богамъ внутренности

убитыхъ быковъ, потомъ вошли во дворецъ Анія и, возлегши на высокомъ ложѣ, вкусили хлѣба и запили его чистымъ виномъ. «Почтенный жрецъ Феба», сказалъ тогда царю благочестивый Анхизъ, «если не ошибаюсь, то, когда я впервые посѣтилъ этотъ городъ, у тебя было, на сколько мнѣ помнится, сынъ и четыре дочери?» Покачалъ Аній своею обвязанною бѣлоснѣжною повязкой головою и печально отвѣчалъ Анхизу: «нѣтъ, ты не ошибся, славный мужъ,—пятерыхъ дѣтей видалъ ты у меня, теперь-же — такъ превратна жизнь человѣческая—я почти осиротѣлъ,—что за радость мнѣ, если сына моего здѣсь нѣтъ: вмѣсто родины онъ живетъ и царствуетъ на островѣ Андросѣ, давъ ему свое имя. Андросу делосскій богъ далъ даръ прорицанія, дочерямъ-же моимъ далъ другой роковой для нихъ и дивный даръ Либеръ: отъ ихъ прикосновенія все превращалось въ хлѣбъ, вино и масло: для меня это было очень выгодно. Когда провѣдалъ объ этомъ бичъ Трои, Атридъ,—знай-же, что и мы хоть отчасти спознались съ постигшимъ васъ бѣдствіемъ—то вооруженною силой исторгъ моихъ дочерей изъ объятій отца и велѣлъ имъ кормить аргосское войско съ помощью небеснаго дара. Куда ни попало разбѣжались мои дочери: двѣ въ Эвбею, двѣ—въ братнинъ Андросъ. Воины Агамемнона явились туда и стали грозить сыну войною, если онъ не выдастъ бѣглянокъ. Страхъ осилилъ въ Андросѣ родственныя чувства, и онъ выдалъ сестеръ головою. Не осуждай трусости брата: съ Андросомъ не было ни Энея, который-бы защитилъ его, ни Гектора, благодаря которому вы выдерживали десятилѣтнюю войну. Уже плѣнницъ хотѣли заковать, какъ онѣ подняли къ небу свои еще свободныя руки и воскликнули: «помоги намъ, отецъ Вакхъ!» Помогъ виновникъ дара моимъ дочерямъ, помогъ, если можно назвать помощью то, что онъ чудеснымъ образомъ отнялъ у нихъ ихъ даръ. Какъ измѣнились мои дочери, я не могъ узнать, не могу сказать и теперь, но чѣмъ кончилось мое горе, знаю: н…

рьями одѣлись мои дочери и стали бѣлоснѣжными голубками, птицами твоей супруги!»

Въ подобныхъ разсказахъ коротали гости время за пиромъ, потомъ вышли изъ-за стола и легли спать. По утру они встали и пошли вопрошать оракулъ Феба. Богъ повелѣлъ Энею плыть на его старую родину, къ берегамъ отчизны. Царь Аній вышелъ проводить уѣзжавшихъ гостей и одарилъ ихъ. Анхизу Аній далъ скипетръ, внуку его — хламиду и колчанъ, Энею—чашу. Ее нѣкогда прислалъ Анію изъ Аоніи его знакомый, Исменецъ Терсъ. Прислалъ чашу Терсъ, а дѣлалъ ее Гилеецъ Алконъ. Много событій вычеканилъ онъ на чашѣ: изображенъ былъ тамъ городъ; семь воротъ видно было въ немъ, и по этимъ воротамъ можно было догадаться, что̀ это былъ за городъ, и не зная его имени. Передъ городомъ видны похоронныя шествія, пылающіе костры, вокругъ которыхъ убиваются женщины съ распущенными волосами и открытою грудью. Видны и нимфы, оплакивающія свои изсохшіе источники, видны голыя, стоящія безъ листьевъ деревья, козы, гложущія лишенныя растительности горячія скалы. А въ серединѣ Ѳивъ художникъ помѣстилъ дочерей Оріона. Одна изъ нихъ мужественно убиваетъ себя, вонзивъ мечъ въ открытое горло, другая тоже терпѣливо выноситъ предсмертныя муки. За свой народъ умерли дочери Оріона, и пышными похоронами почтили ихъ Ѳиванцы и погребли въ лучшей части города. Чтобы не угасъ родъ Оріона, изъ пепла его дочерей вышли тогда двое юношей, которыхъ смертные назвали Коронами; они докончили похоронные обряды надъ прахомъ ихъ матерей. Какъ низъ древней чаши былъ украшенъ рисунками, рѣзанными на блестящей мѣди, такъ края ея—выпуклыми золочеными листьями аканта. Троянцы дали Анію дары не дешевле тѣхъ, которые далъ онъ имъ: какъ жрецу, они поднесли ему кадильницу и жертвенную чашу, какъ царю — усыпанный блестящими драгоцѣнными камнями золотой царскій вѣнецъ.

Отсюда (705) Троянцы отправились въ Критъ, помня, что Тевкры происходятъ отъ Тевкра, но имъ не хотѣлось оставаться долго на родинѣ Юпитера: покинули они стоградный островъ и поплыли къ берегамъ Авзоніи. Но поднялась буря и раскидала корабли героевъ. Троянцевъ прибило къ обманчивымъ гаванямъ (710) Строфадовъ, гдѣ ихъ испугала птица Аэлла. Уже Троянцы миновали острова — Дулихію, Итаку, Самосъ и Неритъ, родину и царство хитраго Улиса, видѣли прославленную споромъ боговъ Амбракію вмѣстѣ съ превращеннымъ въ скалу судьею (715), теперь знаменитую храмомъ актейскаго Аполлона, *видѣли и Додону* съ ея звучащимъ дубомъ, и Хаонскій заливъ, гдѣ сыновья царя Молоссовъ спаслись отъ неудавшагося пожара, внезапно превратившись въ птицъ.

Потомъ Троянцы поплыли къ находившимся невдалекѣ островамъ (720) Феаковъ, покрытыхъ плодоносными фруктовыми садами, отсюда — въ Эпиръ, въ городъ Бутротъ, Троѣ подобный, гдѣ правилъ фригійскій прорицатель. Узнавъ будущее—имъ предсказалъ его по вдохновенію свыше сынъ Пріама, Геленъ, — Троянцы направились потомъ въ Сиканію. Три ея мыса вдаются въ море: одинъ изъ нихъ (725), Пахинъ обращенъ къ дожденосному Австру, другой, Лилибей — къ нѣжному Зефиру, третій, Пелоръ — глядитъ на непогружающихся въ море Медвѣдицъ и обращенъ къ Борею. Вдоль этого мыса поплыли Троянцы и, усердно работая веслами, пристали въ сумеркахъ со своимъ флотомъ, при попутномъ вѣтрѣ, къ песчаному берегу Занклеи. Справа грозила имъ Скилла (730), слѣва—неугомонная Харибда; одна всасывала корабли и извергала ихъ обломки, другая — была женщина, страшное чрево которой окружали злыя собаки. Если вѣрить поэтамъ, Скилла была нѣкогда дѣвушкой, и много жениховъ домогалось ея руки (735). Но Скилла отказывала имъ и ходила къ морскимъ нимфамъ, которыя ее очень любили, ходила разсказывать, какъ она дурачила влюбленныхъ юношей. «Къ тебѣ (740), дѣвушка, сватаются не суровые женихи, оттого-то ты и можешь безнака-

занно смѣяться надъ ними, что ты и дѣлаешь. А вотъ мнѣ, дочери Нерея и лазоревой Дориды, защищаемой къ тому же толпою сестеръ, удалось лишь въ морѣ спастись (745) отъ ухаживаній Киклопа!» И рыданія заглушили голосъ Галатеи. Утерла Скилла мраморной ручкой слезы богини и, утѣшая ее, сказала: «разскажи-же, милая, отчего ты грустишь,—я никому не разболтаю объ этомъ!»—«У Фавна и нимфы Симетиды», отвѣчала Нереида дочери Кратеида, «былъ сынъ Акидъ (750). Хоть и большой утѣхой былъ онъ для отца съ матерью, а для меня еще большей: одну меня любилъ онъ. Чуть замѣтный пушокъ оттѣнялъ нѣжныя щечки шестнадцатилѣтняго красавца. Я ухаживала за Акидомъ (755), а за мною безъ конца....Киклопъ! Если-бъ ты спросила, что̀ во мнѣ было сильнѣе, ненависть ли къ нему, или любовь къ Акиду, я сказала бы, что то и другое было одинаково. О, какъ могуча ты, благодатная любовь!—Даже дикарь, пугало (760) для самихъ обитателей лѣса, тотъ, на кого не смотрѣлъ безнаказанно ни одинъ чужеземецъ, кто презираетъ могучихъ боговъ олимпійскихъ, и тотъ спознался съ любовью, безъ ума влюбился въ меня, позабылъ свои стада и пещеры. Ужъ ты, Полифемъ, начинаешь заниматься собою, хочешь понравиться: граблями чешешь свои взъерошенные (765) волосы, серпомъ подрѣзаешь всклокоченную бороду, смотришся въ воду, стараясь смягчить выраженіе своего безобразнаго лица. Оставилъ Полифемъ страсть свою къ убійствамъ, дикость и алчную кровожадность: безопасно приставали къ его острову и уходили отъ него корабли. Въ это-то время пришелъ къ страшилищу-Полифему Телемъ (770), сынъ Эврима, вѣрный птице-гадатель: къ сицилійской Этнѣ его занесла буря. «Улисъ лишитъ тебя и единственнаго глаза, находящагося посреди лба», сказалъ Киклопу Телемъ.—«Врешь ты, глупый прорицатель», со смѣхомъ отвѣчалъ ему Полифемъ, «его ужъ похитила *другая* (775)!» Такъ напрасно пренебрегъ Киклопъ справедливымъ предсказаніемъ. То тяжело ступалъ онъ огромными шагами по берегу, то, утомившись, снова возвращался въ свою прохладную пещеру.

Далеко выдавалась въ море коса съ высокою остроконечною вершиной; съ двухъ сторонъ омывали ее воды океана. Туда (780) взобрался свирѣпый Киклопъ и усѣлся на видномъ мѣстѣ; безъ пастуха его овцы разбрелись въ разныя стороны. Положивъ къ ногамъ сосну, — она замѣняла ему палку, а годилась на мачты,—Полифемъ взялъ сложенную изъ сотни пластинокъ дудку, и ея рѣзкимъ свистомъ огласились (785) всѣ горы и воды. Укрывшись въ пещерѣ, я сидѣла колѣняхъ милаго Акида. Издалека долетали до меня звуки той пѣсни, и я запомнила ея слова: «Галатея, ты бѣлѣе цвѣтка бѣлоснѣжной крушины, цвѣтистѣе (790) луга, стройнѣе высокой ольхи, чище стекла, рѣзвѣе молодаго козленка, легче раковинъ, носимыхъ волнами неугомоннаго моря, ты пріятнѣе зимняго солнца и лѣтней тѣни. Ты красивѣе и величавѣе высокаго платана, свѣтлѣе (795) льдинки, слаще спѣлаго винограда, бѣлѣе лебединыхъ перьевъ и творога и, если-бъ не бѣгала отъ меня, то была бы красивѣй только-что политаго сада. Но ты же, Галатея, яростнѣе неукротимыхъ быковъ, тверже вѣковаго дуба, лукавѣе морской волны, гибче (800) ивовой вѣтви и бѣлой виноградной лозы, неподвижнѣе этихъ скалъ, неукротимѣй потока, горделивѣй красавца-павлина. Ты жгучѣе пламени, колючѣе терновника, лютѣе медвѣдицы на сносѣ, глуше волнъ моря, злѣе змѣи, на которую наступятъ ногою; на бѣгу же (805) ты — чего я въ особенности хотѣлъ бы лишить тебя, если-бъ могъ, — мчишся быстрѣе не только преслѣдуемаго по-пятамъ псами оленя, но даже нѣжнаго дыханія вѣтра. Но, если-бъ ты узнала меня поближе, то пожалѣла бы, что убѣгала отъ меня, сама осудила бы свою нерѣшительность и привязалась бы ко мнѣ. Есть (810) у меня въ горахъ пещера съ нависшимъ сводомъ изъ природнаго камня: лѣтомъ тамъ не чувствителенъ жаръ полуденнаго солнца, зимою—холодъ. Есть у меня отягченныя плодами деревья, есть длинныя лозы съ гроздьями золотистаго и пурпуроваго винограда; я попотчую тебя тѣмъ и другимъ. Ты сама (815) наберешь себѣ вкусной, таящейся подъ деревья-

ми, лѣсной земляники, осенью—ягодъ дерна, сливъ, не только налитыхъ темнаго цвѣта сокомъ, но и изъ лучшихъ сортовъ, словно сейчасъ сдѣланныхъ изъ воску. Если ты станешь моею женою, то не будешь имѣть недостатка ни въ каштанахъ, ни въ плодахъ шелковицы (820): всякое дерево будетъ въ твоемъ распоряженіи. Все это стадо мое; но еще много ихъ бродитъ въ долинахъ, много укрылось подъ тѣнью лѣса, много стоитъ въ стойлахъ, въ пещерѣ. Если-бъ ты когда-нибудь спросила, сколько у меня овецъ, я не могъ бы отвѣтить тебѣ—только бѣдный считаетъ свой скотъ! Но, если ты не (825) вѣришь моимъ похваламъ, то посмотри сама, какъ овцы еле-еле таскаютъ свое полное вымя. Въ теплыхъ овчарняхъ есть у меня и приплодъ-ягнята, въ особыхъ загонахъ и молодые козлята. Бѣлоснѣжнаго молока у меня вдоволь; половину его я выпиваю (830), половина идетъ на сыръ. Но не однѣ эти простыя забавы, не одни обыкновенные подарки—лани, зайцы, козы и маленькое, снятое съ высокаго дерева, голубиное гнѣздо ждутъ тебя: чтобы было чѣмъ позабавиться тебѣ, я досталъ на вершинѣ горы пару косматыхъ медвѣжатъ, такъ похожихъ другъ на друга (835), что трудно отличить ихъ; доставая ихъ, я сказалъ: «угожу я своей женкѣ этимъ подаркомъ!» Высунь, Галатея, изъ лазурнаго моря свою хорошенькую головку, приди ко мнѣ, не побрезгай моими дарами. Я хорошо (840) знаю, каковъ я,—недавно видѣлъ я отраженіе своего лица въ свѣтлой водѣ, и мнѣ понравилась моя наружность. Взгляни, какъ я великъ,—самъ живущій на небѣ Юпитеръ не громаднѣе меня. Вы привыкли болтать, что тамъ царствуетъ какой-то Юпитеръ, что густые волосы украшаютъ (845) его строгое лице и, словно роща, ниспадаютъ на плечи. Такъ не считай же меня гадкимъ, если мое тѣло обросло крѣпкими, какъ щетина густыми волосами: некрасиво дерево безъ листьевъ, некрасивъ конь, если рыжая грива не свѣшивается съ его шеи; перья — украшеніе для птицы, шерсть—для овецъ, мущинѣ же идетъ борода (850) да густые жесткіе волосы. У меня одинъ глазъ, по срединѣ лба,

но онъ огроменъ, какъ щитъ. Чтожъ? Развѣ не все видитъ съ неба огромное солнце, а у него одинъ только глазъ. Не забудь еще, что вашимъ моремъ правитъ мой отецъ,—онъ пришелся бы тебѣ тестемъ, только сжалься надо мною, услышь горячія мольбы. Одной тебѣ покоряюсь я: я презираю всѣхъ боговъ, презираю Юпитера съ его быстролетною молніей, но боюсь тебя, Нереида: гнѣвъ твой для меня страшнѣе молніи. Терпѣливѣе снесъ бы я, еслибъ ты отвергла мои просьбы и не отдавалась ни одному мужчинѣ; но зачѣмъ ты презираешь Киклопа, а любишь Акида, предпочитаешь его любовь моей любви? Быть можетъ, онъ по своему и красивъ, быть можетъ, онъ нравится тебѣ, Галатея,—чего я не желалъ бы,—но попадется же онъ мнѣ въ руки, узнаетъ, что моя сила такъ-же велика, какъ и тѣло!...Изъ живаго вытяну я жилы, на мелкіе куски изорву его тѣло и разбросаю по полямъ, брошу и тебѣ въ воду,—пусть соединяется онъ съ тобой! Я весь горю, и гнѣвъ тѣмъ сильнѣе пылаетъ во мнѣ, что я оскорбленъ. Мнѣ кажется, будто грудь мою давитъ Этна со всѣми ея подземными силами, и тебѣ это не почемъ, Галатея!» Но напрасно жаловался Киклопъ. Но вотъ онъ вскочилъ, словно разъяренный быкъ, лишившійся своей коровы, и пошелъ бродить по лѣсамъ и одному ему извѣстнымъ горамъ. Вдругъ чудовище увидало меня съ Акидомъ; мы забыли о немъ и не подозрѣвали грозившей намъ опасности. «А, попались», вскричалъ Полифемъ, «это любовное свиданіе будетъ, по моей милости, послѣднимъ для васъ!» Киклопъ кричалъ такъ сильно, какъ можетъ кричать только разгнѣванный человѣкъ; отъ его крика содрогнулась Этна. Я въ испугѣ успѣла нырнуть въ море, сынъ же Симетиды бросился бѣжать. «Спаси меня, Галатея, спасите меня, отецъ и мать, примите погибающаго въ ваше царство!» восклицалъ несчастный. Полифемъ погнался за Акидомъ, оторвалъ отъ горы скалу и бросилъ ею въ юношу. Хоть только крайняя оконечность скалы попала въ него, но Акидъ весь былъ покрытъ ею. Что же касается насъ, то мы сдѣлали все, что позволилъ

намъ рокъ, — сдѣлали Акида тѣмъ, чѣмъ были его предки. Струйка алой крови потекла изъ-подъ скалы; чрезъ нѣсколько времени алый цвѣтъ сталъ исчезать, и вода приняла сперва цвѣтъ рѣки, мутной отъ дождя, потомъ сдѣлалась прозрачною (890). Наконецъ скала треснула, изъ полой щели показался чуткій, стройный камышъ, и съ шумомъ хлынула вода. Вдругъ—о диво!—изъ нея вынырнулъ до пояса превращенный юноша съ увѣнчанной тростниковымъ вѣнкомъ головою. То былъ Акидъ. Онъ (895) сталъ только больше прежняго, и все лице его приняло голубоватый цвѣтъ. Такъ превращенъ былъ Акидъ въ рѣку, и она сохраняетъ свое имя и донынѣ».

Смолкла Галатея. Разошлись Нереиды и стали купаться въ тихихъ водахъ моря, Скилла же (900) осталась на мѣстѣ: боялась она купаться въ морѣ. Стала обнаженная Скилла бродить по вбирающему влагу песку; утомившись, она отъискала уединенную бухту и стала купаться. Но вотъ, разсѣкая волны моря, плыветъ къ Скиллѣ новый богъ глубокаго моря, Главкъ, не задолго передъ тѣмъ (905) превратившійся въ него въ эвбейскомъ Антедонѣ. Какъ увидѣлъ Главкъ Скиллу, такъ и замеръ на мѣстѣ, пылая къ ней страстью. Сталъ онъ кликать бѣглянку, думая остановить ее, но Скилла помчалась и, окриленная страхомъ, взбѣжала на вершину прибрежной скалы. Передъ (910) заливомъ былъ огромный утесъ; его острая, безлѣсная вершина отлого опускалась къ морю. Тутъ Скилла остановилась. Съ безопаснаго мѣста стала она съ изумленіемъ смотрѣть на Главка, не зная, чудовище ли это, или богъ. Дивилась дѣва его цвѣту, густымъ волосамъ, ниспадавшимъ на плечи и спину, дивилась и тому, что тѣло Главка, начиная съ живота (915), переходило въ кривой рыбій хвостъ. Догадался Главкъ, въ чемъ дѣло. Оперся онъ на ближайшую скалу и сталъ говорить Скиллѣ: «не чудовище я, дѣва, не дикій звѣрь, а богъ моря. Власть моя надъ его водами не меньше власти Протея, Тритона или Атамантова сына, Палемона. Прежде (920) я былъ смертнымъ, но всегда любилъ глубокое море.

Уже тогда находилъ я въ немъ развлеченье: то закидывалъ рыболовныя сѣти, то удилъ рыбу, сидя на скалѣ. У берега моря былъ одинъ зеленѣющій лугъ; часть (925) его затоплялась водою, другая поросла высокою травою. Ту траву не щипали ни рогатыя коровы, ни смирныя овцы, ни косматыя козы. Пчелы не сбирали съ тѣхъ цвѣтовъ меду, изъ нихъ не вили вѣнковъ въ праздничные дни, ту траву никогда не косили косцы (930),— я первый усѣлся на ней, собираясь сушить мокрыя сѣти. Чтобы посмотрѣть, что̀ за легковѣрная рыба попалась мнѣ на кривой крючекъ и въ сѣти, я сталъ вытаскивать свою добычу и класть ее рядкомъ. Но тутъ случилось что-то (935) невѣроятное — мнѣ нѣтъ расчету лгать тебѣ: лишь только моя рыба успѣла коснуться травы, она стала шевелиться, ворочаться съ боку на бокъ и двигаться по землѣ, словно по морю. Въ то время, какъ я медлилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дивился, весь мой уловъ прыгнулъ съ берега въ родную стихію, убѣжалъ отъ недогадливаго рыбака. Остолбенѣлъ я (940), долго раздумывалъ, что̀ бы это значило, и терялся въ догадкахъ, сдѣлалъ-ли это какой-нибудь богъ, или та трава имѣла особенное свойство. «Дай-ко попробую, что̀ за сила въ этой травѣ», сказалъ я, сорвалъ пучекъ ея и сталъ жевать зубами. Только что успѣлъ я проглотить невѣдомую траву, какъ (945) почувствовалъ, что въ моей груди вдругъ затрепетало сердце, и явилось страстное влеченіе къ чуждой для меня стихіи. Не могъ я дольше бороться со страстью. «Прости земля, я никогда не возвращусь на тебя», воскликнулъ я и бросился въ море. Благосклонно приняли меня въ свои товарищи его боги и стали просить Океана и Тееію почтить (950) меня безсмертіемъ. Очистили меня боги, девять разъ прочли очистительныя заклинанія и велѣли мнѣ подставить голову подъ струи воды изъ ста рѣкъ. И тотчасъ отовсюду потекли рѣки, и цѣлое (955) море воды вылилось на мою голову. Только до сихъ поръ могу я разсказать тебѣ, что было со мною, только до сихъ поръ помню я: послѣ этого я лишился сознанія. Когда же пришелъ въ себя, то увидѣлъ,

что совсѣмъ измѣнился и тѣломъ, и духомъ. Тутъ впервые замѣтилъ я свою (960) зеленоватую, какъ бы отъ ржавчины, бороду, свои волосы, которые мнѣ приходится волочить по поверхности моря, широкія плечи, синеватыя руки и кривой рыбій хвостъ съ плавниками, замѣнившій мнѣ ноги. Но что мнѣ пользы въ этой красотѣ, благосклонности ко мнѣ боговъ моря, къ чему (965) служитъ то, что я самъ богъ, если ты глуха къ моимъ мольбамъ?»

Такъ говорилъ Главкъ и хотѣлъ было продолжать свою рѣчь, но Скилла въ страхѣ убѣжала отъ него. Разозлился Главкъ, что отвергли его предложеніе, и отправился къ дивнымъ палатамъ Кирки, дочери титана.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Скилла.—Пикъ.—Ифисъ и Анаксарета.—Ромулъ и Герсилія.

Ужъ богъ бурнаго Эвбейскаго моря миновалъ наброшенную на Гигантовъ Этну, миновалъ и землю Киклоповъ, незнавшихъ употребленія бороны и плуга, никогда не обрабатывавшихъ своихъ полей па́рами воловъ, оставилъ (5) позади себя и Занклу, лежащій противъ нея Регій и тотъ опасный для мореходовъ узкій проливъ, который отдѣляетъ Авзонію отъ Сициліи. Разсѣкая своими сильными руками волны Тирренскаго моря, Главкъ вышелъ потомъ на покрытый травою берегъ и направился къ полному разныхъ животныхъ дворцу Кирки, дочери Солнца (10). Когда Главкъ увидѣлъ Кирку, то, обмѣнявшись привѣтствіями, сказалъ ей: «богиня, молю тебя, сжалься надъ богомъ — одна ты можешь исцѣлить меня отъ моей любви, если только я не провинился предъ тобою. Какъ сильны травы, никто не знаетъ лучше меня (15), дочь титана, потому что онѣ измѣнили меня. Узнай же, въ кого влюбился я:

на италійскомъ берегу, противъ Мессаны, я увидѣлъ Скиллу... Стыдно мнѣ разсказывать, какъ попусту разсыпался я въ обѣщаніяхъ, мольбахъ и любезностяхъ предъ нею. Если твои заклинанія, богиня, имѣютъ хоть сколько-нибудь силы, произнеси ихъ, если сильнѣе ихъ травы,—пусти въ дѣло съ трудомъ находимыя травы. Только меня, сдѣлай милость, не трогай, не лечи моей раны: пусть пылаетъ во мнѣ любовь, но пусть страдаетъ отъ нея и Скилла!» Едва ли былъ кто влюбчивѣе Кирки; такое сердце что ли было у ней, или это устроила Венера, оскорбленная доносомъ отца богини, только она отвѣчала Главку: «лучше было бы, еслибъ Скилла влюбилась въ тебя добровольно, еслибъ вы оба взаимно любили другъ-друга. Къ тому же ты стоишь этого. Къ тебѣ, навѣрняка, станутъ заискиваться, и, если ты подашь надежду, то, вѣрь мнѣ, Скилла сама отдастся тебѣ. Убѣдись же, что ты красивъ: даже я, богиня, дочь лучезарнаго Солнца, знающая страшныя заклинанія, знающая могучую силу зелій, хочу назваться твоею!... Брось ту, которая равнодушна къ тебѣ, полюби взаимно ту, которая любитъ тебя,—разомъ отомсти двумъ!»—«Скорѣе въ морѣ будутъ рости деревья, а на вершинахъ горъ водоросли», отвѣчалъ Главкъ на заискиванія Кирки, «чѣмъ я перестану любить Скиллу, покуда она жива!» Оскорбилась богиня. Но, такъ какъ она не могла, да и не желала, какъ влюбленная, отомстить Главку, то всю свою злобу обратила на ту, которую онъ предпочелъ ей. Потерпѣвъ неудачу въ признаніи въ любви, Кирка тотчасъ же стала стирать въ порошокъ, говоря при этомъ заклинанья Гекаты, страшные яды, собранные ею съ ядовитыхъ растеній. Черное платье надѣла богиня и вышла изъ дому, пробираясь сквозь стаю ластившихся къ ней звѣрей. Кирка направилась къ Регію, находившемуся противъ скалъ Занклы, и пошла по пѣнистымъ волнамъ моря, пошла такъ же смѣло, какъ по землѣ, касаясь гребней волнъ своими сухими ногами.

Была тамъ небольшая бухта, имѣвшая видъ дуги, любимое

мѣсто отдыха Скиллы: туда уходила она отъ шума моря и дневнаго жара, когда высокое полуденное солнце уменьшало тѣни. Это мѣсто заранѣе заразила Кирка, обрызгала его ужасными ядами; сюда волшебница вылила сокъ, выжатый изъ корня ядовитыхъ растеній, и двадцать семь разъ проговорила свои заклинанія, состоявшія изъ загадочныхъ, непонятныхъ словъ. Скилла пришла и легла на животъ, но тутъ увидѣла, что ея животъ окруженъ страшными псами. Сперва дѣва не вѣрила, чтобы это было ея тѣло, — она побѣжала, съ ужасомъ отгоняя отъ себя страшныхъ чудовищъ, но, убѣгая, тащила ихъ за собою. Стала Скилла искать частей своего тѣла — бедра, голени ногъ, но вмѣсто нихъ находила собачьи головы. Залаяли собаки,—нѣтъ у нихъ ногъ, отвисла шея. Собаки обвились вокругъ Скиллы, и съ тѣхъ поръ она стала носить ихъ на своемъ чревѣ.

Загоревалъ влюбленный Главкъ, но не женился онъ на Киркѣ, такъ жестоко воспользовавшейся своимъ чародѣйствомъ. Скилла осталась на томъ же мѣстѣ и, при первой возможности, изъ ненависти къ Киркѣ сперва лишила Улиса его спутниковъ, а потомъ едва не потопила судовъ Тевкровъ, не будь превращена въ скалу. И донынѣ выдается эта скала, и старается избѣжать ея мореходецъ.

Работая веслами, Троянцы благополучно проплыли мимо Скиллы и алчной Харибды. Уже близко отъ Авзоніи были они, когда буря отнесла ихъ къ берегамъ Ливіи. Тамъ радушно приняла и влюбилась въ Энея всѣмъ сердцемъ Сидонянка, которая не вынесла разлуки со своимъ мужемъ-Фригійцемъ: она велѣла сложить костеръ, будто для того, чтобы сжечь на немъ жертву, но сама пала на немъ на свой мечъ,— обманутая, обманула всѣхъ. Снова пустился Эней въ путь, покинувъ городъ, возникавшій въ землѣ, обильной сыпучими песками. Въ Эрикѣ прибылъ онъ, увидался съ вѣрнымъ своимъ другомъ, Акестомъ, и принесъ жертву въ честь праха своего отца. Потомъ Эней спустилъ въ море свои корабли, которые

почти всё сожгла у него дочь Юноны, Ирида, и проѣхалъ мимо царства сына Гиппота, земли, гдѣ кипѣла горючая сѣра, и скалъ Сиренъ, дочерей Ахелоя. Тутъ Эней потерялъ кормчаго и поплылъ мимо Инаримы, Прохиты и безплодныхъ (90) Питекузъ, названныхъ по имени своихъ обитателей. Народъ тотъ, Керкопы, сдѣлались нѣкогда ненавистны отцу боговъ за свое коварство, вѣроломство и ложь, и онъ превратилъ людей въ безобразныхъ животныхъ, съ одной стороны не похожихъ, съ другой похожихъ на человѣка. Онъ уменьшилъ ихъ тѣло (95), съузилъ разстояніе между лбомъ и вздернутымъ носомъ и избороздилъ лице старческими морщинами. Рыжею шерстью покрылъ Юпитеръ тѣло Керкоповъ и поселилъ ихъ въ Питекузахъ; прежде же всего онъ лишилъ нечестивцевъ дара слова и только глухимъ ворчаньемъ далъ имъ возможность (100) роптать на свою судьбу.

Миновавъ это мѣсто, Эней правѣе оставилъ Партенопу, лѣвѣе—могилу пѣвца, сына Эола, достигъ болотистыхъ окрестностей Кумъ, вошелъ (105) въ пещеру старой сивиллы и сталъ просить ее свести его въ Авернъ, къ тѣни своего отца. Долго смотрѣла сивилла въ землю, наконецъ подняла свою голову и, исполнившись божественнаго вдохновенія, отвѣчала Энею: «многаго хочешь ты, герой, ты, чье мужество доказано подвигами, любовь къ роднымъ—пожаромъ Трои. Но не бойся (110), Троянецъ: твое желаніе будетъ исполнено. Я пойду съ тобою, и ты увидишь Элизій, царство, находящееся на краю земли, увидишь и тѣнь дорогаго отца: для храбрыхъ не существуетъ преградъ!» Такъ говорила сивилла. Потомъ она указала (115) Энею на отливавшую золотомъ вѣтку дерева, находившагося въ рощѣ авернской Юноны, и велѣла ему сломить ее. Повиновался Эней и увидѣлъ страшныхъ обитателей Орка, узналъ призраки своихъ предковъ и тѣнь великодушнаго старца Анхиза. Познакомился Эней и съ мѣстными законами, узналъ также, какія неудачи придется ему вынести въ будущихъ войнахъ. Потомъ (120) утомленный Эней пошелъ обратно изъ Ор-

ка и сталъ коротать свой путь разговорами съ кумской сивиллой. Въ то время, какъ они въ густомъ мракѣ совершали свой опасный путь, Эней сталъ говорить сивиллѣ: «на самомъ ли дѣлѣ ты богиня, или только любимица боговъ, я не знаю, но для меня ты вѣчно будешь богиней. Признаюсь, что, благодаря только тебѣ, посѣтилъ я жилище смерти и, увидавъ его, невредимъ вышелъ оттуда. Въ знакъ признательности за это я обѣщаюсь, когда выйду на свѣтъ, воздвигнуть тебѣ храмъ и воскурить предъ тобою ѳиміамъ!» Взглянула предсказательница на Энея и глубоко вздохнула. «Я не богиня», сказала она ему, «а воскурять ѳиміамъ передъ человѣкомъ грѣшно. Чтобы ты понялъ, въ чемъ дѣло, знай, что влюбленный въ меня Фебъ давалъ мнѣ вѣчную жизнь съ тѣмъ, чтобы я пожертвовала для него своей дѣвственностью. Но, пока Фебъ не былъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ, то хотѣлъ соблазнить меня подарками. «Кумская дѣва», сказалъ мнѣ богъ, «проси, чего хочешь,—я исполню твое желаніе!» Я схватила горсть пыли и, указывая на руку, стала съ дуру просить себѣ столько лѣтъ жизни, сколько пылинокъ было въ той горсти. Я забыла только попросить себѣ кстати и вѣчной молодости... Но Фебъ давалъ мнѣ и вѣчную юность, если я отдамся ему. Я отвергла предложеніе бога и осталась дѣвственницей. Уже миновала для меня пора молодости; дрожащимъ шагомъ приближается ко мнѣ скучная старость; долгой покажется она сивиллѣ.... Ты знаешь, я прожила семьсотъ лѣтъ, а чтобы моимъ годамъ сравняться съ числомъ пылинокъ, мнѣ нужно видѣть еще триста жатвъ, налюбоваться на триста сборовъ винограда. Настанетъ время, когда дряхлая старость уменьшитъ мой высокій ростъ, поджарымъ сдѣлаетъ мое хилое тѣло. Никто и не подумаетъ, что я была когда-то любима, нравилась даже богу... Быть можетъ, самъ Фебъ не узнаетъ меня или откажется отъ предмета своей прежней любви! Я измѣнюсь до того, что никто не узнаетъ меня, но будутъ слышать мой голосъ, голосъ оставитъ мнѣ судьба».

Такъ говорила сивилла, идя съ Энеемъ покатою дорогой. Въ эвбейскомъ городѣ Троянецъ вышелъ изъ подземнаго царства. Принесши богамъ обычную жертву, онъ пустился въ путь и присталъ къ мысу, еще не носившему имя его кормилицы. Въ томъ мѣстѣ жилъ спутникъ многострадальнаго Улиса, Неритъ Макарей: ему наскучили безконечныя скитанія. Но вотъ среди Троянцевъ Макарей увидалъ Ахеменида, оставленнаго нѣкогда средь скалъ Этны. Удивился онъ неожиданной встрѣчѣ съ тѣмъ, кого ужъ не считалъ въ живыхъ. «Богъ или случай спасъ тебя, Ахеменидъ, не знаю», воскликнулъ Макарей, «съ чего это Грекъ ѣдетъ на кораблѣ чужеземцевъ. Куда плыветъ вашъ корабль?» — «Пусть ужъ лучше я во второй разъ попадусь въ руки Полифема съ его обрызганной человѣческой кровью пастію», отвѣчалъ на эти вопросы уже снявшій свои усѣянные колючками лохмотья, похожій на себя Ахеменидъ, «если моя родина и Итака милѣе для меня этого корабля, если я люблю Энея меньше, чѣмъ отца! Что бы я ни сдѣлалъ, я никогда не буду въ силахъ вполнѣ расквитаться съ нимъ! Могу ли я забыть, неблагодарный, что говорю и дышу, что вижу небо и солнце? Если меня не съѣлъ Киклопъ, то благодаря только Энею: когда я умру, то моя могила будетъ, по крайней мѣрѣ, въ землѣ, а не въ чревѣ Полифема. Что̀ долженъ былъ я чувствовать въ душѣ, еслибъ не обезумѣлъ отъ страха тогда, когда увидѣлъ, что вы поплыли по глубокому морю?... Я хотѣлъ было крикнуть, но побоялся, что выдамъ себя врагу, — крикъ Улиса и такъ едва не погубилъ вашего корабля: я видѣлъ, какъ Полифемъ оторвалъ отъ скалы огромный камень и бросилъ его въ море, видѣлъ, какъ словно метательная машина, исполинъ снова сталъ метать громадныя скалы. Я сталъ бояться, какъ бы волны и камни не затопили корабля совсѣмъ, — забылъ, что меня не было на немъ. Когда же вы бѣгствомъ спаслись отъ ужасной смерти, Киклопъ, рыча отъ ярости, принялся бѣгать по всей Этнѣ. Ничего не видя, онъ пошелъ по

лѣсу, ощупью искалъ дороги и натыкался на скалы. «Пусть только попадется мнѣ въ руки Улисъ или хоть одинъ изъ его пріятелей», кричалъ Полифемъ, проклиная Ахейцевъ и протягивая къ морю свои покрытыя запекшеюся кровью руки, «—узнаютъ они мой гнѣвъ: я вырву ихъ сердце, живьемъ разорву ихъ на мелкія части, упьюсь ихъ кровью; задрыгаютъ они, когда я стану жевать ихъ своими зубами! Вполнѣ расквитался бы я тогда, что лишился глаза!» Такъ говорило чудовище само съ собою. Быть можетъ, оно говорило еще больше: я похолодѣлъ отъ страха, видя все еще окровавленное лице Киклопа, его страшныя руки, вытекшій глазъ, его голову съ покрытою запекшеюся человѣческой кровью бородою. Смерть витала передъ моими глазами, но это была еще не бѣда: вотъ-вотъ, думалъ я, Полифемъ схватитъ меня и съѣстъ. У меня не выходила изъ памяти картина, когда я видѣлъ, какъ Киклопъ схватилъ двухъ моихъ товарищей, три-четыре раза ударилъ ихъ о-земь, потомъ набросился на нихъ, словно косматый левъ, и съ жадностью сталъ пожирать ихъ трепетавшее тѣло вмѣстѣ съ внутренностями и бѣлыми костями. Я страшно испугался, отъ ужаса стоялъ, словно не живой. Я видѣлъ, какъ Полифемъ жевалъ и извергалъ сырое мясо; потомъ его стало страшно рвать виномъ и тѣмъ, что онъ съѣлъ. Я думалъ, что и мнѣ бѣднягѣ готовится такая же участь. Много дней скрывался я, дрожалъ при малѣйшемъ шумѣ, боялся смерти и въ то же время страстно желалъ умереть. Я утолялъ свой голодъ желудями, травою и разными кореньями. Одинокій, безпомощный, лишенный всякой надежды, брошенный въ жертву лютой смерти, я чрезъ долгое время увидалъ вблизи корабль. Я сталъ умолять жестами, чтобы мнѣ пособили бѣжать, прибѣжалъ къ берегу и тронулъ людей: троянскій корабль взялъ Грека. Разскажи же и ты, дорогой товарищъ, что̀ случилось съ твоимъ вождемъ и спутниками, которые вмѣстѣ съ тобою плыли по морю!»

— «Въ Тусскомъ морѣ», сталъ разсказывать Макарей,

«есть царство внука Гиппота, Эола, который держитъ въ своей пещерѣ вѣтры. Эолъ заключилъ ихъ (225) въ воловью шкуру и далъ царю Дулихіи. Памятенъ былъ Улису этотъ подарокъ! Девять дней плылъ онъ при попутномъ вѣтрѣ и увидѣлъ берега желанной родины. Но на десятый день товарищами Улиса овладѣла зависть и корыстолюбіе: думая (230), что въ шкурѣ золото, они развязали ее и выпустили вѣтры. Вѣтры помчали насъ назадъ по тѣмъ же водамъ, по которымъ мы только что плыли. Корабль нашъ снова присталъ къ острову царя Эола. Потомъ», продолжалъ Макарей, «мы прибыли въ Ламу, древній городъ Лестригоновъ. Тамъ царствовалъ Антифатъ. Меня послали (235) къ нему съ двумя товарищами. Я едва успѣлъ убѣжать съ однимъ товарищемъ,—другаго съѣлъ вѣроломный Лестригонъ. Антифатъ сталъ преслѣдовать насъ, бѣглецовъ, созывая своихъ подданныхъ. Они сбѣжались и стали метать (240) въ наши корабли камни и деревья, убивать людей, топить суда. Уцѣлѣлъ лишь одинъ корабль, на которомъ плылъ Улисъ и мы. Горько плакали мы, потерявъ почти всѣхъ своихъ товарищей, и пристали къ той землѣ, которая виднѣется вдалекѣ отсюда. Вѣрь мнѣ, издали только можно посмотрѣть тебѣ на тотъ островъ (245), на которомъ былъ я: честный Троянецъ, сынъ богини,—послѣ окончанія войны тебя нельзя считать врагомъ, Эней, — заклинаю тебя, не посѣщай острова Кирки! Мы пристали къ нему, но отказались идти (250) въ незнакомое жилище: задалъ намъ ходу Антифатъ и лютый Киклопъ! Кинули жребій. По жребію пришлось идти въ домъ Кирки мнѣ, вѣрному Политу, Эврилоху, не любившему выпить Эльпенору да еще восьмнадцати товарищамъ. Едва подошли мы къ дому Кирки и встали въ дверяхъ, какъ вдругъ къ намъ подбѣжало множество (255) волковъ, медвѣдей и львовъ. Мы испугались, но намъ нечего было бояться ихъ: звѣри не трогали насъ, а даже ласково виляли хвостами, ластясь, шли за нами, пока мы не встрѣтили (260) прислужницъ Кирки, которыя по выстланнымъ мраморомъ комнатамъ повели насъ къ своей госпожѣ.

Въ чудномъ чертогѣ, на высокомъ тронѣ сидѣла Кирка. Одѣта она была въ красивую мантію, поверхъ которой былъ накинутъ затканный золотомъ плащъ. Нереидами и нимфами была окружена богиня, но онѣ не пряли шерсти, не сучили нитокъ, и разбирали травы, клали по разнымъ корзинамъ лежавшіе въ кучѣ сорванные цвѣты и разныхъ свойствъ злаки. Кирка сама показывала нимфамъ, что̀ дѣлать, сама она знала, на что̀ годенъ каждый листокъ, какое снадобье выйдетъ изъ смѣси, и внимательно слѣдила, какъ вѣсили травы. Когда увидала насъ богиня, то обмѣнялась привѣтствіями и улыбнулась: ея желаніе исполнялось. Тотчасъ же велѣла Кирка сдѣлать питье изъ поджаренаго ячменя, меда съ чистымъ виномъ и творога. Въ эту смѣсь она незамѣтно влила зелья, вкуса котораго мы не чувствовали изъ-за сладости напитка. Мы взяли стаканы изъ рукъ богини, но едва успѣли освѣжить свое пересохшее горло, какъ Кирка дотронулась до нашей головы своимъ волшебнымъ жезломъ. Я сталъ — стыдно говорить — покрываться щетиной, уже не могъ говорить, вмѣсто словъ издавалъ глухое хрюканье, уткнувшись въ землю своею головой. Я чувствовалъ, что ротъ мой сталъ толще и превратился въ кривую свиную морду, шея отвисла, руки, которыми я недавно держалъ стаканъ, обратились въ ноги. Ту же участь испытали и мои товарищи — такъ было сильно зелье! *Насъ заперли въ хлѣвъ. Мы видѣли*, что *одного только* Эврилоха Кирка не успѣла превратить въ свинью, одинъ онъ не пилъ напитка. Не уверпись Эврилохъ, и до сихъ поръ мы были бы свиньями, не раскажи онъ Улису о нашемъ горѣ, не пришелъ бы тотъ мстителемъ къ Киркѣ. Вѣстникъ мира, Килленій, далъ Улису бѣлый цвѣтокъ. «*Моли*» зовутъ его боги; черенъ его корень. Безопасно вошелъ съ нимъ Улисъ въ до̀мъ Кирки, помня совѣтъ бога. Хитрая богиня подала Улису стаканъ. Но, когда она хотѣла было дотронуться до его головы своимъ жезломъ, оттолкнулъ Кирку Улисъ и страшно испугалъ ее, бросившись на нее съ обнаженнымъ мечемъ. Тогда они

помирились, поклялись въ вѣрности другъ другу. Улисъ женился на Киркѣ и вмѣсто приданаго потребовалъ, чтобы она возвратила ему его спутниковъ. Кирка окропила насъ сокомъ неизвѣстной, но благодѣтельной для насъ травы, ударила по головѣ другою стороною своего жезла и стала произносить заклинанія, но не тѣ, что говорила прежде. Чѣмъ долѣе причитала ихъ Кирка, тѣмъ больше мы выпрямлялись. Спала съ насъ щетина, исчезли раздвоенныя копыта, снова явились плечи, а вслѣдъ за ними и руки. Съ плачемъ обнимали мы своего рыдавшаго вождя, висли на его шеѣ. Первыя слова, которыя мы сказали, были слова благодарности.

Цѣлый годъ пробыли мы у Кирки. Много успѣлъ я увидѣть самъ за то долгое время, много и слышалъ, между прочимъ и то, что по секрету разсказала мнѣ одна изъ четырехъ прислужницъ Кирки, которыхъ она заставляла приносить жертвы. Въ то время, какъ богиня замѣшкалась наединѣ съ моимъ вождемъ, служанка показала мнѣ статую юноши, сдѣланную изъ бѣлоснѣжнаго мрамора. На головѣ статуи сидѣлъ дятелъ. Въ храмѣ стояла статуя и была украшена множествомъ вѣнковъ. «Что это былъ за человѣкъ», спросилъ я, «почему стоитъ онъ въ храмѣ, зачѣмъ на головѣ его сидитъ птица». И на мой пытливый вопросъ отвѣчала служанка: «слушай, Макарей, узнай изъ моего разсказа, какъ могуча моя госпожа. Слушай же внимательно, о чемъ я буду говорить тебѣ!»

«Сынъ Сатурна, Пикъ, царствовалъ въ Авзоніи. Страстно любилъ онъ объѣзжать коней, пріучая ихъ къ шуму битвы. Наружность Пика была такова, какую ты видишь. Самъ можешь замѣтить, что̀ за красавецъ былъ онъ, глядя на статую, судить о его настоящей красотѣ. Сердце Пика соотвѣтствовало его наружности. Онъ не могъ еще и четырехъ разъ присутствовать на играхъ въ греческой Элидѣ, которыя происходятъ чрезъ четыре года въ пятый. За красоту Пика влюблялись въ него дріады Лація, божества источниковъ, наяды Албула, Нумика, Анія, короткаго Альмона, быстротечнаго Нара, мут-

наго Фарфара, нимфы лѣсовъ, посвященныхъ скиѳской Діанѣ, и сосѣднихъ озеръ. Холоденъ ко всѣмъ имъ былъ Пикъ, одну нимфу полюбилъ онъ, дочь Венилiи и двуликаго Яна, которую мать родила, говорятъ, на Палатинскомъ холмѣ. Лишь только дѣва достигла лѣтъ супружества, она отдала свою руку предпочтительно передъ всѣми царю Лаврента, Пику. Своей красотой славилась жена Пика, но еще больше пѣніемъ. Оттого-то и прозвали ее Пѣвуньей. Не рѣдко она своимъ голосомъ очаровывала деревья и скалы, укрощала звѣрей; подолгу останавливались рѣки въ своемъ теченіи, долго отдыхали перелетныя птицы. Разъ, когда Пѣвунья заливалась своимъ нѣжнымъ голоскомъ, Пикъ вышелъ изъ дому и пошелъ въ родные лѣса Лаврента на охоту за кабанами. На борзомъ конѣ сидѣлъ онъ и держалъ въ лѣвой рукѣ два копья; блестящая золотая пряжка застегивала его красный плащъ. Случилось, что въ тотъ же лѣсъ пришла и дочь Солнца, Кирка. Чтобы набрать на густо поросшихъ травою поляхъ новыхъ злаковъ, она покинула островъ, въ честь ея получившій свое имя. Въ кустахъ притаилась богиня. Обомлѣла она, увидя юношу. Выпали изъ рукъ Кирки собранныя ею травы, и любовь мигомъ зажглась въ ея сердцѣ. Но, когда богиня оправилась отъ страшнаго волненія, то она хотѣла было признаться Пику въ своей любви. Однако Кирка не могла сдѣлать этого: быстро мчался конь юноши, да кромѣ того его окружала толпа тѣлохранителей. «Но не уйти тебѣ отъ меня», проговорила Кирка, «хотя бы тебя несъ вихорь. Не я буду, если мои чары потеряютъ всякую силу, если будутъ безполезны мои заклинанія!» Такъ говорила Кирка и сдѣлала безтѣлесный призракъ кабана, который какъ бы промчался передъ глазами царя и скрылся въ густой чащѣ, куда нельзя было въѣхать на конѣ.

Ничего не подозрѣвая, Пикъ быстро помчался за призрачной добычей, потомъ ловко соскочилъ со взмыленной лошади и пѣшкомъ пошелъ по дремучему лѣсу, льстя себя несбыточной

надеждой найти звѣря. Тутъ Кирка стала шептать (365) молитвы, произносить страшныя заклинанія. Молясь таинственнымъ богамъ, таинственныя молитвы читаетъ она, отъ которыхъ тускнетъ свѣтлая луна, темными тучами заволакивается ликъ отца Кирки. И вотъ отъ ея заклинаній густыя тучи покрыли небо, изъ земли поднялся туманъ (370). Въ темнотѣ спутники Пика сбились съ дороги; царь остался безъ свиты. «Твоими очами, очаровавшими меня, твоею красотою, покорившею меня, богиню, заклинаю тебя», говорила, улучивъ время, Пику Кирка, «полюби (375) меня!... Всевидящее Солнце будетъ твоимъ тестемъ, не презирай же жестоко Кирки, дочери титана!» Такъ говорила богиня, а Пикъ сурово отвергъ ея мольбы. «Ктобъ ни была ты», сказалъ онъ Киркѣ, «я не буду принадлежать тебѣ. Другую люблю я и молю, чтобы пришлось любить ее всю мою жизнь! Пока жива будетъ дочь Яна, моя Пѣвунья, до тѣхъ поръ не (380) оскверню я брачнаго союза связью съ другой женщиной!» Долго приставала къ Пику дочь титана, но все напрасно. «Не пройдетъ это тебѣ даромъ, не видать тебѣ Пѣвуньи», сказала Кирка. «Узнаешь ты, на что̀ въ такихъ случаяхъ (385) способна влюбленная и оскорбленная женщина, въ особенности, если та женщина Кирка!» Послѣ этого богиня дважды повернулась къ востоку, дважды къ западу, трижды прикоснулась къ юношѣ своимъ жезломъ, трижды проговорила надъ нимъ свои заклинанія. Побѣжалъ Пикъ, дивясь тому, что бѣжитъ быстрѣе обыкновеннаго; видитъ онъ, что его тѣло покрывается перьями. Разсердился Пикъ, что ему вдругъ пришлось превратиться въ невиданную птицу, увеличить собою (390) число пернатыхъ въ лѣсахъ Лація: сталъ онъ долбить своимъ крѣпкимъ клювомъ старыя деревья, клевать въ сердцахъ ихъ длинныя вѣтви. Перья Пика одного цвѣта съ его краснымъ плащемъ; золотая пряжка, застегивавшая его одежду, обратилась въ пухъ (395). Золотистыми перьями окружена шея юноши, и отъ прежняго Пика осталось только имя.

Между тѣмъ свита царя поминутно звала его. Объискали всѣ поля, но напрасно: Пика нигдѣ не находили. Наконецъ его спутники встрѣтились съ Киркою, которая ужъ успѣла очистить воздухъ, дала возможность разсѣять туманъ вѣтру и солнцу. Люди Пика стали осыпать богиню справедливыми укоризнами, приставать къ ней съ распросами, гдѣ ихъ царь; они грозили Киркѣ насиліемъ и хотѣли пустить въ дѣло гибельное оружіе. Ядовитыми соками, страшнымъ ядомъ брызгаетъ Кирка на спутниковъ Пика, призываетъ богиню и боговъ Ночи, боговъ Эреба и Хаоса, долго шепчетъ заклинанія Гекаты. И диво!—задвигался лѣсъ, застонала земля, поблекли сосѣднія деревья, каплями крови покрылась трава, какъ-то глухо заревѣли камни, залаяли собаки, ядовитыя змѣи заползали по землѣ, легкія души усопшихъ запорхали по воздуху. Страшно испугалась свита Пика этого чуда, а Кирка коснулась головы удивленныхъ и испуганныхъ людей своимъ волшебнымъ жезломъ. Въ разныхъ звѣрей превратились юноши отъ его прикосновенія, ни одинъ изъ нихъ не сохранилъ своего прежняго вида!

Ужъ надъ Тартессомъ бросало свои лучи заходившее солнце, а Пѣвунья напрасно смотрѣла на дорогу, всѣмъ сердцемъ поджидала своего мужа. По всѣмъ лѣсамъ разошлись рабы и народъ искать Пика съ факелами въ рукахъ, чтобы посвѣтить ему по дорогѣ. Мало того, что молодая жена Пика плачетъ, рветъ на себѣ волосы, мало того, что все это дѣлаетъ она, опрометью выбѣгаетъ она изъ комнаты и, словно безумная, бродитъ по полямъ Лація. Шесть дней и ночей не спала и не ѣла Пѣвунья, а бродила, гдѣ ни попало, по горамъ и долинамъ. Послѣднимъ видѣлъ Тибръ убитую горемъ, утомленную длинной дорогой Пѣвунью, видѣлъ, какъ она легла потомъ на его берегу. Горько заплакала тутъ Пѣвунья и нѣжнымъ голосомъ запѣла пѣсню. Такъ иногда поетъ свою предсмертную пѣснь умирающій лебедь. Наконецъ Пѣвунья распустилась отъ слезъ; перестало биться ея нѣжное сердце, и супруга

Пика мало-по-малу исчезла въ легкомъ воздухѣ. Но молва дала мя тому мѣсту: старыя камены назвали его въ честь молодой женщины Пѣвуньей. «Много я слышалъ подобныхъ (435) разсказовъ за цѣлый годъ, многое успѣлъ и увидѣть. Облѣнились мы, отъ непривычки ходить стали неповоротливы. Вскорѣ намъ пришлось снова выйти въ море, снова распустить паруса. Дочь титана разсказала, какія невзгоды ждутъ насъ на далекомъ пути, какія бури придется намъ вынести на бурномъ морѣ. Струсилъ я (440), признаться сказать, доплылъ до этого мѣста да тутъ и остался».

Кончилъ Макарей. Энею пришлось похоронить на томъ мѣстѣ свою кормилицу. На мраморной урнѣ съ ея прахомъ вырѣзана была надпись стихами:

Здѣсь Кайету меня схоронилъ мой нѣжностью славный питомецъ.
Изъ пожара аргивскаго вынесъ меня и честнымъ почтилъ погребеньемъ.

Обрѣзали (445) Троянцы прикрѣпленные къ поросшему травою берегу канаты, вдали оставили жилище извѣстной своимъ коварствомъ богини и прибыли къ тѣмъ лѣсамъ, гдѣ впадаетъ въ море осѣненный ими Тибръ, поднимая со своего дна желтый песокъ. Сынъ Фавна, Латинъ, радушно принялъ Энея и отдалъ ему руку своей дочери, хотя дѣло не (450) обошлось безъ войны. Съ храбрымъ народомъ пришлось вести войну Энею: разгнѣвался Турнъ за то, что отбили у него невѣсту. Вся Тиррепія стала биться съ Лаціемъ, и долго тревожно смотрѣли народы, чья сторона побѣдитъ въ этой трудной борьбѣ. Обѣ воевавшія стороны старались увеличивать свои силы союзами съ сосѣдями. Много (455) было ихъ въ войскахъ Рутуловъ, много и въ рядахъ троянскихъ. Не напрасно ходилъ Эней къ царю Эвандру, по-пусту Венулъ—въ городъ скитальца Діомеда. Діомедъ, правда, владѣлъ большимъ царствомъ въ землѣ Япиговъ, которое досталось ему въ приданое за дочерью ихъ царя Давна, но (460), когда Венулъ передалъ порученіе Турна и сталъ про-

сить помощи у Діомеда. Этоліецъ сталъ извиняться, говоря, что у него нѣтъ войска. Діомедъ говорилъ, что онъ не хочетъ впутывать въ войну народа своего тестя, а воиновъ-соплеменниковъ у него нѣтъ. «Чтобы ты не подумалъ, что я лгу», говоритъ царь Венулу, «я постараюсь совладать съ собою, разскажу о своихъ бѣдствіяхъ, хотя при одномъ воспоминаніи объ нихъ лютая боль снова начинаетъ терзать мое сердце. Когда сгорѣлъ пышный Иліонъ, своимъ пожаромъ напугавшій Данайцевъ, когда царь Нарика отторгъ дѣву отъ жертвенника богинидѣвственницы, кара, которую заслужилъ одинъ онъ, пала на всѣхъ насъ. Разбросало наши суда. Противный вѣтеръ погналъ ихъ въ море; ночью, въ дождь съ громомъ и молніей,— гнѣвалось на насъ небо и море—плыли мы, Данайцы, и къ довершенію бѣдствія потерпѣли крушеніе у Кафарея. Чтобы мнѣ не задерживать васъ, разсказывая по-порядку о моихъ бѣдствіяхъ, я скажу только, что пожалѣлъ бы тогда Грековъ даже Пріамъ. Хоть я и спасся, не погибъ въ волнахъ, благодаря помощи воинственной Минервы, но снова принужденъ былъ покинуть родину: жестоко мстила мнѣ красавица-Венера за старую свою рану. Столько бѣдъ вынесъ я на глубокомъ морѣ, столько въ войнахъ на сушѣ, что часто завидовалъ тѣмъ, которые утонули въ страшную бурю у угрюмаго Кафарея, хотѣлъ бы раздѣлить одну участь съ ними! Все, что только можно, испытали мои спутники на войнѣ и на морѣ, наконецъ устали и стали просить себѣ отдыха. «Что̀ еще остается вынести намъ, товарищи, чтобы лопнуло наше терпѣнье», сталъ говорить вспыльчивый Акмонъ, тогда еще болѣе ожесточенный несчастіями, «что̀ еще можетъ сдѣлать намъ Киѳерія, если-бъ она и захотѣла? Пока человѣкъ ждетъ для себя худшаго, въ его сердцѣ еще есть мѣсто для молитвы, но, когда его несчастія достигли своей высоты, тогда подъ ноги страхъ, ни почемъ ему страшное горе!.. Пусть слышитъ это богиня, пусть изъ-за Діомеда ненавидитъ она всѣхъ насъ,—что она и дѣлаетъ! Но всѣ мы на ея гнѣвъ не обращаемъ никакого вни-

манія, велико что-ли для насъ ея хвастовство!» Такъ говорилъ Плевронецъ Акмонъ, раздражая Венеру. Своими рѣчами онъ вывелъ ее изъ терпѣнья (495), и снова вспыхнулъ старый гнѣвъ богини. Немногимъ понравилась рѣчь Акмона; бо̀льшая часть товарищей стала порицать его. Когда Акмонъ хотѣлъ было возражать на это, тоньше сдѣлался его голосъ и самое горло, въ перья превратились волосы, перьями покрылась новая шея, грудь (500) и спина. Руки Акмона стали маховыми крыльями, слегка изогнувшись, какъ это бываетъ у птицъ, ноги—длинными когтями. Затвердѣло и лице Акмона, и выросъ на немъ острый клювъ. Дивятся, что̀ это сдѣлалось съ Акмономъ, Ликъ, Идасъ, Никтей, Рексеноръ, дивится (505) и Абантъ, но въ тоже время и они дѣлаются тѣмъ-же, чѣмъ и Акмонъ. Бо̀льшая часть моихъ товарищей взлетѣла на воздухъ и, хлопая крыльями, стала летать надъ веслами. Если-бъ ты спросилъ меня, на какихъ птицъ похожи эти новыя пернатыя, я сказалъ-бы тебѣ, что на бѣлыхъ лебедей, хотя и не вполнѣ. Едва-едва (510) поселился я на этомъ мѣстѣ съ остаткомъ моихъ товарищей; эта безплодная мѣстность стала принадлежать мнѣ, какъ зятю Давна, царя Япиговъ».

Смолкъ внукъ Энея. Венулъ покинулъ царство внука калидонскаго царя, покинулъ заливы Певкетіи и Мессапію. Въ ней видѣлъ Венулъ пещеру, скрытую въ густомъ лѣсу. Теперь въ пещерѣ живетъ козлоногій Панъ, наигрывающій на своей свирѣли веселыя (515) пѣсни, а въ былое время въ ней обитали нимфы. Разъ вошелъ въ ту пещеру пастухъ Апуліецъ. Разбѣжались нимфы, сперва испугались неожиданнаго посѣтителя, а потомъ успокоились и, не обращая вниманія на его приставанья, стали водить хороводы, ударяя въ (520) тактъ ногами. Грубой деревенщинѣ, пастуху, не понравилась пляска нимфъ: онъ сталъ прыгать, передразнивая ихъ, ругаться и говорить нескромныя предложенія. Не прежде замолчалъ пастухъ, какъ его глотка покрылась древесной корою. Деревомъ сталъ человѣкъ. По его соку можно судить и о характерѣ превращеннаго: горькіе пло-

ды приноситъ дикая маслина, какъ (525) признакъ злословія; за грубость человѣка поплатились ея плоды.

Когда вернулись домой послы Турна, они принесли извѣстіе, что царь этолійскій отказалъ ему въ своей помощи. Рутулы стали вести войну безъ новыхъ союзниковъ. Много крови пролито было съ обѣихъ сторонъ (530). Но вотъ Турну удалось пробиться съ горючими факелами къ кораблямъ Энея. Не пощадилъ огонь того, что пощадило море. Ужъ огонь охватилъ смолистые остовы кораблей, восковую замазку, все, что служитъ ему пищею, по высокой мачтѣ добрался и до парусовъ; задымились скамьи гребцовъ изогнутаго корабля. Вспомнила тогда (535) священная матерь боговъ, что эти корабли построены изъ сосенъ, срубленныхъ на вершинѣ Иды. Звономъ кимваловъ, рѣзкими звуками флейтъ огласила воздухъ Кибела. Въ запряженной укрощенными львами колесницѣ пронеслась она по воздуху и воскликнула: «Турнъ, (540) напрасно зажегъ ты корабли своей святотатственной рукою. Не попущу я, чтобы алчное пламя сожгло священныя, любимыя мною деревья: я потушу его!» Громъ гремѣлъ, когда говорила богиня, и вслѣдъ за громомъ пошелъ проливной дождь съ отскакивающимъ градомъ. Братья-вѣтры, дѣти Астрея, (545) взволновали бурное море своими внезапными порывами, стали бороться другъ съ другомъ. Но одинъ изъ нихъ нуженъ былъ благой богинѣ. Оборвалъ вѣтеръ канаты, удерживавшіе флотъ Фригійцевъ, опрокинулъ корабли, унесъ и потопилъ ихъ въ открытомъ морѣ. Размягчилось корабельное дерево и превратилось въ человѣческое тѣло. Головою (550) стали кривые носы кораблей, въ руки и способныя къ плаванію ноги обратились весла, бока остались боками; киль корабля сталъ спиною, въ мягкіе волосы превратились канаты, райны стали руками. Теперь наяды плаваютъ по морю, котораго боялись, весело играютъ въ немъ. Онѣ темнаго (555) цвѣта, такого-же, какъ и корабли. На скалистыхъ горахъ родина дѣвъ; но полюбили онѣ нѣжащія волны моря, забыли о своей отчизнѣ. Однако помнятъ нимфы, какъ много невзгодъ вы-

несли (560) онѣ въ бурномъ морѣ и часто поддерживаютъ своими руками качающіеся корабли, только не ахейскіе: до сихъ поръ не забыли нимфы гибели столицы Фригіи, до сихъ поръ ненавидятъ Пелазговъ. Любо имъ было смотрѣть на обломки корабля царя Нерита, радовались онѣ, что въ скалу (565) превратился корабль Алкиноя, что камень покрылъ его остовъ.

Можно было надѣяться, что послѣ превращенія флота Энея въ морскихъ нимфъ, царь Рутуловъ, устрашенный чудомъ, заключитъ миръ. Но Турнъ упорствовалъ. Обѣ воюющія стороны имѣли на своей сторонѣ боговъ или героевъ, своимъ мужествомъ подобныхъ безсмертнымъ. Дѣло идетъ ужъ не о назначенномъ въ приданое за Лавиніею царствѣ, не (570) о царственномъ тестѣ и не о тебѣ, дѣва, а о побѣдѣ—воюютъ изъ-за стыда положить оружіе. Наконецъ Венера увидѣла, что сынъ ея побѣдилъ. Палъ Турнъ, пала и Ардея, разцвѣтшая подъ его властью. Когда запылалъ (575) городъ отъ огня иноземцевъ, когда въ теплый пепелъ превратились его дома, изъ его пожарища вылетѣла невиданная птица. Замахала она крыльями, стряхивая съ нихъ пепелъ. Крикомъ своимъ, худобою, пепельнымъ цвѣтомъ перьевъ, всѣмъ птица какъ-бы творитъ тризну по павшемъ городѣ. Она носитъ даже его (580) имя: сама себя оплакиваетъ Ардея, хлопая крыльями.

Всѣ боги, даже Юнона, издавна гнѣвавшаяся на Энея, перестали ужъ сердиться на героя изъ-за его доблести. Мудро устроилъ свое государство для подроставшаго Юла сынъ Киѳеріи; наступало время взять его на небо. Венера обошла (585) безсмертныхъ, стараясь расположить ихъ на свою сторону, повисла на шеѣ своего отца и стала говорить ему: «всегда, отецъ, ты исполнялъ мои просьбы, исполни-же и теперь. Сдѣлай, всесильный, моего сына, Энея, который по мнѣ приходится тебѣ внукомъ, хоть второстепеннымъ богомъ, но только (590) богомъ. Съ него довольно разу взглянуть на подземное царство, разъ перейти рѣку Стиксъ!» Согласны были съ Венерою и прочіе боги; улыбнулась даже царственная супруга Юпитера и въ

знакъ согласія ласково кивнула головою. «Оба вы достойны быть богами», сказалъ тогда Юпитеръ Венерѣ, «ты, которая (595) просишь, и тотъ, за котораго ты просишь». Такъ говорилъ онъ, и рада была Венера, и стала она благодарить своего отца. Въ легкой, запряженной голубями колесницѣ пронеслась богиня по воздуху и прибыла къ лаврентскому берегу. Не подалеку отъ того мѣста впадаетъ въ море извилистая, поросшая камышемъ рѣка Нумицій. Тамъ (600) велѣла Венера Энею смыть все смертное, а тихому Нумицію унести это въ море. Исполнилъ рогоносный богъ приказанье Венеры, смылъ онъ своими водами все, что было въ Энеѣ смертнаго, очистилъ и оросилъ его своими струями, не тронулъ только лучшей части героя. Божественными благовоніями умастила мать очищенное (605) тѣло сына, подала ему амврозіи и сладкаго нектара и сдѣлала Энея богомъ. Роднымъ богомъ считаетъ его народъ Квирина и воздвигаетъ въ честь его храмы и алтари.

Сынъ Энея, двуименный Асканій, правилъ Альбою-Лонгой и Лаціемъ (610). Преемникомъ Асканія былъ Сильвій. Потомъ царская власть досталась его сыну, старому Латину. Латину наслѣдовалъ сынъ его, славный Эпитъ, послѣднему Капетъ и Капій, раньше Капій. Послѣ нихъ царемъ сдѣлался (615) Тиберинъ, но онъ утонулъ въ странѣ Тусковъ, въ рѣкѣ, названной его именемъ. У Тиберина были дѣти, Ремулъ и воинственный Акротъ. Старшій, Ремулъ, былъ убитъ ударомъ молніи, которыя онъ задумалъ было дѣлать. Акротъ, болѣе умный, чѣмъ его братъ, передалъ (620) престолъ мужественному Авентину. Авентинъ погребенъ на той-же горѣ, на которой былъ владыкою, и носитъ та гора его имя.

Ужъ надъ Палатинскимъ холмомъ царствовалъ Прокъ. При этомъ царѣ жила Помона. Ни одна изъ гамадріадъ Лація не любила такъ яблонь, ни (625) одна не умѣла лучше ея выращивать на нихъ плодовъ. Оттого-то и дали дѣвѣ такое имя. Не лѣса, не рѣки любила Помона,—она любила поля да яблони съ отягченными плодами вѣтвями. Не дротикъ носила Помона въ своей правой

рукѣ, но кривой серпъ. Имъ она подрѣзала то пышно разросшуюся траву, то слишкомъ далеко выдающіеся сучья (630), то разсѣкала кору, вставляла въ нее дичекъ, и чужой питомецъ начиналъ пить сокъ дерева. Не давала Помона дереву мучиться жаждой: подъ его жадно пьющій, крѣпкій корень лила она воду. Вотъ что было страстью Помоны, вотъ чѣмъ занималась она. Дѣва вовсе не думала о любви, но, опасаясь насилія (635) со стороны поселянъ, запирала извнутри свой садъ. Помона не любила и избѣгала мужчинъ. А чего не дѣлали ловкіе плясуны, сатиры или обвивающій сосновымъ вѣнкомъ свою голову Панъ, чего не дѣлалъ вѣчно молодой старикашка, сильванъ или тотъ (640) богъ, который серпомъ и коломъ грозитъ воришкамъ, чего не дѣлали они, лишь-бы понравиться Помонѣ! Но, если кто и любилъ Помону сильнѣе другихъ, такъ это Вертумнъ; однако и онъ не былъ счастливѣе своихъ соперниковъ. Сколько разъ въ грубой одеждѣ жнеца носилъ Вертумнъ колосья въ корзинѣ, и тогда онъ былъ вылитый жнецъ. То онъ осыпалъ свою голову (645) свѣжимъ сѣномъ и казался настоящимъ косцемъ, то бралъ въ загорѣлую руку бичъ, и можно былъ поклясться, что Вертумнъ только что распрегъ усталыхъ воловъ. Бралъ Вертумнъ въ руки серпъ, и его можно было принять за садовника или виноградаря, вскидывалъ (650) на плечи лѣстницу, его можно было принять за сборщика яблоковъ, надѣвалъ мечъ—за воина, бралъ удочку—за рыбака. Словомъ Вертумнъ могъ принимать много видовъ, чтобы войти къ Помонѣ, вволю наглядѣться на ея красоту. Разъ онъ обвязалъ голову пестрою митрою, превратился въ сѣдую старуху и, опираясь (655) на посохъ, вошелъ въ чистенькій садикъ Помоны. Стала старуха расхваливать яблони. «Но ты еще лучше ихъ», прибавила она и, хваля Помону, поцѣловала ее такъ, какъ никогда не поцѣловала-бы настоящая старуха. Сѣла она на дерновую скамейку и стала смотрѣть (660) на вѣтви деревьевъ, погнувшіяся къ землѣ отъ тяжелыхъ осеннихъ плодовъ. Противъ старухи стоялъ красивый, обвитый виноградомъ вязъ. По-

хвалила она дружбу вяза съ красивою лозою и сказала Помонѣ: «что́ было-бы, еслибъ вкругъ ствола вяза не вились виноградныя лозы,—чѣмъ былъ-бы красивъ онъ, кромѣ своихъ листьевъ? Но и эта (665) лоза, не обвейся она спокойно вкругъ вяза, не найди въ немъ защиты, валялась-бы по землѣ. Ты не слѣдуешь примѣру этого дерева, бѣжишь брака, не хочешь выйти замужъ! О, если-бъ ты захотѣла! Не больше было жениховъ (670) у Елены или у той царицы, за которую бились Лапиты; не больше у супруги труса-храбреца Улиса, чѣмъ у тебя. Даже теперь, когда ты не хочешь и слышать о бракѣ, отказываешь искателямъ своей руки, много мущинъ любятъ тебя. Есть между ними полубоги и боги, есть и горныя божества альбанскихъ горъ. Но (675), если ты хочешь поступить разумно, хочешь найти себѣ хорошаго мужа, то послушайся меня, старухи, которая любитъ тебя болѣе всего на свѣтѣ, больше, чѣмъ ты думаешь,—не обращай вниманія на простыхъ жениховъ, а выбери себѣ въ мужья Вертумна. За него я ручаюсь: онъ самъ себя не знаетъ такъ хорошо, какъ (680) я его. Вертумнъ не бродитъ тамъ и сямъ, съ мѣста на мѣсто, но живетъ на людныхъ мѣстахъ. Онъ не влюбится во всякую встрѣчную, какъ бо̀льшая часть жениховъ: ты будешь первою и послѣднею его любовью, тебѣ одной отдастъ онъ свою жизнь. Не забудь, что Вертумнъ молодъ и красивъ (685) отъ природы, что онъ умѣетъ ловко принимать всевозможные виды, превращаться въ то, во что ему велятъ, только прикажи ему. Развѣ оба вы любите не одно и тоже? Развѣ не Вертумну достаются зачатки твоихъ плодовъ, развѣ не любо ему держать въ рукѣ твоихъ приношеній? Но онъ ужъ не хочетъ снятыхъ съ дерева плодовъ, не (690) хочетъ спѣлыхъ овощей—онъ хочетъ только обладать тобою. Сжалься надъ влюбленнымъ, вѣрь, моими устами умоляетъ онъ тебя, какъ будто самъ присутствуетъ здѣсь. Бойся боговъ-мстителей: страшно караетъ жестокосердныхъ Идалія, злопамятна и Рамнузія. Чтобы (695) тебѣ сильнѣй бояться ихъ, я раскажу тебѣ случай, извѣстный всему Кипру—много привелось мнѣ

узнать на старости лѣтъ—быть можетъ, скорѣе смягчится твое сердце, скорѣе сжалишся ты надо мною.

Какой-то простолюдинъ, Ифисъ, увидѣлъ одну дѣвушку стариннаго рода, Анаксарету, въ жилахъ которой текла благородная кровь Тевкра, увидѣлъ и безъ ума влюбился въ нее. Долго боролся Ифисъ со своею страстью, но когда не могъ совладать съ нею, то пошелъ съ поникшей головой къ дому Анаксареты. Только ея кормилицѣ открылся несчастный Ифисъ въ своей любви и умолялъ ее не быть безсердечной къ нему хоть ради своей питомицы. Ифисъ старался задобрить каждаго изъ многочисленной дворни, жарко просилъ ихъ услуги, и нерѣдко они носили къ Анаксаретѣ его любовныя записки; самъ-же Ифисъ вѣшалъ на дверяхъ жилища дѣвы вѣнки, орошенные слезами, съ грустью ложился на каменномъ порогѣ, осыпая бранью ненавистный запоръ. Но Анаксарета была суровѣе моря, вздымающаго свои волны при закатѣ Козловъ, тверже желѣза, которое плавятъ на Норикѣ, недвижнѣй скалы, еще не тронутой съ мѣста. Не обращаетъ дѣва вниманія на Ифиса, смѣется надъ нимъ. Но, оскорбляя юношу дерзкими поступками, неумолимая Анаксарета гордо говоритъ съ нимъ, лишаетъ влюбленнаго всякой надежды.

Не вынесъ Ифисъ невыразимыхъ мученій, сталъ предъ дверьми дома дѣвы и сказалъ въ послѣдній разъ: «ты побѣдила, Анаксарета, я не буду болѣе надоѣдать тебѣ. Веселись, призывай Пеана, лавровымъ вѣнкомъ увѣнчай свою красивую головку. Ты побѣдила, и я умираю охотно. Радуйся-же, желѣзное сердце! Конечно, ты должна будешь хоть за что нибудь похвалить меня: найдется, чѣмъ я былъ тебѣ пріятенъ, признайся-же, что я угодилъ тебѣ... Но помни, что только со смертью перестану я любить тебя, что я разомъ лишусь двухъ жизней. Не отъ другихъ услышишь ты о моей смерти: я самъ—не сомнѣвайся—явлюсь къ тебѣ, ты въявь увидишь меня, увижу и я, какъ ты остановишь свои холодные взоры на моемъ трупѣ. Боги, если только вы видите дѣла людей, то отомстите

за меня, сдѣлайте»,—больше ни о чемъ не могъ молить Ифисъ— «чтобы долго помнили обо мнѣ, пусть года моей угасшей жизни достанутся славѣ!» Такъ говорилъ юноша. Поднялъ онъ свои наполненные слезами глаза и блѣдныя руки къ той двери, которую такъ часто украшалъ вѣнками, и сдѣлалъ на косякѣ петлю. «Такихъ вѣнковъ захотѣла ты, безсердечная, преступная дѣва?» говорилъ несчастный, обернулся лицемъ къ Анаксаретѣ и повисъ въ петлѣ. Отъ судорожныхъ ударовъ двери издали какой-то жалобный, надрывающій душу звукъ. Наконецъ онѣ отворились и открыли въ чемъ дѣло. Вскрикнули слуги Анаксареты, вынули Ифиса изъ петли, но ничто не помогло, и они принесли трупъ юноши въ домъ его матери— отецъ Ифиса умеръ раньше. Прижала мать къ своей груди похолодѣвшее тѣло сына и горько заплакала по немъ, какъ мать. Всѣ обряды исполнила несчастная и въ слезахъ понесла по городу на погребальномъ одрѣ посинѣвшее тѣло Ифиса, чтобы сжечь его на кострѣ.

Случилось такъ, что печальной процессіи пришлось идти мимо дома Анаксареты. Услыхала дѣва горькія рыданія,— такъ ужъ устроилъ богъ-мститель—тронулась ими и сказала: «развѣ посмотрѣть на такія похороны». Анаксарета пошла въ верхній этажъ дома, гдѣ были раскрыты окна. Но, едва она увидѣла Ифиса, лежавшаго на погребальномъ одрѣ, глаза у ней застыли, похолодѣло тѣло, поблѣднѣло лице. Дѣва хотѣла было идти назадъ, но ноги словно приросли у ней, хотѣла отвернуться отъ печальнаго зрѣлища и не могла. Сперва сердце Анаксареты обратилось въ камень, а потомъ мало-по малу и все тѣло. Не думай, что я лгу: въ Саламинѣ, въ храмѣ всевидящей Венеры, до сихъ поръ еще стоитъ статуя Анаксареты. Вспомни-же объ этомъ, милая нимфа, полно тебѣ мучить влюбленныхъ, выходи-ка замужъ. Пусть весенній морозъ не повредитъ молодымъ побѣгамъ твоихъ яблоней, пусть буйный вѣтеръ не обобьетъ ихъ цвѣтовъ!» Но напрасно говорилъ это богъ, превратившійся въ старуху. Тогда онъ сбро-

силъ съ себя личину и снова сталъ юношей. Такъ прекрасенъ былъ онъ, какъ солнце, выглянувшее изъ застилавшихъ его тучъ и засіявшее безъ помѣхи. Вертумнъ готовился употребить въ дѣло насиліе (770), но въ этомъ не было нужды: плѣнилась нимфа красотою бога, взаимно влюбилась въ него Помона.

Послѣ Прока незаконно правилъ Авзоніей воинственный Амулій. Благодаря помощи внуковъ, отнятая царская власть досталась старому Нумитору. Во время праздника Палилій былъ основанъ Римъ (775). Потомъ Ромулу пришлось вести войну съ Таціемъ и другими вождями Сабинянъ. Тарпея была заслуженно наказана за то, что провела непріятелей въ крѣпость: она задохлась подъ грудой набросанныхъ на нее щитовъ. Потомъ граждане Куръ молча, словно волки, бросились (780) на сонныхъ Римлянъ и устремились къ воротамъ. Крѣпки были ихъ запоры, сдѣланные сыномъ Иліи. Однако самой дочери Сатурна удалось безъ шума отворить одинъ изъ нихъ, снявъ петли. Одна Венера слышала, какъ упали засовы. Заперла-бы она ворота, если-бъ одному богу (785) можно было уничтожить сдѣланное другимъ. Возлѣ храма Яна струился холодный источникъ, посвященный авзонскимъ наядамъ. Венера стала просить у нихъ помощи. Не могли нимфы не исполнить справедливой просьбы богини: всѣ воды ихъ источника выступили изъ береговъ. Но можно было еще пройти къ храму Яна съ открытыми дверьми (790): пути къ нему еще не преграждала вода. Тогда нимфы наложили въ источникъ множество желтой сѣры, дымящеюся смолой наполнили его пустыя жилы и зажгли ихъ. Такимъ или инымъ путемъ огонь проникъ въ глубь источника, и его воды, которыя холодомъ могли-бы (795) поспорить съ холодомъ Альпъ, своей теплотой не уступили даже огню. Обѣ двери храма Яна окружены были клубами пламени; то, чѣмъ надѣялись овладѣть суровые Сабиняне, въ источникѣ нашло себѣ новую защиту. Въ это время воины Марса надѣвали на себя доспѣхи. Ромулъ первый началъ (800) бой. Римская земля по-

крылась трупами Сабинянъ и Римлянъ; въ крови зятя, въ крови тестя обагрились мечи нечестивцевъ. Однако рѣшено было кончить войну, не уничтожать въ конецъ другъ друга. Тацій сталъ править вмѣстѣ съ Ромуломъ.

Убитъ (805) былъ Тацій, и ты, Ромулъ, сталъ мудро творить тогда судъ и расправу надъ обоими народами. Снялъ Марсъ съ головы своей шлемъ и сталъ говорить отцу боговъ и людей: «настало время, отецъ, наградить (810), какъ ты обѣщалъ мнѣ, твоего достойнаго внука, восхитить его съ земли и сдѣлать богомъ: сильно, прочно римское государство, не нуждается оно въ защитникахъ. Помню я, какъ нѣкогда въ совѣтѣ боговъ ты лично говорилъ (815) со мною, и я затаилъ въ своемъ памятливомъ сердцѣ твои полныя отеческой любви слова: «одного можно будетъ взять тебѣ на лазурное небо! Вспомни-же свои слова!» Кивнулъ головою Всемогущій, темными тучами скрылъ онъ сводъ небесный, молніями устрашилъ міръ. Понялъ Градивъ, что это отецъ подаетъ ему знакъ къ обѣщанному похищенію Ромула: схватилъ онъ свое копье, смѣло (820) взошелъ на колесницу, дышло которой было обагрено кровью, ударомъ бича погналъ коней и, высоко поднявшись на воздухъ, остановился на поросшей лѣсомъ вершинѣ Палатинскаго холма. Марсъ похитилъ царственнаго сына Иліи въ то время, когда онъ творилъ судъ надъ своими квиритами. Въ легкомъ воздухѣ распустилось (825) смертное тѣло Ромула, какъ плавится въ немъ свинцовая пуля, пущенная изъ широкаго отверстія пращи. Красивѣе сталъ Ромулъ; его статуя удостоена чести быть поставленною въ красивыхъ храмахъ. Такова она, каковъ бываетъ квиритъ, когда надѣнетъ онъ трабею.

Жена Ромула оплакивала своего мужа, какъ умершаго. Тогда царственная Юнона велѣла Иридѣ (830) сойти по радугѣ въ жилище осиротѣлой Герсиліи и сказать ей: «не плачь (835), почтенная женщина, гордость латинскаго и сабинскаго племени: прежде ты была достойною супругою славнаго человѣка, теперь будешь женою Квирина. Если ты хочешь видѣть своего мужа,

иди со мною въ рощу, которая зеленѣетъ на Квиринальскомъ холму, осѣняетъ храмъ римскаго царя!» Повинуется Ирида. По разноцвѣтной радугѣ сошла она на землю и стала говорить Герсиліи, что было приказано. Застыдилась Герсилія (840); съ трудомъ подняла она свои глаза и отвѣчала: «богиня,—я еще не знаю, кто ты, но ясно вижу, что ты богиня, — веди, веди меня, покажи мнѣ моего мужа. Если судьбою позволено будетъ хоть только разъ взглянуть на него, то я скажу, что видѣла небо». Тотчасъ (845) вмѣстѣ съ дочерью Тавманта Герсилія взошла на Квиринальскій холмъ. Тогда съ неба упала на землю звѣзда, охватила своимъ огнемъ голову Герсиліи, и вмѣстѣ со звѣздою поднялась она на небо. Въ свои знакомыя объятія принялъ (850) ее основатель города Рима. Вмѣстѣ съ тѣломъ измѣнилось и имя супруги Ромула: богиней Горой зовутъ ее; теперь она неразлучна съ Квириномъ.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Эгерія.—Юлій Цезарь.

Между тѣмъ Римляне стали искать правителя, который могъ-бы вынести на себѣ тяжелое бремя правленія, унаслѣдовать такому царю, какъ Ромулъ. По общему мнѣнію, предвѣстнику истины, на царство былъ избранъ славный Нума. Мало того, что онъ былъ хорошо знакомъ съ обычаями Сабинянъ (5),—онъ своимъ недюжиннымъ умомъ старался проникнуть въ тайны природы. Изъ-за этой страсти Нума покинулъ свои родныя Куры, чтобы отправиться въ городъ, основанный человѣкомъ, гостепріимно принявшимъ Геркулеса. Нума сталъ распрашивать, кто построилъ въ Италіи греческій городъ (10). Вошелъ одинъ старый туземецъ, хорошо знавшій прежнюю исторію города, и такъ отвѣчалъ царю: «говорятъ, что сынъ Юпи-

тера, отнявъ у иберійскаго царя его тучныхъ быковъ, счастливо прибылъ отъ Океана къ мысу Лакинію. Стадо Геркулеса стало бродить по мягкой травѣ, а самъ онъ вошелъ въ жилище гостепріимнаго, славнаго Кротона и отдохнулъ тамъ отъ долгихъ странствованій. «Чрезъ три поколѣнія», сказалъ, удаляясь, Геркулесъ Кротону, «на этомъ мѣстѣ будетъ основанъ городъ». Исполнилось его предсказанье. Былъ одинъ человѣкъ Мискелъ, сынъ Аргосца Алемона. Изъ всѣхъ современныхъ Мискелу людей боги всего болѣе любили его. Разъ, когда Мискелъ крѣпко спалъ, явился ему палиценосный герой и сказалъ: «вставай, покинь свою родину и иди къ водамъ далекаго Эзара, дно котораго усѣяно камнями!» Страшнымъ наказаніемъ грозилъ Геркулесъ Мискелу, если тотъ не послушается его. Быстро проснулся Мискелъ, но богъ исчезъ. Всталъ сынъ Алемона, сталъ молча размышлять о только-что видѣнномъ сновидѣніи. Долго онъ боролся самъ съ собою. Богъ велитъ Мискелу покинуть родину, ея законы—(9) запрещаютъ это: тотъ, кто вздумалъ-бы измѣнить отчизнѣ, будетъ наказанъ смертью. Въ Океанъ погрузился свѣтлый ликъ солнца, и темная звѣздная ночь поднялась надъ землею. Снова явился Мискелу Геркулесъ, снова сталъ говорить ему то-же, что и прежде, а за ослушаніе грозилъ еще болѣе тяжкимъ наказаніемъ. Испугался сынъ Алемона и сталъ готовиться перенести своихъ родныхъ боговъ на чужбину. Въ городѣ поднялся ропотъ. Мискела стали обвинять въ нарушеніи законовъ. Когда кончено было слѣдствіе,—виновность сына Алемона была доказана и безъ слѣдствія—подсудимый мрачно взглянулъ на небо, поднялъ свои руки и воскликнулъ: «молю тебя, помоги мнѣ ты, съ помощью боговъ совершившій двѣнадцать своихъ подвиговъ,—ты заставилъ меня совершить преступленіе!» По древнему обычаю участь подсудимаго рѣшало число камешковъ бѣлыхъ и черныхъ; первые оправдывали виновныхъ, послѣдніе осуждали. И вотъ теперь такимъ-же образомъ произнесенъ былъ обвинительный приговоръ Мискелу: всѣ бросили свои ка-

мешки въ черную урну Смерти. Но, когда изъ нея (45) высыпали камешки, чтобы сосчитать ихъ, всѣ черные камни стали бѣлыми. Благодаря Геркулесу, сынъ Алемона былъ оправданъ. Поблагодарилъ Мискелъ сына Амфитріона, при попутномъ вѣтрѣ переплылъ (50) Іонійское море, миновалъ Тарентъ, колонію Лакедемонянъ, Сибарисъ, находящійся не далеко отъ мыса Салентина Неретъ, Туринскій заливъ, Кримизу и землю Япиговъ. Много прибрежныхъ земель исходилъ Мискелъ и нашелъ устье рѣки Эзара, указанной ему судьбою. Не далеко (55) отъ того мѣста былъ холмъ, священная могила Кротона. Исполняя повелѣніе Геркулеса, Мискелъ основалъ на томъ мѣстѣ городъ и назвалъ его именемъ умершаго». Такъ, разсказываютъ правдивые люди, прославилась эта мѣстность, такъ основанъ былъ въ Италіи этотъ городъ.

Въ Кротонѣ жилъ одинъ Самосецъ (60). Изъ ненависти къ деспотизму онъ бѣжалъ изъ Самоса и отъ его тиранновъ, сдѣлался добровольнымъ изгнанникомъ. Въ своемъ сердцѣ Пиѳагоръ постигъ бытіе боговъ, хотя они отдѣлены отъ насъ небомъ, въ своемъ умѣ узналъ то, что природа сдѣлала невидимымъ для человѣка. Когда (65) мудрецъ постигъ все своимъ умомъ и неутомимой любознательностью, онъ сталъ открывать свое ученіе другимъ. Среди молчаливой, удивленной толпы своихъ учениковъ Пиѳагоръ училъ о началѣ обширнаго міра, о его составѣ, о природѣ, о богѣ, объяснялъ, что́ такое и откуда берется снѣгъ, отчего происходитъ молнія, гремитъ-ли то Юпитеръ (70), или вѣтры сталкиваются съ облаками, почему бываютъ землетрясенія, по какимъ законамъ движутся созвѣздія, словомъ, объяснялъ то, что было тайной. Пиѳагоръ-же первый запретилъ употреблять въ пищу мясо животныхъ. Такъ впервые говорилъ мудрецъ, хотя и не встрѣтилъ вѣры своимъ словамъ: «не оскверняйте (75), люди, своихъ устъ нечистою пищей! Есть у васъ деревья, есть яблони, склонившія свои вѣтви подъ тяжестью плодовъ, есть на лозахъ зрѣлый виноградъ, есть сладкія овощи, которыя можно употреблять въ пищу,

если сварить въ водѣ. Вы можете (80) питаться молокомъ, душистымъ медомъ съ цвѣтовъ тмина. Щедро расточаетъ земля свои дары, даетъ вкусную пищу, даетъ ее безъ убійства и крови. Мясомъ утоляютъ свой голодъ звѣри, да и то далеко не всѣ: вѣдь траву-же ѣдятъ лошади, овцы, быки, но лютые, дикіе звѣри (85), тигры Арменіи, ярые львы, медвѣди да волки—тѣ рады крови. О, какъ низко насыщать свое чрево мясомъ другихъ животныхъ, утучнять ненасытное тѣло, поглощая другія существа, человѣку поддерживать свою жизнь на счетъ смерти другихъ (90)! Неужели ни одинъ изъ стольких даровъ, лучшей изъ матерей, земли, не нравится тебѣ такъ, какъ нравится ѣсть мясо зарѣзанныхъ безъ жалости несчастныхъ животныхъ, подражать Киклопамъ? Неужели ты не можешь утолить голода своего прожорливаго, ненасытнаго (95) чрева, не губя другихъ животныхъ? А вѣдь въ тотъ древній вѣкъ, называемый нами золотымъ, были же сыты люди древесными плодами и тѣми травами, которыя имъ доставляла земля, не оскверняли они устъ своихъ кровью. Тогда безопасно летали по воздуху птицы, смѣло бѣгалъ по травѣ заяцъ (100), не попадалась на крючекъ легковѣрная рыба. Все было чуждо козней, нечего было бояться обмана, все наслаждалось ничѣмъ не нарушаемымъ спокойствіемъ. Но, когда преступному зачинщику—кто онъ былъ, неизвѣстно,—опротивѣла пища, употребляемая людьми, онъ сталъ насыщать свое алчное чрево мясомъ (105), показалъ дорогу къ преступленію. Я думаю, что отъ закланія животныхъ ножъ впервые нагрѣлся отъ крови. Но довольно было этого; по моему мнѣнію убивать безъ грѣха можно только животныхъ, грозящихъ намъ смертью; однако (110) ихъ можно убивать, но не ѣсть. Потомъ преступленіе пошло дальше. Вѣроятно свинья была убита первою за то, что вырывала своимъ поднятымъ къ верху рыломъ хлѣбныя сѣмена, губила посѣвы. Говорятъ (115), будто и козла заклали на жертвенникѣ мстителя-Вакха за то, что онъ ощипалъ виноградную лозу: оба животныхъ поплатились за свою вину. Но чѣмъ про-

винились вы, кроткія овцы, созданныя для поддержанія жизни человѣка, вы, носящія нектаръ въ своемъ полномъ вымени, мягкою шерстью доставляющія намъ одежду, приносящія своею жизнью больше пользы, чѣмъ смертью? Чѣмъ (120) виноватъ быкъ, добродушное, не хитрое, безвредное, даже глупое, рожденное для работы животное? Въ самомъ дѣлѣ, какъ неблагодаренъ, какъ недостоинъ собирать жатву тотъ, кто рѣжетъ недавняго пахаря своего поля, выпрягая его изъ криваго плуга, кто перерубаетъ топоромъ истертую отъ работы шею того (125) животнаго, которое столько разъ пахало твердую землю, доставляло жатву своему хозяину! Людямъ мало совершать преступленія: они сдѣлали соучастниками его самихъ боговъ и воображаютъ, будто царь небожителей радуется, видя, какъ въ его честь убиваютъ работника-быка. Непорочную, красивую, златорогую, украшенную лентами жертву (130), — во вредъ служитъ ей красота—ставятъ передъ жертвенникомъ. Ничего не понимая, слышитъ она молитвы жреца, видитъ, какъ на лобъ ея, между роговъ, кладутъ муку, которую она добывала. И вотъ жертву убиваютъ; въ крови ея обагряютъ (135) ножъ, который она, быть можетъ, раньше видѣла въ свѣтлой водѣ. Тотчасъ изъ трепещущей груди вынимаютъ внутренности и начинаютъ ихъ разсматривать, стараются узнать волю боговъ. Что-же такъ влечетъ человѣка къ запретной пищѣ? Какъ вы смѣете, люди, питаться ею? Молю васъ, не (140) дѣлайте этого, послушайтесь моего совѣта! Если вы будете ѣсть мясо убитыхъ вами быковъ, то знайте, поймите, что вы пожираете своихъ работниковъ! Такъ какъ самъ богъ движетъ моими устами, то буду слѣдовать его божественному повелѣнію, покажу свои Дельфы, открою само небо (145) и объясню таинственный смыслъ его изрѣченій. Многое раскрою я, чего не пытались еще изслѣдовать умы прежнихъ мудрецовъ, что было долго сокрыто отъ насъ. Хотѣлъ-бы я подняться до далекихъ звѣздъ, покинуть ничтожную землю, понестись на облака, встать на уступѣ великана-Атланта, взглянуть внизъ на суетящихся (150), ли-

шенныхъ здраваго смысла, трусливыхъ, боящихся смерти людей, раскрыть имъ тайны судебъ и обратиться къ нимъ съ такими словами: «родъ людской, страшащійся холодной смерти! Зачѣмъ боишся ты, Стикса, царства тѣней, зачѣмъ боишся опасностей сказочнаго міра, пустыхъ звуковъ, фантазіи поэтовъ? Не думайте, что тѣло человѣка, сожгутъ ли его на кострѣ, само-ли оно предастся тлѣнію, будетъ потомъ страдать. Душа его безсмертна, она оставитъ свое прежнее жилище, изберетъ себѣ новое и будетъ вѣчно жить въ немъ. Я самъ былъ—хорошо помню это—во время троянской войны сыномъ Панта, Эвфорбомъ, которому угодило прямо въ грудь тяжелое копье младшаго Атрида. Въ Абантовомъ городѣ, Аргосѣ, въ храмѣ Юноны я недавно узналъ свой щитъ, который носилъ на лѣвой рукѣ. Все измѣняется, но ничто не погибаетъ. Душа наша входитъ въ разныя тѣла, странствуетъ то туда, то сюда. Изъ звѣря она переходитъ въ человѣка, изъ человѣка — въ звѣря, но никогда не погибаетъ. Какъ изъ мягкаго воска легко можно сдѣлать изображенія, которыя будутъ не тѣ, что были прежде, не сохранятъ прежняго вида, хотя сдѣланы изъ того-же матеріала: такъ и душа, учу я, вѣчно одна и та же, но переходитъ въ разныя тѣла. Итакъ умоляю васъ, не умерщвляйте, какъ убійцы, родственныхъ вамъ душъ, не поддерживайте кровью своей жизни, чтобы похоть чрева не побѣдила въ васъ чувства благочестія.

Такъ какъ я выплылъ въ открытое море, понесся по вѣтру на всѣхъ парусахъ, то скажу: нѣтъ въ мірѣ ничего постояннаго,—все въ немъ движется, все скоро преходяще. Даже само время быстро течетъ, словно рѣка. Какъ не можетъ остановиться рѣка, такъ не можетъ остановиться и летучее время, но, какъ волна погоняетъ волну, какъ новая катится за прежнею, такъ мчится и время, такъ мѣняется и оно, въ то же время вѣчно новое: то, что было прежде, остается, но является то, чего не было, все мгновенно мѣняется. Ты видишь, какъ ночь постепенно переходитъ въ день и какъ закатывается это свѣт-

лое солнце, уступая свое мѣсто темной ночи. Неодинаковъ цвѣтъ неба въ то время, когда все усталое отъ заботъ спитъ глубокимъ сномъ, когда выѣзжаетъ на небо на своемъ бѣломъ конѣ красавецъ (190) Люциферъ, неодинаковъ съ тѣмъ, который бываетъ въ то время, какъ вѣстница утра, дочь Палланта, окрашиваетъ сводъ небесный, чтобы передать его Фебу. Самый ликъ бога красенъ, когда рано утромъ поднимается онъ изъ земли, красенъ онъ, когда и скрывается подъ землею, но чисто солнце на вершинѣ неба: чище тамъ воздухъ (195), далекъ онъ отъ вредныхъ испареній земли. Никогда не бываетъ одинаковой величины или вида и луна,—одинъ день она такая, другой—другая; всегда бываетъ больше, если нарождается, меньше,—если въ ущербѣ. Развѣ ты не видишь (200), что и годъ дѣлится на четыре времени, какъ бы подражая возрастамъ нашей жизни?—Веселая весна какъ нельзя болѣе походитъ на нѣжнаго, питающагося молокомъ матери, ребенка; тогда молода нива, жадно пьетъ она влагу и, хоть и лишена силы, не успѣла окрѣпнуть, но надеждою на жатву веселитъ земледѣльца. Въ то время все цвѣтетъ; пестрыми цвѣтами переливается (205) плодоносное поле, но нѣтъ еще силы въ древесныхъ побѣгахъ. Послѣ весны наступаетъ лѣто; прибавляется день; годъ становится цвѣтущимъ юношей. Нѣтъ времени года болѣе сильнаго, болѣе обильнаго плодами, болѣе жаркаго. За лѣтомъ слѣдуетъ осень. Это образъ зрѣлаго (210), снисходительнаго къ другимъ человѣка, находящагося на рубежѣ молодости и старости. Въ немъ потухъ огонь молодости, въ волосахъ пробивается сѣдина. Осень смѣняется зимою. Дрожащими шагами плетется противная старуха. У нея вылѣзли волосы, а если и есть какіе, то сѣдые. Наше тѣло (215) постоянно, безъ отдыха измѣняется; завтра мы будемъ не тѣ, что были прежде или что теперь. Было время, когда мы лежали въ чревѣ матери только какъ сѣмена, зародыши людей, которые должны родиться. Потомъ природа приложила къ намъ свои творческія руки, не захотѣла (220), чтобы мы скрывались во вздувшемся чревѣ матери,

изъ тѣснаго жилища вывела насъ въ просторное—на воздухъ. Безсильнымъ созданіемъ лежалъ новорожденный ребенокъ. Вскорѣ онъ сталъ ходить, но какъ четвероногое животное, потомъ мало по малу, робко, не твердо, съ чьей либо помощью, сталъ становиться на ноги. Наконецъ малютка сдѣлался сильнымъ, дѣятельнымъ мужчиной, распрощался съ молодостью, прожилъ годы средняго возраста и по крутой тропинкѣ сталъ спускаться къ близкой къ смерти старости. Ослабляетъ и разрушаетъ она прежнюю силу человѣка: плачетъ старикъ Милонъ, глядя на свои прежнія славныя, теперь безполезныя, безсильно висящія руки, руки, неуступавшія крѣпостью и величиною мускуловъ рукамъ Геркулеса. Плачетъ и дочь Тиндарея, глядя въ зеркалѣ на свои старческія морщины, и думаетъ: «зачѣмъ это меня два раза похищали?»—Все истребляешь ты, всеразрушающее время, вмѣстѣ съ ненавистною старостью, и все, до чего коснулось твое дыханіе, мало по малу погибаетъ медленной смертью. Не долѣе другаго остается и то, что мы называемъ стихіями. Слушайте же внимательнѣй,— я буду говорить о томъ, какъ онѣ измѣняются. Міръ всегда состоялъ изъ четырехъ творческихъ стихій. Двѣ изъ нихъ — земля и вода, тяжелы, изъ-за своего груза стремятся книзу, двѣ—воздухъ и болѣе чистый, чѣмъ воздухъ, огонь— легки, сами собою стремятся вверхъ. Хотя эти стихіи не бываютъ всѣ въ одномъ мѣстѣ, однако все происходитъ отъ нихъ и все къ нимъ возвращается. Раздѣленная на мелкія части земля превращается въ свѣтлую воду, испарившаяся вода переходитъ въ воздухъ, когда воздухъ станетъ еще легче, онъ поднимется кверху и заблеститъ огнемъ. Потомъ происходитъ обратное дѣйствіе въ томъ же порядкѣ: огонь сгущается и превращается въ плотный воздухъ, воздухъ — въ воду, вода — въ комъ земли. Ничто не остается въ своемъ видѣ: обновительница міра, природа, изъ однихъ видовъ создаетъ другіе; вѣрьте мнѣ, ничто не погибаетъ понапрасну въ огромномъ мірѣ, но измѣняется, принимаетъ другой видъ.

Родиться — значитъ быть другимъ, чѣмъ былъ прежде, умереть—то же самое, что покинуть прежній видъ. Въ то время, какъ одно, быть можетъ, переходитъ туда, другое сюда, сущность всего остается одна и та же.

Я, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ въ томъ, что ничто не можетъ долго оставаться въ своемъ видѣ. Такъ, вѣкъ желѣзный, ты смѣнилъ вѣкъ золотой; такъ мѣнялся столько разъ и видъ мѣстностей. Видѣлъ я, какъ то, что было нѣкогда твердою землею, стало моремъ, видѣлъ, какъ и море стало землею. Далеко отъ его берега лежатъ раковины, на вершинахъ горъ находятъ старые якоря. Прежнее море отъ убыли воды превратилось въ долину, но отъ прибоя волнъ обрушились въ море горы, изъ болотистыхъ мѣстъ сдѣлались песчаныя степи и изъ сухихъ—болота. Въ одномъ мѣстѣ природа произвела новые источники, въ другомъ—уничтожила старые. Во время землетрясеній или появились изъ почвы новые источники, или высыхали и исчезали старые. Такъ, когда исчезъ Ликъ, поглощенный землетрясеніемъ, на нѣкоторомъ разстояніи онъ появился снова, возродился въ другомъ мѣстѣ. Такъ, то скрывается подъ землею, то, протекши подъ нею, появляется въ Арголидѣ широкій Эразинъ. Говорятъ и Мизу не полюбились его прежній истокъ, прежніе берега, и теперь онъ течетъ въ другомъ мѣстѣ подъ именемъ Каика. Такъ катитъ теперь сицилійскіе пески Аменанъ, а иногда-же онъ высыхаетъ. Такъ катитъ свои воды и Анигръ, воды, которыя прежде можно было пить, а теперь ими не захочешь и умыться, потому что, если есть хоть доля правды въ сказаніяхъ поэтовъ, въ Анигрѣ омывали свои раны Кентавры, раненные стрѣлами палиценоснаго Геркулеса. А что, развѣ воды вытекающаго изъ горъ Скиѳіи Гипана, теперь горько-соленыя, не были прѣсными? Море омывало Антиссу, Фаросъ, финикійскій Тиръ, а теперь ни одинъ изъ нихъ не островъ. Левкада встарину соединена была съ землею, на ней жили переселенцы, — теперь ее окружаетъ море. Говорятъ и Занкла

была соединена съ Италіей, пока сосѣднее море не оторвало ея отъ материка, изъ твердой земли не сдѣлало островомъ. Если спросить, гдѣ Гелика и Бура, города Ахаіи, то получишь отвѣтъ, что ихъ потопило море. Еще и теперь моряки показываютъ мѣсто, гдѣ погрузились (295) въ море эти окруженные стѣнами города. Подлѣ построенной Питѳеемъ Трезены есть высокій безъ деревьевъ холмъ. Прежде на томъ мѣстѣ была равнина, теперь—высится холмъ. Буйные вѣтры,—страшно и разсказывать — заключенные въ темныя пещеры, хотѣли найти себѣ какой нибудь выходъ (300). Напрасно пытались они выйти на широкое раздолье, на воздухъ: въ пещерѣ не было ни одной трещины, ни одной щели. Вѣтры высоко вздули землю бугромъ, какъ ртомъ надуваютъ пузырь или шкуру (305) двурогаго козла Какъ поднялось то мѣсто, такъ и осталось въ видѣ высокаго холма и затвердѣло отъ долгаго времени.

Многое приходитъ мнѣ на умъ, что вы слышали или видѣли, но я разскажу вамъ еще кой-что. Чтò вы думаете, развѣ съ водою не происходитъ новыхъ явленій, развѣ она не производитъ новыхъ существъ? Въ полдень, рогоносецъ Аммонъ, вода (310) твоя холодна, какъ ледъ, утромъ и вечеромъ она горяча. Говорятъ, что во время ущерба луны загорается дерево, брошенное въ воды одного источника въ Атаманіи. Въ землѣ Киконовъ есть одна рѣка; если выпьешь ея воды, твои внутренности превратятся въ камень; вода эта обладаетъ еще способностью превращать въ мраморъ тѣ предметы, на которые она попадаетъ. Рѣки Кратій (315) и недалеко находящійся отъ насъ Сибарисъ обладаютъ свойствомъ дѣлать волосы золотисто-янтарными. Но всего удивительнѣе это то, что есть рѣки, которыя измѣняютъ не только тѣло, но даже душу. Кто не слыхалъ о непривлекательныхъ свойствахъ водъ Сальмакиды и озеръ Эѳіопіи (320)? Если кто напьется ихъ воды, то или начинаетъ бѣсноваться, или впадаетъ въ замѣчательно крѣпкій сонъ. Кто утолитъ свою жажду водой Клиторскаго источника, тотъ не станетъ пить вина, будетъ всегда трезвъ, будетъ пить одну

чистую воду. Въ самой-ли водѣ заключается свойство, возбуждающее отвращеніе къ подкрѣпляющему насъ вину, или, какъ разсказываютъ туземцы, это происходитъ отъ того, что сынъ Амитаона, заклинаніями и травами излечившій отъ сумасшествія дочерей Прета, бросилъ въ воды Клиторскаго источника свои снадобья, сохранившія силу производить отвращеніе къ вину, неизвѣстно. Но рѣка, текущая близь Линка, имѣетъ обратное свойство: кто вволю напьется ея воды, тотъ станетъ шататься, словно выпилъ чистаго вина. Есть въ Аркадіи одно озеро,—изстари звали его Фенейскимъ — опасное своею предательскою водою: бойтесь ея ночью—умрешь, если напьешся ночью, останешся живъ, если днемъ. Итакъ нѣкото*рыя озера и рѣки* обладаютъ особенными свойствами. Было время, когда плавала по морю Ортигія,—теперь она недвижна; Арго боялся столкнуться съ Семиплегадами, которыхъ носили въ разныя стороны вздымавшіяся изъ моря волны,—теперь онѣ стоятъ недвижны, не страшна имъ буря! Не вѣчно будетъ пылать сѣрнымъ огнемъ Этна, какъ не всегда она и пылала. Въ самомъ дѣлѣ, если земля существо живое, если она дышетъ, извергая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огонь, то она можетъ измѣнить пути своего дыханія во всякое землетрясеніе: однѣ огнедышащія горы она заставитъ потухнуть, другія—дѣйствовать. Если легкимъ вѣтрамъ станетъ тѣсно въ подземныхъ пещерахъ, они станутъ *извергать изъ горы камни* за камнями и горячую лаву, лава наткнется на что-нибудь и загорится. Но когда-либо утихнутъ вѣтры, и похолодѣютъ пещеры. Если-же и загорится нефть, если закурится желтая сѣра, то настанетъ время, когда земля не будетъ давать огню жирной пищи, истощатся ея много вѣковъ ископаемыя богатства, у природы не станетъ пищи для алчной стихіи, огонь не вынесетъ голода и безъ поддержки потухнетъ. Говорятъ, въ гиперборейской Палленѣ живутъ люди, которые превращаются въ быстрокрылыхъ птицъ, окунувшись девять разъ въ посвященномъ Тритону болотѣ. Но я не вѣрю этому, какъ не

вѣрю и тому разсказу, будто Скиѳянки посредствомъ волхвованій превращались тоже въ птицъ, намазывая ядомъ свое тѣло.

Но, если нужно вѣрить тому только, что подтверждено опытомъ, то скажи, развѣ ты не замѣчалъ, какъ постепенно разлагающіеся отъ палящаго зноя трупы превращаются въ маленькія существа? Убей и зарой въ ямѣ отборныхъ быковъ, и—это дознано на опытѣ—изъ гніющихъ тушъ станутъ вылѣзать тамъ и сямъ собирающія съ цвѣтовъ медъ пчелы. Какъ и отцы ихъ, онѣ живутъ на поляхъ, усердно трудятся въ надеждѣ вознагражденія за свои труды. Засыпанный землею боевой конь производитъ изъ себя шершней. Если оторвать у рѣчнаго рака его кривыя клешни, а остальное зарыть въ землю, изъ его трупа родится грозный своимъ кривымъ хвостомъ скорпіонъ. Полевыя гусеницы, вьющія свои бѣлые коконы на листьяхъ деревьевъ,—это замѣчаютъ и поселяне—превращаются во вредныхъ бабочекъ. Въ илѣ кладутъ свои яйца зеленыя лягушки. Сперва появляются на свѣтъ безногіе головастики, потомъ у нихъ являются нужныя для плаванія ноги, изъ которыхъ заднія гораздо длиннѣе переднихъ, для того чтобы лягушкамъ можно было дальше прыгать. Дѣтенышъ, котораго только что принесла медвѣдица, ничто иное, какъ кусокъ еле живаго мяса. Мать начинаетъ его лизать и даетъ медвѣжонку такой-же видъ, какой у ней самой. Развѣ ты не замѣчаешь, что медоносныя пчелы, кладущія свои яйца въ шестиугольныя ячейки, появляются на свѣтъ безъ ногъ, что ноги и крылья выростаютъ у нихъ впослѣдствіи? Кто могъ-бы повѣрить, если-бъ не убѣдился лично, что и любимая птица Юноны, птица, хвостъ которой усѣянъ звѣздами, и та, что носитъ перуны Юпитера, и голубки Киѳеріи да и всѣ вообще птицы вылупляются изъ середины яйца? Многіе думаютъ, что разлагающійся въ глухо-закрытомъ гробѣ спинной мозгъ человѣка, превращается въ змѣй. Эти животныя рождаются отъ другихъ существъ, но есть одна птица, которая сама себя рождаетъ, сама себя оплодотворяетъ. Ассирійцы зовутъ ее фе-

никсомъ. Не плодами, не травою питается она, а слезами ладана и бальзамомъ. Когда священной птицѣ исполнится пять сотъ лѣтъ, она когтями и клювомъ начинаетъ вить себѣ гнѣздо на вѣтвяхъ ясня или вершинѣ гибкой пальмы. Устлавъ его кассіей, пахучими колосьями нарда и пересыпанными желтою миррой сучьями коричневаго дерева, фениксъ садится въ гнѣздо и умираетъ среди благовоній. Говорятъ, будто изъ трупа отца рождается потомъ молодой фениксъ, который долженъ прожить столько-же лѣтъ, сколько и отецъ. Когда у птенца прибавится силы, когда онъ будетъ въ состояніи поднимать тяжести, онъ снимаетъ тяжелое отцовское гнѣздо съ вѣтвей высокаго дерева, беретъ дорогую отцевскую гробницу, свою колыбель, мчится по чистому воздуху къ городу Гиперіона и кладетъ свою ношу предъ священными дверьми его храма. Если стоитъ чему подивиться, такъ это попеременно измѣняющей свой полъ гіенѣ: бываетъ она то самкою, совокупляющеюся съ самцомъ, то сама самцомъ, или животному, питающемуся воздухомъ и быстро принимающему тотъ цвѣтъ, которымъ къ нему прикасаются. Въ побѣжденной Индіи гроздоносный Вакхъ запрягъ въ свою колесницу рысей. Моча ихъ, какъ говорятъ, превращается въ камень, твердѣетъ отъ прикосновенія воздуха, подобно кораллу, каменѣющему отъ перваго дыханія вѣтра; подъ водою-же кораллъ мягкая трава.

Кончится день, въ волнахъ моря омоетъ Фебъ усталыхъ своихъ коней, прежде чѣмъ я успѣю вамъ разсказать о всемъ томъ, что измѣнило свой прежній видъ. Мы видимъ, что все измѣняется: такъ одни государства усиливаются, другія давно пали. Такъ славна была своими богатствами и могуществомъ Троя: съумѣла она выдержать десятилѣтнюю кровавую войну. Нынѣ въ жалкихъ развалинахъ лежитъ древній городъ, и лишь однѣ могилы напоминаютъ о величіи его прежнихъ обитателей... Славна была Спарта, процвѣтали обширныя Микены, какъ и городъ Кекропа, твердыни Амфіона, —

теперь Спарта ничтожный городишко; пали древнія Микены, не баснею-ли стали Ѳивы, городъ Эдипа; что̀, кромѣ славнаго имени, уцѣлѣло отъ Аѳинъ Пандіона? Теперь ходитъ слухъ, будто усиливается какой-то дарданскій городъ Римъ, лежащій при вытекающемъ изъ Аппеннинъ Тибрѣ, будто онъ становится столицей обширнаго, могучаго государства. Оно растетъ, измѣняетъ свой видъ и въ концѣ концовъ будетъ властителемъ обширной вселенной. Такъ говорятъ прорицатели, такъ говорятъ таинственныя предсказанія. На сколько я помню, такъ говорилъ рыдавшему, отчаявавшемуся въ своемъ спасеніи Энею сынъ Пріама, Геленъ, когда гибло троянское царство: «сынъ богини, если ты хоть сколько нибудь вѣришь моимъ предсказаніямъ, то знай, что не совсѣмъ погибнетъ Троя, если ты невредимъ выйдешь изъ нея. Огонь и желѣзо разступятся передъ тобою. Уходя, ты понесешь съ собой и Пергамъ, пока не сыщешь для Трои и для себя на чужбинѣ другаго, лучшаго отечества. Я уже предвижу, что потомки Фригійцевъ построятъ городъ, равнаго которому нѣтъ, не будетъ и не было прежде. Много царей долго будутъ править имъ, но властелиномъ вселенной сдѣлается потомокъ Юла. Свершивъ земное, онъ станетъ богомъ: небо будетъ ему наградой!» Я вспомнилъ и разсказываю о томъ, что говорилъ Геленъ спасшему родныхъ пенатовъ Энею, но въ то же время и радуюсь, видя, какъ растетъ родной мой городъ, какъ много пользы принесла Фригійцамъ побѣда Пелазговъ.

Но, чтобы намъ не заѣхать на коняхъ слишкомъ далеко, не миновать своей цѣли, я скажу, что и небо, и все то, что покрываетъ оно, измѣняетъ свой видъ, подобно землѣ и всему живущему на ней. Мы—тоже часть міра, такъ какъ измѣняемся не только тѣломъ, но и душею, можемъ превращаться и въ дикихъ звѣрей, и въ домашнихъ животныхъ. Не будемъ же трогать, оставимъ въ покоѣ тѣхъ животныхъ, въ которыхъ, быть можетъ, перешли души нашихъ родителей или братьевъ, или чѣмъ нибудь близкихъ намъ людей, словомъ людей, не

будемъ насыщать своего чрева пищею, подобною яствамъ Тіеста. Какъ пріучаетъ себя къ преступленію, какъ не далекъ отъ человѣкоубійства тотъ несчастный, который рѣжетъ теленка, не обращая вниманія на его мычаніе, кто можетъ убить козленка, блеяньемъ своимъ напоминающаго плачъ ребенка, или кто ѣстъ птицу, которую онъ самъ откармливалъ!.. Какъ мало остается ему сдѣлать потомъ до настоящаго преступленія,—не одинъ-ли шагъ до него? Пусть быкъ пашетъ землю, пусть онъ умираетъ отъ старости, пусть овца доставляетъ вамъ свою шерсть въ защиту отъ холоднаго вѣтра; дойте своими руками сытыхъ козъ, но уберите сѣти и силки, уберите ловушки и западни, не ловите птицъ палочками, смазанными птицеловнымъ клеемъ, не пугайте оленей пестрою сѣтью, не надѣвайте приманки на кривой крючекъ! Убивайте только хищныхъ животныхъ, но только убивайте, не ѣште ихъ: у васъ есть безкровная пища!»

Такъ говорилъ Пиѳагоръ. Слушалъ его рѣчи и Нума. Послѣ того онъ, говорятъ, возвратился на родину и по просьбѣ римскаго народа сталъ имъ править. Счастливъ былъ Нума супружествомъ своимъ съ нимфой. Подъ руководствомъ каменъ онъ научился священнодѣйствіямъ и обратилъ свой воинственный народъ къ мирнымъ занятіямъ. Когда Нума состарѣлся, онъ снялъ съ себя бремя правленія и умеръ, оплаканный латинскими женами, народомъ и Сенатомъ. Его супруга покинула городъ и скрылась въ глубинѣ лѣсовъ Арицинской долины, своими воплями и рыданіями препятствуя богослуженію въ честь Орестовой Діаны. О, сколько разъ пытались разсѣять ея грусть нимфы лѣсовъ и озеръ, сколько разъ утѣшали онѣ Эгерію! Сколько разъ сынъ Тезея говорилъ рыдавшей женщинѣ: «не плачь: не одной тебѣ приходится жаловаться на свою долю. Взгляни на судьбу другихъ, подобныхъ тебѣ, и ты будешь легче переносить свое горе. О, если-бъ твою скорбь могъ облегчить разсказъ о происшествіи со мною! Но, можетъ статься, и онъ сдѣлаетъ свое дѣло! Быть

можетъ, ты слыхала о нѣкоемъ Гипполитѣ, погибшемъ вслѣдствіе довѣрчивости отца и коварства своей преступной мачехи. Ты удивишься, взглянувъ на меня, и я едва-ли докажу тебѣ, что я тотъ самый Гипполитъ. Однажды дочь Пасифаи пыталась-было вступить со мною въ преступную связь, осквернить отцовское ложе, но напрасно. То, чего хотѣла сама несчастная, она свалила на меня, опасаясь-ли доноса, или мстя мнѣ за мой отказъ, не знаю. Отецъ безвинно изгналъ меня изъ города, посылая проклятья на голову изгнанника. Я сѣлъ въ колесницу и бѣглецомъ прибылъ въ Питѳееву Трезену. Въ то время, какъ я ѣхалъ по берегу Коринѳскаго моря, вдругъ море взволновалось. Поднялась огромная, похожая на гору волна, изогнулась, стала расти и съ шумомъ разбилась. Потомъ изъ разверзшейся волны вышелъ рогатый быкъ. По грудь высунулся онъ на свѣтлый воздухъ и ноздрями и широкой пастью сталъ извергать морскую воду. Сжалось сердце у моихъ спутниковъ, я-же ничего не боялся—думалъ о своемъ изгнаніи. Вдругъ быстрые кони помчались къ морю, отъ страха навострили свои уши и, испугавшись чудовища, опрометью понесли колесницу по крутымъ утесамъ. Напрасно старался я тянуть покрытыя бѣлою пѣной удила, напрасно, откинувшись назадъ, натягивалъ крѣпкія вожжи. Но я справился-бы со взбѣсившимися конями, если-бъ не наскочило на пень и не разлетѣлось въ дребезги одно изъ безпрерывно вращающихся вкругъ своей оси колесъ. Я вылетѣлъ изъ колесницы и запутался въ вожжахъ. У меня у живаго вышли внутренности; пень ободралъ мою кожу; мое тѣло разрывалось на части, нѣсколько кусковъ мяса упало по дорогѣ. Глухо трещали и ломались мои кости, и я умеръ въ мученіяхъ. Все мое тѣло было обезображено, все оно было сплошною раной. Неужели, нимфа, ты рѣшишся сравнить мое несчастіе съ твоимъ? Я видѣлъ мрачное подземное царство, омылъ свое истерзанное тѣло въ водахъ Флегетонта. Только сильное лекарство Аполлонова сына возвратило мнѣ жизнь. Когда ожилъ я, благодаря могучимъ

травамъ и помощи Пеана, хоть и противъ воли Дія, тогда Кинѳія прикрыла меня темнымъ облакомъ, чтобы оказанная мнѣ милость не возбудила въ комъ-нибудь зависти. Съ цѣлью спасти меня и дать возможность безнаказно жить среди людей, Діана прибавила мнѣ лѣтъ, сдѣлала неузнаваемою мою наружность. Долго колебалась богиня, Критъ-ли, или Делосъ назначить моимъ мѣстопребываніемъ, но бросила думать о Делосѣ и Критѣ, здѣсь поселила меня. Она велѣла перемѣнить и мое имя, которое напоминало мнѣ о коняхъ. «Ты былъ Ипполитомъ», сказала Діана, «будь теперь Вирбіемъ!» Съ тѣхъ поръ я поселился въ этой рощѣ, скрылся подъ защитой моей госпожи, сталъ однимъ изъ служащихъ ей божковъ».

Но разсказы о чужихъ несчастіяхъ не могли облегчить горя Эгеріи; она заливалась слезами, лежа у подошвы горы, пока не сжалилась надъ скорбящей любящей женщиной сестра Феба, не превратила нимфы въ холодный источникъ, не распустила на вѣки въ воду ея тѣла.

Дивились нимфы этому чуду, дивился и сынъ Амазонки, дивился подобно тирренскому пахарю, увидавшему, какъ задвигалась въ полѣ сама по себѣ, безъ чьей-либо помощи, вѣщая глыба земли. Вскорѣ она приняла человѣческій видъ, перестала быть землею и неожиданно стала прорицать будущее. Тагетомъ назвали туземцы того человѣка. Онъ первый научилъ Этрусковъ искусству гаданія. Такъ нѣкогда удивился и Ромулъ, увидя, что его копье, воткнутое въ холмъ Палатинскій, внезапно зазеленѣло и стало держаться не на наконечникѣ, но на молодомъ корнѣ, что оно стало ужъ не оружіемъ, а гибкоствольнымъ деревомъ, неожиданно давшимъ тѣнь къ удивленію присутствовавшихъ. Такъ удивился и Ципъ, увидя въ рѣчной водѣ свои рога; увидѣлъ ихъ, но не повѣрилъ себѣ, быстро схватился рукою за лобъ и, ощупавъ то, что видѣлъ, не сталъ болѣе винить своего зрѣнія. Домой возвращался Ципъ, побѣдивъ враговъ. Поднялъ онъ къ небу свои взоры, простеръ къ нему руки и воскликнулъ: «о боги, чтобы

ни предвѣщало это знаменіе, пусть оно принесетъ счастье моей родинѣ и народу Квирина, если оно благопріятно; пусть падетъ на меня, если зловѣще!» Потомъ Ципъ сложилъ изъ зеленаго дерна жертвенникъ, положилъ на него благовонныхъ травъ, совершилъ изъ вина возліяніе, убилъ овецъ и сталъ раскладывать ихъ трепетавшія внутренности, желая услышать, что̀ онѣ предскажутъ. Едва лишь взглянулъ на нихъ гадатель Тирренецъ, какъ увидѣлъ, что внутренности предсказываютъ, хотя и неясно, близость великихъ событій. Когда-же гадатель перенесъ свои проницательные взоры съ внутренностей животныхъ на украшенную рогами голову Ципа, то сказалъ: «привѣтствую тебя, царь! Тебѣ, рогоносный Ципъ, и твоимъ потомкамъ будетъ принадлежать это мѣсто и столица Лація. Только не медли, скорѣй вступай въ открытыя городскія ворота: такъ велитъ тебѣ судьба. Ты будешь царемъ, радушно приметъ тебя столица, и много лѣтъ будешь ты счастливо править!» Ципъ отступилъ назадъ, сурово отвернулся отъ городскихъ стѣнъ и воскликнулъ: «прочь, прочь, пусть боги избавятъ меня отъ подобныхъ предсказаній. Я скорѣе умру въ изгнаніи, чѣмъ вступлю царемъ въ Капитолій!» Такъ говорилъ онъ и тотчасъ-же созвалъ народъ и почтенныхъ сенаторовъ, но прежде всего скрылъ свои рога подъ мирнымъ лавровымъ вѣнкомъ. Сѣлъ Ципъ на насыпи, сдѣланной его храбрыми воинами, помолился по старинному обычаю богамъ и сталъ говорить: «есть между нами одинъ человѣкъ, который сдѣлается царемъ, если вы не изгоните его изъ города. Я не буду называть его имени, но скажу, по чему вы можете узнать его: на лбу у него есть рога. Если этотъ человѣкъ вступитъ въ Римъ, то сдѣлаетъ васъ рабами: такъ предсказалъ мнѣ гадатель. Конечно, онъ могъ ворваться въ открытыя ворота, но я не допустилъ его до этого, хотя кромѣ меня нѣтъ никого болѣе близкаго тому человѣку. Квириты, изгоните его изъ города, закуйте его въ тяжелыя цѣпи, если онъ будетъ стоить того, или успокойтесь, казнивъ роковаго ти-

ранна!» Какъ шумитъ стройный сосновый боръ, когда пронесется по нему грозный вѣтеръ, какъ шумятъ морскія волны, если прислушаться издали къ ихъ реву: такъ зашумѣлъ и народъ. Но среди неяснаго говора волновавшейся черни сильнѣй другихъ слышались голоса: «кто-же тотъ человѣкъ?» И стали смотрѣть другъ у друга лбы, искать по указанію роговъ. «Вотъ тотъ, кого вы ищете», снова заговорилъ народу Ципъ, снялъ, хоть и противъ его воли, вѣнокъ со своей головы обнажилъ лобъ, на которомъ было два рога. Всѣ потупили свои взоры, всѣ глубоко вздохнули и—кто могъ-бы повѣрить—съ непріязнью взглянули на славную, заслуженную голову Ципа, Но не потерпѣлъ народъ, чтобы она оставалась долѣе безъ украшенія и велѣлъ надѣть на нее побѣдный вѣнокъ. Такъ какъ ты, Ципъ, не хотѣлъ входить въ столицу царемъ, то сенаторы подарили тебѣ въ знакъ уваженія столько земли, сколько можно было вспахать запряженными въ плугъ быками съ восхода солнца до его заката. На обитыхъ мѣдью городскихъ воротахъ велѣно было вычеканить рога, дабы память о чудѣ не умерла во вѣки.

Теперь скажите мнѣ, музы, богини-спутницы поэтовъ, откуда явился на островѣ, омываемомъ волнами Тибра, въ священной столицѣ Ромула, сынъ Корониды: вы знаете это, васъ не смутитъ глубокая древность преданія. Однажды воздухъ Лація былъ пропитанъ ужасной заразой; блѣднѣли люди: болѣзнь изсушала ихъ кровь. Послѣ того, какъ жители утомились отъ безпрерывныхъ похоронъ, увидѣли, что безсильны всѣ ихъ мѣры, что не помогаютъ никакія средства, то прибѣгли къ помощи неба. Въ Дельфы, середину земли, отправлено было посольство къ оракулу Феба. Оно молило, да поможетъ онъ несчастнымъ своимъ спасительнымъ изрѣченіемъ, да спасетъ городъ отъ страшнаго бѣдствія. Задрожала статуя бога, задрожалъ его лавровый вѣнокъ и лукъ, который былъ въ рукахъ Аполлона, и изъ глубины святилища, съ треножника раздался голосъ, отъ котораго дрогнуло сердце:

То, чего ищешь ты, Римлянинъ, здѣсь, ты искалъ-бы поближе,
Въ мѣстѣ иномъ, но не нужно тебѣ умолять Аполлона:
Сыну его ты молись—Аполлонъ облегчаетъ болѣзни.
Съ миромъ иди отъ меня, моего захвати съ собой сына.

Когда мудрый Сенатъ услышалъ повелѣніе бога, то постарался узнать, въ какомъ городѣ живетъ сынъ Феба, и отправилъ корабль съ посольствомъ въ Эпидавръ. Сойдя съ изогнутаго корабля, послы пришли на совѣтъ (645) греческихъ старшинъ и стали просить дать имъ статую бога, который своимъ присутствіемъ спасъ бы отъ смерти народъ авзонскій: такъ, говорили послы, отвѣчалъ имъ правдивый оракулъ. Пошли разногласья, различны были мнѣнія: одни старѣйшины говорили, что нужно помочь страдальцамъ, другіе, наоборотъ, убѣждали не (650) отдавать своего защитника, не выдавать божества. Пока толковали объ этомъ, сумерки смѣнили дневной свѣтъ; потомъ темная ночь объяла землю. Въ это время во снѣ почудилось тебѣ, Римлянинъ, будто предъ твоимъ ложемъ стоитъ богъ приносящій помощь, но въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ (655) въ храмѣ. Въ лѣвой рукѣ Эскулапъ держалъ пастушій посохъ, правою гладилъ свою длинную бороду. «Не бойся», ласково заговорилъ богъ, «я приду на помощь, покину свою статую. Взгляни только на ту змѣю, которая обвилась вкругъ моего посоха, и замѣть (660) ее, чтобы потомъ можно было узнать съ перваго раза: я превращусь въ эту змѣю, но буду толще ея, буду такимъ, какимъ подобаетъ быть превратившимся безсмертнымъ!» Внезапно богъ пересталъ говорить и исчезъ. Прошла ночь; ее смѣнилъ благодатный день. Когда на слѣдующій (665) день заря прогнала звѣзды ночи, старѣйшины, не зная, на что рѣшиться, пришли въ храмъ цѣлителя-бога и стали умолять Эскулапа, чтобы онъ знаменіемъ указалъ, гдѣ хочетъ избрать себѣ жилище. Не успѣли они кончить молитвы, какъ статуя кроткаго бога дала знаменіе: зашипѣлъ громадный чешуйчатый змѣй (670). Когда-же прибылъ самъ Эскулапъ, то задвигалась его статуя, жертвенникъ, двери, мраморный полъ и

позолоченая крыша храма. По грудь поднялся Эскулапъ, сталъ по срединѣ храма и своими сверкавшими взорами обвелъ присутствовавшихъ. Страшно испугались (675) они. Жрецъ, сѣдые волосы котораго были обвиты бѣлою повязкой, узналъ бога и воскликнулъ: «вотъ божество, вотъ оно! Всѣ молитесь ему сердцемъ и устами! Да будетъ намъ благопріятно твое явленіе, всеблагой; помоги людямъ, чтущимъ твою святыню!» И всѣ (680) почтили, какъ должно, явившееся божество, всѣ дважды повторили молитву жреца. Сердцемъ и устами молились ему и потомки Энея. Ласково кивнулъ имъ Эскулапъ. Въ подтвержденіе обѣщанія змѣй задвигалъ своей головою, высунулъ кривое жало и снова засвисталъ. Потомъ (685) богъ сошелъ внизъ по гладкимъ ступенямъ, оглянулся назадъ, взглянулъ на свой старый жертвенникъ, который онъ собирался покинуть, простился съ храмомъ, своимъ постояннымъ жилищемъ. Послѣ этого громадный змѣй поползъ, извиваясь кольцами, по землѣ, усыпанной цвѣтами, направился (690) въ середину города, къ пристани, кривымъ моломъ защищенной отъ вѣтровъ. Тутъ Эскулапъ остановился, казалось, ласково попрощался съ сопровождавшею его свитою и народомъ, отпустилъ ихъ и сѣлъ на авзонскій корабль. Почувствовалъ корабль тяжесть божества, осѣлъ онъ въ водѣ. Рады были потомки Энея (695), что на ихъ кораблѣ ѣхалъ богъ. На берегу они принесли ему въ жертву быка и сняли съ якоря свое украшенное вѣнками судно.

Легкій вѣтерокъ погналъ корабль. Богъ помѣстился на самомъ высокомъ его мѣстѣ, положилъ на кривую корму свою голову и сталъ смотрѣть на лазурное море. Шесть дней плылъ корабль по Іонійскому (700) морю при попутномъ вѣтрѣ и достигъ береговъ Италіи. Поплылъ онъ мимо извѣстнаго своимъ храмомъ Лакинія, мимо Скилакія, оставилъ позади себя Япигію, дружно работая веслами, миновалъ находившіяся въ лѣвой сторонѣ скалы Амфиссы и лежавшіе правѣе утесы Келенны. Проплылъ корабль мимо Рометіи (705), Кавлона, мимо города Нариковъ, миновалъ Сицилійскій проливъ и тѣ-

снны Пелора, миновалъ жилище царственнаго внука Гиппота, богатую рудниками Темезу и направился къ Левкозіи и обильному розами благословенному Песту. Оттуда корабль поплылъ мимо Капреи, мыса Минервы, холмовъ знаменитой своими виноградниками Суррентины, Геркулесова города, мимо Стабіи, прихотливо раскинувшейся Партенопы и храма кумской сивиллы. Потомъ онъ проплылъ мимо теплыхъ источниковъ потонувшаго въ мастичныхъ деревьяхъ Литерна, мимо быстротечнаго, песчанаго Волтурна, родины бѣлоснѣжныхъ голубей — Синуессы, мимо нездоровой Минтурны, мимо могилы кормилицы Энея, города Антифата, окруженнаго болотами Траханта, острова Кирки и присталъ къ твердой землѣ, къ Антію. Когда моряки причалили здѣсь свой парусный корабль, — на морѣ стала уже разъигрываться буря,—богъ развернулъ свои кольца и, извиваясь огромными кругами, быстро вползъ въ стоявшій на песчаномъ берегу храмъ своего отца. Когда море утихло, житель Эпидавра покинулъ отцовское святилище, воспользовавшись гостепріимствомъ родственнаго ему божества, съ шумомъ заборозди́лъ песчаный берегъ своимъ чешуйчатымъ тѣломъ. Эскулапъ обхватилъ своимъ хвостомъ большой корабельный руль, положилъ на корму голову и лежалъ такъ до тѣхъ поръ, пока корабль не прибылъ къ Кастру, устью Тибра, священному городу Лавиніи. Сюда устремился на встрѣчу бога толпою весь окрестный народъ, жены и мужья. Твои жрицы, троянская Веста, блюдущія твой огонь, привѣтствовали Эскулапа радостными восклицаніями. На обоихъ берегахъ рѣки, мимо которыхъ быстро поднимался вверхъ корабль, дымился жертвенный ладанъ; благовонный дымъ носился въ воздухѣ; ножи нагрѣвались отъ крови закалываемыхъ жертвъ. Ужъ богъ входилъ въ Римъ, столицу міра. Выпрямился онъ, обвился вкругъ высокой мачты и сталъ смотрѣть внизъ, выбирая себѣ удобное жилище. Въ одномъ мѣстѣ рѣка Тибръ въ своемъ теченіи дѣлится на два рукава; то мѣсто называется Островомъ. Съ права и съ лѣва онъ окруженъ одинаковой

ширины рѣчными рукавами. Здѣсь змѣй, сынъ Феба, сошелъ съ латинскаго корабля и снова принялъ свой божественный видъ. Эскулапъ принесъ спасеніе столицѣ, прекратилъ ея бѣдствія.

Но Эскулапъ вошелъ въ наши храмы пришлецомъ, Цезарь—сталъ богомъ въ родномъ своемъ городѣ. Великъ онъ былъ и въ войнѣ, и мирѣ, но не за войны свои, оканчивавшіяся тріумфами, не за службу родинѣ, не за славу своихъ подвиговъ превращенъ онъ въ необыкновенную звѣзду, хвостатую комету, а скорѣй за своего потомка. Изъ всѣхъ дѣлъ Цезаря самымъ важнымъ было усыновленіе имъ Августа. Неужели больше славы заслужилъ Цезарь тѣмъ, что покорилъ живущихъ за моремъ Британцевъ, ввелъ свои побѣдоносные корабли въ поросшія папирусомъ воды семиисточнаго Нила, присоединилъ къ римскимъ владѣніямъ воинственную Нумидію, царство Кинифійца Юбы, гордившееся именемъ Митридата царство понтійское, что онъ достоинъ былъ многихъ тріумфовъ, а праздновалъ нѣкоторые изъ нихъ, чѣмъ родствомъ своимъ съ такимъ великимъ мужемъ, какъ Августъ? Боги, вы достаточно позаботились о людяхъ тѣмъ, что избрали его властителемъ міра! Для того же, чтобы Августъ не былъ родственникомъ человѣку, Цезаря нужно было сдѣлать богомъ. Когда увидѣла это красавица-мать Энея, увидѣла и то, какая страшная смерть готовится первосвященнику, какъ точатъ свои кинжалы заговорщики, то поблѣднѣла она и стала говорить всѣмъ тѣмъ богамъ, которые попадались ей на встрѣчу: «посмотри, какія козни готовятся мнѣ. Съ какимъ коварствомъ ищутъ головы того, кто остается у меня послѣднимъ потомкомъ дарданскаго Юла! Неужели одна я буду вѣчно мучиться неосновательными заботами? То ранитъ меня калидонскимъ своимъ копьемъ сынъ Тидея, то заставляютъ страдать разрушающіяся стѣны напрасно защищавшейся Трои. Мнѣ пришлось видѣть, какъ скитался, долго странствуя, мой сынъ, какъ его носила морская буря, какъ онъ сходилъ въ царство тѣней, какъ воевалъ съ Турномъ или, говоря откровенно,

скорѣе съ самою Юноной! А стоитъ ли мнѣ припоминать теперь давнишнія страданія (775) моихъ потомковъ? — Настоящее горе заставляетъ забывать прошедшее. Видите, какъ для меня острятъ заговорщики свои кинжалы. Помѣшайте имъ, молю васъ, не дайте свершиться злодѣянію! Не гасите огня Весты вмѣстѣ со смертью ея верховнаго жреца!»

Такъ говорила (780) всѣмъ небожителямъ убитая горемъ Венера, но напрасно хотѣла она тронуть безсмертныхъ. Не могли они уничтожить желѣзныхъ предопредѣленій старыхъ сестеръ, но дали ясныя знаменія грядущихъ бѣдствій. Говорятъ, слышенъ былъ звонъ оружія; среди мрачныхъ тучъ по небу раздавались грозные звуки трубъ и роговъ, предвѣстія (785) несчастій. Уныло свѣтило солнце смятенной землѣ; то видно было, какъ изъ среды свѣтилъ вылетали раскаленные метеоры, то во время дождя падали на землю капли крови. Потемнѣлъ (790) свѣтлый ликъ Люцифера, кровавою стала колесница Луны. Во многихъ мѣстахъ печально кричалъ зловѣщій филинъ; множество статуй изъ слоновой кости точили слезы; въ священныхъ рощахъ слышался, говорятъ, чей-то говоръ и грозные крики. Опротивѣли богамъ жертвы; внутренности (795) животныхъ предвѣщали близость великихъ смутъ,—въ нихъ находили отрубленныя головы. Говорятъ, ночью на форумѣ, возлѣ домовъ и храмовъ боговъ, выли псы и блуждали тѣни умершихъ; въ столицѣ было землетрясеніе. Но предостереженія (800) боговъ не могли отвратить злодѣянія, не могли спасти Цезаря отъ его роковой судьбы. Съ обнаженными кинжалами вошли въ храмъ заговорщики; ни одного мѣста въ столицѣ, кромѣ куріи, не могли они избрать для совершенія своего ужаснаго дѣла!...

Тогда Киѳерія стала бить себя въ грудь обѣими руками и скрыла Цезаря небеснымъ облакомъ, тѣмъ, которымъ (805) она прежде спасла Париса отъ врага его, сына Атрея, Энея—отъ меча Діомеда. «Дочь моя, неужели ты хочешь бороться одна съ непобѣдимою судьбою», такъ говорилъ Венерѣ ея отецъ. «Сходи сама

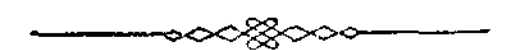
жилище трехъ сестеръ: тамъ ты прочтешь судьбы міра, начертанныя на огромныхъ доскахъ изъ мѣди и твердаго желѣза. Онѣ не боятся времени, онѣ вѣчны, имъ ни почемъ ни громъ, ни страшная молнія. Ты увидишь тамъ судьбы твоего потомства, начертанныя на крѣпкой стальной доскѣ. Я самъ прочелъ ихъ, затаилъ въ своемъ сердцѣ и откроюю ихъ тебѣ, чтобы ты даже теперь знала будущее. Тотъ, за кого ты просишь, Киѳерія, отжилъ свой вѣкъ, тѣ года, которые ему нужно было быть на землѣ. Что онъ станетъ богомъ, будетъ чтимъ въ храмахъ, такъ этимъ будетъ обязанъ тебѣ и наслѣднику своего имени. Августъ съумѣетъ и одинъ вынести на себѣ бремя правленія; я помогу въ войнѣ ему, мужественному мстителю за смерть своего отца: предъ его звѣздою падутъ и запросятъ мира твердыни побѣжденной Мутины, его доблесть узнаетъ Фарсалъ, Эматія. Снова задымятся кровью Филиппы; великій человѣкъ проиграетъ битву на Сицилійскомъ морѣ. Унижена будетъ Египтянка, супруга римскаго вождя, напрасно надѣявшаяся достигнуть выгодъ своимъ бракомъ. Напрасно будетъ она грозить намъ: нашему Капитолію не придется уступить ея Канопу. Къ чему перечислять тебѣ чужеземныя племена, живущія по обоимъ берегамъ Океана?— Все, гдѣ только могутъ обитать люди, будетъ подъ властью Августа; ему будетъ покорно даже само море. Водворивъ миръ въ своемъ государствѣ, онъ займется его гражданскимъ устройствомъ, даруетъ ему справедливые законы и подастъ собою примѣръ нравственности. Заботясь о будущемъ, о внукахъ и сынѣ отъ своей священной супруги, Августъ повелитъ быть ему наслѣдникомъ его славы и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлять бремя правленія. Только состарѣвшись, проживъ больше своего отца, Августъ станетъ богомъ, соединится съ родственнымъ ему свѣтиломъ! Но ты прими душу убитаго и преврати ее въ звѣзду. Пусть вѣчно взираетъ съ высокаго неба на мой Капитолій и форумъ божественный Юлій!»

Едва успѣлъ кончить это Юпитеръ, какъ среди Сената появилась красавица-Венера. Никому невидимая, она приняла душу роднаго ей Цезаря (845), не дала ей исчезнуть въ воздухѣ и превратила въ звѣзду. Но, пока еще богиня несла душу, то видѣла, какъ она стала блестѣть и наконецъ засіяла огнями. Тогда Венера отняла ее отъ груди. Выше луны поднялась звѣзда, влача за собою широкій огненный хвостъ. Засверкала она (850) и, взирая на великія дѣянія своего сына, созналась, что они превзошли ея собственныя, но лишь радовалась тому, что уступила Августу. Хотя Августъ и не позволяетъ своихъ дѣяній ставить выше отцовскихъ, однако свободное, ничѣмъ не стѣсняемое общественное мнѣніе противъ его воли ставитъ ихъ выше: только въ этомъ одномъ Августъ ведетъ борьбу со своимъ отцемъ. Такъ (855) Атрей уступаетъ въ славѣ великому Агамемнону, Эгей—Тезею, такъ подвиги Пелея блѣднѣютъ предъ подвигами Ахилла. Наконецъ, если-бъ я взялъ болѣе близкія намъ сравненія, то нашелъ бы, что и Сатурнъ уступаетъ Юпитеру. Юпитеръ—царь неба, властелинъ трехъ царствъ природы, Августъ—царь надъ вселенною (860): оба они отцы-правители.

Боги, Энеевы спутники, боги, предъ которыми разступились мечи и огонь, боги-индигеты, основатель Рима, Квиринъ, ты, Градивъ, отецъ непобѣдимаго Квирина, ты, Веста, храмъ которой находится недалеко отъ дома Цезаря, ты, вмѣстѣ (865) со своимъ сосѣдомъ, Фебомъ, ты, Юпитеръ, имѣющій храмъ на высокой Тарпеѣ, и всѣ божества, которымъ долженъ молиться поэтъ,—молю васъ, пусть дольше не наступаетъ тотъ день, пусть, по крайней мѣрѣ, наступитъ онъ безъ меня, день, когда Августъ, покинувъ управляемый имъ міръ, вознесется (870) на небо и, отсутствуя, будетъ покровительствовать молящимся ему!...

Ужъ окончилъ я свой трудъ, трудъ, который не уничтожитъ ни молнія, ни огонь, ни мечъ, ни всеразрушающее время. Одинъ день покончитъ съ моею тревожною жизнью, но день тотъ будетъ

имѣть власть только надъ моимъ однимъ тѣломъ: выше далекихъ звѣздъ унесется душа (875), моя лучшая часть, и имя мое будетъ безсмертно. Меня будетъ читать народъ во всѣхъ тѣхъ земляхъ, которыя завоюетъ Римлянинъ, и я буду жить вѣчною славой, если только есть хоть доля правды въ предчувствіяхъ поэтовъ.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

А

Б

В

Г

Д

Е

З

И

I

К

Л

М

Н

О.

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Э

Ю

Я

Ѳ

КОНЕЦЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., 39.